

ПАНТЕОНЪ

№ 4. — АПРѢЛЬ.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. СТАРИЧКИ или СЪ ЧѢМЪ ПРИѢХАЛЪ, СЪ ТѢМЪ И ОТЪѢХАЛЪ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. П. *Федорова*.
2. ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Эмиля Ожье, передѣланная съ французскаго вольными стихами В. Р. *Зотовымъ*.

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. ПРІЯТЕЛЬСКОЕ МЩЕНІЕ. Разсказъ *Аркадія Бутовскаго*.
2. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Пѣсня *Н. Чюмина*.
2. Несказанное слово *Князя Гр. Кугушева*.
3. } Мелодіи *Н. Грекова*.
4. }
5. }

III. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

1. Галлерей русскихъ художниковъ : АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМОРОКОВЪ, какъ писатель и драматургъ. Статья 3-я Г. И. *Дягоскаго*.
2. Воспоминаніе о великомъ хореграфѣ К. Л. Дидло. Статья А. П. *Глушковскаго*.

IV. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТРАГИКА ТАЛЪМЫ, писанныя имъ самимъ. Книга первая, главы 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22.

V. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція (Письмо изъ Парижа отъ 1го Марта 1851.)

Театральныя новости карнавальнoй поры. — *Bonsoir, cher Pantalon!* Комическая опера, либретто гг. Локруа и Морвана, музыка Гризара. — «*Буря*» опера; либретто г. Скриба, музыка Галеви. — *Валерія*, большая историческая драма въ стихахъ, соч. Жюля Лакруа и Маке. — Г-жа Рашель въ роли Вадеріи. — *Донъ-Гаспаръ ницѣй*, драма, соч. г. Деліу. — *Пьерро*, шутка

водевиль, соч. гг. Лефранка и Декурселя. — *Жемчужное ожерелье*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. Мозера. — *Жанна*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Анисе-Буржуа и Деланда. — *Три пинка*, водевиль гг. Локруа и Декомбресса. — *Романобѣсѣ*, (*La chasse au roman*) комедія гг. Эмиля Ожье Жюля Сандо. — *Отказъ служанкѣ*, водевиль соч. г. Берту. — *Южная любовь*, водевиль, соч. г. Розье. — Дебютъ г-жи Дезире. — *Кража невѣсты*, водевиль гг. Баяра и Варнера. — Новые пьесы театра Монтансье. — *Steep-chase*, комедія гг. Плуве и Бисса. — *Бенгальская невѣста*, водевиль, соч. гг. Дюшена и Сове. — *Мистерія о герцогѣ Вильгельмѣ Пуатуанскомѣ*, драма соч. Эмиля Сувестра. — *Генрихъ-Левъ*, драма въ шести дѣйствіяхъ, гг. Сентъ-Эрнеста и Фильо. — *Самбръ и Мааская армія*, драма г. Лабрусса. — Новые пьесы театровъ: Бомарше, *Délassements comiques* и *Folies dramatiques*.

VI. СМѢСЬ.

1. Два года въ плѣну у горцевъ. (Воспоминанія о жизни и походахъ въ Кавказскихъ горахъ, Штабсъ-Капитана Новоселова.) *В. Савинова*.
2. Николо Изуаръ. Статья *Фиорентино*.
3. Джонъ Фильдъ. Статья *Франца Листа*.
4. Греческая басня и баснописецъ Бабрій. Статья *А. Милановскаго*.
5. Простонародный театръ въ Парижѣ.

VII. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Актеръ Лефевръ. — Еще кое-что о Спонтини. — Александръ Гумбольтъ въ молодости. — Благодарность рыбы. — Современные Армидины сады. — послѣдняя опера Лорцинга. — Венеція и завивщики. — Англійская драматическая писательница. — Художественныя вѣсти изъ Итали. — Инвалидный перо для бойцовъ пера. — Новая движущая сила. — Процессъ г-жи Джуліи ризи. — Всеобщая художественная выставка современныхъ художниковъ. — Мелочи.

VIII. БАЛАГУРЪ.

Анекдоты, изрѣченія, острые слова, шутки и проч.

IX. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ОБЛАСТНЫЙ БРАТЕЦЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. И. Филимонова*.

ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ө. КОНИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ — КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

1851.

Ленинградская Театральная
Библиотека
имени А. В. Луначарского

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

10433
18239
818

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 10-го
Мая 1851 г.

Ценсоръ *Н. Ахматовъ.*

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СТАРИЧКИ

ИЛИ

СЪ ЧѢМЪ ПРИѢХАЛЪ СЪ ТѢМЪ И ОТЪѢХАЛЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. П. Федорова.

Представлена въ первый разъ Императорскими Придворными актерами въ С. Петербургѣ, 15 января, 1851 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Алексѣй Антоновичъ Сергачевъ, небогатый помещикъ 70 лѣтъ.

Григорій Федоровичъ Хлыстовъ, отставной прапорщикъ, его племянникъ, 40 лѣтъ.

Дунюшка, воспитанница Сергачева, 17 лѣтъ.

Василій Петровичъ Блдинъ, молодой чиновникъ 25 лѣтъ, служащій у губернатора.

Никоноръ Сидорычъ, старый слуга и дворецкій Сергачева, 75 лѣтъ.

Митродора Макарьевна Мордашкина, сосѣдка Сергачева, 60 лѣтъ.

Макаръ Никифоровичъ Мордашкинъ, ея сынъ 23-хъ лѣтъ.

Никита, слуга Хлыстова, 27 лѣтъ.

Иванъ, слуга Сергачева.

Матрена, горничная Дунюшки.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Сергачева, въ 10 верстахъ отъ губернскаго города.

АКТЕРЫ:

Г-нъ Самойловъ.

Г-нъ Григорьевъ 1.

Г-жа Жулева.

Г-нъ Смирновъ 2.

Г-нъ Мартиновъ 1.

Г-жа Волкова 1.

Г-нъ Разказовъ.

Г-нъ Фалъевъ.

Г-нъ Волковъ 2.

Г-жа Маркова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая комната, убранная по старинному. Въ срединѣ и по бокамъ двери. Направо, въ первомъ планѣ, окно, уставленное цвѣтами въ горшкахъ. Налѣво, впереди, столъ и подлѣ вольтеровское кресло. У задней стѣны съ одной стороны—комодъ, съ другой—шкафъ. На стѣнахъ картинки и портреты въ старинныхъ костюмахъ, и виднѣе прочихъ портретъ мальчика въ голубой курточкѣ съ птичкою въ рукѣ. Около стѣнъ кресла и стулья. Направо диванъ. Съ боку зеркало.

I.

При поднятіи занавѣса слышенъ звонъ почтового колокольчика.

ДУНЮШКА, передъ окномъ.

Чу! колокольчикъ!... ужь не Григорій ли Федорычъ это ѣдетъ?... а дѣдушка еще спитъ.... Вонъ, все наши выбѣжали на улицу: и Матрена и Феня.... вонъ и Сидорычъ выплелся!... Чтожъ мнѣ дѣлать?... Разбудить дѣдушку?... пожалуй, еще перепугаешь!... (*Смотря въ окно.*) Вотъ! вотъ тележка!... мужчина въ шинели и фуражкѣ.... Боже мой! да это Василій Петровичъ!... вотъ неожиданность!... вотъ; сюрпризъ!... Ахъ, какъ я рада!... вѣдь ужь сколько времени мы съ нимъ не видались!... (*поправляя волосы передъ зеркаломъ.*) Легко сказать, двѣ недели!... А спросишь: отчего вы такъ давно не были у насъ?... Служба!... очень занятъ.... не могу часто отлучаться за десять верстъ отъ города!... Вотъ, я думаю, и теперь начнутся отговорки....

II.

ДУНЮШКА, **БѢЛКИНЪ**.

БѢЛКИНЪ (*въ дверяхъ*). Могу я войти?

Дунюшка. Здравствуйте, Василій Петровичъ.... войдите!...

БѢЛКИНЪ (*цѣлуя ей руку*). Я боялся, не слишкомъ-ли рано....

Дунюшка. Правда, дѣдушка еще спитъ.... но я ужь давно встала.... успѣла даже погулять въ саду.... А вы.... какими это судьбами къ намъ?...

БѢЛКИНЪ. Вы знаете, при первой возможности, я не пропущу никакъ случая быть у васъ.... Губернаторъ послалъ меня съ маленькимъ порученіемъ.... здѣсь по сосѣдству.... я ужь успѣлъ все исполнить, и за то теперь могу побольше пробыть у васъ....

Дунюшка. А это какъ побольше?... Я думаю, по обыкновенію, часъ или два не болѣе?

Бѣлкинъ. Нѣтъ, я хотѣлъ даже отобѣдать у васъ, если не выгоните....

Дунюшка. Что вы это! дѣдушка будетъ очень радъ....

Бѣлкинъ. Здоровъ-ли Алексѣй Антонычъ?...

Дунюшка. Слава Богу!... онъ всѣ эти дни особенно веселъ.... Вы еще не знаете новости.... вѣдь мы ждемъ гостя.... изъ Петербурга!...

Бѣлкинъ. Право?... То-то и выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу всѣ ваши люди....

Дунюшка. Дѣдушка совсѣмъ измучился съ разными затѣями....

Бѣлкинъ. Чтожъ это за важный гость такой?...

Дунюшка. Его родной племянникъ Григорій Федорычъ Хлыстовъ.

Бѣлкинъ. Вотъ кто!

Дунюшка. Вы вѣрно слышали о немъ?...

Бѣлкинъ. Нѣсколько разъ, отъ Алексѣя Антоныча....

Дунюшка. Дѣдушка очень давно съ нимъ не видѣлся.... кажется, лѣтъ около тридцати съ тѣхъ поръ, какъ свезъ его въ Петербургъ и отдалъ въ корпусъ....

Бѣлкинъ. Въ эти лѣта, я думаю, онъ порядкомъ измѣнился....

Дунюшка (указывая на портретъ мальчика). Да, ужъ его не узнаешь по этому портрету.... Ему теперь слинкомъ сорокъ лѣтъ.... а дѣдушка все еще воображаетъ его юношей....

Бѣлкинъ. Это забавно!... Однакожъ странно, что этотъ племянникъ такъ долго собирался къ Алексѣю Антонычу?

Дунюшка. Да! — Я слышала, что у него были даже всѣ средства!... Ему достался, послѣ смерти отца, небольшой капитадецъ.... да и дѣдушка посылалъ ему нѣсколько разъ деньги на повѣздку.... а вы знаете, какъ эти пособія тяжелы для дѣдушки!... Что у него? всего сорокъ душъ, да небольшая пенсія.... а онъ еще вотъ долженъ тратиться на меня!...

Бѣлкинъ. Еслибъ это услышалъ Алексѣй Антонычъ, — досталось бы вамъ!

Дунюшка. Ахъ, что это за добрый душа! вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ онъ, послѣ смерти батюшки, приютилъ меня, сироту, у себя!... И ужъ какъ меня любить! какъ балуетъ!...

Бѣлкинъ. Да какъ-же ему васъ не любить, когда вы сами такъ его лелаете?... вы вполне того достойны!...

Дунюшка. Нѣтъ! всѣ мои заботы ничтожны въ сравненіи съ

тѣмъ, что онъ для меня дѣлаетъ !... Но знаете-ли, что вѣдь два года тому назадъ дѣдушка чуть-чуть было самъ не отправился въ Петербургъ.... Вы, можетъ-быть, слышали ?

Бѣлкинъ. Нѣтъ ! чтожъ это была за причина ?

Дунюшка. Григорій Ѳедорычъ прислалъ письмо, въ которомъ просилъ благословенія дѣдушки на бракъ.... Это его ужасно растрожило.... не знаю ужъ отчего ему этого не хотѣлось.... но кончилось тѣмъ, что отъ дѣдушки посланъ былъ отвѣтъ, съ ужасными угрозами : лишитъ наслѣдства и благодѣяній, если онъ женится....

Бѣлкинъ. Чтожъ Григорій Ѳедорычъ ?

Дунюшка. Ни полъ-слова потомъ о женитьбѣ.... да какъ-то онъ и рѣже сталъ писать съ тѣхъ поръ.... это очень огорчало дѣдушку.... какъ вдругъ третьяго дня онъ получаетъ извѣстіе, что вмѣстѣ съ этимъ письмомъ и Григорій Ѳедорычъ вывѣзжаетъ изъ Петербурга прямо къ намъ.... надо было видѣть его радость....

Бѣлкинъ. Я воображаю !

Дунюшка. Теперъ только и разговоръ, что о его прїездѣ !

III.

ТЪ-ЖЕ, НИКАНОРЪ.

Никаноръ (*показываясь въ среднихъ дверяхъ и обратясь за кулисы*). Да ты что умничаешь, мальчишка ?... сказано, что дѣлать, такъ и не смѣй разсуждать.... тебѣ-бы только спать да гулять.... избаловались совсѣмъ.... охъ, кабы мнѣ далъ баринъ волю.... я бы васъ !...

Дунюшка. Вотъ тоже Сидорычъ нашъ другой день въ ужасныхъ суетахъ....

Бѣлкинъ. Здравствуй, Никаноръ Сидорычъ....

Никаноръ. А ! Василій Петровичъ !... наше вамъ почтеніе.... (*говоритъ снова за кулисы*.) Да ты что тутъ опять усѣлся ? вы нарвите, чтобъ я все одинъ дѣлалъ ! развѣ не слышишь, олухъ этакой, что надо въ саду всѣ дорожки подмѣсти.... Что ?—самоваръ надо готовить ?... да ты молчи, а не разсуждай !... Самоваръ-то когда еще подавать.... баринъ еще спитъ !... Ну, пошелъ-же, говорятъ !... (*идетъ на аванъ-сцену*) а не то вѣдь я, право.... барину и не скажу... а самъ тебѣ вотъ какъ !... ну !

Бѣлкинъ. Захлопотался совсѣмъ, Никаноръ Сидорычъ !...

Никаноръ. Помилуйте ! да какъ-же тутъ не захлопотаться, когда

люди вывели совсѣмъ изъ терпѣнія... не разорваться же мнѣ для нихъ.... А все баринъ! ужь такой баловникъ, что не приведи Господи!... придешь къ нему: Алексѣй Антонычъ, батюшка, вотъ такъ и такъ.... Ванька цѣлые вечера на лавкѣ лежитъ да спитъ.... а не то на бесѣдѣ прохладается.... ничего не дѣлаетъ!... чтожъ вы думаете, баринъ?... Да что, говорить, и дѣлать ему, Сидорычъ?... вѣдь у насъ какое ему дѣло?... а онъ человекъ, говорить, молодой, пусть себѣ повеселится, да поспитъ.... здоровѣе будетъ!... Тѣмъ только и окончится.... а Ванька, глядишь, послѣ зубы передъ тобой скалитъ.... Что, говорить, взяли, Никаноръ Сидорычъ, барину пожаловались.... а вонъ баринъ-то что!...

Бѣлкинъ. Ужь это такъ въ характеръ Алексѣя Антоныча.... онъ такой добрый!...

Никаноръ. Что-жъ про это и говорить!... Разумѣется, ужь такой добрый, что другаго этакого барина и со свѣчой не сыскать.... Ну, а все-таки, по моему, потачки молокососу не надо давать.... вѣдь этому народу дай только волю, такъ они все барское добро растащутъ.... Тоже вонъ бѣвшій нашъ повѣренный по дѣламъ, что ни приѣдетъ, то ужь непременно выпроситъ что-нибудь у барина.—Я, говорить, бѣдный человекъ, семья.... малъ-мала меньше!... Знаю я, какой онъ бѣдный человекъ!... А баринъ, глядишь, мигомъ и разжалобится!... Дай, говорить, Сидорычъ Сергѣю Пименычу четверть ржи.... или дай, говорить, кулъ овса!... право! и это каждый разъ!... За то ужь вчера.... смѣхъ, просто!... сыгралъ же я съ нимъ штуку.... тутъ такіе хлопоты.... а онъ лѣзетъ къ барину.... да я ужь безъ церемоній.... не принимаетъ, говорю.... не такъ здоровъ!... Ну, чтожъ, говорить, я его спровѣдаю.... Да нельзя же, говорю, докторъ не вельѣ.... такъ-таки и спровѣдилъ!... За то ужь, какъ разозлился.... уморушка! Я, говорить, это вамъ припомню!... право!

Дунюшка. Ахъ, Сидорычъ! зачѣмъ ты это сдѣлалъ?... вѣдь дѣдушка на тебя разсердится?...

Никаноръ. Да пускай.... за то ужь Сергѣй Потанычъ рѣже будетъ жаловать... а наше добро уцѣлветъ!... транжирить-то намъ не изъ чего, барышня... сами знаете.... такъ оно и выходитъ.... Хотѣ вотъ тоже сказать.... Матрешка наша....

Дунюшка. Ну, что, Сидорычъ, припоминать опять эту исторію.... вѣдь я ужь ее побранила....

Никаноръ. Побранили!... да какъ побранили-то.... такъ-ли надо было.... вы и браниться-то не умете.... Нѣтъ, кабы моя была воля, я бы ей косу-то поукоротил....

Бѣлкинъ. Не вѣрю, Никаноръ Сидорычъ.... ты вѣдь вотъ только ворчишь, а на дѣлъ совсѣмъ другое....

Никаноръ. Какъ-бы не такъ!... Я вѣдь былъ въ службѣ съ бариномъ и въ городѣ живаль.... знаю всю поведенцію.... за дѣло похваляю, а ужъ что не такъ.... не приведи Господи!... Вѣдь вы посмотрите, что нынче за народъ такой!... вѣдь нашу братью стариковъ въ грошъ не ставятъ.... По моему, всякъ сверчекъ знай свой шестокъ.... а вѣдь теперъ и ни вѣсть что дѣлается!

Знать, обычай-то въ людяхъ

Началъ измѣняться,

Нынче всѣ въ чужихъ саняхъ

Любятъ покататься.

Вѣдь куда полезъ народъ!

Взять, хошь нашу братью,

И не думай отъ господъ

Отличить по платю!

Или взять бородачей, —

Вотъ бы задалъ катку! —

Все давай имъ калачей

Да чаевъ въ накладку.

Взглянешъ тоже, просто страхъ,

Какъ служанокъ водятъ!

Въ модныхъ шляпкахъ, да въ чепцахъ

По проспектамъ ходятъ!

Но людей не проведешь!

Дунюшка. Однакожъ, мы тутъ толкуемъ, Сидорычъ, а дѣдушкѣ пора-бы ужъ вставать... ты бы сходилъ да посмотрѣлъ, не проспунся-ли онъ?...

Никаноръ. Разумется, ужъ въ другое время давно-бы я его разбудилъ.... а вѣдь вчера, легко-ли, изволилъ лечь почивать чуть-ли не за полночь... держать меня да и только.... а все о Григорьѣ Федорычъ.... не забылъ-ли и то приготовить и другое!... Тутъ къ слову пришлось тоже.... хоть бы и Григорій-то Федорычъ нашъ.... ну, что онъ прїѣдетъ?... какая ему здѣсь невидаль, послѣ питерской-то жизни?... Говорилъ я, и опять скажу: не бывать тутъ добру....

Бѣлкинъ. Да ты, кажется, недоволенъ его прїездомъ?...

Никаноръ. Да какъ же быть и довольнымъ-то.... вѣдь наша ка-кая жизнь?... дѣло известное.... ни музыки у насъ какой... ни плясокъ нѣтъ.... было бы только тихо да спокойно.... А вѣдь Григорью-то Федорычу, подико-сь ты, все бы тамъ кіатры да белендрасы разные.... пріѣдетъ сюда.... весь домъ перевернетъ вверхъ дномъ.... Я вѣдь тоже и Алексю Антонычу говорилъ.... напишите, говорю, пусть себѣ лучше живетъ въ Питеръ.... что ему у насъ дѣлать?... пошлите, говорю, ему лучше какую ни на есть сотню лишнюю, только бы не пріѣзжалъ.... Такъ что вы думаете.... вѣдь какъ разсердился!... отродясь, не видывалъ!... дуракомъ даже назвалъ.... Да я и не припомню, когда онъ такъ гнѣвался!... право такъ! я было и того....

Бѣлкинъ. Напрасно ты и говорилъ это Алексю Антонычу.... вѣдь онъ его родной племянникъ; столько времени не видались... какъ-же ему не желать его пріѣзда?...

Никаноръ. Разумѣется, барину-то какъ не желать.... Да я вѣдь это потому, что онъ какъ жилъ у насъ.... вотъ такой еще былъ.... лѣтъ одиннадцати.... такъ все по яблонямъ лазилъ да деревья ломалъ....

Бѣлкинъ. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, Никаноръ Сидорычъ; онъ вѣрно измѣнился.

Никаноръ. Разумѣется!... Баринъ тоже такъ разсуждаетъ.... Ты, говоритъ, Сидорычъ, ничего не понимаешь.... вѣдь послѣ меня, говоритъ, племянникъ надъ всѣмъ будетъ хозяинъ.... такъ ему надо все оглядѣть.... Я, говоритъ, и умру при немъ спокойнѣе.... тогда, говоритъ, по крайности, у сироты моей будетъ защитникъ!

Дунюшка. Добрый дѣдушка! онъ все обо мнѣ заботится.

Никаноръ. Еще бы ему не заботиться, какъ вы его такъ лелѣете.... да по моему, кроме васъ, никого ему и не нужно.... А онъ еще говоритъ.... ты, говоритъ, Сидорычъ, и смѣкнуть-то порядкомъ не можешь.... пусть только, говоритъ, пріѣдетъ племянникъ.... да я его какъ разъ женю.... ужъ у меня и невѣста приготовлена....

Бѣлкинъ. Невѣста?...

Никаноръ. Да.... такъ-таки и сказалъ.... Я, было, и спросилъ: какая же невѣста это, баринъ?... А онъ еще усмѣхнулся, да и говоритъ: много будешь знать, такъ скоро состарѣешься.... А ужъ невѣста, говоритъ, такая, что весь свѣтъ обойди, доброе и красивое не найдешь.... право.... (Бѣлкинъ задумывается.)

СЕРГACHEВЪ (за кулисами, звонитъ въ колокольчикъ). Сидорычъ! Сидорычъ!...

Дунюшка. Сидорычъ ! Дѣдушка зоветъ тебя !...

Никаноръ. Слышу ! слышу !... (*въ попыхахъ*). Ванюшка ! Ванюшка ? (*подбѣгая къ среднимъ дверямъ*). Самоваръ подавай !... Ну, такъ ! нѣтъ въ прихожей !...

Дунюшка. Да вѣдь ты самъ-же, Сидорычъ, услалъ его въ садъ ?...

Никаноръ. Разумѣется, услалъ... да вѣдь самоваръ-то ужъ давно онъ долженъ былъ приготовить....

Дунюшка. Вели подать другому....

Никаноръ. Другому... да ! найдешь ихъ тутъ....

Дунюшка (*подходя къ окну*). Да вонъ Матреша.... Ступай къ дѣдушкѣ... я ужъ прикажу... (*Говоритъ въ окно*.) Матреша ! дѣдушка встаетъ !... приготовь самоваръ въ столовой....

Никаноръ (*подходя къ окну, и говоря съ нею*). Да булку-то не забудь теплую... вѣдь ты бѣлоручка... память-то у васъ того... сбѣгай на кухню... вишь голова-то у всѣхъ не на мѣсть съ этимъ гостемъ....

Сергачевъ (*звоня за кулисами*). Сидорычъ !...

Дунюшка. Да ступай же скорѣе къ дѣдушкѣ... слышишь опять зоветъ !...

Никаноръ. Вѣдь у меня не десять ногъ, не двадцать рукъ... не разорваться-же мнѣ ?... все я, да я... Эхъ-ма !... кабы мнѣ дали волю, я бы этихъ молокососовъ... (*Ворча, уходитъ въ комнату на-лѣво*.)

—
IV.

ДУНЮШКА, БЪЛКИНЪ.

Дунюшка. Что вы такъ задумались, Василій Петровичъ ?...

Бѣлкинъ. Знаете-ли, прѣздъ этого племянника дѣйствительно не къ добру !...

Дунюшка. Что это значить ?

Бѣлкинъ. И вы ничего не подозреваете ? Ясно, какъ день, что Алексѣй Антонычъ хочетъ выдать васъ за своего племянника !...

Дунюшка (*съ смущеніемъ*). Что вы это ! Богъ съ вами !... нѣтъ, этого быть не можетъ... я его никогда не видѣла... я его вовсе не знаю...

Бѣлкинъ. Однакожь, увидите и узнаете... Вотъ вамъ и разгадка, отчего Алексѣй Антонычъ не далъ племяннику благословенія на женитьбу ! всѣ эти ожиданія : оставить вамъ защитника... выдать за

него добрую, прекрасную дѣвушку.... все ясно : онъ вамъ прочитъ его въ мужья!

Дунюшка. Боже мой!... Что если это въ самомъ дѣлѣ случится!... Что будетъ со мною!

Бѣлкинъ. А со мной-то что будетъ?... И какъ нарочно.... я только что устроилъ свои дѣла и хотѣлъ уже открыться Алексѣю Антонычу.... Ну, что я теперь буду дѣлать?...

Дунюшка. Не отчаивайтесь заранее.... быть можетъ, мы и ошибаемся.... развѣ здѣсь только и невѣсть, что я....

Бѣлкинъ. Да!... во всемъ увѣдъ одна другой хуже!... ну, выберетъ-ли изъ нихъ кого-нибудь Алексѣй Антонычъ!... Нѣтъ, какъ хотите, я долженъ сегодня же съ нимъ говорить.... мнѣ надо предупредить грозу....

Дунюшка. Я боюсь, что ему сегодня не до того.... Пойдемте въ столовую.... мнѣ надо наливать чай.... тамъ потолкуемъ. . . (Идетъ въ комнату направо; Бѣлкинъ слѣдуетъ за ней.)

IV.

НИКАНОРЪ, ПОТОМЪ СЕРГАЧЕВЪ.

НИКАНОРЪ (*выбѣгая изъ комнаты направо*). Чаю пожалуйста, барышня!... Господи! да гдѣ этотъ Ванька?... вѣдь не разорваться же мнѣ одному.... (Идетъ за Дунюшкой въ комнату направо.)

СЕРГАЧЕВЪ (*выходя, въ халатъ, изъ комнаты направо, съ умывальнымъ кувшиномъ въ рукѣ, и подходя къ окну, поливаетъ цветы*). Вотъ вамъ! вотъ вамъ водицы!... Голубчики! какіе они у меня сегодня веселенькіе да свѣженькіе!... какъ будто ждуть тоже пріѣзда моего Гриши!... (*Улыбаясь*.) Распустился! распустился, красавчикъ!... Этакая прелесть!... а запахъ-то какой?... (*нюхая*) по всей комнатѣ благоуханіе!... (*Ставитъ кувшинъ на подоконникъ и смотритъ въ окно*.) И погода-то вѣдь какая!... ни одного облачка!... Хорошо будетъ моему Гришѣ въ дорогъ!... По всемъ расчетамъ, онъ долженъ пріѣхать сегодня!... (*Смотря въ окно и смѣясь*) Ахъ! Ванюшка проказникъ!... вѣдь это нарочно такую пыль поднялъ, чтобъ разсердить Феню.... Ванюша! а Ванюша!... дай пройти Фени-то! не спиши.... видишь, она сердится!... Этакой головорезъ!...

НИКАНОРЪ (*вынося на подносъ чашку съ чаемъ и въ сухарницу булку*). Извольте, вотъ чай!... (*ставитъ подносъ*) Никого не

докличешься сегодня.... Точно праздникъ у нихъ какой, все самъ бѣгаю!... Съ самаго ранняго утра все бѣгаю.... даже ноженки подкашиваются....

СЕРГАЧЕВЪ (*сидя въ кресла къ столу.*) Да ктожь тебѣ велитъ, Никанорушка? поди, отдохни.... (*пьетъ чай.*)

НИКАНОРЪ. Кто велитъ!... да развѣ безъ меня что сдѣлаютъ!... Не посмотрю зачѣмъ, такъ и выйдетъ катавасія!...

СЕРГАЧЕВЪ. Ну, что дѣлать!... Ужь похлопочи сегодня, Никанорушка, для моего Гриши.... нельзя же принять его въ располхъ.... надо все приготовить.... Только не знаю, все ли сдѣлали, что я приказывалъ.... въ особенности комнатку-то ему прибрали-ли, какъ должно?...

НИКАНОРЪ. Да чего жъ ему еще, кажись, нужно?... ужъ такое спокойствіе, что и у васъ-то самихъ никогда не бывало! Но мнѣ ужъ это боловство, просто.... даже диванчикъ-то свой изъ спальни ему отдали....

СЕРГАЧЕВЪ. Нельзя, Никанорушка, нельзя.... вѣдь онъ, поди-ка ты, привыкъ въ Петербургъ къ хорошимъ мебелиамъ....

НИКАНОРЪ. Да Богъ его въдастъ, были-ли еще у него тамъ хорошія мебели-то?...

СЕРГАЧЕВЪ. Сидорычъ! ты опять!...

НИКАНОРЪ. Да ужъ воля ваша!... Помилуйте.... вѣдь что денегъ мы въ эти дни истратили!... вѣдь чего вы не затѣваете для Григорья-то Ѳеодорыча?... а еще неизвѣстно, заслуживаетъ-ли онъ?...

СЕРГАЧЕВЪ (*немного съ жаромъ*). Разумѣется, заслуживаетъ!... довольно того, что онъ сынъ родной моей сестры.... Да какой сестры.... истиннаго моего друга.... мало тебѣ этого, что ли?

НИКАНОРЪ. Конечно, кто говорить!.. уже такой барыни, какъ покойная Марѳа Антоновна, нынче и не найдешь.... Господи Боже ты мой! что это за добродѣтель была! что за хозяйка....

СЕРГАЧЕВЪ. Помнишь, какими она насъ пирогами угощала?...

НИКАНОРЪ. Какъ не помнить!... а наливки-то какія были!...

СЕРГАЧЕВЪ (*улыбаясь*). Хе, хе, хе! Не бось и наливки не забылъ!...

НИКАНОРЪ. Еще бы забыть!... бывало прїедемъ къ нимъ въ городъ.... что это за угощенія были.... ужъ сейчасъ и подносить.... ты, говоритъ, Никаноръ Сидорычъ, любишь вишневку... право

такъ!... и ужъ до того уподичиваетъ, что къ вечеру и языкъ не шевелится....

СЕРГАЧЕВЪ. А вѣдь тебѣ куда много надо было.... вѣдь мы не такіе были тогда съ тобою....

НИКАНОРЪ. Ну, много ли не такіе!...

СЕРГАЧЕВЪ. А какъ ты думаешь, много ли лѣтъ, какъ ужъ скончалась сестрица Марѳа Антоновна, царство ей небесное?... Бездѣлица! ... лѣтъ тридцать-пять будетъ!

НИКАНОРЪ. Ну, что и тридцать пять!...

СЕРГАЧЕВЪ. Да, такъ!... Она скончалась въ восемьсотъ сорокъ-надцатомъ.... когда еще съ французомъ воевали.... ровнешенько черезъ годъ послѣ кончины мужа своего, покойнаго Федора Григорыча... вѣдь Гришнѣйка-то остался послѣ нея по пятому годочку... просто, крошка былъ.... вонъ и портретикъ его въ эти года былъ написанъ....

НИКАНОРЪ. Да, кажись, въ самомъ дѣлѣ!... Господи! какъ время-то летитъ!...

СЕРГАЧЕВЪ.

Да, прошлое летитъ! сочти,
 Какъ много мы съ тобою жили....
 И не замѣтили почти,
 Какъ ужъ приблизились къ могилѣ!
 Мы въ будущемъ все любимъ жить
 И ни почему намъ лѣтъ утрата....
 Все можно въ свѣтъ возвратитъ,
 Но прошлой жизни — нѣтъ возврата!

НИКАНОРЪ. Ну, разумѣется.... ужъ какіе года прожили, такъ пиши пропало.... А я все къ тому, не похожь-ли ужъ Григорій-то Федорычъ на покойнаго своего батюшку?... батюшка-то его.... вѣчная ему память.... ужъ куда былъ назойливъ!... вотъ чего я боюсь....

СЕРГАЧЕВЪ. Ну, ужъ у тебя все вздоръ въ головѣ.... Да гдѣ-жъ было Гришнѣ научиться у отца его манеръ, когда онъ его вовсе, я чай, не помнитъ?

НИКАНОРЪ. Да по натурѣ ужъ такъ можетъ случиться! Извольте-ка припомнить, какъ вы взяли къ себѣ еще, вотъ этакимъ, Григорья Федорыча, такъ онъ ужъ и тогда....

СЕРГАЧЕВЪ. Что? яблоки-то воровалъ!... Ну, не стыдно-ли тебѣ такъ разсуждать? Онъ былъ тогда глупенькій ребенокъ.... любилъ полакомиться.

Никаноръ. А съ Митродорой-то Макарьевной что дѣлывалъ? Бывало, то пришилить платью ея булавкой къ стулу... то чепчикъ съ головы сорветь!... да чего еще... въ глаза бывало такъ и бухнетъ: сплетница, говоритъ!... жидоморка!... на меня все жалуетсяядюшкь, говоритъ, да наказывать заставляетъ!...

Сергачевъ. Ну, и это онъ дѣлалъ отъ ребячества...

Никаноръ. Ну, да вотъ увидимъ.

Сергачевъ. Конечно, увидимъ... и ужъ я тебѣ тогда поколю глаза...

Никаноръ. Все статья можетъ...

Сергачевъ. А какъ ты думаешь... вѣдь поди-ка молодець-молодцомъ сталъ теперь Гриша!...

Никаноръ. Да кто его вѣдаетъ!...

СЕРГАЧЕВЪ.

Какъ онъ еще былъ мальчикъ,

Какой вѣдъ былъ красавчикъ!

Ну, что твой маковъ цвѣтъ!

НИКАНОРЪ.

Охъ, много тридцать лѣтъ!

СЕРГАЧЕВЪ.

А ужъ теперь собою

Такой, поди, что съ бою

Тамъ дѣлать всѣ его!

НИКАНОРЪ.

Не знаю-съ ничего!

СЕРГАЧЕВЪ.

Чай, служить въ видномъ мѣстѣ...

Онъ думалъ ужъ о чести,

Какъ былъ еще кадетъ...

НИКАНОРЪ.

Охъ, много тридцать лѣтъ!

СЕРГАЧЕВЪ.

И чинъ ужъ вѣрно сродный,

Высокоблагородный!

Не менѣе того!

НИКАНОРЪ.

Не знаю-съ ничего!

Изъ этого всего

Не знаю-съ ничего!

СЕРГАЧЕВЪ.

Ты золь, что-ль на него?

Не знаешь ничего!

Никаноръ. Да отчего мнѣ злымъ-то быть!... Я это къ тому, что вамъ все лучше должно быть известно!...

Сергачевъ. То-то, братецъ.... Странный онъ какой-то человекъ.... я ужъ сколько писалъ : уведомя меня, Гриша, въ какой ты должности теперь находишься?... какой тамъ твой чинъ?... сколько жалованья получаешь?... такъ вѣдь ни словечка никогда объ этомъ....

Никаноръ. Тоже, какъ мой вонъ племянникъ Никитка, что у него находится въ услуженіи.... такъ во все время одно письмо ко мнѣ прислалъ.... да и въ томъ только и написалъ, что живъ да здоровъ.... а если, говорить.... тоже какъ баринъ.... если, говорить, у васъ или у матушки Аграфены Сидоровны лишнія деньги будутъ, такъ пришлите.... Да я не таковскій, я вѣдь, осмѣлюсь доложить, не въ васъ.... ни разу ему ни копейки не послалъ.... что баловать этихъ молокососовъ.... если нужно, такъ наживай самъ трудомъ!...

Сергачевъ (*вставая между тѣмъ и подойдя къ портрету мальчика, смотритъ на него*). Погляди-ка, какой вѣдь онъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошенькій былъ.... вылитый портретъ покойной матушки своей Марѣы Антоновны.... То-то на него, я думаю, заглядываются тамъ дѣвушки.... то-то диговинный женишокъ!... Да нѣтъ, куда имъ.... у меня почище ему невеста приготовлена....

Никаноръ (*про себя*). Охъ, охъ, охъ!... (*Сергачеву*). Угодно еще чаю или нѣтъ?

Сергачевъ. Нѣтъ, довольно!

—

V.

ТѢЖЕ, ДУНЮШКА.

Дунюшка (*выходя изъ среднихъ дверей и цѣлуя руку Сергачева*). Здравствуйте, дѣдушка! съ добрымъ утромъ!...

Сергачевъ. Здравствуй, мой голубчикъ!... Постойка, дай на тебя посмотреть?... (*Смотря ей въ лицо*). Фу! какая ты у меня сегодня хорошенькая!...

Дунюшка (*улыбаясь*). Вы это мнѣ говорите всякій день, дѣдушка... смотрите, я вѣдь, пожалуй, загоржусь....

Сергачевъ. Ну, чтожь, тебѣ и можно погордиться своею красотою.... вѣдь кто тебя не увидитъ, всякій хвалить.... Любопытно, что вотъ скажетъ мой Гриша.... да ужъ вѣрно и ему понравиться!

Дунюшка. Хорошо-ли вы почивали, дѣдушка?

СЕРГАЧЕВЪ. Прекрасно, дружокъ!.. всю ночь спился Гриша..

НИКАНОРЪ. Не хорошо вотъ только, что поздно стали ложиться... вѣдь отъ этого, не приведи Господи, захворать можно!..

СЕРГАЧЕВЪ. Ну ужь, отъ одного-то разу....

НИКАНОРЪ. Разумьется, можно и отъ одного съ непривычки.... а тутъ что хлопотъ будетъ.... носьмай за лекаремъ въ городъ.... да за лекарствами.. опять лишніе расходы....

СЕРГАЧЕВЪ. Да пошелъ ты! я еще никогда не былъ такъ здоровъ и веселъ, какъ сегодня!..

НИКАНОРЪ. Слава Богу! сглазьте еще себя.... Такъ не угодно чаю? .. я вѣдь уберу....

СЕРГАЧЕВЪ. Возьми!.. да вотъ что... мнѣ бы надо одѣться.... вѣдь я сегодня, для пріѣзда Гриши, кой кого пригласилъ.... того и глади пріѣдутъ....

НИКАНОРЪ (*взявъ подносъ съ чашкой и сухарницей*). Да что однихъ цыплятъ перевели... да теленка свалили... да индѣйку.... вѣдь этого бы намъ на недѣлю хватило....

СЕРГАЧЕВЪ. Ну, ужь пошелъ опять пересчитывать....

НИКАНОРЪ. Да вѣдь это я къ тому....

СЕРГАЧЕВЪ. Знаю къ чему.... поди-ка лучше да отдохни.... а ко мнѣ позови Ванюшу... ужь пусть онъ меня сегодня одѣнетъ!

НИКАНОРЪ. Да, найдешь теперь Ванюшку!.. и что это вы вздумали еще! Ну, къ какой стати ему васъ одѣвать?... Вотъ снесу подносъ, такъ приду ужь самъ.... Этимъ дармоводамъ только бы спать да ласы точить, а дѣло сдѣлать, такъ все Никаноръ Сидорычъ.... разорвись тутъ, какъ хочешь.... (*Уходитъ въ комнату направо.*)

VI.

ДУНЮШКА, СЕРГАЧЕВЪ.

СЕРГАЧЕВЪ. Цѣлый день вѣдь ворчить! какъ ему не надобсть!..

ДУНЮШКА. Онъ васъ беспокоитъ....

СЕРГАЧЕВЪ. О, вѣтъ, дружокъ, я ужь къ этому привыкъ.... вѣдь онъ съ малолѣтства все при мнѣ... всѣ эти ворчанья просто вздоръ... вѣдь онъ и сердится и бранится изъ моего-же добра.... а еслибъ ты знала, что это за добрыйша душа!.. что онъ для меня въ жизни дѣлалъ, того ужь никто не сдѣлаеть!.. вѣдь я до того привыкъ къ моему Никанорчикъ, что еслибъ онъ умеръ прежде меня, такъ я ужь и не знаю, что и со мною было-бы....

Дунюшка. Я, дѣдушка, сама его очень люблю... да мнѣ досадно, зачѣмъ онъ все при васъ ворчить...

СЕРГАЧЕВЪ. Ну, Богъ съ нимъ!.. Ужъ такая привычка... за его вѣрную и долговременную службу, я его за все прощаю... вѣдь онъ, какъ съ малолѣтства моего, такъ и до-сихъ-поръ остался... все такой же при мнѣ нянькою... и ужъ никому за то не позволитъ мнѣ елужить... и уложить меня, и разбудить, и смотреть-то, чтобъ я лишняго не съѣлъ... и о доходахъ моихъ заботится... все онъ, вездѣ онъ!..

Дунюшка. Добрый человекъ!.. Ахъ, Боже мой! я и забыла вамъ сказать... вѣдь къ намъ прѣхалъ гость!..

СЕРГАЧЕВЪ (*съ волненіемъ*). Что?... гость?..

Дунюшка. Вовсе неожиданный...

СЕРГАЧЕВЪ (*также*). Дунечикъ! дружокъ... не томи... говори...

Дунюшка. Дѣдушка! что съ вами!

СЕРГАЧЕВЪ. Не бойся... ты меня не испугаешь... я ужъ приготовился... говори... прѣхалъ... Гриша?... Гдѣ же онъ!.. гдѣ!.. (*Въ среднихъ дверяхъ показывается Бѣлкинъ.*)

Дунюшка. Дѣдушка...

СЕРГАЧЕВЪ (*перебивая ее съ волненіемъ*). Слышу! идетъ! идетъ!.. Гриша! дружокъ!.. (*Бѣжитъ съ распростертыми объятіями къ Бѣлкину.*)

=

VII.

ТѢЖЕ, БѢЛКИНЪ.

БѢЛКИНЪ. Мое почтеніе, Алексѣй Антонычъ!

СЕРГАЧЕВЪ (*съ волненіемъ*). Ахъ, Василій Петровичъ!.. Постою, извини... гдѣ же онъ-то?..

Дунюшка. Дѣдушка! вы ошибаетесь... я о Васильѣ Петровичѣ вамъ и говорила...

СЕРГАЧЕВЪ. Дружокъ!.. ты меня обманываешь?..

Дунюшка. Право, дѣдушка... зачѣмъ же мнѣ лгать?..

СЕРГАЧЕВЪ. Господи!.. а я такъ-было обрадовался... Извини, голубчикъ, Василій Петровичъ... я и тебѣ очень радъ... но разсуди самъ... племянникъ... почти тридцать лѣтъ не видѣлись...

БѢЛКИНЪ. Я понимаю ваше нетерпѣніе...

СЕРГАЧЕВЪ. Охъ, дружокъ... ужъ такъ-то мнѣ его хочется ви-

дѣть.... я ужъ думалъ, что и не доживу до этого.... Ну.... какъ твое здоровье?...

Бѣлкинъ. Слава Богу!... Какъ ваше?...

Сергачевъ. Что я!... видишь, какимъ молодцомъ!... Спасибо, что прѣхалъ въ такой радостный день.... Ужъ сегодня непременно долженъ быть Гриша.... вотъ я васъ познакомлю.... будете друзьями.... ужъ тебѣ при немъ веселѣе будетъ у насъ.... не все съ старикомъ тебѣ сидѣть да скучать....

Бѣлкинъ. Что вы это, Алексѣй Антонычъ.... мнѣ у васъ всегда пріятно.... вы такъ внимательны ко мнѣ.... и Авдотья Семеновна....

Сергачевъ. О, Дунѣчикъ у меня такая умница.... хотъ кого займетъ!... Хозяйка, просто!.. вотъ уже, скажу вамъ, Василій Петровичъ, славная будетъ жена!...

Дунюшка. Ахъ, дѣдушка....

Сергачевъ. Ну, что стыдишься?... вѣдь не вѣкъ же тебѣ оставаться въ дѣвухахъ?... Но погоди, я тебя ужъ устрою.... чудеснаго женишка найду!

Бѣлкинъ (*неръшительно*). Алексѣй Антонычъ.... я было прѣхалъ съ вами поговорить.... Очень нужное дѣло....

Сергачевъ. Что, батюшка, что такое? Ужъ нѣтъ-ли на моемъ имѣніи какой недоимки?

Бѣлкинъ. О, нѣтъ!... вы на этотъ счетъ, кажется, исправные всѣхъ нашихъ помѣщиковъ...

Сергачевъ. То-то!... а я было испугался.... Ужъ у меня, въ самомъ-дѣлѣ, Никанорушка, и нивѣсть какъ заботится объ этомъ....

Бѣлкинъ. Нѣтъ, Алексѣй Антонычъ, у меня есть къ вамъ собственная моя просьба....

VIII.

ТѢЖЕ, НИКАНОРЪ.

Никаноръ (*выходя изъ комнаты направо, съ платьемъ на одной рукѣ и съ сапогами въ другой*). Извольте.... готово!... Богъ знаетъ, что вамъ вздумалось.... Ну, къ стать-ли одѣвать васъ Ванюшкѣ?... Да онъ....

Сергачевъ. Хорошо ужъ.... неси въ спальню.... я сейчасъ, вотъ только скажу нѣсколько словъ съ Васильемъ Петровичемъ....

Никаноръ. Да развѣ не успѣете.... а какъ гости неравно прѣдутъ?...

СЕРГАЧЕВЪ. Да сейчасъ же, говорю тебѣ...

БѢЛКИНЪ. Подожди немного, Никаноръ Сидорычъ.... мнѣ нужно переговорить о важномъ дѣлѣ.... (За кулисами слышенъ стукъ и звонъ экипажа.)

НИКАНОРЪ. До важнаго-ли дѣла тутъ, какъ вонъ уже кто-то вдетъ....

СЕРГАЧЕВЪ. Боже мой! Ужъ не Гриша-ли?... (Дунюшка подбѣгаетъ къ окну.)

ГОЛОСЪ МОРДАШКИНОЙ (за кулисами). Да ты тише, разбойникъ, заворачивай къ крыльцу!... вѣдь такъ тарантасъ опрокинешь!...

ДУНЮШКА (смотря въ окно). Это Митродора Макарьевна съ сыномъ....

НИКАНОРЪ. Ну, вопъ!... Не говорилъ-ли я?... Да ступайте-же, сударь!... Развѣ не слышите, что-ужъ прикатила Митродора Макарьевна....

СЕРГАЧЕВЪ (въ попыхахъ). Въ-самомъ-дѣлѣ!... Извините, Василій Петровичъ.... я сію-минуту!... только одѣнусь, такъ о чемъ угодно готовъ говорить.... Дунечикъ! Прими-же гостью.... да поласковѣе, пожалуйста!... вѣдь старая соседка!... (Поспѣшно уходитъ въ комнату направо.)

НИКАНОРЪ. Такъ-то вотъ лучше.... Сейчасъ да сейчасъ!... а тутъ, глядишь.... еще Митродора Макарьевна ни по чемъ-бы.... а какъ неравно другіе.... (Уходитъ за Сергачевымъ.)

БѢЛКИНЪ. Все препятствія.... нечего дѣлать, надо подождать!... Извините меня, Авдотья Семеновна.... я пока пойду хоть въ садъ.... мнѣ не хочется встрѣтиться съ этой Мордашкиной.... она вѣчно съ просьбами да порученіями.... (Поспѣшно уходитъ въ комнату направо.)

—
IX.

ДУНЮШКА, ПОТОМЪ МОРДАШКИНА И МАКАРУШКА.

ДУНЮШКА. Василій Петровичъ!... погодите!... ушель!... Ахъ, какая тоска съ этими гостями.... особенно съ Мордашкиной да ея сыномъ!... вотъ тоже.... прочитъ все мнѣ своего глупаго Макарушку въ мужья!.. ужасно надоела!...

МОРДАШКИНА (за кулисами). Да ступай же, Макарушка!... Полно собаку-то дразнить!...

ОТД. II.

Дунюшка. У этого Макарушки только и дѣла, что голуби да собаки.... (Входят Мордашкина съ Макарушкой. Она одѣта очень невзрачно: старый, полинялый шелковый капотъ, платокъ на шею; прилизанный чепчикъ; въ рукахъ большой ридикюль. Макарушка въ длиннополомъ сюртукъ; въ рукахъ фуражка, волосы растрепаны.)

Мордашкина (входя). Ахъ, дружечекъ мой, Авдотья Семеновна!... (Цѣлуется съ нею). Вѣдь уже сколько времени я съ вами не видѣлась.... почитай, что недѣли полторы.... вѣдь никогда къ намъ не пожалуете.... а я все ждала.... все у окошка сижу да думаю, не прѣдутъ-ли?...

Дунюшка. Вы знаете, какъ дѣдушкѣ трудно выѣзжать....

Мордашкина. Ахъ, дружечекъ мой! какъ-же мнѣ не знать!... да я и не взыскиваю... гдѣ-жъ ему въ-самомъ-дѣль?... вѣдь и въ поле-то съѣздить ужъ тяжело!... Ну, какъ онъ, мой голубчикъ?

Дунюшка. Ничего-съ, слава Богу!... Онъ сію минуту къ вамъ выйдетъ!...

Мордашкина. Ну, и слава Богу!... А еще племянничекъ-то не прѣехалъ?

Дунюшка. Нѣтъ еще... по сегодня ждемъ непременно!

Мордашкина (въ полголоса). Если говорить откровенно... я вѣдь ужъ васъ такъ люблю, дружечекъ мой Авдотья Семеновна, что у меня и тайны отъ васъ никакой нѣтъ... что на умъ, то и на языкъ! Ну, для чего, я васъ спрашиваю, прѣдетъ сюда этотъ Гришутка? какъ я его прежде называла...

Дунюшка. Григорій Ѳеодорычъ?

Мордашкина. Да, Григорій-то Ѳеодорычъ... вѣдь онъ только вамъ повредить.....

Дунюшка. Отчегожъ повредить мнѣ?...

Мордашкина. А оттого-же, что теперь вы у нашего старичка, какъ нещечко какое... и безъ этого племянничка, ужъ навѣрное вамъ препорядочно бы досталось послѣ его смерти.

Дунюшка. Ахъ, полноте, Митродора Макарьевна! что это вамъ вздумалось говорить?...

Мордашкина. Родная моя! да вѣдь не безсмертный же онъ какой! всѣ мы подъ Богомъ!... Ну, а прѣдетъ Гришенька, такъ пожалуй... Да нѣтъ!... я вѣдь еще въ силъ и полнымъ умъ... не беспокой-

тесъ... мы ужъ постараемся понасолить этому гостю... недаромъ я его и мальчишкой не любила!... больнои былъ негодай!...

Дунюшка. Полноте, Митродора Макарьевна... оставьте его въ покоѣ....

Мордашкина. Нѣтъ, дружечекъ мой, не могу! Чтобъ любя такъ васъ, я допустила... Нѣтъ!... я всегда говорила... вотъ спросите хоть у Макарушки... *(Обращаясь къ Макарушкѣ, который съ самаго входа, сидитъ на стуль у двери.)* Макарушка!... Ахъ, Боже мой! да онъ никакъ и не здоровался еще съ вами!... Извините его, ради Бога, дружечекъ мой Авдотья Семеновна!... вѣдь ужъ онъ у меня такой стыдливый, что ни на что не похоже! увидитъ только дѣвицу... да что... ужъ про благородную и говорить нечего... хоть деревенскую дѣвку встрѣтить... такъ словно красное сукно станетъ... Макарушка! да поди же, поздоровайся съ Авдотьей Семеновной!...

Макарушка. Маменька.... да я....

Мордашкина *(взявъ его за руку и таща къ Дунюшкѣ)*. Ну, ну! ступай же! Нечего стыдиться... Цѣлуй ручку! *(Насильно заставляетъ его поцѣловать руку Дунюшки)* Вотъ такъ!... Ну, спроси о здоровьѣ...

Макарушка *(опустя глаза, съ смущеніемъ)*. Слава Богу! по маленьку!...

Мордашкина. Ну, взгляните, пожалуйста! Пень пнѣмъ стоитъ! Слова порядочнаго не можетъ вымолвить!... а еслибы вы прислушали, что онъ говоритъ дома.... только и рѣчей, что про васъ... собираюсь я давича къ вамъ... а онъ приходитъ да и говоритъ... *(Макарушка дергаетъ ее за платье.)* Маменька, говоритъ, я свезу, говоритъ, Авдотья Семеновна въ подарокъ парочку самыхъ лучшихъ голубей...

Дунюшка. Зачѣмъ мнѣ?

Мордашкина. Я тоже ему говорю... Зачѣмъ ей, моей радости?... Чтожъ вы думаете?... *(Макарушка снова дергаетъ.)* Нечего дергать-то... Какъ зачѣмъ, говоритъ?... да имъ пріятно будетъ... онъ сами такія, говоритъ, голубушки... Право, такъ и сказалъ! и хотѣлъ ужъ въ самомъ дѣлѣ взять съ собой... да клятку у него кто-то разломалъ... а въ платокъ завязать пожалѣлъ... *(Макарушка опять ее дергаетъ.)* Нечего дергать-то, говорю я тебѣ... ужъ начала, такъ все расскажу... тоже и дорогой... ужъ какъ онъ хвалилъ васъ, мой дружечикъ... и ужъ лучше-то васъ во всемъ бѣломъ свѣтѣ не найдешь дѣвицы... и красавица-то вы... и разумница... *(Макарушка ее дергаетъ.)* Да не дергай же, говорить!...

Дунюшка. Слишкомъ много чести!...

Мордашкина. Нѣтъ, родная моя... что правда, то правда... я и сама всегда скажу... да пошли мнѣ Господь Богъ такую невѣстку.. я и не знаю, какъ ужъ была-бы счастлива...

Дунюшка (*перебивая*). Кажется, дядунка идетъ!... (*Подходитъ къ двери нальво.*)

Мордашкина (*въ полголоса Макарушкѣ*). Смотри же у меня... какъ только войдетъ старикашка... тотчасъ цѣлуй руку!... Не будь неучемъ-то!...

Макарушка. Да что онъ, отецъ мой, что-ли?...

Мордашкина. Ну, дуракъ!... чистый дуракъ!... дѣлай, что говорить мать... а не то завтра-же велю передушить всю твою голубятню!

—

X.

ТѢЖЕ, СЕРГАЧЕВЪ, НИКАНОРЪ, выходятъ изъ комнаты съ лѣвой стороны. Сергачевъ въ сюртукѣ.

Сергачевъ. Здравствуйте, добрая сосѣдушка!...

Мордашкина. Ахъ, родной мой!... (*Цѣлуется съ нимъ.*) Каково драгоценное здоровье ваше?

Сергачевъ. Ничего, живемъ по маленьку, Митродора Макарьевна!...

Мордашкина. Слава Богу! я всякій день молю Господа, чтобъ онъ укрѣпилъ васъ и продлилъ ваши дни на радость роднымъ и намъ на утѣшеніе!...

Сергачевъ. Спасибо вамъ, Митродора Макарьевна!...

Мордашкина. Нѣтъ, это мой долгъ!... Я ужъ такъ вами облакана, такъ облагодѣтельствована!...

Никаноръ (*всторону, махнувъ рукой*). Ну, пошла молоть, старая мельница!... Уйди лучше отъ грѣха!... (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

Сергачевъ. Полноте, матушка, я ничего такого для васъ не сдѣлалъ!... а вотъ спасибо вамъ, что послушались, да прѣехали встрѣтить моего Гришу!... Я ужъ было думалъ, что вы, по старой враждѣ къ нему, не пожалуете!

Мордашкина. Помилуйте, отецъ мой, да какая-жъ тутъ вражда можетъ быть?... вѣдь ужъ сколько лѣтъ этому прошло!...

СЕРГАЧЕВЪ. Ну, да вы долго этого не забывали и, при случаѣ, никогда не поминали моего Гришу добрымъ словомъ!...

МОРДАШКИНА. Разумется, мой родной, онъ ужъ черезъ-чуръ много проказъ дѣлалъ со мною!

СЕРГАЧЕВЪ. Да вѣдь ребенокъ былъ, Митродора Макарьевна! Ну, а теперь уму разуму научился, какъ пожилъ на свѣтъ да потеръ ляжку!

МОРДАШКИНА. Все такъ, мой родной.... а я опять-таки скажу, что и безъ него вамъ хорошо было.... вотъ хоть взять одну вашу Авдотью Семеновну.... вѣдь это такой ангелъ....

СЕРГАЧЕВЪ. Не безпокойтесь! Гриша мой нисколько не повредить моему Дунечку... Да гдѣ-же вашъ сынокъ, Митродора Макарьевна?

МОРДАШКИНА. Здѣсь, мой отецъ! Макарушка! Чтожъ ты это тамъ стоишь? *(Взявъ за руку сына, который стоялъ у дверей, и таща его къ Сергачеву, тихо.)* Цѣлуй руку, говорятъ.... а не то, смотри.... *(Толкаетъ его къ Сергачеву. Макарушка, поспѣшно схвативъ руку Сергачева, цѣлуетъ ее.)*

СЕРГАЧЕВЪ *(отдергивая руку)*. Къ чему это, помилуй! Поцѣлуемся лучше такъ!... *(Цѣлуетъ Макарушку.)*

МОРДАШКИНА. Нѣтъ, онъ долженъ имѣть почтеніе къ вамъ, мой родной.... Ужъ еслибъ вы знали, какъ онъ васъ любить да уважаетъ....

СЕРГАЧЕВЪ. Спасибо! спасибо!...

МОРДАШКИНА. Да вы бы съли, мой родной!...

СЕРГАЧЕВЪ. Ничего!... но чтоже вы сами-то не сядете?...

МОРДАШКИНА. Мы не устали!... Да сядьте-же, мой родной.... а мы подлѣ васъ.... *(Сергачевъ садится въ кресла. Мордашкина садится подлѣ него.)*

СЕРГАЧЕВЪ. Ну, что у васъ новенькаго?...

МОРДАШКИНА. Озимы начинаютъ выходить, мой отецъ.... вчера Макарушка ходилъ со старостой.... говоритъ, добрыя озими.... надо благодарить Создателя!...

СЕРГАЧЕВЪ *(Макарушкѣ)*. Такъ ты хозяйствомъ занимаешься?

МОРДАШКИНА. Какъ же, мой родной.... Отвѣчай же, Макарушка!...

МАКАРУШКА *(опустя глаза)*. Да-съ.... иногда....

Мордашкина. Какъ иногда?... всякій день.... то въ поле сходить.... то на гумно.... смотритъ за работами.... Ужъ такой хозяинъ, что я не нарадуюсь!... Безъ него бы гдѣ мнѣ за всемъ усмотрѣть!...

Сергачевъ. Это похвально!... Не служишь до-сихъ-поръ, такъ будь хоть хозяиномъ.... и то польза для общества.... Ну, а что твои голуби?...

Макарушка. Хорошо-съ!... вчера у Оедьки криваго сманилъ пару козырныхъ.... я ужъ давно на нихъ зарился, да остороженъ былъ, мошенникъ!... все не выпускалъ!... а утрось пришелъ.... чуть въ ногахъ не валяется.... такъ и просить... отдайте, говорить.... я, говорить, выкупъ дамъ....

Мордашкина. Разговорился! разговорился!... Ужъ такая у него страсть къ этимъ голубямъ, что и сказать нельзя.. . Ну, чтожъ ты, Макарушка.... взялъ выкупъ?...

Макарушка. Вотъ дурака нашли!... Онъ только давалъ мнѣ полтинникъ!...

Мордашкина. Вѣдь еслибъ вы знали, мой отецъ, какой онъ у меня экономъ!... Онъ одно мое утѣшеніе!... Только для него и живу!... еслибъ вотъ еще ему добрую жену, такъ я умерла быспокойно!...

Сергачевъ. Да не раненъ ли думать объ этомъ, Митродора Макарьевна....

Мордашкина. Отчего же рано, мой отецъ?... вѣдь ужъ ему съ пятаго мая двадцать третій пошелъ!... Пожалуй, долго-ли такъ-то избаловаться.... (Смотря на Дунюшку.) А мнѣ бы вотъ только такую....

Сергачевъ. Разумѣется, ужъ лучше такой, какъ мой Дунечикъ, и желать не надо.

Мордашкина. Мнѣ вонъ и бывшій вашъ повѣренный по двамъ вчера говорилъ.... Ахъ, родной мой, совсемъ изъ ума вонъ.... что это онъ на васъ такъ осерчалъ.... и грозитъ, и бранится.... Я, говорить, захвалъ его спровѣдать, а онъ, говорить, выслалъ лакея своего.... не можетъ, дескать, принять....

Сергачевъ. Ну, такъ! это штуки Сидорыча!... недаромъ онъ всегда бранить его да жалуется.... (Вдали слышенъ звонъ колокольчика, постепенно дѣлающійся въ продолженіе слѣдующаго разговора все сильнѣе и сильнѣе.)

Сергачевъ. Чу! никакъ колокольчикъ!...

Дунюшка и Мордашкина. Да! да!... (Голоса за кулисами.)
ЖЕНСКИЙ. Ъдетъ!

Мужской (сильно). Ъдетъ! ъдетъ!

СЕРГАЧЕВЪ (въ волненіи, вскочивъ съ креселъ). Ъдетъ!... мой Гриша ъдетъ!... Дунечикъ! дай руку.... скорый, скорый... навстрѣчу!...

Дунюшка (възявъ его подъ руку). Дядушка! успокойтесь!...

Мордашкина. Да зачѣмъ же вамъ тревожиться, мой отецъ?...

СЕРГАЧЕВЪ. Нѣтъ, нѣтъ....

Иванъ. (показываясь въ среднихъ дверяхъ, въ попыткахъ). Ъдетъ!

Григорій Ѳедорычъ ъдетъ! (убѣгаетъ).

СЕРГАЧЕВЪ. Голубчикъ мой!

МАТРЕНА (показываясь такъ же въ дверяхъ). Ъдетъ! почитай ужъ у самага дома! (Убѣгаетъ.)

СЕРГАЧЕВЪ. Иду! иду!... Наконецъ-то!... Гриша!... дружокъ!... (Поспѣшно уходитъ въ среднюю дверь съ Дунюшкой.)

Мордашкина. Вотъ охота встрѣчать этого сорванца!... Еще, пожалуй, параличъ разобьетъ отъ радости!... Большая невидаль, подумаешь.... (Макарушкѣ). А ты у меня, смотри, если не будешь ласкаться къ Авдотѣ Семеновнѣ, такъ не видать тебѣ голубей!...

МАКАРУШКА. Да что мнѣ!...

Мордашкина. Дуракъ! чистый дуракъ!... да знаешь ли ты... мнѣ говорила наша соседка.... а ужъ она знаетъ все навѣрное и лгать передо мной не будетъ.... вѣдь старикашка-то, говорятъ, порядкомъ поприготовилъ.... такъ ты не будь розиней, не выпускай изъ рукъ такой невѣсты!... Если будешь стоять пнемъ да только хлопать глазами.... такъ она изъ подъ носа у тебя улетитъ! (Въ эту минуту звонъ колокольчика умолкаетъ и раздаются за кулисами голоса).

СЕРГАЧЕВЪ. Гриша! Гриша!...

Хлыстовъ. Дядюшка!

Никаноръ. Стой! стой! задавишь!

Голосъ ямщика. Тпру!...

Мордашкина (у окна). Пріѣхаль! пріѣхаль.... Любопытно, какъ они тамъ встрѣтятся?... Пойдемъ-ка Макарушка! (бѣжитъ въ среднюю дверь.)

МАКАРУШКА (оставшись одинъ). Какъ же! большая нужда мнѣ

идти!... Да я и сюда-то ни за какие бы миллионы не поѣхалъ, если бѣ не маменька!... большое веселье сидѣть да слушать, что они говорятъ... я бы теперь дома съ Андриашкой голубей гонялъ!... а тутъ еще вотъ этотъ прѣхалъ изъ Петербурга. (Увидя входящихъ, удаляется въ уголъ и прижимается къ стѣнѣ.)

XI.

СЕРГАЧЕВЪ, ХЛЫСТОВЪ, ДУНЮШКА, БЪЛКИНЪ, МОРДАШКИНА, МАКАРУШКА, НИКАНОРЪ, НИКИТА, ИВАНЪ, МАТРЕНА.

(Хлыстовъ, плотный мужчина, съ длинными усами, въ сюртукъ. Никита, сухой парень, одѣтъ по дорожному; на одной рукѣ шинель Хлыстова, въ другой фуражка. При послѣднихъ словахъ Макарушки, дѣлается суматоха. Сергачевъ, изнеможенный, почти безъ памяти. Его тащатъ подъ руки Никаноръ и Бѣлкинъ.)

Мордашкина (въбѣгая первая). Уксусу! уксусу! примочить надо голову!...

Бѣлкинъ (ведя подъ руку Сергачева). Не посадить ли его здѣсь?...

Никаноръ (ведя также Сергачева). Нѣтъ! въ спальню! въ спальню! На постель!.. Господи Боже мой!... Что это съ нимъ приключилось!... Да дайте хоть воды-то!... Ванюшка! Матрешка!... (Уводятъ Сергачева въ комнату нальво.)

Дунюшка. Воды скорѣе! (Иванъ и Матрена бросаются въ комнату направо.)

Дунюшка. Не лучше ли послать за докторомъ?

Мордашкина. Ничего, дружечекъ! не тревожьтесь! пройдетъ!... Со мною сколько разъ случались обмороки... да, бывало, потрутъ укусомъ и какъ съ гуся вода!... (Дунюшка и Мордашкина уходятъ въ спальню. Иванъ и Матрена выбѣгаютъ изъ комнаты съ правой стороны, держа въ рукахъ карамфены; Никаноръ, разстроенный, выйдя съ другой стороны, бросается имъ на встрѣчу и, вывавъ графины, уходитъ опять въ спальню.)

Хлыстовъ (который съ начала явленія, войдя за Сергачевымъ, стоялъ посреди комнаты покручивая усы — что дѣлаетъ въ продолженіе всей пьесы — и равнодушно смотрѣлъ на всю эту суматоху). Вотъ тебѣ и радостная встрѣча!... Съ перваго момента, какъ говорится, гисторія!... понаправиться, однако, къ старику!... (Уходитъ

въ комнату нальво; за нимъ слѣдуютъ Иванъ и Матрена, Никита, стоявшій у задней стѣны, махнувъ рукой, уходитъ въ среднюю дверь. Макарушка приподымается на цыпочки и издали смотритъ въ спальню. — Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Таже комната.

I.

МАКАРУШКА, МОРДАШКИНА, потомъ ХЛЫСТОВЪ,

(Макарушка сидитъ у средней двери; Мордашкина входитъ изъ комнаты съ лѣвой стороны.)

Мордашкина. Ну, такъ!... Я думаю, гдѣ онъ?... а ему и горя мало!... Тамъ старика чуть параличъ не пришибъ, а онъ сидитъ себѣ здѣсь, да хлопаетъ глазами!...

Макарушка. Да что мнѣ тамъ дѣлать?...

Мордашкина. Ну, дуракъ! чистый дуракъ!... Мы мучимся, бѣгаемъ, помогаемъ... а онъ ни съ мѣста!... Чѣмъ бы тутъ и показать себя... а онъ воронъ считаетъ!... Пошелъ-же хоть теперь... поди, спроси: какъ, молъ, ваше здорье...

Макарушка. Да за чѣмъ?

Мордашкина. Пошелъ же, говорятъ!... а не то убирайся вонъ! Хлыстовъ (выходя изъ комнаты съ правой стороны). Постой-ка, малый!... Скажи, кстати, моему Никиткѣ, чтобъ подалъ мнѣ трубку!... или понабей самъ, что ли... если умѣешь...

Мордашкина. Малый!... какой малый?...

Хлыстовъ. Да вотъ!... онъ здѣшній что-ли?

Мордашкина. Что такое?... Моему сыну трубки подавать?...

Хлыстовъ. Отчего-жъ не подать?... Что васъ такъ это придуриваетъ?...

Мордашкина. Да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ!... за кого вы насъ считаете?... Да знаете-ли, что когда я бываю въ городѣ, такъ у городничаго всегда обѣдаю, у исправника чай пью... судья всегда въ ручкѣ подходитъ... а становой... такъ тотъ и не сядетъ, пока я стою...

Хлыстовъ. Да мнѣ-то какое дѣло до этого ?

Мордашкина. Вы думаете, что петербургскій, такъ все можно... а ваша покойная матушка Марѳа Антоновна, бывало, посадить меня не знаетъ куда... угостить не знаетъ чѣмъ !... чуть задумаешься, а она ужъ и ходить : да что съ вами, Митродора Макарьевна ?.. да не хотите-ли чего ?..

Хлыстовъ. Митродора Макарьевна !... Такъ это вы !... ну, кто жъ васъ узнаеть ! Я былъ еще мальчишкой, а ужъ вы и тогда, какъ говорится, въ грибокъ обращались !

Мордашкина. Что такое ? я грибъ !

Хлыстовъ. Да вы не обижайтесь ! вѣдь это только для красного словца сказано... такова ужъ моя привычка !..

Мордашкина. Хорошо красное словцо !... Грибъ !... Ну, видно я мало васъ за вихорь-то въ малолѣтствѣ драла !

Хлыстовъ. Помню !... За то я васъ весьма, какъ говорится, не потерпивалъ !... Не знаю, какъ вотъ мы съ вами теперь сойдемся... а начало что-то ужъ на гисторію похоже !

Мордашкина. Сомнительно, чтобъ и кто-нибудь съ вами у насъ сошелся, если вы будете такъ неучтивы...

Хлыстовъ. Да чѣмъ же я неучтивъ !... Развѣ только тѣмъ, что сынка-то вашего назвалъ.... Скажите, пожалуйста, въ кого это онъ у васъ уродился ?..

Мордашкина. Да вамъ-то какая нужда до моего сына ?... *(Макарушка дергаетъ ее за платье.)*

Хлыстовъ. Вы ужъ и полюбоваться на него не дадите !... Вишь какимъ франтомъ одѣтъ !... Хоть сейчасъ въ Петербургъ... въ собраніе этакое !... видно, матушка-то свою кубышку почала... а бывало, какъ вѣдь она была у нея крѣпковата !... Ты, молодецъ, знаешь-ли, что у нея кубышка-то того....

Мордашкина. Да вы бѣлены, что-ли объѣлись ?... какая у меня кубышка ?..

Хлыстовъ *(грозя ей)*. Митродора Макарьевна !... Не гнѣвите Бога !... вѣдь я хорошо помню, какъ вы цѣлковики-то припрятавали !... Да вотъ дайте мнѣ съ вашимъ сынкомъ познакомиться, такъ я постараюсь его, какъ говорится, пообразовать !..

Мордашкина. Какъ, чтобъ мой сынъ осмѣлился... Вы все думаете, что на какую-нибудь напали.... нѣтъ, вѣдь со мной шут-

ки плохія... вѣдь и у меня привычка не хуже вашей!... Я вотъ какъ разъ все Алексѣю Антонычу расскажу... (*Макарушка ее дергаетъ.*) Оставь!... онъ не такой, какъ вы, невѣжа! онъ меня уважаетъ!... онъ не дастъ меня въ обиду!... (*Макарушка ее дергаетъ.*) Да не дергай меня, дуралей!...

Хлыстовъ. Нѣтъ ужъ, Митродора Макарьевна... вы дядѣ-то лучше ничего не говорите.... Я, видите, малый, того, съ приду-рюю.... кто со мной въ ладу не поживетъ, такъ я тому, какъ гово-рится, мигомъ гробикъ сколочу!...

Мордашкина. Что? гробъ!... задушить меня, что-ли, онъ хочетъ!...

Хлыстовъ. Нѣтъ, но если вы будете, по прежнему, понаговари-вать на меня дядѣ, такъ ужъ извините.... я васъ въ такую гисто-рію втяну, что вы у меня носика сюда не покажете!

Мордашкина. И теперь не останусь съ такимъ невѣжей!... (*Хочетъ идти въ спальню Сергачева.*)

Хлыстовъ. Нѣтъ ужъ, туда не хѣдите!... вы видѣли, что дядѣ не совсѣмъ-то поздоровилось отъ радостнаго свиданія со мною.... Понаправьтесь-ка лучше къ другимъ гостямъ!

Макарушка (*тихо Мордашкиной*). Пойдемте, маменька....

Мордашкина. Постой-же! я тебѣ насолю.... (*Идетъ къ средней двери.*) Невѣжа! грубиянъ!... (*Схватываетъ за руку Макарушку, и скрывается съ нимъ въ среднюю дверь.*)

II.

Хлыстовъ, одинъ.

Соли, сколько хочешь!... Ну, эту отправилъ въ трубу!... А все кубышка помогла!... Нѣтъ, всѣхъ этихъ воронъ надо подальше отъ дяди!... Онъ тутъ каркаютъ одно, чтобъ меня попридушить.... да нѣтъ, не таковский! вотъ какъ съ перваго же слова пуцу имъ брандера, такъ они и призадумаются!... Говорятъ, мамзель тутъ какая-то еще завелась.... совсѣмъ вскружила дядѣ голо-ву.... А ужъ старому плуту Никаноркѣ.... Этому не сдобровать.... (*Показывая на спину.*) Онъ вотъ гдѣ у меня сидитъ!... На по-слѣдней станціи сошлись мы съ добрымъ человѣкомъ.... Здѣш-ній помѣщикъ.... тары-да-бары, подружились, ударили по ру-камъ.... онъ мяъ всю подноготную и вывелъ!... Старикъ, того и гяди, попротянетъ пожки.... а именицо-то сильно-было червяч-

ви стали подтачивать.... Заживись я еще въ Петербургъ, такъ, пожалуй, поизломилось бы окончательно!... да ужъ видно къ счастью, что и тамъ-то у меня завелась совершенная, какъ говорится, плачевная гисторія.

III.

ХЛЫСТОВЪ, НИКАНОРЪ

НИКАНОРЪ (выходя изъ комнаты съ лѣвой стороны и указывая на Хлыстова, про себя). Вонъ! дядя хоть умирай, а ему и горя мало!... Охъ, не даромъ я говорилъ!... (Хлыстову). Баринъ тамъ все спрашиваетъ: куда вы ушли?... отчего съ нимъ не сидите?...

Хлыстовъ. А что онъ ужъ совсѣмъ пооправился?...

НИКАНОРЪ. Слава Богу! Теперь, кажись, ничего!... сидѣть изволить въ креслахъ!... А ужъ куда худо приходило!... Охъ, ни подъ-силу ужъ ему такія оказіи!... Сколько ужъ ему со-вѣтуешь: Алексѣй Антонычъ... не дѣлайте вотъ того, не дѣлайте этого... такъ куда тебѣ!...

Хлыстовъ. А ты все еще совѣтникъ дядюшкинъ?... и дворецкій и управитель?...

НИКАНОРЪ. Куда намъ такъ высоко!... Я, просто, слуга... вѣрный слуга моего милостивца и господина Алексѣя Антоныча!...

Хлыстовъ. Помню я еще по прежнему времени, какой ты слуга....

НИКАНОРЪ. Пожалуйте къ барину.... онъ васъ зоветъ....

Хлыстовъ. Сю-минуту!... Слушай-ка, голубчикъ мой, Никанорушка.... такъ, кажется, дядюшка-то тебя величаетъ?...

НИКАНОРЪ. Такъ-съ.... по господской своей милости....

Хлыстовъ. Видишь ли.... мнѣ еще не удалось съ тобой пока-лякать.... а по моему, первому совѣтнику и первое бы слово надо закинуть....

НИКАНОРЪ. Да васъ баринъ тамъ ожидаетъ!...

Хлыстовъ (горячо). Ну, успѣть!... (спохватясь). Мнѣ вѣдь не долго съ тобой говорить.... слова два не больше.... видишь-ли.... позхаль я сюда и подумаль.... дядюшка ужъ старъ.... надо позамѣнить его.... иное пообчистить.... иное попринять въ руки, Есть лакей у него Никанорушка: да гдѣ ужъ ему?... У меня,

видишь-ли, престранный такой характеръ, терпѣть не могу, какъ кто въ мои дѣла мѣшается.... ужъ за что возмусь, такъ люблю одинъ все дѣлать...

Никаноръ. Слушаю-сь!...

Хлыстовъ. Дядюшкѣ нуженъ глазъ.... и этимъ глазомъ буду теперь я... понимаешь?...

Никаноръ. Понимаю-сь!

Хлыстовъ. Совѣтниковъ теперь ни дядюшкѣ, ни мнѣ ужъ ненужно.... понялъ?

Никаноръ. Слушаю-сь!...

Хлыстовъ. Ну, а какъ ты ужъ послужилъ дядюшкѣ довольно.... такъ я постараюсь тебѣ милость оказать....

Никаноръ. Низжайше благодарю.... да я ужъ и такъ доволенъ баринкомъ....

Хлыстовъ. Не перебивай, а слушай.... поработалъ ты на свой вѣкъ довольно.... много разныхъ разностей дѣлывалъ.... такъ ужъ, по моему, пора бы тебѣ и на покой?...

Никаноръ (*изумясь*). На покой?... куда это на покой?...

Хлыстовъ. Ну, напримѣръ, вотъ къ сестрѣ въ избу!....

Никаноръ. Меня на покой!... Да вы, сударь, шутить изволите, или нѣтъ?...

Хлыстовъ. Серьезно и пресерьезно говорю!...

Никаноръ. Меня на покой!... Да кого-жъ вы дядюшкѣ-то пожалуете?... вѣдь мы, мало-немного, семьдесятъ годочковъ вмѣстѣ живемъ!...

Хлыстовъ. Не безпокойся.... найдемъ!... Такъ вотъ, дружокекъ Никанорюшка, къ чему моя рѣчь.... Видишь-ли, я добра никогда не забываю и награждать умѣю за заслуги!... Пообдумай же это дѣлцо.... а я понаправлюсь теперь къ дядюшкѣ.... (*Уходитъ въ комнату нальво.*)

IV.

Никаноръ (*въ волненіи*). На покой!... меня!... на покой!... Разумѣется, всѣ мы пойдемъ на покой, какъ Богъ по душу пошлетъ!... Но пока Никанорка живъ!... пока еще ноги носить и душевнѣка въ тѣлѣ.... никто меня отъ барина не отыметъ.... съ нимъ вѣкъ жилъ, при немъ и умру!... Вотъ вамъ и привѣтъ и ласковое

слово!... ни здравствуй, ни прощай, а ужъ прямо, на покой!... Нѣтъ, баринъ, знаю, куда ты мѣтишь.... стараго воробья на мякинъ не проведешь.... ласково ты стелешь да жестко спать.... воля твоя.... а ужъ ежели человекъ на всякихъ дурныхъ дѣлахъ не упражнялся, такъ запугать такого человека трудновато.... Вотъ погоди.... мы посмотримъ....

—

V.

НИКАНОРЪ, НИКИТА.

НИКАНОРЪ (*увидя Никиту*). А племянничекъ дорогой!...

НИКИТА (*войдя въ среднюю дверь, бросается въ ноги Никанору*). Дядюшка!...

НИКАНОРЪ. Чтожъ ты это кланяешься?

НИКИТА. Здравуюсь, дядюшка Никаноръ Сидорычъ....

НИКАНОРЪ. Ну, когда здороваясь, такъ поцѣлуемся ужъ, какъ слѣдуетъ.... (*цѣлуется съ Никитой*). Экой ты какой поджарый сталъ, братъ Никита!... вѣдь ужъ много лѣтъ мы съ тобой не видѣлись?

НИКИТА. Да ужъ, почитай, лѣтъ десять будетъ?

НИКАНОРЪ. Ужъ и десять!... что больно много?...

НИКИТА. Да какъ же, дядюшка.... вѣдь меня баринъ-то нашъ Алексѣй Антопычъ отправилъ къ Григорью Федорычу въ Питеръ по семнадцатому году....

НИКАНОРЪ. Такъ, по семнадцатому....

НИКИТА. А вѣдь теперь мнѣ ужъ двадцать восьмой....

НИКАНОРЪ. Господи Боже ты мой! какъ время-то проходитъ.... давно-ли, кажись, былъ ты мальчишкой?... Ну, какъ же ты тамъ въ Питеръ?... избаловался совѣмъ, я чай?...

НИКИТА. Да какъ избаловаться-то, дядюшка?... Баринъ такой строгій....

НИКАНОРЪ. Это хорошо, что строгій.... только къ добру-ли строгость-то была?

НИКИТА. Ужъ разумеется, къ добру!...

НИКАНОРЪ. Къ добру... если такое-же добро, какъ вотъ сію-минуту.... г-мъ!... Ну, а какъ-же вы тамъ съ бариномъ своимъ поживали?...

Никита (*почесывая голову*). Ничего, дядюшка... какъ слѣдуетъ... хорошо!...

Никаноръ, (*смотря на него пристально*). Хорошо?... Ну, и только вдвоемъ и жили?...

Никита (*такъ же*). Вдвоемъ только и жили...

Никаноръ. Такъ!... ну, а баринъ-то что-же дѣлалъ?...

Никита. Да известно что....

Никаноръ. Ну, да что же?... Служилъ что-ли?...

Никита. Разумѣется... служилъ....

Никаноръ. Да гдѣ-жѣ онъ служилъ-то?... по военной шель?

Никита. По военной?...

Никаноръ. Ну, а послѣ-то?

Никита. Послѣ?...

Никаноръ. Да?... (*Никита не знаетъ, что отвѣчать.*) Ого, братъ! да ты, я вижу, въ Питерь-то другимъ совѣемъ сталъ!... Видѣлся ты съ матерью?

Никита. Какъ же, дядюшка, видѣлся... только что прѣехали... какъ увидѣла меня, такъ и повисла на шею!...

Никаноръ. Ну, а чтожѣ она тебѣ говорила?...

Никита. Да много чего говорила.... что вотъ Антошка Немытый женился... Агапка....

Никаноръ. Стой-ка! Это все не то.... А обо мнѣ она ничего не говорила?

Никита. Какъ же, говорила!.. наказывала настрого, чтобъ я барина Алексѣя Антоныча да васъ, дядюшка, пуще всѣхъ любить и почитать!...

Никаноръ. Только!...

Никита. Нѣтъ.... еще... чтобъ я ничего отъ васъ не скрывалъ....

Никаноръ. Такъ!... Старуха умна и знаетъ свое дѣло!... Видишь ли что, братъ Никита.... живу я при баринѣ семьдесятъ годочковъ.... служу ему вѣрой и правдой... лелѣю и охраняю.... люблю его и почитаю.... и за то, по милости барской, надѣленъ всякимъ благомъ.... сундуки у меня полны одежды и всякаго добра.... есть даже и деньжонки кое-какія.... а кому мнѣ все это оставить?... Родни у меня вѣдь только и есть, что сестра старуха....

Никита. Дядюшка! да я-то чтоже?... вѣдь я племянникъ вашъ....

— Никаноръ. Былъ!... а вотъ, какъ лгать началъ, съ тѣхъ поръ я и знать тебя не хочу... и не жди ты у меня ничего....

Никита. Дядюшка! родной! Да вѣдь я....

Никаноръ. Да меня то ты за кого же считаешь?... что я, болтать, что-ли, вездѣ пойду?... срамить, что-ли, начну барскаго племянника?... Олухъ ты, олухъ!... да вѣдь еслибъ ты и рассказалъ мнѣ все тамъ, какъ было.... такъ все бы я вотъ тутъ притаилъ.... (*показываетъ на сердце*) но зналъ бы, по крайности, какъ приберечь батюшку барина своего.... Ты вѣдь глушь, Никита! какъ же ты того не смѣкнешь, фатой ты этакой, что настоящій-то твой господинъ не Григорій Ѳедорычъ, а тотъ же Алексѣй Антонычъ.... Такъ-ли? а?...

Никита. Такъ, такъ! дядюшка!... понимаю теперь все, ну, и если что неравно выйдетъ, такъ вы постараетесь, этакъ въ деревнѣ меня оставить, если Григорій-то Ѳедорычъ вздумаетъ опять въ Петербургъ?

Никаноръ. Разуметсяя!... да я скажу Алексѣю Антонычу.... что, мошь, кто же при мнѣ-то старикъ будетъ, когда ноги ужъ не будутъ волочить.... вѣдь племянникъ одинъ и есть!... Ну, а Григорью Ѳедорычу вонъ Ванюшку можно будетъ дать.... Онъ и то у насъ ничего не дѣлаетъ....

Никита. Была не была!... все расскажу, дядюшка!

Никаноръ. Вотъ теперь вижу, умница!...

Никита. Вѣдь Григорій-то Ѳедорычъ сказалъ, что бы я ни слова о томъ, какъ онъ жилъ въ Питерь....

Никаноръ. Не бойся, Никита, выпутаемся....

Никита. А вѣдь у меня есть даже письмецо къ Алексѣю Антонычу.... дали по секрету....

Никаноръ. Письмецо?... какое?... Т-съ!... сюда идуть!... Пойдемъ-ка ко мнѣ.... тамъ порядкомъ потолкуемъ....

Никита. Да было, я, къ Григорью Ѳедорычу.... тамъ ямщикъ просить на водку.... баринъ ужъ давеча ему сказалъ.... какая, говоритъ, тебѣ водка... я вотъ, говоритъ, тебѣ вмѣсто водки-то калача задамъ!... А онъ все не вдетъ да ждетъ....

Никаноръ (*улыбаясь*). Видно поистратился больно въ дорогъ.... Пойдемъ.... я, такъ и быть, свой гривенничекъ отдамъ.... (*всторону*)

успѣхаясь.) Куда ужъ гривенникъ ни шель.... за то все, по крайности, узнаю.... (Уходитъ съ Никитой въ среднюю дверь.)

VI.

СЕРГАЧЕВЪ, ХЛЫСТОВЪ, БЪЛКИНЪ, ДУНЮШКА.

Хлыстовъ (ведя подъ руку Сергачева и сажая его въ кресло). Ну что, дядюшка, пошло теперь? покрывче ноги? (Дунюшка садится на диванъ, Бѣлкинъ подль нея.)

Сергачевъ. Ничего, ничего.... не безпокойся, голубчикъ!... Видишь, опять молодецъ молодецъ?... Постой-же, дай-ка мнѣ еще на тебя поглядѣть.... Господи! Господи! подумаешь.... да ты-ли это, мой дружокъ, Гришенька?

Хлыстовъ. Я, собственной своей персоной, дядюшка!

Сергачевъ. Что время-то дѣлаетъ! Я тебя свезъ въ корпусъ просто ребенкомъ.... а теперь....

Хлыстовъ. Да, этому мало времени прошло.... только тридцать лѣтъ....

Сергачевъ. Такъ тебѣ такъ ужъ лѣтъ сорокъ будетъ!

Хлыстовъ. Да, ужъ съ маленькимъ хвостикомъ....

Сергачевъ. Вотъ старость-то, подумаешь!... а вѣдь я все думалъ, что ты еще такой молоденькій, да свѣжинькій у меня, Гришенька!

Хлыстовъ. А на повѣрку вышло, что Гришенька теперь по объему въ десять Гришъ сталь!... Что дѣлать, дядюшка.... лѣта хоть кого попридушать касательно физическихъ-то прелестей?... Но чтобъ имъ ужъ досконально не поиспортиться, такъ это теперь въ вашей власти....

Сергачевъ. Какимъ-же это образомъ въ моей власти?..

Хлыстовъ. Да такимъ-же, какъ всѣ гости бываютъ въ хозяйской власти.... дорогой-то, знаете, такъ порастрясло желудокъ, что нехудо бы и червячка позаморить....

Сергачевъ. Ахъ, Господи! въ самомъ дѣлѣ!... а у меня и изъ ума вонъ! вотъ старость-то!... (Кричитъ) Никанорюшка! Ванюша!...

Дунюшка (подходя къ нему). Позвольте, дѣдушка, я сію-минуту все приготовлю!...

Сергачевъ. Умно! прекрасно, дружокъ!... Постой.... вотъ вѣдь тоже.... я никакъ еще не познакомилъ тебя, Гришенька, съ моей на-

рвечной внучкой.... вѣдь ты не знаешь моего Дунѣчка.... моей красавицы?...

Хлыстовъ. Сорокъ лѣтъ не видѣлъ!...

Сергачевъ. Сорокъ лѣтъ?... ахъ, ты балагуръ!... да ей всего-то семнадцать отъ роду.... Рекомендую.... люби ее, какъ я. — Нѣтъ больше, чѣмъ я.... Это, если ты помнишь, дочь покойнаго нашего сосѣда, Андрея Васильича Рѣчкина.... осталась лѣтъ десять назадъ круглой сиротой.... ну, а мы съ покойнымъ были такіе друзья....

Хлыстовъ. Что вы барышню-то и попристроили у себя?... и произвели ее въ свои внучки?... И такъ далѣе!...

Дунюшка (*ласкаясь къ Сергачеву*). О, это мой истинный благодѣтель.... безъ него у меня теперь не было бы ни куска хлѣба, ни пристанища!...

Сергачевъ. Ну, ну! прошу, сударыня, объ этомъ не распространяться.... Ступай-ка лучше, займись хозяйствомъ!... да позаботься, голубчикъ, чтобъ все было, какъ слѣдуетъ.... и грибочки, и сырокъ, и рыбка.... да наливочекъ-то забудь сладенькихъ....

Хлыстовъ. Сладенькія само по себѣ.... а не мѣшаетъ, дядюшка, чтобъ и горькенькая настоечка была....

Сергачевъ. Развѣ ты пьешь и настойку?

Хлыстовъ. Еще-бы, дядюшка, ужъ пора!...

Сергачевъ. Такъ, Дунѣчикъ, и настоечки подай.... (*Дунюшка уходитъ въ комнату направо.*)

Хлыстовъ (*смотря ей въ слѣдъ, про себя*). Барышня-то, въ самомъ дѣлѣ, не дурна.... да это не по нашей части.... надо все-таки, по времени, легчайшимъ образомъ поотправить ее къ другимъ гостямъ!...

—

VII.

ТѢЖЕ, КРОМЪ ДУНЮШКИ.

Сергачевъ. Гришенька, поди-ка сюда!... Ну, что скажешь?... Неправда-ли золото — а не дѣвушка?...

Хлыстовъ. Золото не золото.... а такъ себѣ.... розанчикъ съ молочкомъ....

Сергачевъ. Да нѣтъ.... ты узнай у меня ее хорошенько, такъ просто, въ удивленіе придешь!... дай-ко ухо.... (*Говоритъ шепотомъ.*)

Вотъ-бы, Гришенька, тебѣ жена.... (Бѣлкинъ, замѣтя что они шепчутся, отходитъ дальше отъ нихъ.)

Хлыстовъ (улыбаясь, тихо ему). Мнѣ?... Гмъ!... вотъ оно что!... Ну, теперъ не время объ этомъ говорить, дядюшка, видите у васъ гости.... Да скажите, пожалуйста, что это за джентельменъ?... Не внучекъ-ли вамъ тоже какой?..

Сергачевъ (тихо Хлыстову). Какой внучекъ.... Что ты это?.. Постой, вотъ я тебя познакомлю.... Прекраснѣйшій, благороднѣйшій человекъ.... служить у нашего Губернатора... Василій Петровичъ Бѣлкинъ!...

Хлыстовъ (всторону). Вотъ какая птица!... видно тоже изъ его совѣтниковъ!... Посмотримъ, не надо-ли и этого въ легчайшую трубочку.

Сергачевъ (громко). Василій Петровичъ!... Прону познакомить-ся, батюшка, съ моимъ племянникомъ.... полюбите его....

Бѣлкинъ (подходя къ нимъ). Очень радъ!...

Хлыстовъ. Имью честь рекомендоваться!... Отставной ротмистръ...

Сергачевъ. Скажи мнѣ, пожалуйста, Гришенька, когда-жъ ты это вышелъ въ отставку?

Хлыстовъ. Я?... въ прошломъ году, дядюшка.... Знаете, ужъ послужилъ довольно.... ну, ротмистръ.... чего-жъ еще?... подумалъ, лучше къ дядюшкѣ?... поуспокоить да повѣжить старичка....

Сергачевъ. Умно и по родственному поступилъ ты, Гришенька... пора ужъ тебѣ заняться хозяйствомъ.... да поприсмотрѣться.... въдъ ужъ мнѣ много-ли остается?...

Хлыстовъ. Я готовъ, дядюшка.... готовъ охотно васъ замѣнить.... скажу даже, что я не совсѣмъ того, чтобъ не зналъ хозяйства.... Экономика даже выписывалъ.... газету этакую....

Сергачевъ. Умно, голубчикъ, умно!... вотъ, батюшка Василій Петровичъ, и выходитъ по моему!... Помните, вы спорили, что изъ Петербургской молодежи мало кто занимается хозяйствомъ....

Хлыстовъ. Какъ? вы спорили?

Бѣлкинъ. Не спорилъ, а говорилъ мое мнѣніе о нѣкоторыхъ людяхъ...

Хлыстовъ. Да вы были когда-нибудь въ Петербургъ?

Бѣлкинъ. Нѣтъ!

Хлыстовъ. Такъ нечего вамъ и соваться въ такія сужденія...

Бѣлкинъ (*горячо*). Почему-жъ мнѣ не соваться ?

Хлыстовъ. А потому, что ваше рыльцо, какъ говорится, еще въ пушку !...

Сергачевъ. Гриша ! Гриша !...

Бѣлкинъ (*также*). Что вы этимъ хотите сказать ?

Хлыстовъ. Да то, что вы еще молоды для того, чтобъ пооб-
стаивать такого рода нелпыя мнѣнія...

Бѣлкинъ. Что я молодъ, такъ это еще не доказываетъ, чтобъ я
былъ глупѣ другихъ... а чтобъ мое мнѣніе было нелпо... ну, да
на это не стоитъ и отвѣчать вамъ...

Хлыстовъ. Что-жъ вы, ужъ и на попятный !...

Бѣлкинъ. Нѣтъ, не на попятный !... въ подобныхъ случаяхъ от-
вѣчать словомъ не стоитъ... а еслибъ это было не при нашемъ дя-
дюшкѣ...

Хлыстовъ. Такъ вы бы, пожалуй, не прочь и попридушить ?

Сергачевъ. Гриша ! Гриша ! да что ты это въ самомъ дѣль ?...
Развѣ такъ говорятъ съ гостями ?

Хлыстовъ (*спохватясь*). А что дядюшка ?...

Сергачевъ. Да, помилуй, ты чуть не разобралъ Василья Петро-
вича !

Хлыстовъ. Я ? да съ чего вы это взяли ?... Это... какъ вамъ
сказать... ни больше, ни меньше, какъ какой-нибудь литературный споръ.

Сергачевъ. Помилуй, какой ужъ это литературный споръ ?

Хлыстовъ. Разуметсяя !... Дѣло идетъ о мнѣніяхъ... о мнѣніяхъ
по хозяйственной части, а ужъ въ этомъ случаѣ, извините, я въ тру-
бу не попаду...

Я въ журналахъ нахваталъ
Мнѣній разныхъ много,
И сужу не какъ нахаль —
А какъ критикъ — строго !
Если, что ужъ не понасъ,
Другъ ли, братъ, не знаю...
По печатному, какъ разъ,
Друга отваяю !...

Сергачевъ. Нѣтъ ужъ, голубчикъ... ты у насъ здѣсь обращай-
ся не по печатному, а просто по деревенски... Василій Петровичъ,
батьюшка, вы не обижайтесь...

Бѣлкинъ. Я и не думалъ, Алексѣй Антонычъ....

СЕРГАЧЕВЪ. И прекрасно!... Я терпѣть не могу, когда у меня соротятся.... Было-бы все мирно да ладно.... мнѣ больше ничего и не нужно....

Хлыстовъ (*подходя къ Бѣлкину, особо*). Извините, что погорячился.... Но знаете-ли, вы мнѣ очень нравитесь....

Бѣлкинъ. Чѣмъ-же это?

Хлыстовъ. А тѣмъ, что я васъ хотѣлъ попридушить немножко.... то-есть, поиспытать.... а вы меня оборвали на первомъ словѣ.... и отправили въ трубу!... Это по нашему....

Бѣлкинъ. Очень радъ и впередъ готовъ!...

Хлыстовъ. Вашу руку!

Бѣлкинъ. Извольте!

Хлыстовъ (*пожимая ему руку*). Дружба!... такъ-ли?...

Бѣлкинъ. Увидимъ!...

Хлыстовъ. Да нѣтъ! Это такъ не дѣлается.... вотъ попридвинемся къ бутылочкамъ, такъ выпьемъ на ты!

СЕРГАЧЕВЪ (*про себя*). Слава Богу! Сошлись, кажется!... Помирились!... Нечего сказать, мой Гриша черезъ-чуръ ужъ горячекъ!... (*Вслухъ*). Гришенька! да что-жъ ты мнѣ ничего не расскажешь о своемъ житъ-быть Петербургскомъ?... Расскажи, голубчикъ....

Хлыстовъ. Долгая пѣсня.... длинная гисторія, дядюшка.... будетъ еще времени у насъ на эти рассказы.... а теперь довольно будетъ съ васъ и двухъ словъ.... жилъ, порабатывалъ.... зашибалъ копѣйку, проживалъ.... да вотъ, наконецъ, и у васъ пожить пожелалъ....

VIII.

ТѢЖЕ, НИКАНОРЪ, выходя изъ дверей направо.

НИКАНОРЪ. Тамъ закуска готова.... барышня приказала просить....

СЕРГАЧЕВЪ. Ну, вотъ и неподобно! Пойдемъ-же, Гришенька....
Прошу покорно, Василій Петровичъ....

Бѣлкинъ. Еще рано немножко....

Хлыстовъ. Что за рано?.... водка да закуска никогда не портятъ дѣла!...

НИКАНОРЪ (*тихо Сергачеву въ волненіи*). Мнѣ нужно-бы вамъ, сударь, сказать на единъ словечко....

СЕРГАЧЕВЪ (*тихо ему*). Время-ли теперь, Никанорюшка?... Теперь мнѣ надо угощать племянника...

НИКАНОРЪ (*также*). Да нужное дѣло....

СЕРГАЧЕВЪ (*также*). Ну, что за нужное.... послѣ поговоримъ... (*вслухъ*). Гриша, идемъ-же!...

ХЛЫСТОВЪ. Готовъ!... (*грозитъ незамѣтно отъ Сергачева Никанору и уходитъ съ Сергачевымъ въ комнату направо*).

НИКАНОРЪ (*качая головой*). Грози! грози!... Меня не испугаешь!... (*Бѣлкину*). Василій Петровичъ, батюшка.... позвольте хоть васъ на минуту остановить, коли баринъ и знать ничего не хочетъ...

IX.

НИКАНОРЪ, БѢЛКИНЪ.

БѢЛКИНЪ. Что тебѣ, Никаноръ Сидорычъ?

НИКАНОРЪ. Бѣда неминуемая приходитъ!... Гроза страшная!... Такая гроза, что баринъ не вынесетъ!... Сердце мое предчувствовало.... не даромъ я говорилъ!... да онъ его въ недѣлю уходитъ!... Спасите, родной... заставьте вѣкъ Бога за васъ молить!

БѢЛКИНЪ. Какая гроза?... О комъ ты говоришь?

НИКАНОРЪ. О комъ? разумеется о комъ!... о нашемъ гостѣ, Григорѣ Федорычъ!...

БѢЛКИНЪ. Что-жъ онъ можетъ сдѣлать?

НИКАНОРЪ. Все, батюшка, Василій Петровичъ! .. все!... Охъ, худо, худо будетъ! Увезите отъ насъ его, родной!...

БѢЛКИНЪ (*улыбаясь*). Помилуй, Никаноръ Сидорычъ!... Да какъ же я его увезу?...

НИКАНОРЪ. Жена, дѣти!... голодомъ всѣхъ бросилъ!... все отдамъ, родной... всю казну свою, только увезите да отправьте въ Петербургъ!...

БѢЛКИНЪ (*весело*). Такъ онъ женатъ!... Но правда-ли это, Никаноръ Сидорычъ?...

НИКАНОРЪ. Да какъ-же неправда, какъ вотъ и письмецо есть отъ его супруги къ Алексѣю Антонычу.... Сердечная, тайкомъ ужъ Никитъ дала.... Помогите, Василій Петровичъ, батюшка.... вѣчный вамъ слуга буду.... (*Хочетъ поцѣловать руку Бѣлкина*.)

БѢЛКИНЪ. Полно, полно!... Ну, я подумаю.

НИКАНОРЪ. Подумайте, родной.... да уговорите его какимъ тамъ

ни есть способомъ.... останьтесь съ нимъ.... ну да по рюмочкамъ.... онъ любить это !... А барина то Алексѣя Антоныча сюда вызовите.... скажите, что, молъ, важнѣйшее дѣло....

X.

ТѢЖЕ, ДУНЮШКА,

Дунюшка (*входя въ дверь съ правой стороны*). Василій Петровичъ ! васъ дѣдушка зоветъ въ столовую....

Никаноръ. Ну, вотъ !... ступайте же, ступайте !...

Бѣлкинъ. Что вашъ гость ?

Дунюшка. Ахъ, какой это несносный человекъ !... говорить и дѣлаетъ такія вещи, что ужъ и дѣдушка начинаетъ морщиться !

Никаноръ. Видите ! вотъ ужъ началъ и при баринъ !... а еслибъ еще вамъ поразсказать все, что я знаю !... Господи ! Господи !... Батюшка Василій Петровичъ.... ступайте-же туда да вызовите барина ко мнѣ...; хоть обманите чѣмъ-нибудь.... одинъ разъ ужъ куда ни шло !....

Дунюшка (*Бѣлкину*). Зачѣмъ ему дѣдушку ?...

Бѣлкинъ. Все скажу послѣ.... пойдемте теперъ выручать нашего старичка... еслибъ вы знали, какія у меня есть надежды !... (*Уходитъ съ Дунюшкой въ комнату направо.*)

XI.

НИКАНОРЪ одинъ.

Охъ, кабы баринъ пришелъ !... Никита говорить, что ужъ если нашему молодцу попадетъ чарка, такъ пиши пропало !... Этакъ какъ онъ Алексѣю-то Антонычу начнетъ въ глаза разсказывать свои исторіи, такъ вѣдь это, просто, сразить его.... А я-то ! что-же я ему скажу ?... вѣдь это тоже окказія !... Ахъ, глупая башка !... какъ-же я объ этомъ не подумалъ !... Что-жъ я буду дѣлать ?... баринъ придетъ.... спросить.... что нужно ?... а я... Была ни была !... лучше-же мнѣ поразсказать все по маленьку, чѣмъ увидѣть ему своими глазами....

Охъ, гуча грозная наша !

Ты, Сидорычъ, служилъ не мало,

Но прежде службишка была,

А служба вотъ теперь настала!
 Ну, понатужь умшко свой,
 Въ тебѣ еще довольно силы...
 Ты вѣкъ свой вѣрнымъ былъ слугой,
 Такъ будь-же имъ и до могилы!..

—
 XII.

СЕРГАЧЕВЪ, НИКАНОРЪ.

СЕРГАЧЕВЪ (*выходя изъ комнаты съ правой стороны, особо*).
 Господи! что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? Неужели это мой Гриша!... Узнать не могу!... просто ни малѣйшей тѣни сходства съ прежнимъ моимъ Гришенькой!... Представьте только себѣ, сколько одного вина выпилъ. рюмку водки... да наливки четыре рюмки... а когда я удивился да замѣтилъ ему, что не много-ли, молъ, будетъ, Гришенька, смотри, чтобъ голова не закружилась... такъ вѣдь онъ что мнѣ отвѣчалъ?... Не безпокойтесь, говорить, дядюшка... поосушу, говорить, обѣ бутылочки, а въ трубу не попаду!... Да и разговоръ-то у него такой все странный!... Право, не подмѣнилъ-ли ужъ кто моего Гришу?..

НИКАНОРЪ (*стоя въ отдаленіи, съ рѣшительностью подходитъ къ нему*). Батюшка! Алексѣй Антонычъ!...

СЕРГАЧЕВЪ. А! Никанорунка!... Скажи на милость, что тебѣ такъ приспичило... Зачѣмъ ты вызвалъ меня чрезъ Василья Петровича?... Неужели такое важное дѣло... (*садится въ кресла*).

НИКАНОРЪ. Охъ, батюшка Алексѣй Антонычъ, ужъ такое важное, какъ никогда еще въ мою жизнь не бывало!...

СЕРГАЧЕВЪ (*испугавшись*). Что-жъ это такое?... Ужъ не пожаръ-ли въ деревнѣ?...

НИКАНОРЪ. Хуже, родной!... Кабы изба загорѣлась, такъ потушили-бы наши мужички... а кто погорѣлъ, тому помогли-бы вы, нашъ отецъ... а тутъ того гляди, такое горе со всеми съ нами приключится, что ужъ ни чѣмъ-то не поможешь...

СЕРГАЧЕВЪ. Да что-жъ это за горе въ самомъ дѣлѣ!.. я и придумать не могу!... Говори толкомъ, Наканорунка!...

НИКАНОРЪ. Батюшка!... Алексѣй Антонычъ!... Заставьте за себя вѣкъ Бога молить... отпустите отъ себя племянничка-то...

СЕРГАЧЕВЪ. Что? отпустить Гришу?... Куда? Зачѣмъ?... Что ты за вздоръ мелешь?

Никаноръ. Не вздоръ ! истинную правду !... Не отпустите, такъ худо вамъ будетъ.... не перенестъ вамъ, родной, его характера....

Сергачевъ. Да, что ты это, Никанорушка, съ ума что-ли, сошелъ? Съ чего ты взялъ, что у него дурной характеръ?...

Никаноръ. Все узналъ, батюшка.... всю подноготную выведалъ... племянникъ все рассказалъ....

Сергачевъ. Твой племянникъ?.. Хорошо !... такъ и быть.... я выслушаю, что онъ тебѣ рассказалъ.... посмотрю, до чего могутъ люди клеветать....

Никаноръ. Не клевета отецъ нашъ !... У меня сильна улыка !... Только не выдайте моего Никиту.... а не то вѣдь онъ его....

Сергачевъ. Ну, ну.... говори, что-жъ сдѣлалъ дурного мой племянникъ?...

Никаноръ (*вполголоса*). Во-первыхъ.... изъ тридцати-то лѣтъ служилъ всего годъ съ небольшимъ....

Сергачевъ. Вздоръ !... онъ только въ прошломъ году вышелъ въ отставку !...

Никаноръ. Какъ изволите!... а я говорю то, что за достовѣрное знаю....

Сергачевъ. Ну, хорошо.... дальше....

Никаноръ. Во все-то время только и дѣлалъ, что въ карты игралъ.... ночи просиживалъ.... иногда придетъ домой и есть нечего.... иногда столько денегъ принесетъ, что хоть у богача какого....

Сергачевъ. Ну, ну.... дальше....

Никаноръ. Рюмочку-съ до того изволить жаловать, что рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобъ этакъ.... ну, изволите понимать.... а ужъ въ это время хоть вонъ бѣги... такія исторіи подымаетъ, что людямъ страшно дѣлается....

Сергачевъ. Только ?

Никаноръ. Да и безъ рюмочки даже такія штуки иногда отпускаетъ, что больно слушать.... вотъ вѣдь сюда только что прѣхалъ, а ужъ успѣлъ, почитай, разругать Митродору Макарьевну да сына ея.... такъ, что они домой уехали....

Сергачевъ. Отчего-жъ мнѣ сказали, что за ней присылали изъ дому.... что къ ней становой прѣхалъ....

Никаноръ. Не знаю-съ.... а она такъ ужъ обижена, что, говорить, всѣмъ въ уздѣхъ перескажу, какой племянникъ прикатилъ къ Алексію Антонычу.... вѣкъ, говорить, буду ему мстить....

СЕРГАЧЕВЪ. Понимаю.... это все вамъ подѣ статью.... ну, теперь все сказалъ про Гришу?...

НИКАНОРЪ. Куда все!... это только цвѣточки...

СЕРГАЧЕВЪ. Какъ? неужли можетъ быть еще что-нибудь этого хуже?...

НИКАНОРЪ. Гораздо хуже.... Никита говорить.... что вотъ, какъ они ѣхали... да онъ эдакъ дорогой гдѣ выпьетъ лишнее.... такъ и начнетъ похвалиться.... прѣвду, говорить, въ деревню... всѣхъ возьми въ руки.... все на свою статью поставлю.... заставлю, говорить, дядюшку, во что-бы ни стало все имѣнье продать... всѣ доходы, говорить, буду обирать.... стану, говорить увздныхъ дураковъ обыгрывать.

СЕРГАЧЕВЪ (*съ волненіемъ*). Стой!... все-ли теперь сказалъ?...

НИКАНОРЪ. Одного только не вымолвилъ... да ужъ и боюсь...

СЕРГАЧЕВЪ. Ничего.... ужъ говори кстати.... я послушаю...

НИКАНОРЪ. Вѣдь онъ!... охъ, не знаю, какъ и сказать...

СЕРГАЧЕВЪ. Ну, ну!...

НИКАНОРЪ. Вѣдь онъ.... женать!

СЕРГАЧЕВЪ (*вскакивая*). Что? женать!

НИКАНОРЪ. Женать! ей, ей, женать!... и двое ужъ дѣтокъ!... малъ-мала-меньше!... Изволите помнить, какъ онъ прислалъ письмецо къ вамъ да просилъ благословенія на женитьбу.... вѣдь ужъ и тогда былъ женать!... Безъ вашего дозволенія былъ уже женать!...

СЕРГАЧЕВЪ (*выходя понемногу изъ себя*). Вздоръ!... ты врешь!

НИКАНОРЪ. Боже ты мой!... да зачѣмъ же я стану врать!... Да это-бы еще ничего, если-бъ только былъ женать.... а то взялъ бѣднягу.... нажилъ дѣтей.... да и знать ихъ теперь не хочетъ.... горемычная трудится день и ночь.... а онъ имъ вотъ уже другой годъ ни копейки не даетъ.... да и дома почти не жилъ!...

СЕРГАЧЕВЪ. Ты лжешь, говорю я тебѣ!... Гриша этого не сдѣлаетъ.... Теперь я понимаю, къ чему все это!... Вамъ любо было жить при мнѣ... старость моя да лѣность избаловала васъ.... вы дѣлали, что хотѣли.... можетъ быть, даже обманывали меня на каждомъ шагу....

НИКАНОРЪ (*озадаченный*). Батюшка! Алексѣй Антонычъ!...

СЕРГАЧЕВЪ (*внѣ себя*). Молчи! не говори мнѣ ни слова!... можетъ быть, ты первый былъ потачникъ!... и вотъ когда прѣхалъ

племянникъ.... когда вамъ, при его глазахъ, нельзя ужъ будетъ плутовать да обманывать господина.... вы давай выдумывать небыллицы ... Какъ могъ языкъ твой повернуться говорить о моемъ племянникъ....- (закашливается). Лгунъ! безстыдный лгунъ!... (Кашляетъ.)

Никаноръ (съ удивленіемъ). Я лгунъ!... Батюшка! да если вы мнѣ не вѣрите.... такъ вотъ извольте прочесть письмецо отъ его супруги!... (Подаетъ ему письмо.)

Сергачевъ (схвативъ и бросая письмо на столъ). Все вздоръ!... Это вы сами написали!... вонъ отъ меня!.. вонъ!... Чтобъ глаза мои больше тебя не видѣли!...

Никаноръ (остолбенѣвъ). Батюшка!... да за что же?... семьдесятъ лѣтъ....

Сергачевъ. Знать ничего не хочу!... вонъ!... вонъ!... или я!... (Падаетъ въ кресла и кашляетъ.)

Никаноръ (почти со слезами). Господи! и это за вѣрную мою службу!...

Сергачевъ. Вонъ, говорю я тебѣ!... я тебя видѣть не могу!... или ты уморить меня хочешь?...

Никаноръ (рыдая). Нѣтъ.... этого никогда не хотѣлъ Никаноръ.... для этого и говорилъ онъ.... ну, а если ужъ вы сами.... пусть будетъ, что Господу угодно.... (Въ отчаяньи уходитъ въ среднюю дверь.)

XIII.

СЕРГАЧЕВЪ, одинъ.

Да! да!.. всѣ они противъ него.... и все оттого, что я люблю его.... что онъ сынъ моей родной сестры.... и Никаноръ.... Никаноръ.... служилъ мнѣ семьдесятъ лѣтъ.... и никогда ничего я не видѣлъ въ немъ худаго.... всегда думалъ, что ужъ давнѣе его и человека нѣтъ.... (слышенъ за сценой хохотъ Хлыстова.) и вдругъ теперь.... и вотъ я его выгналъ.... въ первый разъ въ жизни выгналъ и разбранилъ!... А правъ-ли еще я?... Господи! чтожъ это со мной дѣлается?... неужели старость испортила до того мой нравъ, что я, не разсудя порядкомъ, обидѣлъ лучшаго моего друга?... Въдь если разсудить, что я до-сихъ-поръ вижу и слышу, такъ Гриша въ самомъ дѣлѣ, не совсѣмъ, чтобы былъ смиренный человекъ.... Бѣдный

Никанорюшка... онъ, можетъ, изъ любви ко мнѣ... но однакожъ осмѣлится такъ чернить моего роднаго...

Хлыстовъ (за кулисами). Вина! вина!...

Сергачевъ. Это кто тамъ кричить?...

Хлыстовъ (за кулисами). Эй! кто тамъ?... Никанорка! Никитка!... вина!... давайте вина!...

Сергачевъ. Господи! да это кричить Гриша!...

XIV.

СЕРГАЧЕВЪ, ДУНЮШКА.

Дунюшка (выбѣгая изъ комнаты съ правой стороны, въ испугѣ). Ахъ, дѣдушка! Мы не знаемъ, что дѣлать съ Григорьемъ Федорычемъ?...

Сергачевъ. Что такое еще? Что случилось, Дунечикъ?...

Дунюшка. Онъ все проситъ вина!

Сергачевъ. Да неужели онъ выпилъ объ бутылки съ паливкой!...

Дунюшка. Все выпилъ!... Не знаю, прикажете-ли вы подать ему еще?... онъ ужъ и безъ того говоритъ такія вещи, что, просто, страшно.... Василий Петровичъ его уговариваетъ.... да онъ и знать ничего не хочетъ....

Сергачевъ. Не давать ему больше ничего!... Что онъ?... гдѣ онъ?... вотъ я пойду къ нему....

Дунюшка. Дѣдушка! ради Бога, не ходите....

Сергачевъ. О, онъ увидитъ, что я еще не такъ старъ.... стало все, что говорилъ Никанорюшка... не совсемъ несправедливо.... а я....

Хлыстовъ (за сценой). Вина!...

Сергачевъ. Кричи!... вотъ я тебя уйму!....

Дунюшка. Бѣдный дѣдушка!... Боже мой! Боже мой! что съ вами будетъ, если онъ такъ станетъ вести себя....

Сергачевъ. Не беспокойся... постой, постой, дружочикъ.... (взявъ со стола письмо.) Прочти-ка мнѣ кстати вотъ это письмо.... (отдаетъ письмо Дунюшкѣ.)

Дунюшка (развертывая письмо, читаетъ.) «Нищета и отчаяніе заставляютъ прибѣгнуть къ вашему великодушію.... Вы не знаете даже, что у васъ есть несчастная племянница и двое малютокъ-внуковъ.... Мой мужъ обманулъ меня.... я думала, что онъ женится съ вашего дозволенія и надѣялась найти съ нимъ счастье.... но какъ я

горько ошиблась! Все, что только может назваться несчастіемъ, все это окружаетъ меня... отца и матери у меня уже нѣтъ, прочіе родные меня не хотятъ знать, потому что они все оскорблены жестоко моимъ мужемъ.... его самого я почти не видѣла въ послѣдній годъ нашего брака.... Я оставлена всеми и наконецъ совершенно брошена моимъ мужемъ.... онъ увъзжаетъ къ вамъ.... но не на радость будетъ и для васъ его пріездъ.... Дай Богъ, чтобъ онъ могъ измѣниться!... Я тружусь, много тружусь, но этихъ трудовъ недостаточно для моихъ дѣтей.... они подрастаютъ.... а въ будущемъ нѣтъ у меня никакихъ надеждъ!... сжальтесь надо мною...»

Сергачевъ (*растроганный*): Что я узналъ! Довольно, Дунѣчикъ!... А его!... (*со слезами*) и вотъ мои надежды!...

Я тридцать лѣтъ все Гришу дождался,
Жилъ для него, о немъ всегда мечталъ...
И вотъ съ какой вдругъ радостью спознался...
Всѣ, въ мигъ одинъ, надежды растерялъ!...
Я счастливъ былъ, на старости покоенъ,
Но, безъ него, ропталъ передъ судьбой!...
(*Твердо.*) Нѣтъ, нѣтъ, моей онъ крови не достоинъ!
Прочь отъ меня, онъ не племянникъ мой!

Хлыстовъ (*за сценой*). Да чтожъ вина!... давайте вина!... я пить хочу!...

Дунюшка. Дѣдушка! уйдемте отсюда.... я боюсь, что онъ придетъ....

Сергачевъ. Не безпокойся обо мнѣ, мой дружокъ.... видишь, какъ я твердъ и покоенъ!... пускай приходитъ.... я не буду ни кричать, ни горячиться.... мнѣ немного нужно ему сказать.... (*Садится въ кресла.*)

Дунюшка. Но онъ можетъ надѣлать непріятностей....

Сергачевъ. Ничего, голубчикъ.... за то въ первый и послѣдній разъ это будетъ.... По крайней-мѣрь, я ужъ лично удостовѣрюсь въ его прекрасныхъ качествахъ!... Бѣдный мой Никаноръ!... а я его такъ жестоко оскорбилъ!... (*Садится въ кресла, возль Дунюшка, заслоняя его.*)

XV.

ТѢЖЕ, ХЛЫСТОВЪ, ВЪЛКИНЪ.

Хлыстовъ (*пьяный, выходя съ Бълкинымъ изъ комнаты съ*

правой стороны). Да чтожъ эти ракалин, не слышатъ чтоли?... и вотъ всѣхъ ихъ попридушу!... всѣхъ въ трубу упрячу?... вина! и хочу пить!... Неужели здѣсь нѣтъ больше и бутылки наливки!...

Бѣлкинъ. Да я думаю, что пить.... Алексѣй Антонычъ совсѣмъ не пьетъ!...

Хлыстовъ. Не пьетъ!... да я пью!... Если онъ ждалъ меня, такъ долженъ былъ поприпасти.... да не такой дряни.... не наливки какой-то, а шампанскаго.... дюжину! двѣ дюжины! три дюжины!... по нашему! по петербургски!... прѣхалъ бы ты ко мнѣ.... задушилъ бы!... подъ столъ бы у меня воотправился!...

Бѣлкинъ. Да поведемте, я вамъ говорю, къ намъ въ городъ... Я васъ чуднымъ шампанскимъ угощу!...

Хлыстовъ. Ыдемъ! ѣдемъ!... А картишки будутъ?

Бѣлкинъ. Разумется, будутъ!

Хлыстовъ. А цыгане - распотѣшники водятся у васъ?

Бѣлкинъ. Два табора даже есть!

Хлыстовъ. Bravo! ѣдемъ!... за то ужъ, при первомъ случаѣ, и я тебя отблагодарю, я на одинъ день годового оброка не пожалю.... все на свой ладъ поставлю.... *(Сергачевъ хочетъ встать и говорить; Дунюшка знаками убѣждаетъ его молчать.)*

Бѣлкинъ. Да поведемте же!...

Хлыстовъ. Плута Никанорку въ трубу.... полно ему наговаривать на меня!... Барышню....

Бѣлкинъ. Тсъ! она здѣсь!...

Хлыстовъ. Ну, ее!... Ыдемъ!...

Бѣлкинъ. Ыдемъ, а ни съ мѣста!...

Хлыстовъ. Надоли мнѣ и въ Петербургъ эти бабы!... У нихъ только и есть, что слезы да охи!...

Бѣлкинъ. Да полноте же.... поведемте....

Хлыстовъ. Ыдемъ!... а дядю совершенно успокою!... Пусть сидитъ себѣ да мухъ ловить.... Я одинъ буду всѣмъ распоряжаться!...

Сергачевъ *(вставая)*. Нѣтъ еще! рано!...

Хлыстовъ *(Про себя)*. Ахъ, канальство! да онъ здѣсь!... Ну, не беда!... поправимся!...

Сергачевъ. Я старъ.... но во мнѣ хватить еще на столько силы, чтобъ не дать въ обиду и себя и тѣхъ, кого я люблю и кого я долженъ защищать по совѣсти и закону!... Ты называешь меня дядей....

но я не считаю болѣе тебя племянникомъ!... вонъ изъ моего дома!.. Ступай на всѣ четыре стороны!... Тотъ, кто забылъ честь, обязанности гражданина, мужа и отца... тотъ не жидецъ мой!... Ступай-же, говорю я тебѣ, и не смѣй никакъ являться ко мнѣ на глаза!... не смѣй даже писать ко мнѣ!... Иначе, я употреблю все... буду просить, какъ милости, чтобъ удалили тебя отъ меня, какъ чело­вѣка, вреднаго для себя и для общества!... Вонъ, говорю я тебѣ!... (падаетъ въ кресла.)

Хлыстовъ (Бѣлкину). Что онъ, шутить или нѣтъ?...

Бѣлкинъ. Оставьте его!... Поведите лучше!... или я одинъ удю... Меня ждутъ сегодня чудные цыгане и удивительное кляко!...

Хлыстовъ. Ну, ихъ! въ самомъ дѣлѣ! Ыдемъ!... (Уходитъ, качаясь, въ среднюю дверь.)

Бѣлкинъ (подбѣгая къ Сергачеву). Успокойтесь и не тревожьтесь ни о чемъ!... Я увезу его отъ васъ и надѣюсь, что ужъ онъ болше не покажется здѣсь!

Сергачевъ. Добрый чело­вѣкъ!... Сдѣлайте это и я готовъ для васъ на все!...

Бѣлкинъ. Согласитесь только на одну мою просьбу и я....

Хлыстовъ (за кулисами). Ей! гдѣ-же ты, молодецъ!... Ыдемъ, что-ли?...

Бѣлкинъ. Прощайте, добрыйшій Алексѣй Антонычъ....

Сергачевъ. Постой, голубчикъ.... какая-жъ твоя просьба?...

Бѣлкинъ. Спросите Авдотью Семеновну.... она вамъ все скажетъ.... Словомъ, участь моя въ ея и вашихъ рукахъ!... (Убѣгаетъ въ среднюю дверь.)

XVI.

СЕРГАЧЕВЪ, ДУНЮШКА.

Дунюшка. Боже мой! какъ я рада, что вы дѣдушка избавитесь отъ Григорья Федорыча....

Сергачевъ. Дружокъ мой!... если ты меня любишь, не говори мнѣ болше никогда о немъ.... (сб. слезами.) Прощай, Гриша!... Прощай на-всегда!... съ этой слезой разрываю всѣ наши родственныя связи!... (Вытираетъ слезы.) Благодарю Бога, что онъ не­допустилъ меня погубить тебя!... Ну, говори теперь мнѣ про Василья

Петровича... такъ-ли я понялъ?... Не хочеть-ли ужъ онъ у меня отнять тебя?...

Дунюшка. Да, дѣдушка...

СЕРГАЧЕВЪ. Дай ручку!... онъ твой!...

Дунюшка. Добрый дѣдушка!... (*Слышенъ звонъ колокольчика, Дунюшка подбѣгаетъ къ окну.*)

Дунюшка. Вотъ они!... уѣхали!...

СЕРГАЧЕВЪ (*со вздохомъ*). Добрый путь!

XVII.

* ТѢЖЕ. НИКАНОРЪ высовываетъ въ дверь голову.

СЕРГАЧЕВЪ. Гдѣ-жъ мой Никанорушка!... Боже мой! какъ я несправедливо его обидѣлъ!... Этого я въ жизнь себѣ не прощу... (*Никаноръ входитъ въ комнату.*) Нейдетъ ко мнѣ... вѣрно сердится на меня....

НИКАНОРЪ (*подходя къ нему и кланяясь въ ноги*). Батюшка! простите!...

СЕРГАЧЕВЪ. Старикъ!... другъ!... что ты это!... Поцѣлуй лучше меня и забудь, что случилось въ первый и послѣдній разъ, въ нашей семидесятилѣтней жизни! (*Цѣлуетъ Никанора.*)

НИКАНОРЪ (*въ радости*). Батюшка! Алексѣй Антонычъ!... да знаете-ли, что этотъ поцѣлуй дороже мнѣ всякаго золота!... Готовъ я былъ всегда для васъ въ огонь и воду, а теперъ ужъ и не знаю, куда за васъ пойду!...

Трудень былъ для насъ денекъ,
Да прошелъ счастливо,
И за то ужъ, дайте срокъ,
Заживемъ на диво!

НИКАНОРЪ и СЕРГАЧЕВЪ (*вмѣстѣ къ Публикѣ*).

Старость съѣла силы въ насъ,
Стали оба хилы,
Но мы оба просимъ васъ
Поддержать въ насъ силы!

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СОЧ. ЭМИЛЯ ОЖЕ, ПЕРЕДЪЛАННАЯ
СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ВОЛЬНЫМИ СТИХАМИ

В. Р. Зотовымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Клиній, 25 лѣтъ.
Парисъ, 40 лѣтъ.
Клеонъ, 50 лѣтъ.
Гипполита, 16 лѣтъ.
Управитель Клинія.

Дѣйствіе происходитъ въ Афинахъ, во время Перикла.

Комната, въ домѣ Клинія; мебель въ греческомъ вкусѣ. Посрединѣ столъ,
установленный кушаньями и винами.

I.

КЛЕОНЪ, КЛИНІЙ, ПАРИСЪ, лежать за столомъ.

ПАРИСЪ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Ну что-жь, друзья, вы всѣ вдругъ замолчали?
Задумались о чемъ, что такъ печальны стали!
Когда ужъ не о чемъ намъ больше говорить —
Такъ есть бокаль съ виномъ! мы станемъ пить,
Хоть за любовь...

КЛИНІЙ.

Все за одно и тоже!

Вы знаете! Я не могу любить.

ПАРИСЪ.

Не можешь? ну, такъ чтоже?

Мы станемъ пить, такъ, для того, чтобъ пить!

КЛИНІЙ.

Я вовсе не имѣю жажды.

ПАРИСЪ.

Ни я! но это не бѣда!

Повѣрь, что на пиру, когда

Всѣ пьютъ, пусть до того пьетъ каждый,

Чтобъ жажда наконецъ сама къ нему пришла.

И, вѣрно, безъ того изъ за стола

Не встанетъ онъ! Такъ будемъ дожидаться,

И въ ожиданьи напиваться.

КЛЕОНЪ.

Ты что-то черезъ чуръ ужъ сталъ краснорѣчивъ

ПАРИСЪ.

Что-жь? это впрочемъ и понятно!

Кто вѣчно сытъ, богатъ, доволенъ и счастливъ,

Тотъ говоритъ всегда пріятно!

Да! жизнь прекрасную на долю намъ послалъ

Зевесъ: веселье, радость, шутки,

Богатство, рядъ пировъ, съ виномъ бокаль

И превосходные желудки!

О чемъ-же плакаль здѣсь безумецъ Гераклитъ?

КЛИНІЙ.

Мой другъ Парисъ все объ одномъ твердить!

Но отчего-жъ скажи : мнѣ эта жизнь лишь мука ?

Я молодъ, я богатъ, здоровъ, но такъ томить

Меня мучительная скука,

Что жизнь покинуть я хочу.

КЛЕОНЪ.

Что ?

ПАРИСЪ.

Ты не шутишь ?

КЛИНІЙ.

Не шучу !

Мнѣ новаго давно ужъ жизнь не общаетъ,

И чтобъ узнать, что насъ за гробомъ ожидаетъ,

Я умереть хочу сегодня-жъ, черезъ часъ.

Я для того и созвалъ васъ,

Чтобы теперь, въ послѣдній разъ,

Безумствомъ, счастіемъ, веселостію упиться,

Потомъ и съ жизнію, и съ вами распротиться.

КЛЕОНЪ.

Ты, право, удивляешь насъ !

Возможно-ль ! умереть ! тебѣ ? въ такія лета !

Съ твоими средствами пріятно жизнь вести.

И вдругъ покинуть блага свѣта,

Сказать землѣ послѣднее прости !

Но какъ, за чѣмъ ?...

КЛИНІЙ.

Какъ ? Просто, безъ особаго геройства !

Вы знаете цикуты свойство :

Сокъ выжатый травы той — сильный ядъ ;

Онъ убиваетъ безъ мученій.

Имъ отравленъ былъ нашъ Сократъ,

Какъ жертва зависти и ложныхъ поученій,

А я весь вѣкъ, звѣая, жилъ,

Такъ умереть хочу смѣясь,

Затѣмъ, что ничего я въ жизни не любилъ,

Что я ничѣмъ не дорожилъ,

Тяжелой скукою томяся.

П А Р И С Ъ.
 Но, помнится, и ты бывало весель былъ,
 Пилъ, ѣлъ, игралъ, шутилъ, любилъ.

К Л И Н И Й.

И оттого-то я извѣдалъ пресыщенье,
 Что слишкомъ много пилъ и ѣлъ.
 Въ игръ я болѣе не чувствую волненья,
 И самому себѣ я страшно надоѣлъ.

П А Р И С Ъ.

Но женщины!...

К Л И Н И Й.

И къ нимъ я также охладѣлъ.

Два рода женщинъ я встрѣчалъ у всѣхъ народовъ :
 Хорошенькихъ — но дуръ, иль умныхъ, — но уродовъ.

П А Р И С Ъ.

Позволь тебѣ сказать : разборчивъ слишкомъ ты !
 На что умъ въ женщинъ ? — довольно красоты !

К Л Е О Н Ъ.

Но если ты не лицемеришь
 И страстью къ женщинамъ ужъ больше не горишь, —
 Надѣюсь, все-таки, что ты хоть дружбъ вѣришь,
 И хоть друзьями дорожишь ?

К Л И Н И Й.

Друзьями ! гдѣ они ? вы-развѣ ? извините !
 Я правдой васъ не оскорблю.

Не любите меня вы вовсе ! нѣтъ ! Скажите
 Спокойно это. Я васъ такъ-же не люблю.

П А Р И С Ъ.

Прекрасное признание !...

К Л Е О Н Ъ.

Но, другъ милый !...

К Л И Н И Й.

Къ чему мнѣ лгать передъ могилой,
 А вамъ обманывать меня ?
 И что мы за друзья ! Не разъ сходились вмѣстѣ
 Мы ужинать, и до другаго дня
 Мы оставались на мѣсть
 За кубками вина, не потому,

Чтобъ мы другъ другомъ дорожили,
Но потому, что насъ ужъ ноги не носили.

КЛЕОНЪ.

Когда мы только пить способны, почему
Ты не искалъ себѣ въ друзья людей извѣстныхъ,
И добродѣтельныхъ, и честныхъ.

КЛИНІЙ.

Межъ ними было-бъ мнѣ неловко самому.
Къ тому-жъ вы вѣрно не забыли,
Что насъ сограждане не очень полюбили,
На наши подвиги косясь ;
И мы за тѣмъ сошлись и очень дружны стали,
Что люди всѣ порядочные насъ
Къ себѣ въ Аѣинахъ не пускали.

КЛЕОНЪ.

Такъ ты рѣшился умереть,
Боялся криковъ ихъ и глупой ихъ морали ?

КЛИНІЙ.

Нѣтъ! въ этой грязи я боюсь огрубѣть
И погаупѣть.... какъ вы вотъ глупы стали.
Я въ этой жизни все на свѣтъ испыталъ,
Но счастья ни въ чемъ не видѣлъ, не встрѣчалъ.
И хоть не чтилъ я добродѣтель,
Но пусть мнѣ будетъ Зевсъ свидѣтель!
Порокъ мнѣ очень гадокъ стать!...

ПАРИСЬ.

Мнѣ вѣкъ мой такъ-же былъ не милъ, не свѣжъ, не розовъ, —
Но я сталъ пить, — и сдѣлался философъ.

КЛЕОНЪ.

Я, видя міръ продажнымъ, сталъ копить,
Чтобъ быть весь вѣкъ спокойнымъ, беззаботнымъ!...

КЛИНІЙ.

Нѣтъ! лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться животнымъ.

Я васъ не думаю винить!

Въ винѣ и въ золотѣ вы ищете забвенья,

А въ ядѣ я найду успокоенье,

Скупымъ и пьяницей — я не умью быть!

Вотъ разница межъ нами!

КЛЕОНЪ.

Ты конечно,

Не думая объ насъ, сравненіе привелъ ;
 Но въ этотъ страшный часъ, я, горестью сердечной
 Терзаяся, священнымъ долгомъ счелъ....
 Всъ убъжденія.... склонить тебя.... безопасно
 Ты смотришь такъ на жизнь ! не горести одна
 Сулитъ намъ этотъ свѣтъ, въ которомъ...

КЛИВІЙ.

Хоть передъ смертью ты не докучай мнѣ вздоромъ.
 Я знаю наизусть все, что ты скажешь мнѣ !
 И фразы громкія давно мнѣ надоели.
 Мы всъ идемъ къ одной и той же цѣли,
 И если я хочу скорѣе къ ней придти
 И отдохнуть отъ тяжкаго пути,
 Кто помѣшать мнѣ въ этомъ можетъ ?
 И еслибъ умереть изъ васъ здѣсь кто желалъ,
 Я-бъ вамъ ни слова не сказалъ !
 И ваша смерть меня нисколько не встревожитъ.

КЛЕОНЪ.

Такъ если правду говорить :
 Намъ то-же все равно ! изволь себѣ хоть жить,
 Хоть умирать !

ПАРИСЪ.

Я съ этимъ не согласенъ

Не все ты рассчиталъ, Клеонъ :
 По смерти намъ пировъ давать не будетъ онъ,
 А этотъ пиръ былъ такъ прекрасенъ !

КЛИВІЙ.

Ты правъ, Парисъ, но не совсѣмъ.
 Я мертвый буду вамъ полезенъ, чѣмъ при жизни
 Чтобъ память сохранить мою отъ укоризны,
 Хочу пожертвовать я всѣмъ ;
 И всъ мои огромныя имѣнья
 Я вамъ передаю въ наследство и владѣнье.

КЛЕОНЪ.

Возможно-ли?... Твои имѣнья намъ ?

Великодушный другъ! (*Встаетъ.*)

ПАРИСЬ.

Не вѣрю я ушамъ!

Чѣмъ заслужили мы? (*Встаетъ.*)

КЛИНІЙ.

Ничѣмъ не заслужили!

Вы это знаете! А впрочемъ вы-ли,
Другіе-ли, мнѣ быlobъ все равно,
Когдабъ тутъ не было условіе одно.

КЛЕОНЪ.

Условіе?

ПАРИСЬ.

Скажи-же намъ, какое?

КЛИНІЙ.

Довольно легкое для васъ, почти пустое:
Дня два или три тому назадъ,
Невольницу купилъ мнѣ управитель.
Я — слезъ и просьбъ холодный зритель,
Признаться долженъ вамъ, — ея увидѣвъ взглядъ,
Почувствовалъ къ ней сожалѣнье.
Но... впрочемъ далъ я повелѣнье,
Чтобъ здѣсь она была — и прежде долженъ я
Вамъ показать невольницу, друзья!...

(Хлопаетъ въ ладони; входитъ управитель съ Гипполитой)

—
II.

КЛИНІЙ, КЛЕОНЪ, ПАРИСЬ, ГИПОЛИТА, УПРАВИТЕЛЬ.

ПАРИСЬ.

Такъ хороша!

КЛЕОНЪ.

Прекрасна! Сколько стоитъ!

УПРАВИТЕЛЬ.

Талантъ!

КЛЕОНЪ.

Талантъ? Какъ дорого!

ПАРИСЬ.

Клеонъ!

Ты женской красотой не можешь быть плененъ.

Тебя лишь только то и беспокоитъ,

Что дорого! Я знаю, для тебя

Лишь то и хорошо, что только подешевле.

КЛЕОНЪ.

Другъ! люди умные такъ думали издревле,

Расходовъ лишннихъ не любя!

ПАРИСЪ.

А какъ зовутъ рабыню?

УПРАВИТЕЛЬ.

Гипполита!

ПАРИСЪ.

Гдѣ родина ея?

УПРАВИТЕЛЬ.

Она взята изъ Крита.

ПАРИСЪ.

Чѣмъ больше на нее гляжу,

Тѣмъ все ее прелестнѣй нахожу.

Стань, ручка, попка, все такъ мило!

Но для чегожъ глаза ты опустила,

Взгляни на насъ!...

КЛИНІЙ.

Довольно!... (управителю) увести!

Ее ты можешь! (Управитель уходитъ съ Гипполитой.)

Чтожъ, скажите:

Она вамъ нравится!

ПАРИСЪ.

Не думалъ я, чтобъ въ Критѣ

Красавицы такія были!

КЛЕОНЪ.

Да!

Я въ этомъ сознаюсь!

КЛИНІЙ.

Такъ вы мое условье

Легко исполните?

ПАРИСЪ.

Ее своею кровью

Купилъ-бы я охотно!

КЛИНІЙ.

Въ часть, когда

Разстаться съ жизнью я рѣшился,

И съ міромъ навсегда простился,

Мнѣ стало жаль невольницу мою

Оставить здѣсь одну, на волю рока,

Соблазновъ, бѣдности, порока.

Я даже ей хотѣлъ — отъ васъ я не таю, —

Оставить все мое имѣнье....

КЛЕОНЪ.

Помилуй!... по закону во владѣнье

Невольницу нельзя вводить....

КЛИНІЙ.

Невольницу — конечно, но женою,

Законною она вѣдь можетъ-быть?

И потому предъ смертью я устрою

Ея судьбу. Тому изъ васъ, мои друзья,

Имѣнье оставляю я,

Кто ей понравится, и за кого рѣшится

Она въ замужство выдти....

КЛЕОНЪ.

Какъ? что? вдругъ!

Любезничать съ рабой должны мы согласиться!

КЛИНІЙ.

Конечно!

ПАРИСЪ.

И на ней обязанъ я жениться?

КЛИНІЙ.

Когда она захочетъ!

КЛЕОНЪ.

Но, мой другъ,

Подумай!... согласишься!... такъ странно это средство!

КЛИНІЙ.

Я такъ хочу!

ПАРИСЪ.

Но мы хотимъ-ли: вотъ вопросъ!

КЛЕОНЪ.

Вдругъ не понравится невольницѣ мой носъ —

И я лишусь отъ этого наслѣдста!

КЛИВІЙ.

Безъ всякаго сомнѣнья!

КЛЕОНЪ.

Но зачѣмъ

Межъ нами, въ память дружбы, память братства,

Не хочешь пополамъ ты разделить богатства?

КЛИВІЙ.

Зачѣмъ? узнайте-же: зачѣмъ,

Что я хочу надъ вами посмѣяться.

Скажите сами вы: что можетъ-быть смѣшнѣй,

Когда два старика начнутъ вдругъ увиваться

За той, которая моложе и свѣжѣй

И лучше ихъ навѣрно втрое.

Къ тому-же дружбою вы хвалитесь прямою:

Клеонъ — Орестъ, Парисъ — Пиладъ.

Такъ не смѣшно-ли будетъ видѣть,

Когда здѣсь каждый другъ и братъ

Другаго станетъ ненавидѣть,

И перессорятся на вѣкъ

За деньги!... Впрочемъ къ нимъ такъ падокъ человекъ!

И передъ свѣтомъ вамъ ни чуть не будетъ стыдно.

ПАРВЪСЪ.

Надъ нами ты смѣешься?

КЛЕОНЪ.

Это видно!

КЛИВІЙ.

Напротивъ, я вамъ только мщу!

КЛЕОНЪ.

Ты мстишь, своимъ друзьямъ? я вѣрить не хочу!

За что?

КЛИВІЙ.

За то, что вы убили

Во мнѣ всѣ чувства лучшія души,

Что вы меня разврату научили.

Безъ васъ я жилъ-бы вѣкъ и въ мирѣ и въ тиши,

Вы на постыдную дорогу

Примѣромъ увлекли меня,

Я походить на васъ сталъ понемногу,
 И падалъ глубже я день ото дня.
 Вы добродѣтель осмѣяли,
 Вы постепенно заливали
 Во мнѣ порывы всѣ душевнаго огня.
 Вы отравили все, къ чему я былъ привязанъ,
 Во что я вѣрилъ въ лучшую пору;
 Я вамъ однимъ теперь обязанъ —
 Презрѣнемъ къ свѣту и добру
 И даже смертію отчасти;
 Но ваши мелочныя страсти
 Я осмѣять теперь хочу,
 Наружу вывести постыдныя пороки.
 Вы видите : я хорошу плачу
 За ваши прежніе уроки.

П А Р И С Ъ .

Клеонъ ! ты слышишь-ли ?

К Л Е О Н Ъ .

Не вѣрю я ушамъ !

П А Р И С Ъ .

Каковъ нашъ ученикъ ?

К Л Е О Н Ъ .

Угодно такъ богамъ !

Неблагодарныя въ нашъ вѣкъ не рѣдкость стали

П А Р И С Ъ .

Нѣтъ ! мы за пазухой змѣю отогрѣвали !...

Поди ! узнай-же ты людей !

Вливай въ сердца ихъ жить умънье !

За трудъ тебѣ — благодаренье

Обиды будутъ и презрѣнье.

И хорошо, что онъ души своей

Не скрылъ теперь хоть передъ нами.

Клянусь безсмертными богами !

Что даромъ я теперь коснуться не рѣшусь

До твоего имъня.

Я отъ наслѣдства откажусь

Рѣшительно, безъ сожалѣнья !

И гордостью полна теперь душа моя!...
Клеонъ откажется, какъ я же, безъ сомнѣнья!..

КЛЕОНЪ.

Могу-ль не отказаться я!
Когда Парисъ такъ храбро отказлся.

КЛИЦЪ.

Не горячитесь, друзья!...

Никто такъ скоро не рѣшался
Талантовъ сорокъ тысячъ потерять!

Подумайте лучше. Я узнать

Приду чрезъ полъ-часа рѣшенье ваше!...

Такъ много потерять!... вѣдь это страшный рискъ!

Размыслите! Прощайте! (*Уходитъ*).

ПАРИСЪ.

Василискъ!

Эхидна! лицемеръ! О, какъ я радъ, что наши

Сердца не измѣнили намъ. Клеонъ!

Надвюсь, ты отъ словъ отречься не намѣренъ?

КЛЕОНЪ.

Да отчегожъ, скажи мнѣ, онъ —

Что согласимся мы, заранъ былъ увѣренъ!...

ПАРИСЪ.

Онъ судить вѣрно по себѣ!

Докажемъ-же ему, что въ насъ онъ ошибался,

Что не ошибся я въ тебѣ!

Я не раздумывалъ — и тотчасъ отказался.

КЛЕОНЪ.

Оставшия одинъ — и я не колебался!

ПАРИСЪ.

Миръ, алчный золота — друзьямъ ты подивись!

Обнимемъ Клеонъ!

КЛЕОНЪ.

Обнимемъ Парисъ! (*Обнимаются*.)

За золото твое ты нашу честь не купишь!

КЛЕОНЪ.

А я не зналъ Парисъ, что денегъ ты не любишь!

П А Р И С Ъ .

Не любишь!... этого сказать я не хочу!...

Но благородство чувствъ цѣню я выше денегъ!

К Л Е О Н Ъ .

Не оттого-ли сталъ пеплонъ твой такъ худенекъ?

П А Р И С Ъ .

Но искусителю презрѣемъ я плачу.

К Л Е О Н Ъ .

Да, только этимъ ты платить теперь и можешь.

Ты благородствомъ чувствъ долговъ не уничтожишь!

Того смотри, тебя потребуютъ къ суду,

И за долги запрутъ!

П А Р И С Ъ .

Такъ чтожъ! я и въ темницѣ

Отраду въ чистой совѣсти найду!

К Л Е О Н Ъ .

Да совѣстью ты сытъ не будешь на бѣду,

И, кажется, что мы могли бы согласиться....

(Парисъ дѣлаетъ движеніе.)

Не изъ корысти!... никогда!

Я равнодушенъ былъ къ богатству завсегда.

Но мы изъ самолюбія могли-бы,

Мнѣ кажется, понравиться рабъ.

Вѣдь, слава Зевсу, мы не рыбы,

Не пни дубовые! Чтобъ, напримѣръ, тебѣ

Попробовать къ рабъ подбиться,

И Клинію на дѣлъ доказать,

Что могутъ въ насъ легко влюбиться,

И что напрасно онъ насъ думалъ осмѣять!

П А Р И С Ъ .

Конечно.... съ этой точки зрѣнья

Могли-бы мы легко.... безъ всякаго сомнѣнья....

Тѣмъ болѣе, что я, при взглядѣ на тебя,

Тебѣ завидую невольно.

Ты свѣжъ и бодръ еще!... такъ сохранилъ себя!

К Л Е О Н Ъ .

Да и въ тебѣ, Парисъ, силъ юности довольно.

Ты живъ и ловокъ, и уменъ,

И атлетически сложенъ !

П А Р И С Ъ .

Мнѣ тоже не одна красотка говорила !...
Невольница меня легко-бы полюбила.

К Л Е О Н Ъ .

И я понравиться ей, кажется бы, могъ !...

П А Р И С Ъ .

Я признаюсь : она меня давно пльвила.

К Л Е О Н Ъ .

Я къ ней почувствовалъ въ душѣ большой восторгъ.

П А Р И С Ъ .

Какой прекрасный станъ !

К Л Е О Н Ъ .

Какія руки, ноги !...

П А Р И С Ъ .

О ! еслибъ ею могъ я обладать ! — о боги !

Что выше быть моглобъ блаженства моего !

К Л Е О Н Ъ .

Такъ чтожъ ? попробуемъ !

П А Р И С Ъ .

Но Клиній думать можетъ,

Что мы изъ жадности къ имѣнью....

К Л Е О Н Ъ .

Ничего !

Не думай о словахъ его !

Меня такъ это не тревожить,

Кто любить истинно — пренебрегаетъ всѣмъ ,

И я, по совѣсти, не дорожу ничѣмъ,

Лишь только бы достигнуть цѣли,

Любимой женщиной владѣть !...

П А Р И С Ъ .

Мы на предметъ съ тобой совсѣмъ не такъ смотрѣли

К Л Е О Н Ъ

И ты рѣшаешься ?...

П А Р И С Ъ .

Какъ слѣдуетъ смотрѣть !...

III.

ПАРИСЪ, КЛЕОНЪ, КЛИНІЙ.

КЛИНІЙ, входя.

Вы согласились?

ПАРИСЪ.

Клеонъ мнѣ далъ советъ....

КЛЕОНЪ.

Парисъ мнѣ объяснилъ....

ПАРИСЪ.

По зрѣломъ обдуманьи....

КЛЕОНЪ.

Размысливъ.... взвѣсивши.... конечно.... безъ сомнѣнья....

КЛИНІЙ.

Вы принимаете условье или нѣтъ?

ПАРИСЪ.

Могуль я не принять, — когда Клеонъ рѣшился.

КЛЕОНЪ.

Парисъ мнѣ далъ примѣръ — ему я покорился.

КЛИНІЙ.

Какъ трогателенъ видъ такихъ, какъ вы, друзей!

ПАРИСЪ.

(Однако-же Клеонъ такъ нагло лицемерить!)

КЛЕОНЪ.

(Парисъ такъ сладко жжетъ!... пожалуй тотъ повѣрить.)

КЛИНІЙ.

Что дружбы истинной и выше и святѣй!

ПАРИСЪ.

Однакожь, Клиній, я давно Клеона знаю:

Онъ деньгами всегда пріобрѣталъ любовь.

КЛИНІЙ.

О деньгахъ говорить рабъ я запрещаю

И объ условіи!...

ПАРИСЪ.

Исполнить я готовъ

Желаніе твое!

КЛЕОНЪ.

Я также!

КЛИНІЙ.

Поздравляю!

Въ васъ дружба чистая, какъ въ зеркаль видна!...
Какъ благородны вы!... Но тише вотъ она!

IV.

ПАРИСЬ, КЛЕОНЪ КЛИНІЙ, ГИПОЛИТА.

КЛИНІЙ.

Скажи мнѣ, отчего дрожишь ты, Гипполита?

Обиды здѣсь тебѣ никто не нанесетъ!...

Невинность будетъ здѣсь твоя защита,

И красота тебя спасетъ!...

ГИПОЛИТА.

О Клиній! ты поймешь мой страхъ, мое смущенье!

Ты знаешь рождена рабой я не была,

Спокойно въ Критѣ я близъ матери росла,

Не зная горя, бѣды и огорченья.

На Критскомъ берегу гуляла я, когда

Меня разбойники морскіе захватили,

Въ неволю продали, отечества лишили!...

Печаль и горе мать мою убили,

Я съ ней и съ родиной простилась навсегда!...

Но хоть раба — я всежъ, какъ гражданка горда!..

Скорѣй рѣшусь сойти въ могилу,

Чѣмъ допущу себѣ безславые нанести,

Я смерть, а не позоръ могу перенести.

Чтобъ чистой въ гробъ сойти — въ груди найду я силу!...

И вѣрь мнѣ! — предъ тобой дрожу

Я меньше отъ стыда, чѣмъ отъ негодованья;

Хоть я твоя раба, тебѣ принадлежу,

Но честь моя — мое прямое достоянье!

ПАРИСЬ.

(Она глупа! ее мы побѣдимъ!)

КЛЕОНЪ.

(Она горда — мы ей польстимъ!)

КЛИНІЙ.

(Она чиста и благородна, —

Я дѣйствовать теперь могу свободно!)

Мнѣ дорога твоя судьба!
 Ты молода, чиста, прекрасна,
 Безъ средства-жъ жить тебѣ опасно.
 Когда ты хочешь быть счастлива и богата,
 Желанью повинуйся моему.
 Здѣсь двое юношей передъ тобой, два брата
 По знанью, состоянью, по уму.
 И влюблены въ тебя они, бѣдняжки, оба,
 Хотѣли-бы съ тобой прожить они до гроба....
 Такъ съ ними ты поговори,
 Ихъ хорошенько разсмотри,
 И выбери себѣ изъ нихъ супруга,
 Того или другаго *друга!*
 Они друзья между собой.
 А я приду узнать, чѣмъ конченъ выборъ твой, —
 И на достойнаго падеть онъ безъ сомнѣнья,
 И будешь ты супругой, не рабой! (*Уходитъ.*)

ГИПОЛИТЪ.

Я не могу придти въ себя отъ удивленья!...
 Онъ благороденъ, добръ, но отчего
 Такое принялъ странное рѣшенье?
 Какъ? замужъ выдти мнѣ, и за кого!
 Ахъ, какъ смѣшны они! — Я ничего
 Не понимаю просто въ этомъ!

ПАРИСЬ.

(Смѣлый Парись!...) О, ты! чья красота
 Надъ сердцемъ, нежной страстию согрѣтымъ,
 Давно ужъ властвуетъ!... Пускай твои уста,
 Такъ сладостно полураскрыты,
 Мнѣ скажутъ: жить иль умереть?

КЛЕОВЪ.

(Какой онъ вздоръ несетъ!) Надъ сердцемъ Гипполиты,
 Мнѣ кажется, тотъ можетъ власть имѣть,
 Кто принесетъ къ ногамъ прекраснаго кумира
 Съ покорной вѣрностью все блага міра!

ПАРИСЬ.

(Какія пошлости!) О! если бы скорѣй

Ты осчастливила меня своимъ избраньемъ.

КЛЕОНЪ, перебивая.

Въкъ угождать тебѣ — единственнымъ стараньемъ,
Единой мыслью было-бы моею!

НАРИСЪ.

Моя любовь тебя-бъ всю жизнь сопровождала....

КЛЕОНЪ.

Уборы, праздники — я все-бы далъ тебѣ....

НАРИСЪ.

Ты у меня въ дому въ блаженствѣ-бъ утопала....

КЛЕОНЪ.

Завидоваль-бы мнѣ твоей судьбѣ!...

ГИПОЛИТА.

(Какое рвеніе! и что все это значить?)

Одинъ плачетъ весь, другой чуть-чуть не плачетъ.)

НАРИСЪ.

Съ тобой вдвоемъ, далеко отъ Аѳинъ,

На лонѣ счастливыхъ Аркадіи долинъ,

Мы жили-бы въ тиши, въ восторгахъ утопая,

И счастье небесъ отъ смертныхъ глазъ скрывая!...

И былъ бы счастливѣй меня Зевесъ одинъ!

КЛЕОНЪ.

Нарисъ въ идилію пустился! Я-бъ Аѳины

Напротивъ роскошью и блескомъ удивлялъ,

Пиры роскошные давалъ,

Объеды, праздники, не безъ причины,

Но для того, чтобъ на моихъ пирахъ

Дивился цѣлый свѣтъ прекрасной Гипполитъ,

И чтобъ она была счастливѣе, чѣмъ въ Критѣ.

НАРИСЪ.

Ты вѣчно очень щедръ былъ — на словахъ?

КЛЕОНЪ,

Я слышу въ первый разъ, что хвалишь ты природу

И сельской жизни красоты!...

НАРИСЪ.

Не вѣрь ему! Я простъ душою, я — не ты!...

КЛЕОНЪ.

Нарисъ все лжетъ тебѣ! давъ языку свободу,

И самъ не помнить онъ того, что говорить!

ПАРИСЬ.

Повѣрь мнѣ, что Клеонъ вѣдь только что сулить.

КЛЕОНЪ.

Когда пошло на правду дѣло,

Такъ я скажу тебѣ, что невжный пастушокъ.

Въ искусствѣ бражничать гулякамъ дать урокъ.

ПАРИСЬ.

И я тебѣ признаюсь также смѣло,

Что тотъ, кто обещалъ тебѣ давать пиры,

Извѣстной скрягой былъ всегда, до сей поры!

КЛЕОНЪ.

Конечно! и, какъ ты, огромнаго имѣнья

Я на пирахъ не промоталъ!...

ПАРИСЬ.

Но случая за то, безъ всякаго сомнѣнья,

Повѣсть на счетъ чужой, Клеонъ не пропуская!

КЛЕОНЪ.

Ты очень сталъ уменъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ занимаешь

У Клинія всѣ остроты его?...

ПАРИСЬ.

Пусть занялъ я слова — по больше ничего,

А вотъ тебѣ, и самъ ты это знаешь,

Такъ не мѣшало бы занять,

Иль на прокатъ, пожалуй, взять,

Наружность и лицо немножко покрасивѣй!...

Что за глаза и что за ротъ!

КЛЕОНЪ.

Я вижу: у тебя вкусъ очень прихотливый!

Попробуй! выйди самъ въ народъ,

Что скажутъ про тебя!...

ПАРИСЬ.

Да чтобъ ни говорили,

Ужъ все я не такой, какъ ты — уродъ!...

КЛЕОНЪ.

Парись! тебя давно-ль подъ портикомъ побили?...

Смотри, не далеко отсюда до дверей!

ГИПОЛИТЪ.

Пойти и попросить, чтобъ розняли друзей. (*Убѣгаетъ.*)

ПАРИСЪ.

Ты что-то очень сталъ храбриться, старый скряга !...

КЛЕОНЪ.

Уймися, пьяница ! иль будетъ передрага !...

ПАРИСЪ.

Не думаешь-ли ты, что я тебя боюсь.

КЛЕОНЪ.

Что скажешь ты, какъ я въ тебя вцѣплюсь ?

ПАРИСЪ.

Гдѣ сила у тебя ? что ты разгорячился !

Ты чахъ надъ деньгами, хотъ толстѣ, но истощился.

КЛЕОНЪ.

Отъ пьянства, отъ пировъ ты весь такъ износился,

Какъ старая сандаля !

ПАРИСЪ.

Клеонъ !...

Ни слова болѣе !

КЛЕОНЪ.

А, старый Апполонъ,

Ты что-то очень расходился.

Ну ! выходи сюда ! изношенный Парисъ !

ПАРИСЪ.

Ты хочешь этого ! смотри же ! берегись ! (*Бросаются другъ на друга, входитъ Клиній.*)

V.

ПАРИСЪ, КЛИНІЙ, КЛЕОНЪ.

КЛИНІЙ.

Прекрасно ! вотъ друзья примѣрные !...

ПАРИСЪ.

О Боги !

Насъ Клиній подстерегъ !

КЛИНІЙ.

Ну, что-жъ вы съ полъ-дороги

Вернулись ! Я не мѣнаю вамъ !...

Я былъ давно готовъ къ подобнымъ чудесамъ.

Не удивять меня нисколько сцены эти!

И деньги дѣлають не то еще на свѣтъ.

ПАРИСЬ.

Какъ можешь думать ты, что деньги!...

КЛЕОНЪ.

Я готовъ

Поклясться!

КЛИНІЙ.

Такъ за что-жъ вы вздумали подрасться?

ПАРИСЬ.

Не деньги сдѣлали врагами насъ, — любовь!

КЛИНІЙ.

Любовь?

КЛЕОНЪ.

О да, любовь! — и въ этомъ мы сознаемся

Должны тебѣ, краснѣя... Я люблю

Рабыню безъ ума!

ПАРИСЬ.

Ее мы страстно любимъ.

КЛЕОНЪ.

Когда-бъ ты чувствовалъ, что я теперь терплю!

ПАРИСЬ.

Изъ за нея, повѣрь, другъ друга мы погубимъ.

КЛИНІЙ.

Довольно! вамъ меня не обмануть, друзья!

И истинной любви не испытать порочнымъ.

ПАРИСЬ.

Нѣтъ, Клиній, ты не правъ! Любовь моя

Вдругъ чувствомъ истиннымъ и прочнымъ

Тѣмъ больше сдѣлалась, что я

Съ людьми пустыми только знался,

И утопалъ въ пирушкакъ безъ стыда,

И на невинность никогда

Мой тусклый взоръ не поднимался!

КЛЕОНЪ.

Ты правъ, Парись! я до-сихъ-поръ не зналъ:

Въ какое сладкое волненье

Невинной женщины приводить появленье.

Повѣрь, и я лишь счастье испыталъ,
 Когда къ невинности почувствовалъ любовь!
 клиній.

Вы правы! только всежъ не съ вами, вѣрно, вновь
 Произойдетъ такая перемѣна!
 И ваша давшія сцена....

клеонъ.

Повѣрь намъ!

парисъ.

Испытай, какъ въ насъ любовь сильна!

клеонъ.

Любовники! вы съ насъ примѣръ теперь берите!

клиній.

(Ужель ошибся я?..)

Вы подали мнѣ мысль прекрасную!... пришлите
 Невольницу ко мнѣ!... Вамъ послѣ я скажу,
 На что рѣшился я, теперь.... уйдите!... (Задумывается.)

клеонъ, стлкаясь съ Парисомъ въ
 дверяхъ.

Парисъ?

парисъ, также.

Клеонъ!

клеонъ.

Вѣдь-ты, какъ погляжу,

Пожалуй, на меня не въ шутку разсердился!...

парисъ.

Я все давно ужъ позабылъ!...

клеонъ.

Назвавши пьяницей тебя — я пошутилъ.

парисъ.

Сказавши, что ты скупъ и глупъ — я горячился!

Бываешь часто ты такъ щедръ, и такъ уменъ....

клеонъ.

Хоть пьешь и много ты, но всежъ тебѣ, признаться,

Не приходилоя по улицамъ валяться?...

парисъ.

Друзьямъ не слѣдуетъ размоляками считаться.

клеонъ.

Обнимаемъ, Парисъ!

ПАРИСЬ (Обнимаются и уходят).

Обнимемся, Клеонъ!

ПАРИСЬ, одинъ.

Влиянье чистоты ужели такъ опасно?...

Ужели женщина насъ можетъ покорить

Своей невинностью?... она чиста, прекрасна,

Но мы за это ли должны ее любить?...

Она гордиться можетъ чистотою

Передъ уродами такими, какъ Парись.

Посмотримъ: тоже ли она передо мною

Заговорить?... Потупивъ глазки внизъ,

За все мои богатства и имѣнья,

Себя продасть она безъ размышленья!...

VI.

КЛИНІЙ ГИПОЛИТА.

ГИПОЛИТА.

Ты звалъ меня, мой господинъ?...

КЛИНІЙ.

Ужели

Забыла ты, что я тебѣ свободу далъ?

Я твой не господинъ!... На дѣль

Тебѣ я это доказалъ,

Твою невинность уважая,

Тебѣ супруга выбрать позволяя —

Скажи-же, на кого изъ нихъ твой выборъ палъ?

ГИПОЛИТА.

О! Клиній! для чего ты такъ шутилъ жестоко?

Меня спасти ты хочешь отъ порока —

И хочешь, чтобъ порокъ здѣсь мною обладалъ!

КЛИНІЙ.

Но я тебя не понимаю?...

Ужель мои друзья не нравятся тебѣ

ГИПОЛИТА.

Ты могъ ихъ предложить въ мужья твоей рабѣ,

Но я на рабство ихъ свое не промѣняю.

КЛИНІЙ.

Такъ ты нашла дурными ихъ?

Ужель обоихъ? Ктожь изъ нихъ
По-крайней-мѣрь лучше?

гипполита.

Оба хуже!

Они смѣшны, и злы къ тому-же...
Но ты ихъ другъ, и я молчу!

клиній.

Я отъ тебя всю правду знать хочу!
Свободно ты во всемъ признайся,
И, говоря объ нихъ, нисколько не стѣняйся —
Какъ будто бы я ихъ терпѣть не могъ.

гипполита.

Когда

Ты хочешь этого, то слушай. Въ нихъ слѣда
Нѣтъ здраваго ума; слова ихъ такъ ничтожны,
Такъ пусты, приторны и ложны;
Въ поступкахъ ихъ видна вся мелкая душа,
По лицамъ ихъ безжизненнымъ, усталымъ,
Болзненнымъ и исхудалымъ
Такъ видно, что они жизнь прожили, спѣша
Упитясь грязными страстями;
И невоздержными забавами, пирами
Убили, не доживъ еще до позднихъ дней,
Рядъ благородныхъ чувствъ, возвышенныхъ страстей.

клиній.

(Какой огонь и умъ!) Ты судишь слишкомъ строго!
Хотя въ твоихъ словахъ ума и правды много!...
Я вѣрю, что тебѣ не нравятся они;
Но позабудь объ нихъ и на меня взгляни:
Скажи: какъ ты меня находишь?

гипполита.

Но, Клиній, ты меня въ смущеніе приводишь?...
Я не могу понять!...

клиній.

Немножко лучше ихъ,

Я вдесятеро ихъ богаче и моложе.
Хоть на пирахъ, на праздникахъ моихъ,

Я невоздержностью униженъ тоже,
 Но много есть во мнѣ сердечнаго огня!...
 Скажи: ты хочешь-ли всегда вблизи меня,
 Живя въ богатствѣ роскоши и счастья,
 Забыть судьбы невзгоду и пристрастье.
 Повѣрь, ты будешь счастлива со мной,
 И вѣчно пламенный, любовникъ страстный твой
 Всю жизнь тебя ласкать, лелѣять будетъ,
 И если жизнь его судьба прерветъ
 Въ послѣдній часъ тебя онъ не забудетъ
 И духъ его, въ Айдесъ направя свой полетъ,
 Все золото тебѣ, богатство все оставитъ!...

гипполита.

Вы, боги! слышите, какъ онъ меня безславить?
 Онъ знаетъ, что меня никто не защититъ
 Въ его дому отъ оскорбленій!
 Но пусть на одного его падетъ весь стыдъ
 Такихъ позорныхъ предложеній.

клиній.

Что значить?... Развѣ ты меня не поняла?...

гипполита.

О! я вполне понять тебя стыжуся!...
 Теперь — ты для меня сталъ низокъ!... Признаюсь,
 Я такъ въ тебѣ увѣрена была,
 Что еслибъ кто нанесъ мнѣ оскорбленье,
 Довѣрчиво, души послѣдовавъ влеченью,
 Къ тебѣ бы я тогда пришла
 И скрылась подъ твою защиту!...
 И чтожъ, ты самъ теперь позоришь Гипполиту!...

клиній.

Что вижу? плачешь ты!... Тебя я оскорбилъ!...

гипполита.

Когда бъ еще моимъ ты господиномъ былъ,
 И сдѣлалъ мнѣ такое предложенье,
 Я избрала бы смерть, пославъ тебѣ презрѣнье;
 Но ты меня освободилъ,
 Со мною связанъ ты благодареньемъ!...

И подвигъ благородный твой
Обиднымъ унижаешь ты признаьемъ.
Я за тебя стыжусь!...

Клиний.

Довольно!... голосъ твой

На сердце пробудилъ взволнованную совѣсть!
Какъ мнѣ ясна теперь постыдной жизни повесть!...

О! я теперь постигъ и разгадалъ,

Какъ чисто было все, что такъ я осмѣялъ,

Чего въ душѣ не признавалъ,

Надъ чьмъ постыдно издѣвался,

Что отвергалъ, чего гнушался.

Молю тебя! Прости меня! прости!

Я безъ того наказанъ рокомъ!...

Въ безвѣріи ужасномъ и глубокомъ

Я осужденъ былъ жизнь вести;

Своими чувствами другихъ поступки мѣрять,

Святой невинности не вѣрять,

Не знать возвышенныхъ страстей,

И встрѣтяться съ чистою, прекрасною душою,

Страдать и понимать; что я ее не стою,

Что я безумецъ и злодѣй!...

Скажи: ты можешь-ли забыть о предложеньи?

Гипполита.

Раскаянье твое смываетъ оскорбленье,

И Клинія въ тебѣ я снова узнаю!

Клиний.

Благодарю тебя!... Я полную даю

Теперь тебѣ свободу! Возвратися

Въ отечество, или останься здѣсь,

Иль быть супругою рѣшился, —

На все согласенъ я...

Гипполита.

Нѣтъ! нѣтъ! Вашъ городъ весь,

Всѣ ваши граждане, поэты

Изнѣжены, порочны; въ нихъ давно,

Все благородное на вѣкъ истреблено;

Огнемъ душевнымъ не согрѣты,
 Излишествомъ изнурены,
 Они иль жалки, иль смѣшны!
 Въ отечествѣ моемъ найду я средство къ жизни!
 Мнѣ будето весело страдать въ моей отчизнѣ.

КЛИНІИ.

О, ты права! бѣги скорѣе изъ Аѳинъ!
 Здѣсь воздухъ зараженъ дыханіемъ порока!...
 Бѣги на островъ твой. Здѣсь безъ тебя одинъ
 Я кончу жизнь свою по волю злаго рока,
 Но отправляясь въ дальній путь....
 Когда бъ ты приняла! (*Гипполита гордо взглядываетъ на него.*)

Прости меня, забудь...

Забудь мои слова.... Но я тебя увижу
 Въ послѣдній разъ?... (*Гипполита молча подаетъ ему руку, которую онъ прижимаетъ къ сердцу; Гипполита уходитъ.*)

О жизнь! тебя я ненавижу?

Скорѣе смерть!... Она принять
 Отъ Клиніи живаго не хотѣла
 Его богатствъ, но мертвый завѣщать
 Хоть что-нибудь ей въ память можетъ смѣло,
 И мертвецу она не можетъ отказать! (*Хочетъ уйти.*)

VII.

КЛИНІИ, КЛЕОНЪ, ПАРИСЬ.

КЛЕОНЪ, останавливая его.

Куда ты, милый другъ?

ПАРИСЬ.

Куда ты, другъ безцѣнный?

КЛИНІИ.

Я!... никуда!... (О! родъ людей презрѣнный!
 Чѣмъ мнѣ тебя унизить, оскорбить....
 А! передъ смертью я надъ ними
 Хочу еще разъ подшутить.)

КЛЕОНЪ.

Ты что-то говоришь?

П А Р И С Ъ .

Не надо-ль услужить

Тебѣ? располагай друзьями ты своими.

К Л И Н И Й .

Я шель за вами?...

П А Р И С Ъ .

А?... а мы къ тебѣ!

Вотъ симпатія-то!...

К Л И Н И Й .

Вы къ ней, къ моей рабѣ,

Все той-же страстию горите,

Все любите ее?

П А Р И С Ъ .

О небеса! падите

Вы на мою главу, когда ее

Лишится долженъ я;

К Л Е О Н Ъ .

Я безъ нее

Умру невѣрное!

К Л И Н И Й .

Такъ съ ней поговорите

Еще вы. Можетъ быть, она

Свой выборъ сдѣлать согласится.

Просите вы ее рѣшиться,

Но такъ, чтобы въ словахъ душа была видна!...

А чтобъ того утѣшить, кто лишится

Блаженства ею обладать,

Рѣшился я ему имъне завѣщать!...

Надѣюсь эта мысль все споры прекращаетъ:

Пускай одинъ изъ васъ рабою обладаетъ,

Другой — богатствами.... Васъ оставляю я!...

Смѣлуй на новый бой — примѣрные друзья!...

(Они такъ оба къ деньгамъ падки,

Такъ низки, приторны и гадки,

Что будетъ полною и вѣрной месть моя! (Уходитъ.)

П А Р И С Ъ .

Клеонъ! мнѣ кажется, что онъ трунить надъ нами.

КЛЕОНЪ.

Насъ унижаетъ онъ, Парисъ, клянусь богами!

П А Р И С Ъ.

Но мы зашли ужъ слишкомъ далеко.
Чтобъ отъ исканій нашихъ отказаться!..
Должны мы нашей цѣли добиваться
Во чтобъ ни стало!..

КЛЕОНЪ.

Да, но это не легко!

П А Р И С Ъ.

(Придется мнѣ съ имѣнїями проститься!
Клеонъ такъ глупъ и толстъ! ну какъ въ него влюбиться?)

КЛЕОНЪ.

(Я вижу; рокъ меня имѣнїя лишилъ!
О, если бы Парисъ не такъ хотъ гадокъ былъ!

П А Р И С Ъ.

Послушай, другъ Клеонъ, я за тебя боюсь!
Борьба межъ нами будетъ неравна.
Тебя не выберетъ она!

КЛЕОНЪ.

(Объ этомъ только я Зевесу и молюся.)

П А Р И С Ъ.

Но какъ понравиться я дамъ тебѣ советъ :
Въ тебѣ ни граціи, ни нѣжныхъ жестовъ нѣтъ!
Старайся ты мои перенимать движенья,
Походку томную, взглядъ, полный выраженья...
Смотри, какъ хороша наружность вся моя,
А главное : ты будь любезенъ такъ, какъ я!..

КЛЕОНЪ.

Парисъ! повѣрь, смѣшна изнѣженность твоя!
Напротивъ, я-бъ тебѣ советовалъ : стараться
Быть мужемъ, нагло такъ глазами не мигать,
Не изгибаться такъ, по женски не смѣяться,
И зубы тщательно скрывать?

П А Р И С Ъ.

Другъ! въ профиль ты не становишься,
Ты знаешь : у тебя кривъ носъ!..

КЛЕОНЪ.

Она идетъ.

Парисъ! Смотри же, развернися.

Зевесъ! зачѣмъ я не уродъ!

УП.

КЛЕОНЪ, ГИПОЛИТА, ПАРИСЪ.

ГИПОЛИТА.

Здѣсь нѣтъ его.... а я хотѣла съ нимъ проститься.

Проститься!.... Клинія я думала найти! (*Хочетъ уйти.*)

ПАРИСЪ.

Послушай, мы должны съ тобою объясниться!

Докучивость ты нашу намъ прости,

Но ты еще намъ не дала отвѣта,

Кого изъ насъ ты выберешь въ мужья?

Здѣсь приговора ждутъ несчастные друзья!

ГИПОЛИТА.

Мнѣ кажется, что ясно было это....

Я вамъ могу сказать одно....

КЛЕОНЪ.

О погоди!

Рѣшеніе свое обдумай, обсуди!

ГИПОЛИТА.

Мнѣ думать нечего! могу я удивляться,

Какъ послѣ сцены давишней могли

Еще вы въ этомъ сомнѣваться.

КЛЕОНЪ.

Въ поступкѣ мы твоемъ отвѣта не нашли

И Клиній намъ велѣлъ вторично предложенье

Тебѣ руки и сердца повторить.

ГИПОЛИТА.

Какъ Клиній самъ?... (Какое униженіе!

И послѣ словъ его.... когда ему открыть

Я все рѣшилася?... Объ нихъ давно-ли

Онъ мнѣ съ презрѣньемъ говорилъ?

И онъ опять приказъ имъ тотъ-же повторилъ!...

О сердце, сердце! рвись отъ боли!

Меня онъ презираетъ....)

П А Р И С Ъ.

Признаюсь!...

Соперничать съ Клеономъ я боюсь!

Такъ выше онъ меня умомъ, здоровьемъ, чувствомъ!

К Л Е О Н Ъ.

Парисъ такимъ блистательнымъ искусствомъ

Владеть: женщинъ онъ давно привыкъ пльнать,

Ужели передъ нимъ ты можешь устоять?

Г И П Н О Л И Т А.

Я право васъ не понимаю:

Другъ друга такъ бранили вы давно-ль?...

П А Р И С Ъ.

Я былъ несправедливъ?...

К Л Е О Н Ъ.

Я былъ неправъ!...

П А Р И С Ъ.

Позволь

Мнѣ объяснить гебъ!... я правды не скрываю,

Хотя-бъ она должна была мнѣ повредить....

Ты видишь, какъ я худъ и блѣденъ!... Посмотри-же,

Какъ другъ мой и здоровъ и свѣжъ! Взгляни поближе!

Здоровый человекъ лишь мужемъ долженъ быть,

И только лишь одна толстуетъ добродетель —

Порокъ и тощъ и худъ, и я тому свидѣтель....

Г И П Н О Л И Т А.

Какъ откровененъ ты!...

П А Р И С Ъ.

Да это мой порокъ!

Я также вспылчивъ, золъ, капризенъ, грубъ, жестокъ!

И ужъ во всемъ теперь сознаюсь!

Еще я пить люблю — вотъ всѣ мои грѣхи!

И сверхъ того пишу я иногда стихи!...

А хуже этого — пить ничего, ручаюсь!

К Л Е О Н Ъ.

Ты откровененъ такъ, Парисъ! я самъ признаюсь,

Что очень невоздерженъ я и скупъ,

Завистливъ, трусь большой, порой немножко глупъ,
И на здоровье я свое не полагаюсь!...
Я съ виду молодежавъ, но впрочемъ очень старъ,
И кто такъ толстъ, какъ я — тому грозить ударъ!

П А Р И С Ъ.

Не вѣрь ему! тебя онъ до безумья любитъ.
Отказъ твой ъднаго погубить!
Онъ мнѣ клялся повѣситься тогда!

К Л Е О Н Ъ.

Кто? я повѣшуся?... Клянусь!... я никогда
Не въшался и не повѣшусь!
Когда ты мнѣ откажешь — я утѣшусь!
Непостояненъ я и вѣтренъ былъ всегда!

П А Р И С Ъ.

Клеонъ! ты на себя клеветишь! (*Гипполитъ.*) Я увѣренъ
Что онъ умретъ.... такъ пылокъ онъ!

К Л Е О Н Ъ.

Отстань-же; умирать я вовсе не намѣренъ
Съ чего ты взялъ?

П А Р И С Ъ.

Я въ этомъ убѣжденъ.

К Л Е О Н Ъ.

Послушай-же, Парисъ!

П А Р И С Ъ.

Послушай-же, Клеонъ!

Г И П П О Л И Т А.

Я васъ прошу меня оставить....

Вы вскорѣ мой узнаете отвѣтъ

Рѣшительный: да или нѣтъ!

Не стану съ вами я, повѣрьте мнѣ, лукавить?...

К Л Е О Н Ъ.

Подумать хочешь ты наединѣ

Сама съ собой?... должны мы покориться!

Пойдемъ, Парисъ!

П А Р И С Ъ.

И такъ должны мы удалиться!

Прощай, жестокая! Не думай обо мнѣ!... (*Хотятъ уйти.*)

К Л Е О Н Ъ, возвращаясь тихо къ Гипполитѣ.

Ты не забудь: я трусь! возьми Париса.

Парисъ, отводя Клеона, Гипполитъ тихо.
Ты вспомни, что я золь: Клеона избери!

Клеонъ, также.
Тебя я буду мучить! берегися!...

Парисъ, также.
Я сдѣлаю тебя несчастною, смотри!

Клеонъ, также.
Я жалокъ! счастье ты Парису подари!

Парисъ, также.
Повѣрь, Клеонъ умретъ, какъ Клиній!...

Гипполита.
Что такое?

Ты говоришь о Клиніи!...

Клеонъ.

Пустое,

Не отравлюся я, какъ Клиній, никогда!...

Гипполита.

Отрава? смерть! но что все это значить?

Скажите мнѣ, молю васъ!...

Клеонъ.

Ничего!...

Онъ хочетъ отравиться оттого,

Что здѣсь объ немъ никто по смерти не заплачетъ,

И что онъ въ жизни самъ не любитъ никого.

Парисъ.

Да! онъ отъ скуки умираетъ!

И жить не хочетъ потому,

Что и къ нему никто любовью не пылаетъ.

Я вѣрю, безъ любви жизнь такъ тяжка ему.

Клеонъ.

Я думалъ, что ужъ онъ давно съ тобой простился,

Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ выпить ядъ ...

Сокъ изъ травы цикуты... говорятъ,

Что такъ Сократъ философъ отравился.

Но мы тебѣ мѣшаемъ размышлять.

Идемъ, Парисъ!

Парисъ.

Чтобъ жизни не лишился.

Клеонъ, повъръ, тобой онъ долженъ обладать!

(Клеонъ тащитъ Париса. Оба уходятъ.)

ГИПОЛИТА.

Такъ Клиній былъ-бы живъ, когда-бы онъ влюбился!

Но онъ не любитъ никого!

Онъ бѣдныхъ женщинъ презираетъ,

И жизнь скучна ему, и здѣсь ничто

Его къ себѣ не привлекаетъ;

Ни слава, ни любовь, ни синій сводъ небесъ?...

За жизнь его возьми мою ты жизнь, Зевесъ!...

Онъ!... О! я все узнать должна!

—

IX.

ГИПОЛИТА КЛИНІЙ.

КЛИНІЙ.

Париса

Съ Клеономъ встрѣтилъ я, мы въ портикъ сошлись.

Скажи, они навѣрное съ тобой

Опять о страсти говорили?

ГИПОЛИТА.

Они мнѣ предложеніе повторили.

КЛИНІЙ.

И ты рѣшилася?...

ГИПОЛИТА.

Рѣшилася быть женой!...

КЛИНІЙ.

Что слышу я, но чьей-же?...

ГИПОЛИТА.

Я совета

Просить хотѣла у тебя:

Кого мнѣ выбрать?...

КЛИНІЙ.

Но... мнѣ странно это....

Къ чему совѣтовать!... и если ты, любя

Кого-нибудь изъ нихъ, рѣшилася....

ГИПОЛИТА.

Ты самъ-же убѣждалъ меня... я согласилась!...

И думаю: Парисъ хорошій будетъ мужъ!

КЛИНИЙ.

Парисъ!... Да онъ досель не отрѣзвился,
Отъ прежнихъ лѣтъ... онъ дерзокъ, и къ тому-жъ
Отъ пьянства и ума лишился!...

ГИПОЛИТА.

Такъ, можетъ-быть, Клеонъ?

КЛИНИЙ.

Клеонъ?

Париса вдвое хуже онъ!

Въ томъ есть — когда онъ пьянъ, — и щедрость и отвага,
А этотъ — жалкій трусъ и скряга!...

ГИПОЛИТА.

Но ты-же ихъ въ мужья мнѣ предлагалъ?

КЛИНИЙ.

Я думалъ, что когда ты ихъ сама увидишь,
То станешь презирать или возненавидишь....

Но я ошибся!... я не зналъ,

Что ихъ полюбишь ты! Забудь, что я сказалъ!...

Тебѣ мѣшать я права не имѣю

Я не съ невольницей бесѣдую мою,

Я самъ тебѣ свободу далъ, —

И выборъ этотъ пусть тебя погубить!

ГИПОЛИТА.

(Благодарю, Зевесъ! меня онъ любитъ!)

—
X.

ГИПОЛИТА, КЛИНИЙ, УПРАВИТЕЛЬ, съ чашею въ рукахъ.

УПРАВИТЕЛЬ.

Мой господинъ! по твоему вельнью

Я чашу приношу!...

ГИПОЛИТА.

(О, боги!... ядь!...)

КЛИНИЙ.

Ужель

Такъ скоро часъ насталъ? Но мнѣ-ль

О жизни предаваться сожалѣнью?...

Нѣтъ, смерть одна теперь моихъ желаній цѣль!

Поставь сюда! (Управитель ставитъ чашу на столъ.)

УПРАВИТЕЛЬ.

И ты надъ нами

Не сжалишься?

КЛИНІЙ.

Молчи!

УПРАВИТЕЛЬ.

Клянусь богами!

Рабы твои все плачутъ!

КЛИНІЙ.

Удались! (*Управитель уходитъ.*)

Пусть будетъ счастливымъ Клеонъ или Парисъ!...

Но намъ пора проститься, Гипполита!

Мнѣ въ жизни болѣе не свидѣться съ тобой;

Пусть будетъ самъ Зевесъ твоей защитой,

Пусть жизнь твоя пройдетъ, хранимая судьбой!...

ГИПОЛИТА.

Благодарю тебя! но вѣрь, что ни Париса

И ни Клеона я не выберу въ мужа!...

КЛИНІЙ.

О! ты права! въ тебѣ такъ былъ увѣренъ я!

Они тебя не стоятъ! удались

На родину твою, въ цвѣтущій Критъ....

ГИПОЛИТА.

Ужели Клиній тамъ меня не посѣтитъ?

КЛИНІЙ.

Нѣтъ! нѣтъ! мнѣ путь другой, далекій предстоитъ!

Прощай-же... Никогда я жизни моею

Не дорожилъ, но въ этотъ часъ,

Повѣрь мнѣ, я объ ней жалю.

И если есть за гробомъ жизнь у насъ,

И тамъ тебя я не забуду,

И въ мрачной области тьней

Лишь о тебѣ я думать буду!...

Прощай-же!... о, бѣги скорѣй!

Я долженъ здѣсь одинъ остаться!... Этимъ взглядомъ,

Молю, не жги меня!... Мнѣ бодрость такъ нужна!...

ГИПОЛИТА, съ воплемъ.

Такъ хочешь безъ меня ты выпить чашу съ ядомъ?...

Клиний.

О боги! знаетъ все она!...

Но кто сказалъ тебѣ?...

Гипполита.

Твои друзья!

Клиний.

Ужели

Они и помолчать разъ въ жизни не умѣли!...

И такъ, ты знаешь все?... Да и къ чему скрывать!

Бѣги-же! о, бѣги, чтобъ не видать

Предсмертныхъ Клинія мученій.

Гипполита.

О Клиний! добрый другъ! моихъ моленій

Ты не отвергнешь? не умрешь?

Не правда-ль?

Клиний.

Нѣтъ, твои моленія напрасны!

Я долженъ умереть!..

Гипполита.

Слова твои ужасны!

О Клиний! неужель меня ты не поймешь?

Я всѣмъ тебѣ обязана....

Клиний.

Ни мало!

Я всѣмъ тебѣ обязанъ! безъ тебя

Вся жизнь моя въ безумствѣ пропадала;

Пиры и оргіи любя,

Я съ каждымъ днемъ, для самого себя

Такъ гадокъ, низокъ становился.

Вдругъ новый свѣтъ передо мной разлился:

Я пересталъ порокъ любить,

Отъ скуки съ жизнью я хотѣлъ проститься;

Теперь, чтобъ отъ него освободиться,

Я долженъ умереть, хоть въ гробъ чистымъ быть.

Тебѣ обязанъ я, что умираю —

Такимъ, какъ я всегда бы долженъ жить!

Гипполита.

Нѣтъ, Клиний, нѣтъ! повѣрь, тебя я знаю

Гораздо лучше, нежели ты самъ!

Кто мыслить такъ, какъ ты, тотъ жить еще достоинъ!

Раскаянье — угодно небесамъ!

Ты можешь жить, ты будешь жить спокоенъ,

Доволенъ, счастливъ, весель вновъ,

Хоть въ бездну ты упалъ глубоко —

Но изъ сътей губительныхъ порока

Спастишь ты можешь....

Клиний.

Что-жь спасеть меня?...

Гипполита.

Любовь!!

Клиний.

Любовь?!... Но мнѣ ли ждать въ любви признанья,

И искру возбудить въ другой ея огня?

Нѣтъ! непорочное созданье

Не можетъ полюбить меня!...

Кто согласится здѣсь свою судьбу съ моею

Соединить?... (Она молчитъ!...

Я долженъ умереть!... И въ этотъ часъ съумью

Скрыть и любовь мою и стыдъ!)

Прощай!.. и если смерть мою ты хочешь видѣть:

Учись спокойно умирать,

Но покидая жизнь, людей не ненавиждать,

И этотъ мѣръ не презирать.

Прощай!... Въ твоей отчизнѣ дальней

Порою вспоминай о томъ,

Кто одинокій и печальный —

Спокойно умиралъ, чтобы не жить стыдомъ!...

Прощай!... пусть никогда ты не узнаешь въ жизни

Того, что я теперь терплю!...

Прощай!... и вспоминай меня безъ укоризны!...

(Схватываетъ чашу и подноситъ ее къ губамъ.)

Гипполита, быстро.

Стой, Клиний! я тебя люблю!...

Клиний, роняя чашу.

О боги!... какъ? что ты сказала?...

ГИПОЛИТА.

Я отъ тебя съ трудомъ скрывала
Мою безумную любовь!...

Теперь ты все узналъ и жить ты будешь вновь?...

КЛЕОНЪ.

Тебя судьба спасти меня послала!...

За этотъ мигъ отдать всей жизни мало!...

За что ты наградилъ меня, отецъ боговъ?

О! Гипполита! ты согласна быть моею?

ГИПОЛИТА.

Я чувствъ своихъ скрывать — ты видишь, — не умью!...

КЛИНІЙ.

Съ тобой у алтаря соединюся я!

Теперь воскресъ я къ жизни снова!

Мы скроемся туда, гдѣ родина твоя.

Подъ сводомъ неба голубаго,

Въ тѣни широкихъ лавровъ и оливъ,

Вдали отъ гордаго безумства и разврата,

Гдѣ жизнь безпутная порокомъ такъ богата,

Я буду веселъ и счастливъ!

Меня ты къ жизни возвратила.

ГИПОЛИТА.

А ты жизнь новую теперь въ меня вдохнулъ!

Изъ за тебя я свѣтъ такъ страстно полюбила!

КЛИНІЙ.

Изъ за тебя я смерть охотно обманулъ!...

Скорѣе въ храмъ и въ Критъ!... Съ тобою

Мы будемъ съ этихъ поръ любовью жить одною!

(Хотятъ уйти, въ дверяхъ показываются Клеонъ и Парисъ.)

XI.

ГИПОЛИТА, КЛИНІЙ, ПАРИСЪ, КЛЕОНЪ.

ПАРИСЪ.

Куда же вы? Ну чтожь: намъ жить иль умереть?

Кого изъ насъ она избрала?

Ужель достоинъ я прекрасной обладать?

КЛИНИЙ.

Нѣтъ!

КЛЕОНЪ.

Такъ ему судьба имѣние послала?...
КЛИНИЙ.

Нѣтъ! оба вы ни съ чѣмъ остались, друзья!

Она теперь — жена моя!...

И такъ, какъ жить рѣшился я,

Богатства у меня, конечно, остаются,

И вамъ наследовать при жизни мнѣ нельзя!...

Я умереть хотѣлъ, живя такъ долго съ вами,

Теперь безсмертными богами

Назначенъ лучшій мнѣ удѣлъ!...

Я счастье въ ней нашелъ!... и вдалекъ отъ свѣта

Пройдетъ вся жизнь моя, любовью согрѣта!...

Я позабылъ, какъ я страдалъ, терпѣлъ....

И съ вами никогда я больше не увижусь!...

До ненависти къ вамъ теперь я не унижусь,

Но изъ Аѳинъ, отъ васъ я съ радостью бѣгу, —

Теперь подобныхъ вамъ я видѣть не могу!...

ГИПОПОЛИТА.

О, Клиній, поспѣшимъ!...

КЛИНИЙ.

Да, въ Критъ!... я тамъ еродиюся

Съ природой и добромъ! я сердцемъ обновлюся!...

Ты, счастья слеза — къ Зевесу вознесися!

(Прижимаетъ Гипполиту къ груди и быстро уходитъ. Клеонъ и Парисъ стоятъ, опустивши головы, потомъ взглядываютъ другъ на друга, вздыхаютъ и протягиваютъ другъ къ другу руки.)

ПАРИСЪ.

Обнимемъ, Клеонъ!

КЛЕОНЪ.

Обнимемъ, Парисъ!! *(Обнимаются.)**(Занавѣсъ падаетъ.)*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИЯТЕЛЬСКОЕ МЩЕНИЕ.

РАЗСКАЗЪ

АРКАДІЯ БУТОВСКАГО.

I.

Федоръ Ивановичъ Стройный и Степанъ Степановичъ Крупинка познакомились и сблизились случайно: 14 мая 18** года встрѣтились они въ Москвѣ, въ гостинницѣ Дрезденъ.

— Вы не изъ Петербурга ли?... спросилъ Стройный.

— Совершенно правильно угадали.... — отвѣчалъ Крупинка, — осмѣлюсь спросить, — и вы, вѣроятно, изъ Петербурга?

— Изъ Петербурга.... отвѣчалъ Стройный.

— Ахъ, какая пріятная встрѣча!... — восклицалъ Степанъ Степановичъ Крупинка, — я сейчасъ это угадаю.... Знаете-ли на лицѣ петербургскаго жителя какъ-то обозначается, что онъ никто-либо другой, какъ столичный.

Такой разговоръ понравился Стройному. Онъ любилъ людей простыхъ и оригинальныхъ.

Отд. II.

Ленинградск. 1. Театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

— Послушайте, — сказалъ онъ, — не хотите-ли занять со мною одинъ номеръ, — мы не будемъ мѣшать другъ другу...

— Ахъ, это было-бы славно, — чего-же лучше.... Займемте въ-самомъ-дѣль, знаете-ли, одинъ номеръ. Что касается до меня я, ей-ей, вамъ не стану и не могу мѣшать. Я человѣкъ тихій.... Я, знаете-ли, съ позволенія сказать не люблю книжнаго чтенія; а люблю полежать, покурить, позакусить....

Стройный усмѣхнулся.

— Это все пустое.... — замѣтилъ онъ, — вы можете себѣ дѣлать, что хотите, потому-что меня съ утра до вечера не будетъ дома. Дѣло только въ томъ, согласны-ли вы, потому что вдвоемъ какъ-то веселѣе?

— Согласенъ, согласенъ, — отвѣчалъ Степанъ Степановичъ, — и сталь бы я еще не соглашаться! Я, знаете-ли, человѣкъ небогатый. У меня изъ всей родни уцѣлѣла только одна бабинька, да и та пресердитая.... Рѣдко, рѣдко когда разступится, да дастъ мнѣ кое-что на мои расходы, такъ для меня гдѣ подешевле, тамъ и хорошо. А вы, вѣроятно, съ меня не дорого возьмете за постой....

— Ровно ничего; — отвѣчалъ Стройный, — я не только предлагаю вамъ квартиру; но вы можете пользоваться и столомъ. Требуйте, что вамъ будетъ угодно.... Все причтется къ моему счету....

— Эко счастье.... эко счастье!... повторялъ самому себѣ Крупинка; потомъ обратясь къ Стройному, онъ рѣшился открыть передъ нимъ всѣ тайники своей души.

— Чувствительно вамъ благодаренъ, — говорилъ онъ, — осмѣлюсь вамъ доложить, я такой человѣкъ, что на все согласенъ: есть вино, такъ слава Богу, а нѣтъ, такъ и воду пью. Я, знаете-ли, когда живу въ Петербургъ, такъ часто съ бабинькой закусываю лукъ съ квасомъ или лавочный пирогъ. Вкусъ прекрасный, ей-ей прекрасный вкусъ. А кто знаетъ, что вмѣсто французскаго супу, мы нахлебались квасу, вѣдь на лбу не написано.... никто не знаетъ. Знаемъ про то бабинька да я самъ....

Стройный едва удерживался отъ смѣха. Такая откровенность ему показалась очень забавною.

— Однако... — замѣтилъ онъ, — вы такъ щегольски одѣты,

что право нельзя подозрѣвать, чтобы вы нуждались или терпѣли какія-нибудь лишенія...

Краска самодовольствія заиграла на пухлыхъ щекахъ Степана Степановича.

— Это правда... — отвѣчалъ онъ, — что касается до платья, такъ я настоящій бонъ-тонъ.... Не могу видѣть, чтобъ кто-нибудь былъ лучше меня одѣтъ. Мы и съ бабинькой часто за это ссоримся, да ужъ передѣлать меня теперь трудно. Знаете-ли, какъ встрѣтится мнѣ франтъ, который лучше меня одѣтъ, такъ сердце у меня и замретъ. Однимъ словомъ, я дѣлаюсь совершенно больнъ, когда одежда моя мнѣ покажется хуже, чѣмъ у другаго. Вотъ почему я готовъ во всемя себѣ отказать, лишь бы только имѣть хорошее платье....

Крупинка былъ въ такомъ порывѣ вдохновенія, что не кончилъ бы долго свою тираду о платьѣ, если бы Стройный не далъ другаго оборота разговору.

— Что побудило васъ пріѣхать въ Москву?... — спросилъ Стройный.

Степанъ Степановичъ сталъ улыбаться.

— Право не знаю, какъ сказать, — отвѣчалъ онъ, — вотъ видите-ли, бабинька хочетъ, чтобъ я выгодно женился и давно твердила мнѣ: поѣзжай, дурень, въ Москву, тамъ найдешь себѣ богатую невѣсту.... женись, такъ будешь на человѣка похожъ. — Да какъ, бабинька, ѣхать, отвѣчалъ я, когда денегъ нѣтъ? вѣдь на палочкѣ верхомъ до Москвы не доскачешь. Бабинька моя разворчалась; — однако, мѣсяца черезъ два, она вынула изъ своего сундука завѣтную пачку ассигнацій и, заливаясь слезами, дала мнѣ. Вотъ, — говорила она, — мои завѣтныя деньги; я даю тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты ѣхалъ въ Москву и возвратился оттуда съ невѣстой. — Бабинька, голубушка! восклицалъ я, нѣжно обнимая мою покровительницу, какъ мнѣ васъ благодарить! И такъ я увижу Москву — мечталъ я, — нашу бѣлокаменную Москву, буду ѣсть подовые пирожки...; ухаживать за московскими красавицами.... Въ радости я не долго размышлялъ; тотчасъ-же побѣжалъ въ Почтамтъ, запасся билетомъ въ почтовую карету и, черезъ три дня, летѣлъ по ровному шоссе....

— Прекрасно! — замѣтилъ Стройный, все съ прежнимъ хладнокровіемъ, — цѣль вашего пріѣзда въ Москву самая похваль-

ная; но кого-же вы имѣете въ виду.... Вѣдь чтобъ жениться, надо сперва найти невѣсту....

Степанъ Степановичъ застыдился, какъ красная дѣвица.

— То-то и есть, — отвѣчалъ онъ, — что у меня не имѣется въ виду никакой невѣсты!... Развѣ повстрѣчается какая-нибудь. Я, знаете, не многого бы отъ нея потребовалъ: во-первыхъ, мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ она была полненькая, чтобъ въ лицѣ играла краска. Страхъ, знаете-ли, не люблю этихъ блѣдныхъ красавицъ, — онѣ всѣ такія суровыя. Съ позволенія сказать, — я таки, по просту безъ затѣй, ихъ не люблю. Второе условіе, которое я необходимо требую отъ моей невѣсты, чтобы она могла мнѣ изъ своихъ доходовъ удѣлять каждый мѣсяцъ сто рублей серебромъ. Въ Москвѣ, говорятъ, такихъ невѣстъ, какъ грибовъ, въ лѣсу....

— Ну, желаю вамъ успѣха.... возразилъ Стройный.

— А осмѣлюсь васъ спросить, — продолжалъ Степанъ Степановичъ Крупинка, — вы съ какою цѣлю пожаловали въ Москву?

— Я пріѣхалъ для свиданія съ моимъ дядей; — отвѣчалъ Стройный.

— Вотъ, видите-ли какъ, для свиданія съ дядей. Это очень похвально, очень деликатно.... — распѣвалъ Крупинка, потомъ переѣнявъ тонъ, онъ спросилъ: — А дядя вашъ богатъ?

— Да онъ не бѣденъ.... отвѣчалъ Стройный.

Черезъ десять минутъ послѣ этого разговора, Стройный отправился къ дядѣ. Дядя его жилъ у Арбатскихъ воротъ. Уже три года какъ старикъ не видалъ своего возлюбленнаго племянника, который выросъ почти на его рукахъ и былъ ему единственный кровный родственникъ въ цѣломъ мірѣ. Можно представить себѣ радость дядюшки, когда старый слуга его Кузьма вбѣжалъ въ комнату и доложилъ о прибытіи Федора Ивановича.

— Здравствуй, Фединька! здравствуй, мое сокровище! восклицалъ дядюшка, обнимая и осыпая поцѣлуями дорогаго гостя.

За поцѣлуями начались всякаго рода угощенія; а за угощеніями разсужденія о томъ, какъ провести текущій день.

— Ну, что думаешь сегодня дѣлать? — спрашивалъ старикъ у своего племянника, — не хочешь-ли отправиться со мною на обѣдъ къ Томскимъ.... Кстати госпожа Томская

имянинница.... Она очень простая женщина, любить поговорить, а потому и получила прозваніе московской таранты; столь у нее довольно порядочный и премиленькая дочка есть.... Впрочемъ, я тебя не принуждаю, Оединька, хочешь ѣдемъ, а не хочешь, такъ я могу приказать сготовить обѣдъ дома....

— Охотно готовъ съ вами ѣхать на имянины.... — отвѣчалъ Стройный, — хотя я вовсе не знаю Томскихъ; но для меня рѣшительно все равно, гдѣ обѣдать, лишь бы съ вами вмѣстѣ....

— И прекрасно!... — замѣтилъ дядя, еще разъ сжимая въ своихъ объятіяхъ почтительнаго и ласковаго племянника. — Помни только, — прибавилъ онъ, — что хозяйку зовутъ Аленой Осиповной, а дочь — Вѣрой Александровной. Такъ оправимся. Ужъ пора ѣхать. У насъ въ Москвѣ обѣдаютъ рано, не то, что у васъ въ Петербургѣ.

II.

Вечеромъ, когда Стройный возвратился въ гостиницу Дрезденъ, онъ засталъ своего пріятеля дома, съ жадностію пожирающаго порцію поросенка подъ хрѣномъ.

— Что вы сегодня съѣли хорошаго? — спросилъ Стройный.

— Да ничего, — отвѣчалъ Крупинка, — съ позволенія сказать, цѣлый день просидѣлъ дома.

— Хорошо-ли вы обѣдали?...

— Чудесно! — отвѣчалъ Крупинка. — Я съѣлъ двѣ полновѣсныя порціи борщу и съ ними четыре подовыхъ. Потомъ, по-моему желанію, принесли мнѣ полъ-окорока, весь въ жиру. Маса-то, собственно говоря, очень не много.... однако, чтобъ доброе не пропадало я все съѣлъ и мясо и жиръ; — думалъ, знаете, нельзя-ли попробовать съѣсть и кожу, потому-что, мнѣ казалось, она приготовлена особенно.... Впрочемъ, какъ я ни силился, какъ ни трудился не могъ сладить съ кожей, а по всему видно, эта кожа должна-быть очень вкусна. Потомъ, мнѣ принесли еще порцію телятины съ огурцами.... да такая вкусная, что я всѣ пальчики облизалъ.

— Однако, у васъ аппетитъ исправный — замѣтилъ Стройный.

— Помилуйте, Ѳедоръ Ивановичъ, — отвѣчалъ Крупинка, — кому-же и пользоваться хорошимъ аппетитомъ, какъ не такимъ людямъ, какъ я. Но осмѣлюсь, въ свою очередь, спросить васъ, какъ вы провели сегодняшній день?

При этомъ вопросѣ, Ѳедоръ Ивановичъ Стройный ожилъ; онъ, казалось, все забылъ, что ему до-сихъ-поръ рассказывалъ Крупинка и съ восторгомъ устремилъ пылающій взоръ въ ту сторону, гдѣ жили его новые знакомцы Томскіе.

— Какъ я провелъ сегодняшній день! Это трудно передать на языкѣ смертнаго.... Я, просто, былъ въ очарованныхъ Армидиныхъ садахъ....

— Что вы!? — возразилъ Степанъ Степановичъ, — неужели таки все время, вы были безъ обѣда. Вѣдь вы пошли къ дяденькѣ. Ужъ будто-бы онъ такой скупой....

— Ахъ, вы меня не понимаете; — продолжалъ Ѳедоръ Ивановичъ, — я вамъ говорю, что сегодня я былъ счастливъ; даже могу сказать, что я въ первый разъ въ жизни постигъ, что такое значить счастье....

— Вотъ видите-ли, какъ!? — протяжно произнесъ Степанъ Степановичъ, — значить, вы сегодня ужъ обѣдали!! —

— Не только обѣдалъ; — продолжалъ Стройный самымъ сладенькимъ голоскомъ, — но даже во время обѣда сидѣлъ подлѣ нея, подлѣ существа очаровательнѣйшаго въ мірѣ. Она сама клала мнѣ на тарелку разныхъ кушаньевъ; сама наливала для меня вино въ рюмку; говорила со мной.... Я дышалъ, упивался ароматической атмосферой ея сладостнаго дыханія.... О сколько въ этомъ блаженства!..

Последнія слова Ѳедоръ Ивановичъ произнесъ, ударивъ себя ладонью въ лобъ.

— Вотъ видите-ли, какъ? — лепеталъ Степанъ Степановичъ, едва переводя духъ, такъ сильно было его любопытство, — какая добрая, — и сама на тарелку-то клала, — и сама въ рюмку наливала.... Ужъ знаете-ли, Ѳедоръ Ивановичъ, я осмѣлюсь сказать, что впередъ догадываюсь, что должно быть она и молоденькая, и пышечка такая, краснощекая; сушоцавыя такой доброты не имѣютъ.

У Федора Ивановича глаза такъ и закатывались подъ лобъ.

— Ахъ нѣтъ.... она существо такое стройное, — говорилъ онъ.

— Вотъ тебѣ на!.... осмѣлюсь спросить — перебилъ Степанъ Степановичъ.... — такъ онѣ должны быть вамъ съ родни?

— Да, я давно съ нею породнился моимъ сердцемъ.... Эта дѣвушка — мой идеаль, моя любимая мечта.... распѣвалъ Стройный.

— Какъ это жаль! какъ это жаль! — повторялъ Степанъ Степановичъ, покачивая головой, — значить вы не можете на ней жениться?...

— Что вы это мнѣ предсказываете, — воскликнулъ Стройный такимъ страшнымъ голосомъ, что испуганный Степанъ Степановичъ сдѣлалъ неловкое движеніе и ударился затылкомъ въ стѣну.

— Ахъ, какъ вы меня испугали — говорилъ онъ, едва переводя духъ.... стало-быть она въ дальнемъ родствѣ.

— Помилуйте.... что за родство вы тутъ нашли? Я вамъ говорю о родствѣ чувствъ, мыслей.... Развѣ вамъ не случилось встрѣтить никогда женщину, которая-бы съ перваго раза вамъ полюбилась.... въ которой вы нашли-бы отголосокъ всѣмъ вашимъ чувствамъ. Вотъ эту-то симпатію я называю родствомъ чувствъ. Теперь понимаете?...

Крупинка былъ въ большомъ затрудненіи и жестоко надулъ губы.

— Я, то есть, понимаю теперь, — говорилъ онъ, — что эта дѣвица вамъ не съ родни, но больше ничего не понимаю....

— А больше ничего и не нужно вамъ понимать.... — сухо замѣтилъ Стройный. — Дядюшка просилъ меня переѣхать жить къ нему, для сокращенія излишнихъ расходовъ; но я никакъ не согласился на его предложеніе, собственно потому, что не хотѣлъ нарушить моихъ условій съ вами....

— Какое у васъ возвышенное сердце! — со вздохомъ отвѣчалъ Крупинка.

Съ этого дня Стройный и Крупинка, каждый вечеръ давали другъ другу подробный отчетъ въ проведенномъ времени. Стройный обыкновенно все говорилъ о Вѣрѣ Александровнѣ Томской, не забывая сказаннаго слова, ни одного

жеста, ни одного выражения; и Степанъ Степановичъ каждый день открывалъ что-нибудь новое въ мѣрѣ гастрономическомъ: то хорошо изжаренный каплувъ, то слоеные пироги, то восхитительныя селянки дѣлали въ его глазахъ Москву городомъ несравненнымъ.

— Ужъ кто хочетъ хорошо поѣсть, такъ тому надо ѣхать въ Москву! — импровизировалъ Степанъ Степановичъ Крупинка, иногда даже оставаясь совершенно на-единѣ. Иногда-же въ порывѣ гастрономическаго восторга, онъ восклицалъ: — Ай-да бабинька, дай Богъ ей здоровья, вѣкъ свой не забуду я счастливую мысль ея отправить меня въ этотъ чудный городъ.

— Но вѣдь бабинька не за тѣмъ отправила васъ сюда.... при этомъ замѣчалъ ему Стройный.

— Это правда, — отвѣчалъ Крупинка, озадаченный такимъ замѣчаніемъ, — но посудите сами, Ѳедоръ Ивановичъ, гдѣ мнѣ здѣсь найти невѣсту? Встаемъ мы съ вами поздно, а тамъ пока чай да кофе, глядишь, ужъ и часъ второй.... время къ обѣду идетъ. Мнѣ же, чтобъ вырядиться, какъ слѣдуетъ, надо, по-крайней-мѣрѣ, часа два. Ну, да положимъ, я бы одѣлся, такъ куда я пойду?... знакомыхъ никого нѣтъ.... и то я раза два пробовалъ гулять.... такъ, кромѣ горничныхъ, никого не встрѣтилъ.... правда, что ужъ одна другой лучше; но вѣдь согласитесь, что горничная мнѣ не пара, притомъ за ними и приданого нѣтъ, а вѣдь бабинька, извѣстное дѣло, изъ-за одного приданого бьется....

Такъ невидимо протекло время и незамѣтно приблизился для Крупинки и Стройнаго день отъезда въ Петербургъ. Оба они призадумались не на шутку.

— Прощайте каплуны, пироги и вы незабвенные растегаи. Кончились мои золотые дни! — почти со слезами повторялъ Крупинка. — Какъ-то явлюсь я къ бабинькѣ, съ какимъ лицомъ и въ какихъ словахъ изображу я передъ нею горькую истину, что я возвратился безъ невѣсты.... Ахъ, бѣда мнѣ отъ бабиньки.... плохо, плохо....

— О счастье, какъ ты быстролетно, — повторялъ совершенно разстроенный Ѳедоръ Ивановичъ, — едва дало ты мнѣ вкусить твои чары, какъ снова разрушаешь все, оставляя меня при однихъ черствыхъ страданіяхъ. Мы должны раз-

статься. Завтра я не увижу болѣе Вѣры, не услышу ея усладительнаго голоса.... и такъ пройдутъ мѣсяцы, годы, можетъ-быть, вся жизнь.... но я не забуду ее никогда.... буду томиться, страдать; но никогда образъ Вѣры не изгладится изъ моей памяти.

Пріятели, видя свое горестное положеніе, рѣшились утѣшать другъ друга.

— Объ чемъ печалитесь, почтенный Федоръ Ивановичъ, — говорилъ Крупинка; — другое дѣло, знаете-ли, когда-бъ навсегда.... а то вѣдь, можетъ-быть, еще тысячу разъ увидите.... Однако, знаете-ли, я васъ попрошу объ одномъ, пока есть время, сводите меня посмотрѣть на нее.... кажется, у меня вкусъ и глазъ довольно вѣрны.... я сейчасъ увижу, точно-ли она хорошенькая и узнаю, какой у нея характеръ....

— Пойдемте, пойдемте! — радостно отвѣчалъ Стройный, съ быстротою молніи, сбрасывая съ себя шафрокъ и надѣвая пальто.

— Надобно-же принарядиться, — замѣтилъ Крупинка, дѣлая умилъную рожицу.

— Одѣвайтесь, одѣвайтесь.... только, пожалуйста, не мѣш-кайте....

Однако, какъ ни погонялъ Стройный Крупинку, послѣдній все-таки провозился съ своимъ наряжаньемъ, по-крайней-мѣрѣ, цѣлый часъ.

Томскіе жили не далеко. Они занимали весь верхній этажъ небольшого, но очень красиваго двухъ-этажнаго дома, и въ то самое время, когда два изящные франта, вооруженные камышевыми тросточками, въ модныхъ триковыхъ пальто и съ искусно надѣтыми, немножко на бочекъ, Циммермановскими шляпами, приблизились къ заветному жилищу, госпожа Томская съ дочерью сидѣли на балконѣ и пили кофе.

— Ахъ, какая хорошенькая! — повторялъ Крупинка, устремляя свой взоръ на мать, а вовсе не на дочь.

— Какова? — съ торжествомъ проговорилъ Стройный.

— Чудесная.... какъ кровь съ молокомъ — повторялъ Крупинка.

Между-тѣмъ, они все болѣе и болѣе приближались къ балкону, а по-мѣрѣ этого приближенія восторгъ Крупинки все болѣе и болѣе охлаждался: наконецъ, будучи не въ

силахъ долѣе бороться съ своимъ изумленіемъ, онъ закричалъ почти вслухъ, — *ахъ, да вѣдь она старуха!!..*

— Что вы, съ-ума сошли, что-ли? — замѣтилъ ему Стройный, довольно сурово, — вы такъ закричали, что это могло быть ими услышано; къ тому-же вы называете прелестную, несравненную дѣвицу — старухой....

При этомъ замѣчаніи, Крупинка сдѣлался черезъ-чуръ смѣшонъ. Онъ долго крѣпился, крѣпился и въ заключеніе отвернулся всторону и сталъ хохотать себѣ въ ладонь.

— Эку красавицу нашель, — повторялъ онъ въ умѣ. — Ну, что въ ней хорошаго. Вотъ ужъ, что говорится, ни складу, ни ладу: тончаявая, какъ крыса; сама блѣдная, словно мертвецъ; глазища, какъ у коровы; носъ, словно прямая пикулица; а плечи и руки, какъ у добраго мясника.... Ужъ, признаться сказать, нашель *красоту*....

Стройный успѣлъ между-тѣмъ подойти къ балкону и раскланяться.

Мать и дочь были очень удивлены.

— Какъ; вы еще не уѣхали? — воскликнула госпожа Томская, — какая пріятная нечаянность.... а мы только что съ Вѣрушкой про васъ говорили и такъ сожалѣли, что вы сегодня вечеромъ не можете принять участія въ нашей компаніи.... Мы отправляемся въ Сокольники....

— Увы.... что дѣлать противъ невозможности! — отвѣчалъ Стройный со вздохомъ. — Черезъ два часа путевой экипажъ нашъ готовъ и мы покидаемъ Москву. — Вотъ и мой спутникъ!..

Тутъ Стройный показалъ на Крупинку. Степанъ Степановичъ Крупинка не хотѣлъ ударить въ грязь лицомъ; онъ быстро скинулъ шляпу. При этомъ нельзя не прибавить, что Степанъ Степановичъ Крупинка принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, кланяясь кому-либо, снимаютъ свою шляпу не по-человѣчески, то есть, они не берутся за нее спереди, что и легче, и удобнѣе; а двумя пальчиками сзади — и шляпа съ легкостью Сильфиды, по мановенію руки кланяющагося, описываетъ дугу.

— Какой миленькій молодой человѣкъ! — замѣтила госпожа Томская довольно простодушно своей дочери.

— Ну ужъ, маменька.... — отвѣчала дочь, смѣючись, вовсе даже не похожъ на петербургскаго.... такой mauvais genre.

— У тебя все такъ, Вѣрушка; — замѣтила госпожа Томская съ маленькимъ негодованіемъ, — кто мнѣ понравится, такъ въ томъ, навѣрное, ты найдешь какой-нибудь недостатокъ. Потому, обратясь къ предстоявшимъ франтамъ, она продолжала говорить имъ разныя любезности.

— Будете въ Петербургѣ, — говорила она, — пишите къ намъ. Ваши письма несомнѣнно будутъ доставлять намъ много удовольствія.

Крупинка тутъ былъ очень похожъ на кланяющагося автомата, а шляпа его такъ и описывала и *дуги* и *круги*. Стройный также кланялся, благодарилъ, но глаза его были устремлены на одинъ предметъ: они жадно впивались въ Вѣру Александровну. Говорятъ — любовь слѣпа. Можетъ-быть и Федоръ Ивановичъ Стройный въ эти минуты былъ похожъ на амура съ завязанными глазами, потому-что онъ не замѣчалъ предательской разсѣянности своего предмета; онъ не замѣчалъ, что глаза Вѣры Александровны блуждали по окрестности; онъ не замѣтилъ даже, какъ вспыхнули яркимъ румянцемъ ея привлекательныя щечки, когда она завидѣла въ концѣ улицы появленіе армейскаго гусара на сѣромъ конѣ. Стройный ничего не видалъ, не слыхалъ: онъ былъ упоенъ своимъ блаженствомъ.

Между тѣмъ до отъѣзда брика оставалось не много времени.

— Прощайте, Вѣра Александровна.... — повторялъ жалобно Стройный.... — еще разъ прощайте.... Завтра мы уже болѣе не увидимся....

— Вѣрочка, тебѣ говорятъ.... шепнула ей мать.

Вѣра Александровна точно какъ будто пробудилась отъ сна.

— Прощайте; отвѣчала она такимъ тоненькимъ голоскомъ, что едва можно было слышать.

Стройный и Крупинка простились съ Томскими и поспѣшно отправились домой.

— Не для чего было и расфранчиваться; — бормоталъ про себя Крупинка.

— Какъ она хороша! какъ она хороша!! — повторялъ Стройный съ увлеченіемъ истиннаго поэта.

Быстро пролетѣли послѣднія минуты пребыванія Стройнаго и Крупинки въ белокаменной Москвѣ. Почти со слезами на глазахъ сѣдѣли они въ дорожный брикъ и вскорѣ жалобныя завыванія кондукторской трубы возвѣстили ихъ совершенный отъездъ.

III.

Въ Петербургѣ Крупинка и Стройный не прекращали знакомства. Правда, они жили разнo и потому видѣлись рѣже, но не проходило ни одной недѣли, чтобы Крупинка два раза по-крайней-мѣрѣ не навѣстилъ своего московскаго амфитріона. Стройный не переставалъ скучать. Онъ не могъ забыть Вѣры Александровны. Услужливый Крупинка употреблялъ все съ своей стороны, чтобы усыпить, какъ казалось ему, непонятную страсть его пріятеля, потому-что любить *блѣдную* и *тончавую* было не въ порядкѣ вещей, по его понятіямъ. Съ этою цѣлю онъ успѣлъ убѣдить Ѳедора Ивановича сдѣлать нѣсколько новыхъ знакомствъ въ *Коломнѣ*. Крупинка былъ человекъ презанимательный, относительно образа его жизни. Онъ постоянно жилъ въ Гороховой, а между тѣмъ все его знакомства сосредоточивались въ самыхъ отдаленныхъ концахъ Петербурга, въ *Коломнѣ*, на *Петербургской* — на *Выборгской*, на *Пескахъ*.... Но тщетны были старанія Крупинки разсѣять пріятеля. Онъ хирѣлъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

— Эхъ.... любовь не свой братъ.... — повторялъ Крупинка, отъ души радуясь, что собственное его сердце свободно. Долго и послѣ пытался Крупинка, какъ бы развеселить пріятеля.... Все не удавалось. Наконецъ напалъ таки онъ на счастливую струну.

— Что вы, Ѳедоръ Ивановичъ, печалитесь?... — говорилъ Крупинка ободрительнымъ голосомъ.... — Что вы надулись, какъ гусь на соломѣ, али волъ на бойнѣ.... Полноте хныкать.... Вамъ надобно развлекаться.... Поѣдѣте-ка къ Душкинымъ.... У нихъ

сегодня вечеръ.... не хотите танцовать, такъ садитесь играть въ карты....

— Карты!— счастливая мысль....— проговорилъ Стройный....— да, это развлеченіе для меня въ тысячу разъ пріятнѣе несносныхъ танцевъ.... Вы говорили, что сегодня вечеръ у Душкиныхъ.... Это тѣ самые, которые живутъ за Покровомъ?

— Да, да.

— Я охотно поѣду.

— Только знаете что, Ѳедоръ Ивановичъ, мнѣ хотѣлось бы тоже фарснуть. Не всякій же разъ танцовать, да танцовать.... надобно, знаете, иногда и поддержать себя.... то есть, знаете-ли, не то чтобы, а, то есть, что говорится *показать* себя.... я дескать не для однихъ танцевъ созданъ.

— Такъ что же вы хотите? спросилъ Стройный со смѣхомъ.

— Ну, смерть хочется тоже вотъ какъ и другіе поиграть въ карты, а въ карманѣ то ни гроша; такъ я хотѣлъ васъ попросить, не можете-ли вы и за меня отвѣчать въ случаѣ проигрыша, а тамъ въ послѣдствіи я могу вамъ и другимъ чѣмъ заслужить, или просто заплатить...

— Извольте, извольте.... отвѣчалъ Стройный.

Вечеромъ они отправились къ Душкинымъ и оба страшно проигрались; однако карты произвели на Ѳедора Ивановича свое благотворное вліяніе: онъ успѣли его развлечь и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не имѣлъ времени скучать, потому что какъ утро, такъ и вечеръ заставляли его за карточнымъ столомъ. Но это былъ только одинъ порывъ. Стройный никогда не имѣлъ страсти къ игрѣ, и потому, какъ быстро возникъ въ немъ этотъ порывъ, также быстро онъ долженъ былъ угаснуть. Карты ему надобли и онъ ихъ бросилъ, давъ клятву никогда болѣе не играть. Оставалось для него еще одно развлеченіе: это посѣщенія Степана Степановича Крупинки. Крупинка забавлялъ его своими смѣшными выходками и разсказами, такъ что иногда онъ хохоталъ, какъ ребенокъ. Мало-по-малу стало ослабѣвать и это расположеніе; то, что прежде забавляло Ѳедора Ивановича въ Крупинкѣ— теперь становилось для него невыносимымъ. Эта перемѣна въ его чувствахъ къ Степану Степановичу, дошла до того, что онъ не зналъ, какъ ему отдѣлываться отъ несноснаго

гостя, который, как лихорадка, являлся через каждые два дня. Онъ даже приказывалъ нѣсколько разъ слугѣ не принимать Крупинку, или принимать его, какъ можно рѣже. Степанъ Степановичъ Крупинка, въ свою очередь, былъ человѣкъ безпечнѣйшій въ мѣрѣ. Онъ никогда не заботился о будущемъ, и для него всего дороже было настоящее. — Онъ никогда не проникалъ во внутренній смыслъ какого-бы то ни было дѣла или слова и довольствовался всегда ихъ наружнымъ значеніемъ. Съ такими правилами, съ такой душой Крупинка былъ счастливъ и спокоенъ.... Но вскорѣ совершенно неожиданное обстоятельство открыло ему глаза и пробудило въ его душѣ чувства, дотолѣ вовсе ему незнакомыя.

IV.

— Здравствуйте, Федоръ Ивановичъ...!!—воскликнулъ громкимъ голосомъ Крупинка, въ одно прекрасное утро входя въ комнату Стройнаго въ то время, когда двадцатилѣтній сибаритъ едва пробуждался отъ сладкаго усыпленія.... —Что вижу я?—повторялъ Крупинка, остановясь у порога; — вездѣ все кипитъ жизнью и увлеченіемъ; скоро полдень, а вы еще нѣжитесь въ постель.... Нѣтъ, не дѣло, не дѣло, вставайте-ка.... Я кое-что поразскажу вамъ, да презабавное.... то есть, не то, что *презававное*; но *препрятное*!!...

Федоръ Ивановичъ зѣвалъ и потягивался.

— Вы забыли, почтенный Степанъ Степановичъ.... — отвѣчалъ онъ, — что сегодня праздникъ и потому можно пошѣдиться!

— Вѣрно, вѣрно, — возразилъ Крупинка, но знаете-ли *не хорошо*! — Вставайте-ка. — Знаете-ли, что я вамъ скажу: сегодня она будетъ гулять въ Лѣтнемъ Саду.

— Кто она? — спросилъ Федоръ Ивановичъ съ маленькимъ любопытствомъ.

— Да.... кто?... вишь какъ забираетъ ретивое!... — громко смѣючись, продолжалъ Степанъ Степановичъ, — кто будетъ гулять въ Лѣтнемъ Саду.... нутка отгадайте.

— Нечего отгадывать.... Я увѣренъ, что Маша Слѣпушкина.... — Это была одна изъ коломенскихъ красавицъ, которая, какъ казалось Стройному, очень занимала Крупинку.

— Какъ разъ угадали.... нашли какую радость.... Маша Слѣпушкина.... куда какая небывальщина! — говорилъ Крупинка, съ самодовольствіемъ посматривая въ зеркало.... — Маша Слѣпушкина, — продолжалъ онъ, — есть *созданіе*.... На этомъ словѣ Степанъ Степановичъ поперхнулся и замолчалъ, потому-что онъ не былъ рожденъ для высокаго слога; а слово созданіе, такъ часто употребляемое въ поэзіи, въ его собственныхъ ушахъ звучало чѣмъ-то ему несвойственнымъ.

— Ну, кто-же такая? — спрашивалъ Федоръ Ивановичъ, — Лиза Душкина, что-ли?...

— Ха, ха, ха, да гдѣ-же вамъ угадать.... Это правда, что Лизавета Петровна Душкина не то, что Маша Слѣпушкина; но все-таки вы не угадали.... Лизавету Петровну я душевно уважаю.... прекрасная дѣвица.... — продолжалъ говорить Крупинка, перемѣнивъ шутливый тонъ на важный, — но знаете-ли, она не нашего поля ягода. Я было того заикнулся ей, что дескать Лизавета Петровна пора-бы замужъ! — куда тебѣ.... и близко не подпускаетъ, да такъ взнеслась на меня, что я, знаете-ли, перепугался: да какъ вы смѣли мнѣ это сказать? — да прошу васъ впередъ никогда не говорить мнѣ подобныхъ вещей.... Ужъ по всему видно, что достойнѣйшая дѣвица....

— Все это хорошо; — перебилъ его Федоръ Ивановичъ, — да объ комъ вы то говорите?

Тутъ Крупинка покатился со смѣху.

— Ха, ха, ха.... отъ-то затуманилъ молодого человѣка.... — повторялъ онъ, надрываясь отъ смѣху.... — Ха, ха, ха, а вотъ не скажу, пока не угадаете....

Неумѣренный смѣхъ Крупинки раздосадовалъ Стройнаго. Федоръ Ивановичъ Стройный былъ человѣкъ холерическаго темперамента. Ему показалось, что Крупинка надъ нимъ издѣвается, мгновенно онъ закипѣлъ негодованіемъ и глаза его засверкали, какъ у тигра.

— Послушайте, — замѣтилъ онъ довольно строго, — вы дуррачить, что-ли меня намѣрены.... Я вѣдь, смотрите, не люблю этого. Если ужъ начали говорить, такъ говорите....

— Ха, ха, ха.... — продолжалъ Крупинка, — я и то говорю; но вамъ однако никакъ не угадать....

— Въ томъ и сила.... — возразилъ Стройный уже взбѣшен-

ный, — что вы слишком много говорите. Я не о томъ васъ прошу, чтобы вы говорили; ваша болтовня доставляетъ мнѣ мало удовольствія, а я хочу знать, кто будетъ сегодня въ Лѣтнемъ Саду и прошу васъ немедленно отвѣчать на мой вопросъ....

— Ну, такъ не скажу-же, пока не угадаете.... — продолжалъ Крупинка тѣмъ же веселымъ тономъ, прихорашиваясь передъ зеркаломъ и вытягивая еще на вершокъ длиннѣ свои накрахмаленные воротнички.

Послѣдній отвѣтъ Крупинки показался Стройному слишкомъ грубымъ и насмѣшливымъ. Вся кровь его взволновалась, онъ болѣе не могъ владѣть собою. Съ быстротою уязвленнаго шакала сдѣлалъ онъ прыжокъ съ постели къ туалету, передъ которымъ красовался его веселый гость, и такъ сильно дернулъ его за воротничъ, что Степанъ Степановичъ ничего не ожидая и не смотря на свою кубическую фигуру, въ одно мгновеніе растянулся во весь ростъ на полу. Ѳедоръ Ивановичъ также никакъ не предвидя такого счастливаго паденія, воспользовался случаемъ и усѣлся на пріятеля верхомъ, въ рѣшимости непременно заставить его говорить.

Тщетно Крупинка размахивалъ своими коротенькими ножками, тщетно кричалъ.... онъ былъ въ самой жестокой западнѣ. Руки несчастнаго плѣнника были крѣпко стиснуты въ кучу могучимъ кулакомъ Стройнаго.

— Молчи красноперый пѣтухъ.... — бормоталъ Стройный съ жесточеніемъ сквозь зубы.... — а не то, я уйму тебя по своему. До-сихъ-поръ мы были пріятелями; ни разу, кажется, не случилось ничего подобнаго, но индѣйская рожа твоя таки вывела меня изъ терпѣнія. Отвѣть мнѣ теперь: кто будетъ гулять въ Лѣтнемъ Саду.... или тебѣ не выйти изъ этой комнаты.... выбирай одно изъ двухъ....

— Батюшка, Ѳедоръ Ивановичъ, выпусти — все скажу.... съ радостію скажу.... выпусти.... охъ, отцы родные, часы-то мои, часы единственные, такъ и трещать.... не дави правый бокъ.... часы раздавишь.... — Ѳедоръ Ивановичъ не мучь меня.... пощади!...

— Говори-же! — восклицалъ Стройный, болѣе и болѣе жесточавшійся.... Я не позволю себя дурачить, говори, кто

будеть гулять въ Лѣтнемъ Саду? а не то я тебя такъ и раздавлю, какъ крутое яицо...

— Ахти, бѣда!... — стоналъ Крупинка... — часы-то лопнули, чувствую, что лопнули... О несчастіе!... что я теперь буду дѣлать безъ часовъ.

— Не бѣда! — возразилъ Стройный, еще крѣпче сжимая свою жертву, — самъ лопнешь, какъ полосатая бомба, если не будешь отвѣчать...

— Пощади!... пощади!... вопилъ Крупинка.

— Отвѣчай!... — свирѣповосклицалъ Стройный; — отвѣчай во-первыхъ : гдѣ она живетъ?...

— Она остановилась въ томъ-же домѣ, гдѣ я живу...

Вся кровь прилила въ голову Стройнаго. Онъ уже догадывался, о комъ идетъ дѣло.

— Кто... кто... кто?... повторялъ онъ, какъ сумасшедшій.

— Вѣра Александровна Томская!... протяжно и болѣзненно произнесъ Крупинка.

Достаточно было этого отвѣта, чтобы Стройный мгновенно переродился. Онъ вспрыгнулъ, какъ легкая серна, и Крупинка почувствовалъ значительное облегченіе. Рѣшившись наконецъ подняться, онъ, съ глубокимъ отчаяніемъ, удостовѣрился, что часы его дѣйствительно раздавлены. Горестъ Крупинки еще болѣе усилилась, когда неизмѣнное зеркало изобразило передъ нимъ его жалкую фигуру въ настоящую минуту.

— Увы!... — повторялъ онъ въ своемъ сердцѣ, — куда дѣвалась моя изящная прическа, за которую еще сегодня утромъ я заплатилъ цѣлый пяти-алтынный! — На что похожъ мой палевый жилетъ; мои воротнички — измяты; а часы, часы единственные!... — Крупинка почувствовалъ, что въ груди у него какъ будто что-то перевернулось; глаза его стали наливаться кровью; руки и ноги тряслись. Это было слѣдствіемъ важнаго переворота въ Степанѣ Степановичѣ... Потушивъ голову, онъ стоялъ посреди комнаты и слагалъ въ умѣ своемъ что-то страшное на Стройнаго.

— О, горе врагу!... — думалъ Крупинка, — я ошибся въ немъ, да и онъ не раскусилъ меня. Онъ не знаетъ, что за человѣкъ Степанъ Степановичъ Крупинка! — Мщєніє, страшное мщєніє да разразится надъ головой его, посконь вѣка не забуду чего поступокъ... и ничѣмъ онъ его не загладить.

Не видать ему счастливыхъ дней, какъ своихъ ушей! — вспомнить онъ тогда Крупинку.... вспомнить сегоднешнюю продѣлку.... взвостъ, какъ собака на пожарищѣ, да поздно будетъ, голубчикъ!... Близокъ локоть, а не укусишь.

Пока огорченное сердце Крупинки повторяло такой трогательный монологъ, Федоръ Ивановичъ носился въ мѣрѣ любви, въ мѣрѣ высокой поэзіи.

— Она здѣсь!... — шептало ему сердце, — она.... Вѣра Александровна.... я могу увидѣть ее.... я увижу ее.... увижу восхитительныя черты милой, несравненной дѣвушки.... По этимъ чертамъ научился я впервые познавать счастье; онѣ объяснили мнѣ поэзію жизни; въ нихъ заключается для меня залогъ земнаго блаженства. Могъ-ли думать я, покидая Москву, могъ ли думать въ минуты горестнаго прощанія, что разлука наша будетъ такъ непродолжительна. О радость, съ кѣмъ раздѣлить тебя, ты наполняешь все мое существо. До-сихъ-поръ я былъ мертвъ, какъ безжизненный автоматъ, но теперь я дышу.... Всѣ силы души моей встаютъ, какъ мертвецы изъ гробовъ.... въ два часа она будетъ въ Лѣтнемъ саду.... въ два часа!... — Но вдругъ Стройный, какъ убитый изъ ружья жаворонокъ, слетѣлъ съ неба на землю: ему пришелъ на мысль его послѣдній поступокъ съ Степаномъ Степановичемъ. — Однако, какъ дурно я поступилъ съ Крупинкой.... Какая непростительная выходка.... къ чему такъ увлекаться запальчивостію; не всегда-ли я старался владѣть собою — и вдругъ.... но онъ проститъ. Я употреблю все съ моей стороны, чтобъ его обезоружить. У него были серебряныя часы, — я ихъ повредилъ, — такъ взамѣнъ поврежденія подарю ему золотыя, подарю ему дорогой шелковый жилетъ, полотняную манишку да на прибавку предложу денегъ.... и это все, какъ благотворный бальзамъ залечить раны, нанесенныя моимъ неблагоразуміемъ. И такъ къ дѣлу....

— Прощайте, милостивый государь!... рѣшился наконецъ проговорить Крупинка, бросая яростный и свирѣпый взглядъ на своего противника.

— Нѣтъ, я васъ такъ не выпущу.... — возразилъ Стройный, нѣжно сжимая руку Крупинки, — я васъ не выпущу до-тѣхъ-поръ, пока вы мнѣ не скажете отъ чистаго сердца, что

вы мнѣ прощаете мою шутку и что мы остаемся хорошими пріятелями, какими были прежде....

— Между пріятелями вѣдь все шутки!... отвѣчалъ Крупинка, твердя про себя: *ужъ подищу-же и я тебѣ.*

— Будьте такъ добры, Степанъ Степановичъ, забудьте эту глупую выходку, которая скорѣе всего походитъ на шутку, нежели на что-либо другое.... я повредилъ ваши часы.... изорвалъ жилетъ.

Эти напоминанія, какъ удары кинжала, поражали огорченное сердце Крупинки. Онъ готовъ былъ разревѣться; но нѣкоторая гордость и врожденное самолюбіе не допустили его предаться такому горестному изліянію печали; а потому онъ оставался только нахмуренный, какъ сентябрьская непогода.

— Не горюйте, не печальтесь!— продолжалъ Фѳедоръ Ивановичъ, — я сейчасъ-же васъ вознагражу. Вы, вѣроятно, не погнушаетесь принять отъ меня, вмѣсто вашихъ часовъ, золотые часы самой лучшей работы....

Крупинка почувствовалъ, какъ будто у него выросли крылья. Огненнымъ взглядомъ онъ посмотрѣлъ на золотой подарокъ — и жадной рукой принялъ его отъ дарителя, изъявляя свою признательность молча, однимъ поклономъ. Взамѣнъ золотыхъ часовъ, Крупинка вынулъ изъ кармана обломки своихъ собственныхъ, но Стройный просилъ его и эти оставить при себѣ.... Крупинка едва удержался, чтобы не сдѣлать прыжокъ *а ла Фанни-Эльслеръ.*

— Какъ бы въ знакъ моего полного раскаянія, я еще прошу васъ принять жилетъ и манишку....

Крупинка ни отъ чего не отказывался и все принималъ.

Порывы благотворительности Стройнаго, казалось, не имѣли предѣловъ.

— Степанъ Степановичъ! — повторялъ онъ, скрестивъ свои руки, желая такъ сказать и жестомъ, и выраженіемъ голоса, и словомъ, и дѣломъ вымолить у своего пріятеля прощеніе въ послѣднемъ поступкѣ, — будьте такъ милостивы — забудьте это глупое дѣло.... Я знаю вашу нужду.... Вы человекъ очень добрый и потому я прошу васъ, какъ брата, какъ друга.... И въ самомъ дѣлѣ, будемте друзьями! — такъ я прошу васъ принять отъ меня еще эту бездѣлицу!... — Тутъ онъ протянулъ къ Крупинкѣ сторублевую ассигнацію. Увидѣвъ такое сокро-

вище, Крупинка затрясся, какъ осиноый листь. — Но какъ поступить? — думалъ онъ, — съ разу взять какъ-то неделикатно.... Это не то, что часы.... вѣдь *деньги*.... не взять опасно.... а какъ вдругъ онъ опомнится, да пожалѣеть!... — Лицо Крупинки въ первый разъ въ жизни покрылось блѣдностію, какъ иногда красный утренній шаръ возникающаго свѣтила задерживается бѣлымъ туманомъ. Крупинка еще колебался, а уже протягивалъ руку, однакоже при этомъ, улыбаясь, онъ произнесъ два слова: „что это вы?“ — за тѣмъ крѣпко сжалъ и опустил въ пустой бумажникъ полученную ассигнацію.

— Ну, теперъ пойдете-же въ Лѣтній Садъ!... радостно восклицалъ Стройный, успокоенный совершеннымъ примиреніемъ съ недавнимъ непріателемъ.

Крупинка извинялся, что онъ никакъ не можетъ идти, ссылаясь на домашнія надобности.

— Что за надобности? — повторялъ ласково Стройный, обнимая Степана Степановича. — Степану Степановичу такія объятія были не по-нутру. Въ его памяти онъ еще такъ свѣжо рисовались совершенно въ другомъ видѣ. Трепеща всѣмъ тѣломъ, дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ онъ еще разъ, что его ожидаетъ бабинька и что, если онъ не придетъ, то она очень разсердится.

— Въ такомъ случаѣ не смѣю васъ удерживать! — замѣтилъ Стройный.

Они разстались.

V.

— Черезъ нѣсколько минутъ послѣ коми-трагическаго свиданія и разставанія Крупинки съ Стройнымъ, по Гороховой очень многіе изъ прохожихъ останавливались, оборачиваясь назадъ, чтобы посмотреть на стремглавъ несущагося человека. Это былъ Крупинка. Какъ робкій звѣрекъ, добывъ коегдѣ хорошую поживу, несется въ свою норку, опасаясь, чтобы у него не отняли его сокровищъ, такъ-точно Крупинка летѣлъ на свою квартиру, которая находилась въ пятомъ этажѣ одного изъ наиболѣе громаднхъ и населенныхъ домовъ

Гороховой. Не смотря на свою дородность, онъ въ двѣ минуты взбѣжалъ на самый верхъ лѣстницы и такъ сильно дернулъ колокольчикъ, что бѣдная Агаѣя Семеновна, его бабинька, со страху уронила кастрюлю съ супомъ и обварила себѣ ногу. Какъ ни страдала несчастная отъ этого мучительнаго уязвленія, однако поплелась отворять дверь, повторяя: *кого тамъ нелегкая принесла!* — Увидѣвъ своего питомца, она такъ и закипѣла досадою.

— Что ты, батюшка, съ цѣпи сорвался, что-ли?... Экъ дернулъ, словно домъ хотѣлъ повалить....— повторяла она, хватаясь за ногу.

— Полно, бабинька.... полно, Агаѣя Семеновна....— восклицалъ Крупинка, — радости.... великія радости.

— Ну, чего тамъ....— говорила старуха, понизивъ нѣсколько суровость голоса, — поди какія радости.... я думаю, чай, опять въ карты проигрался....

— Нѣтъ, бабинька!...— восклицалъ Крупинка, съ быстротою кидаясь на шею бабиньки и покрывая жаркими поцѣлуями ея морщинистое лицо.

— Ну, чего ты вѣшаешься, какъ пьяный.... Терпѣть не могу....— воскликнула Агаѣя Семеновна, съ усиліемъ освобождаясь изъ объятій своего внука.... — Что ты дуришь!.. Сидѣлъ-бы дома да дѣломъ занимался.... Карты тебя до добраго не доведутъ....

— Выигралъ, бабинька, выигралъ....

— Выигралъ!.. знаю я твои выигрыши довольно хорошо.... чай своими боками расплатился....

— Боками-то и выигралъ.... восклицалъ Крупинка, прыгая, какъ пятилѣтній ребенокъ.

Старуха смотрѣла на него въ пол-глаза.

— Гм.... — бормотала она, — дурень, неотесанный чурбанъ.

— Полно ворчать, моя милая бабинька, посмотри-ка, посмотри-ка, что я тебѣ покажу. — Тутъ онъ съ дуру вынулъ изъ кармана прежде всего разбитые часы. Довольно было этого, чтобы Агаѣя Семеновна совершенно разгнѣвалась.

Степанъ Степановичъ всѣмъ былъ обязанъ бабинькѣ. Онъ остался на ея рукахъ еще пятилѣтнимъ ребенкомъ. Она воспитывала его и притомъ баловала, какъ обыкновенно бабиньки балуютъ своихъ внучатъ. Въ настоящее время она за-

мѣняла ему и мать, и друга, и даже кухарку, потому что не смотря на самыя искреннія убѣжденія почтительнаго племянника, Агаѣя Семеновна ни за что не хотѣла разстаться съ кухней, или рѣшиться нанять кухарку.

— Я, братъ, люблю порядокъ.... — говорила она своему племяннику, — и потому люблю хозяйничать. Дядя твой именно меня взялъ за себя, потому что завидѣлъ во мнѣ способность быть хорошей хозяйкой. Двадцать пять лѣтъ жили мы съ покойникомъ, какъ голубки, и никогда у насъ не было ни свару, ни разладу; а между тѣмъ хозяйство — стирня, стирка, все лежало на мнѣ. Нѣтъ, батюшка, я не такая, какъ ваши бѣлоручки.... — Тутъ она, взявъ внучка за чупъ и порядочно потянувъ внизъ, приговаривала: — учись и ты такъ жить, бездомная головушка, привыкай къ труду, да къ порядку.... Вишь я старуха, а рашъ пѣтуховъ встаю.... вечеромъ ты давно ужъ хриплюю пѣсню заводишь, а я все копошусь, да копошусь на кухонкѣ.... одно перечищу, другое перечиню, перештопаю.... Въ чемъ-бы ты ходилъ, беззаботный дикарь, кабы не я.... Охъ, ты дурной Степка.... посмотри на бѣлье свое — заплатка на заплаткѣ.... Въдь я тебѣ вторая мать, бурсурманъ ты этакій. Кого ты будешь слушаться, коль скоро меня не считаешь, когда и мать твоя, и отецъ выросли на моихъ рукахъ.... кто ихъ нянчилъ, да воспиталъ?... все Агаѣя Семеновна.... ужъ за то они меня и любили, и слушали, покойнички.... не супротивъ ночи, а противъ яснаго дня будь помянуты.... А ты что, ротозѣй?... тодько-бъ лодырничать?... Нѣтъ, Степушка, будешь меня слушаться — будешь счастливъ. Въдь тебѣ ужъ надобно понимать это, душенька, ты не двадцатилѣтній мальчикъ.... ужъ четвертый десятокъ, батюшка.... пора и за дѣло приниматься....

Степанъ Степановичъ чувствовалъ и понималъ, что бабинька, если бранить его, то это еще не значитъ, чтобы она его не любила. Тысячи случаевъ доказали ему ея любовь. Однако же, не смотря на это, онъ порядочно струхнулъ, когда замѣтилъ, что испытующій взоръ бабиньки былъ прямо устремленъ на его раздавленные часы. Въ недоумѣніи онъ не зналъ, что придумать въ отвѣтъ и съ поспѣшностію искалъ золотыхъ, чтобы успокоить свою покровительницу: быстро опустил онъ руку въ боковой карманъ жилета; сердце

его такъ и упало — часовъ тамъ не оказывалось!... — Въ другой карманъ, — его такъ и обдало холодомъ, какъ изъ ледниковъ Гренландіи... сторублевая ассигнація какъ-будто испарилась!!! — въ третій карманъ... жилета и манишки не было!!... — Блестящій уголокъ шелкового жилета, торчавшій изъ задняго кармана прельстилъ уличныхъ артистовъ. Они обратили вниманіе и на другіе карманы; разсыпанная поспѣшность Крупинки благопріятствовала ихъ намѣреніямъ: въ слѣдствіе чего въ вышеупомянутыхъ карманахъ произведено было ими совершенное и рѣшительное опустошеніе.

Розиня ротъ и выпучивъ глаза, Степанъ Степановичъ стоялъ посреди комнаты, какъ одушевленный вопросительный знакъ; между-тѣмъ, бабинька продолжала смотрѣть на его разбитые часы.

— Ну, чего-же ты радовался? — проговорила она довольно хладнокровно, — чего ты вѣшался и прыгалъ... Не правду-ли я сказала, что у тебя, кромѣ проигрыша, никогда ничего не можетъ-быть....

Степанъ Степановичъ не могъ далѣе скрывать своего огорченія: рыдая, онъ опустился на колѣна передъ Агаѳею Семеновной.

— Бабинька...—восклидалъ онъ страждущимъ голосомъ, — меня обворовали.... Какъ передъ Богомъ, говорю вамъ, у меня были золотые часы, атласный жилетъ, сто рублей денегъ.... все пропало, все вытащили....

— Ну, чего-же ты плачешь?—замѣтила Агаѳья Семеновна довольно спокойно. — Правосудіе отыщетъ злодѣевъ; а отчаяваться великій грѣхъ, Степушка.... Сказавъ эти слова, Агаѳья Семеновна со вздохомъ ушла на кухню; но потомъ черезъ минуту опять возвратилась въ горючихъ слезахъ.

— Не даромъ, Степушка,—говорила она — не даромъ я видѣла тебя, сегодня во снѣ, всего въ грязи, такъ-таки съ головы до ногъ.... Я еще утромъ и говорю сама себѣ — вѣрно сегодня съ нимъ что-нибудь приключится.... а оно тутъ и есть, какъ на ладошкѣ....

Участіе бабиньки нѣсколько успокоило Степана Степановича; онъ почувствовалъ облегченіе, однако не могъ никуда идти, ничего дѣлать, а потому, надѣвъ халатъ, растянулся на

софѣ и погрузился въ глубокую задумчивость и совершенное бездѣйствіе....

VI.

Это было въ маѣ. Лѣтній садъ, какъ магическій калейдоскопъ, представлялъ обворожительную игру самаго блестящаго гулянья. Со всѣхъ сторонъ подъѣзжали великолѣпные экипажи, изъ которыхъ выпархивали радужныя нескія феи, или выѣзали полнобѣсныя барыни, а за ними показывались плѣшивыя головы ихъ супруговъ. Но, посреди такого разнообразія, нельзя было не замѣтить озабоченной физиономіи Оедора Ивановича Стройнаго. Какъ мрачная тѣнь носился онъ изъ одной аллеи въ другую; неотвязчивый лорнетъ его не пропускалъ ни одной дамы, ни одной дѣвицы.... Между-тѣмъ уже толпа начинала рѣдѣть, Лѣтній Садъ пустѣлъ, и Оедоръ Ивановичъ едва не предался отчаянію.... тысячи проклятій уже висѣли на кончикѣ его языка, какъ-вдругъ мелькнуло что-то знакомое.... Это были Томскіе. Первое впечатлѣніе такъ сильно потрясло Стройнаго, что онъ не могъ удержаться отъ восхищенія: „Это они!“ Слова эти были произнесены такъ выразительно, что долго потомъ, все оставаясь на одномъ мѣстѣ, какъ окаменѣлый, Стройный никакъ не могъ свести челюстей. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять повстрѣчалъ Томскихъ, но въ этотъ разъ они его замѣтили прежде.

— Вѣра, посмотри-ка, нашъ кавалеръ!.. воскликнула госпожа Томская.

— Ахъ, мосье Стройный!... — разсѣянно замѣтила Вѣра Александровна и невольно подумала: какъ жаль, что всѣ наши знакомые по большей части *статскіе*, а не *военные*.

Оедоръ Ивановичъ быстро примкнулъ къ Томскимъ: избытокъ счастья мѣшалъ ему говорить, и онъ только мигалъ глазами, да кашлялъ. Этими двумя дѣйствіями онъ, казалось, надѣялся укротить бурю разнородныхъ ощущеній, которая жестоко свирѣпствовала во всемъ его составѣ. За то ужъ госпожа Томская, какъ истинная трещотка, не переставала

говорить; по самому строгому математическому расчету можно-бы было удостовѣриться, что она въ продолженіе получаса произнесла до десяти тысячъ словъ. Между-прочимъ она пригласила Стройнаго къ нимъ обѣдать.

По странному стеченію обстоятельствъ, Томскіе остановились, по своему пріѣздѣ въ Петербургъ, на Гороховой, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ въ это время Степанъ Степановичъ Крупинка. Одинъ поворотъ лѣстницы раздѣлялъ ихъ квартиры: Крупинка жилъ — въ четвертомъ этажѣ, а Томскіе — въ третьемъ. Вотъ отчего Степанъ Степановичъ такъ рано былъ посвященъ въ тайну прибытія Томскихъ изъ Москвы. Этого мало, Крупинка зналъ всѣ мелкія подробности о томъ, что происходило въ семействѣ Томскихъ; потому что горничная ихъ безпрестанно забѣгала на кухню, то попросить кипятку, то утюгъ погрѣть, и не пропускала ни одного разу, чтобы не сообщить какую-нибудь новость на счетъ своихъ господъ.

Стройный ничего этого не зналъ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не бывалъ у Крупинки и не заботился узнавать, гдѣ живетъ его пріятель. Впрочемъ, это совершенно въ порядкѣ вещей, счастливыцы никогда не помышляютъ о будущемъ, рѣшительно ни объ чемъ не хотятъ заботиться и предаются единственно созерцанію своего блаженства. Въ такомъ положеніи находился Федоръ Ивановичъ, сидя за обѣденнымъ столомъ у Томскихъ; онъ не спускалъ глазъ съ Вѣры Александровны и нѣсколько разъ повторялъ въ душѣ, что сегодня должна рѣшиться его участь.

Послѣ обѣда, къ Томскимъ пріѣхали изъ Коломны какіе-то старинные ихъ знакомые, уже довольно взрослые дѣвицы и нѣсколько человѣкъ молодыхъ людей. Сперва затѣяли игры въ *файты*, въ кошку-мышку, но все это не клеилось и госпожа Томская рѣшительно объявила, что должно начать танцы. Стройный только того и желалъ: теперь ему представлялась возможность объясниться съ Вѣрой Александровной. Онъ былъ въ положеніи человѣка слегка угорѣвшаго и все происходило оттого, что онъ боялся упустить изъ рукъ такое сокровище, какъ дѣвицу Томскую.

— Если сегодня не рѣшусь я съ нею объясниться, думаю онъ, если сегодня госпожа Томская не изъявитъ мнѣ

согласія своего, то легко можетъ быть, что завтра кто-либо другой отобьетъ у меня мое счастье.... нѣтъ, должно дѣйствовать немедленно.

Въ этой мысли Федоръ Ивановичъ устроилъ мазурку и ангажировалъ Вѣру Александровну.

Въ счастливую минуту, когда Вѣра Александровна, казалось, погрузилась въ легкую задумчивость, Стройный приступилъ къ дѣлу.

— Вѣра Александровна! — воскликнулъ онъ такъ странно, что молодая Томская посмотрѣла на него, какъ говорится, во *всѣ глаза*.

— Вѣра Александровна! — повторилъ онъ уже гораздо нѣжнѣе, и наконецъ въ третій разъ онъ такъ нѣжно произнесъ эти-же самыя слова, что Вѣра Александровна почувствовала жалость. — Вѣра Александровна, — продолжалъ говорить Стройный, — повѣрьте мнѣ ваши чувства: свободно-ли ваше сердце? — могу-ли надѣяться на ваше согласіе?

Вѣра Александровна отвѣчала, что все зависитъ отъ маменьки, давая этимъ разумѣть, что она понимаетъ, въ чемъ дѣло.

Когда кончилась мазурка, Федоръ Ивановичъ горя нетерпѣніемъ, объявилъ госпожѣ Томской, что ему необходимо съ ней объясниться наединѣ о весьма важномъ дѣлѣ. Томская очень обрадовалась и пригласила его къ себѣ въ бу-дуаръ.

Алена Осиповна Томская была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя въ старости сохраняютъ весь огонь юношескихъ лѣтъ. Не принимая участія въ забавахъ молодежи, она между-тѣмъ до страсти любила, чтобы все вокругъ нея прыгало и рѣзвилось, и съ какимъ восторгомъ помышляла она о томъ времени, когда ея Вѣрочка будетъ невѣстой. На грѣхъ, между-тѣмъ женихи не являлись. Предложеніе Стройнаго такъ тронуло Алену Осиповну, что отъ радости у нея полились слезы.

— Ахъ, какое счастье!... — воскликнула она, — моя Вѣрочка будетъ невѣстой. Я очень рада и безъ сомнѣнія вполне согласна на ваше предложеніе; тѣмъ болѣе, что хорошо знаю вашего дядюшку.... Онъ человѣкъ богатый, а вы человѣкъ добрый. Лучшаго жениха и не найдти мнѣ для Вѣры.... Одно

скажу вамъ—поѣзжайте къ дядюшкѣ, лично объясните ему ваши намѣренія и просите, какъ можно болѣе денегъ, потому что мы очень поиздержались и, въ настоящее время, я ничего не могу сдѣлать для Вѣры....

— Завтра-же ѣду въ Москву, — отвѣчалъ Стройный, — и черезъ двѣ недѣли возвращусь....

При этихъ словахъ Анна Осиповна поцѣловала Стройнаго въ лобъ и, схвативъ его за руку, съ усиліемъ вытащила въ сосѣдную комнату.

— Господа!....— произнесла она торжествующимъ голосомъ, обратясь ко всему обществу, — вотъ женихъ моей дочери, прекрасный человекъ.... Ѳедоръ Ивановичъ Стройный!...

Вѣра Александровна при этомъ забилась въ уголокъ и стала горько плакать.

— Вѣра, золото мое, сокровище моя, что это значить? ты плачешь? ты недовольна моимъ выборомъ?—будь спокойна, мой другъ, я тебя не отдамъ ни за кого.... принуждать тебя я никогда не стану....

— Ахъ, маменька, — отвѣчала Вѣра Александровна, — развѣ вы не знаете, что я люблю военныхъ, такъ я плачу только о томъ, что мой женихъ не военный; но когда ужъ нѣтъ военнаго жениха, я рада и статскому.

Алена Осиповна нѣжно поцѣловала свою дочь и веселье закипѣло. Всѣ стали подходить къ Вѣрѣ Александровнѣ и поздравлять ее съ женихомъ. Другія поздравляли жениха и Алена Осиповна даже сама приняла участіе въ гроссъ-фатеръ и танцовали что-то едва-ли не до шести часовъ утра.

На другой день Ѳедоръ Ивановичъ Стройный уѣхалъ въ Москву; Вѣра Александровна оставалась почему-то задумчивою; сама Алена Осиповна встала тремя часами позже, и выпила, противъ обыкновенія, три лишнихъ чашки кофе.

VII.

Мы разстались съ Степаномъ Степановичемъ Крупинкой въ ту самую минуту, когда погруженный въ совершенное оцѣпенѣніе, онъ лежалъ, растянувшись на диванъ, однако

не долго Крупинка оставался въ такомъ положеніи! — Вскорѣ, какъ ни была изнурена его физика, въ душѣ его возстала прежняя буря; онъ видѣлъ себя въ когтяхъ Стройнаго, неумолимо сдавливающаго его туловище, слышалъ его грозные и досадные упреки; чувствовалъ всю тяжесть потери часовъ, и еще болѣе ожесточался при воспоминаніи о послѣднихъ подаркахъ, которые послужили ему не-въ-прокъ. Сила такихъ мучительныхъ представленій пробудила въ немъ на нѣсколько мгновеній усыпленную вражду... и онъ вскочилъ съ дивана, какъ бѣшеный. Долго ходилъ онъ по-комнатѣ взадъ и впередъ, не зная, что придумать. Чтобъ немного развлечь себя, онъ взялъ какой-то старинный романъ и принялся его читать.... Къ-несчастью это была вторая часть романа и на первой страницѣ Степанъ Степановичъ прочиталъ слѣдующія слова: „N. N. былъ человекъ добрый, ласковый, незлопамятный; но есть оскорбленія, которыя не забываются. Онъ не могъ забыть насилія графа С., и день, и ночь его томила жажда мщенія“... Крупинка не могъ читать долѣе и швырнулъ книгу.

— Въ этихъ словахъ,—повторялъ онъ самому-себѣ,—заключается все, что мнѣ нужно въ настоящее время. Оскорбленіе, нанесенное мнѣ Стройнымъ, превышаетъ всякое вѣроятіе. Оно не можетъ-быть прощено и я отомщу ему.... Чѣмъ болѣе предавался Степанъ Степановичъ такой гибельной мечтательности, тѣмъ сильнѣе распаялись въ немъ страсти и онъ снова схватился за брошенный имъ романъ. Первые слова, которыя открылись Степану Степановичу, были: „*Я жажду мщенія*....“ Это очень понравилось ему въ его настоящемъ положеніи и онъ, сперва въ умѣ своемъ, сталъ повторять эту фразу, потомъ словами довольно тихо, потомъ громче и наконецъ такъ громко, что бабинька испугалась и опрометью вбѣжала въ комнату.

— Что съ тобой, что ты? — спрашивала она съ удивленіемъ, — не рѣхнулся-ли ты, голубчикъ, такъ загорланилъ, что у меня на кухнѣ штукатурка посыпалась.... Ну, что снуешь-то по комнатѣ, какъ угорѣлый?... отвѣчай, когда тебя спрашиваютъ!...

Степанъ Степановичъ между-тѣмъ, какъ мрачный Отелло, продолжалъ мѣрными шагами ходить взадъ и впередъ по

комнатъ. Упреки бабиньки, какъ-будто пробудили его отъ страшнаго сновидѣнія и онъ, со слезами на глазахъ, опять бросился предъ нею на колѣна.

— Бабинька! — восклицалъ онъ жалобнымъ голосомъ, — я жажду мщенія...

— Ну, что ты за чепуху городишь — отвѣчала Агаѣя Семеновна, толкнувъ своего питомца двумя пальцами въ лобъ, — жаждешь, такъ напейся холодной водицы изъ ушата.... Чего тутъ еще....

— Ахъ, бабинька; какъ вы не понимаете! — продолжалъ страждущимъ голосомъ Крупинка, — я не воды хочу, но я жажду мщенія....

— Тьфу, ты глупая пустомеля, — воскликнула Агаѣя Семеновна, плюнувъ съ досады, — какое тамъ еще мщеніе.... Ужъ ты, голубчикъ, не приучился-ли водку пить?... Слышите-ли воды не хочеть, а какого-то мощенія. Ты смотри, Степанъ, если я замѣчу, что ты въ карты играешь, да водку пьешь, то я съ тобою не стану жить; брошу тебя — и живи, какъ самъ знаешь....

Семейная сцена продолжалась-бы, можетъ-быть, еще довольно долго, если-бъ въ это время не появилось постороннее лицо: это была горничная Томскихъ.

— Позвольте, сударыня, — говорила она, — сварить у васъ кофейку.... барыня наша пришла домой и приказала варить кофей, а на кухнѣ у насъ нѣтъ мѣста, поваръ всю плиту загородилъ....

— Изволь, голубушка.... — отвѣчала Агаѣя Семеновна, удаляясь вмѣстѣ съ нею на кухню.

Три дня прошло послѣ этого. Степанъ Степановичъ не чувствовалъ ни малѣйшаго облегченія своимъ страданіямъ. Онъ глубоко сознавалъ свое уничиженіе передъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, съ скорбнымъ чувствомъ вспоминалъ о разбитыхъ часахъ и разорванномъ жилетѣ.... и ему казалось, что до-тѣхъ-поръ онъ не успокоится, пока не будетъ отомщенъ.... Чувство вполне итальянское!... Но какъ отомстить? — думалъ онъ, — и вдругъ, при этомъ вопросѣ, опять скрипнула дверь въ передней и вбѣжала горничная Томскихъ. Лучъ надежды блеснулъ въ душъ Крупинки.

— Милая моя, — говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ, — зайди-ка въ

залу на минуту, мнѣ нужно тебѣ сказать пару словъ, чтобъ бабинька не слыхала....

Агаея Семеновна, къ несчастію, услышала эту просьбу.

— Это что такое за новости?—воскликнула она,— какіе-такіе у тебя секреты съ горничной, ты я вижу совсѣмъ одурѣлъ.... Ну смотри, Степанъ!..

Усиленными просьбами Степанъ Степановичъ успѣлъ однако успокоить свою бабиньку и вымолить у нея согласіе.

— Ну говори, пустая голова....— сказала бабинька,— только смотри у меня, не заведи тутъ шуры-муры....

Когда Крупинка увидѣлъ себя наединѣ съ горничной, глаза у него засверкали, какъ у лисицы.

— Милая моя!.. говорилъ онъ на распѣвъ, и такъ мягко, такъ нѣжно, что горничная съ перваго разу къ нему расположилась.... Потомъ Степанъ Степановичъ опустилъ руку въ карманъ — и послѣдній цѣлковый, который былъ у него въ запасъ, на всякій случай, онъ предложилъ горничной въ видѣ презента на кофе.

Горничная уже совершенно была на его сторонѣ, общая все для него сдѣлать, о чемъ онъ будетъ просить.

— Милая моя,— продолжалъ Степанъ Степановичъ,— будь со мною откровенна, скажи мнѣ, не былъ-ли у васъ Стройный....

— Господинъ Стройный?... — отвѣчала горничная,— какъ-же, сударь, они были у насъ еще въ первый день, какъ барыня пріѣхала.... такой милый баринъ....

— Что ты, голубушка,— возразилъ Крупинка,— какой онъ милый.... онъ сумасшедшій....

— Что вы, сударь!... какое несчастіе.... а вѣдь барышня то наша за него просватана и ужъ помолвка была.... свадьба назначена черезъ мѣсяцъ....

— О бѣда!— воскликнулъ Крупинка,— онъ счастливъ.... онъ достигъ желаемой цѣли, а я между-тѣмъ жажду мщенія и остаюсь неотомщенъ.... Но скажи-же мнѣ, моя милая, когда онъ будетъ у васъ....

— Теперь, сударь, они долго не будутъ....— отвѣчала горничная.— Они вѣдь уѣхали въ Москву, чтобы просить благословенія дядюшки, и хоть они говорили, что скоро воротятся, однако, вѣроятно, мѣсяцъ пройдетъ....

— Уѣхалъ въ Москву!— воскликнулъ Крупинка, сдѣлавъ

прыжокъ *а ла Гредю*, — есть надежда, есть надежда испортить ему все дѣло.... О! тогда я буду совершенно успокоенъ.... Потомъ, обратившись къ горничной, онъ началъ говорить совершенно другимъ голосомъ и въ другомъ тонѣ.... это былъ голосъ и тонъ страждущаго.

— Милая моя, — говорилъ онъ, — счастье мое во многомъ зависить отъ тебя. Давно, давно, еще въ Москвѣ, я имѣлъ случай увидѣть твою барышню, которую, кажется, зовутъ Вѣра Александровна....

— Такъ точно!.. замѣтила горничная.

Степанъ Степановичъ продолжалъ: — Первая моя встрѣча съ нею рѣшила мою судьбу на всю жизнь. Я полюбилъ ее, я люблю ее — и, кажется, буду вѣчно любить. Ты можешь себѣ представить теперь, какъ я буду несчастливъ, если она выйдетъ за-мужъ за другаго.... особенно за Стройнаго, который мнѣ врагъ и составитъ несчастье вашей барышни на всю жизнь, потому что онъ бѣшенный человѣкъ....

— Ахъ, какія страсти!.. произнесла горничная, отирая слезу, блеснувшую на ея глазахъ.

— Такъ вотъ, моя милая, — продолжалъ Крупинка, ободренный первымъ успѣхомъ, въ порывѣ неопредѣленнаго вдохновенія: — я готовъ у ногъ твоихъ просить совершить важное дѣло, передать отъ меня записочку твоей барышнѣ. Зайди къ намъ, какъ-будто зачѣмъ-нибудь, сегодня вечеромъ; записочка будетъ готова, ты ее возьмешь и передашь Вѣрѣ Александровнѣ, и между-тѣмъ, при случаѣ, ты объясни ей на словахъ, что Строинный — человѣкъ опасный, бѣшенный, сумасшедшій....

— Все, сударь, сдѣлаю: вечеромъ я къ вамъ забѣгу за угольемъ, вы приготовьте записочку; а барышнѣ я ужъ наплюю въ уши....

Горничная ушла. Оставшись одинъ, Степанъ Степановичъ захопалъ въ ладоши — и сдѣлалъ нѣсколько пируэтовъ на одной ножкѣ, потому-что ему казалось дѣло уже вполонину совершеннымъ. Положимъ, что Вѣра Александровна — красавица не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ, — думалъ онъ, — но она между-тѣмъ молода, хороша, богата. Притомъ, можетъ-быть, въ Москвѣ я ее не совсѣмъ хорошо разглядѣлъ.... у нея, кажется, въ щечкахъ играетъ румянчикъ, руки пухленькія.... — Въ эту минуту Степанъ Степановичъ облизнулся.... надо мнѣ взять въ

соображеніе и то обстоятельство, что вотъ ужъ скорехонько не *сегодня* — *завтра* мнѣ стукнетъ сорокъ лѣтъ, а невѣсты у меня нѣтъ, да и не имѣется въ виду. А что, если она согласится быть моею женою? — сколько блаженства я получу отъ одного того, что отобью невѣсту у Стройнаго и буду обладать тѣмъ существомъ, въ которомъ онъ полагаетъ блаженство всей жизни.... Тогда онъ постигнетъ, что Крупинка вовсе не такъ глупъ, какимъ онъ его считалъ, тогда-то онъ увидитъ, что Крупинка не продастъ свою честь за золото.... тяжелы будутъ его мученія, велико раскаяніе, но поздно — невѣста уже будетъ потеряна!! —

Въ этихъ мысляхъ Степанъ Степановичъ приготовился писать письмо. Вотъ отъ слова до слова это знаменитое посланіе.

„Сударыня, мученія сердца моего не даютъ мнѣ болѣе спокойствія.... оно страждетъ, страждетъ, какъ нераскаянный грѣшникъ.... И какъ осмѣлюсь вамъ сказать, какъ рѣшусь произнести передъ вами, что причиною этихъ страданій единственно вы.... Годъ тому назадъ, я имѣлъ счастье увидѣть васъ въ первый разъ. Это была рѣшительная минута въ моей жизни. Съ-тѣхъ-поръ я не знаю покоя, не знаю — что такое значить веселость; съ-тѣхъ-поръ однѣ вы занимаете меня постоянно. Сажусь-ли я обѣдать — у меня нѣтъ аппетита, ложусь-ли спать — сонъ бѣжитъ отъ моихъ глазъ.... Сударыня, спасите страдальца; пролейте въ душу его отрадныя утѣшенія; скажите мнѣ, что я вамъ не противенъ, что вы согласны отдать мнѣ руку и сердце — и я счастливъ, я возвращусь къ новой жизни.... Не буду болѣе распространяться, потому-что я никогда бы не кончилъ. Довольно этихъ немногихъ строкъ, въ нихъ я высказалъ всѣ чувства моего сердца.

Весь Вашъ до гроба и за гробомъ.

Степанъ Крупинка.“

Письмо это было переписано на чистый листокъ съ разными узорами, въ которыхъ можно было замѣтить нѣжныхъ амуровъ съ пылающими факлами; розовая золоченая облатка придавала записочкѣ еще болѣе граціи. Но все это казалось для Степана Степановича недостаточнымъ; ему хотѣлось раздушить письмо, а духовъ у него не было. Онъ зналъ между

прочимъ, что у бабинки есть все на свѣтъ... въ этой мысли рѣшился онъ атаковать ея комодъ, цѣлый часъ рылся въ ящикахъ и наконецъ отрылъ старинную баночку съ духами, раздушилъ письмо какъ слѣдуетъ, и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать прихода горничной. Едва начало смеркаться, какъ она явилась. Крупинка съ трепетомъ передала ей письмо, которое, черезъ нѣсколько минутъ уже было въ рукахъ предупреденной на этотъ счетъ Вѣры Александровны. По странному капризу случая, Вѣра Александровна заочно полюбила всѣмъ сердцемъ автора такихъ сентиментальныхъ нелѣпостей; она нѣсколько разъ перечитывала письмо и потомъ прижала его къ своимъ алымъ губкамъ.

— Лиза... — спросила она горничную, — что онъ военный или статскій?...

— Должно быть, сударыня... — отвѣчала горничная, — что они были военными и теперь въ отставкѣ, потому-что у нихъ маленькіе усики, а ужъ какіе они красавцы, сударыня, такъ на диковину... румянецъ во всю щеку, брови дугой, волосы черные — такъ и выются колечками.

Такой портретъ очень понравился Вѣрѣ Александровнѣ и она глубоко вздохнула.

— Лиза... — продолжала она — мнѣ жаль его; но я ни на что не могу рѣшиться, не увидѣвшись съ нимъ... Маменька завтра утромъ ѣдетъ въ Гостиный Дворъ покупать для меня разныя вещи къ свадьбѣ. Я останусь дома. Вотъ удобный случай. Скажи, чтобъ онъ пришелъ къ намъ...

Горничная была въ восторгѣ. Она принимала дѣятельное участіе въ судьбѣ Крупинки, и черезъ нѣсколько минутъ съ радостію объявила ему желаніе барышни.

Цѣлую ночь и утро Степанъ Степановичъ приготовлялся къ аудіенціи. Волосы его были завиты самымъ изящнымъ образомъ, красиво обрисовывая его полное и румяное лицо, небольшіе усики были закручены въ колечки; сиреневые съ полосками брюки, планшевый жилетъ, черный съ перехватомъ сертукъ и бѣлыя лайковыя перчатки дѣлали его въ полномъ смыслѣ — что выражается у французовъ словомъ *irresistible* — неотразимымъ.

Чѣмъ болѣе приближалась минута интереснаго свиданія, тѣмъ сильнѣе становилось безпокойство и нетерпѣніе Вѣры Алексан-

дровны. Ей страхъ хотѣлось увидѣть ея страстнаго поклонника, какъ вдругъ онъ внезапно явился и палъ къ ногамъ красавицы. Въ эту минуту Степанъ Степановичъ дѣйствительно былъ хорошъ. Желаніе успѣха придавало лицу его такъ много оживленія и выраженія твердой рѣшимости. Вѣра Александровна чувствовала себя побѣжденной, и, утѣшая страдальца, какимъ называла себя Крупинка, общала ему руку и сердце. Вечеромъ уже была новая помолвка. Удивленная бабинька, получивъ приглашеніе къ Томскимъ, по случаю помолвки Вѣры Александровны за ея племянника, долго не могла опомниться. Давно, давно уже она желала видѣть своего внука счастливымъ супругомъ и между-тѣмъ теряла всякую надежду. Какъ вдругъ такая пріятная и совершенно неожиданная новость!! Самъ Степанъ Степановичъ, цѣлуя ея сухія руки, увѣрялъ ее, что это все сущая правда, а она никакъ не могла повѣрить.

— Ужъ можно-ли вѣрить, чтобъ такой вѣтренникъ, какъ ты, женился!? — говорила она. — Милая бабинька, вѣрьте мнѣ, что это правда. Однако одѣвайтесь скорѣй, потому-что васъ ждуть, и безъ вашего благословенія я никогда не женюсь....

Агаѣя Семеновна, повидимому, испугалась, чтобы не быть причиной несчастья своего питомца.... Она тотчасъ-же начала одѣваться: огромный чепецъ съ зелеными лентами скрылъ ея сѣдины, а обширная старинная турецкая шаль охватила ея неровный станъ. Рука объ руку съ внукомъ она отправилась къ Томскимъ. Для исторической вѣрности должно упомянуть, что отправляясь къ нимъ, она заглянула въ свой сундучекъ и вынула оттуда двѣ полновѣсныя пачки ассигнацій, опустивъ ихъ въ ридикуль. Когда приблизилась торжественная минута нарѣченія ея внука женихомъ, а Вѣры Александровны его невѣстой, добрая Агаѣя Семеновна сунула одну пачку невѣсть, и поцѣловавъ ее въ лобъ, примолвила: вотъ тебѣ на тряпки, — а другую подарила Алень Осиповнѣ; говоря: вотъ тебѣ, матушка, на чепчикъ.... Такой поступокъ Агаѣи Семеновны окончательно побѣдилъ Томскихъ. Онѣ были безъ ума отъ бабиньки и ея внука. На другой же день наняли по Садовой квартиру для будущихъ молодыхъ, а недѣлю спустя счастливая чета Крупинокъ уже

вкушала, на этой квартирѣ, всѣ чары медоваго мѣсяца. Степанъ Степановичъ открылъ такія совершенства въ свой женѣ, что забылъ о мщеніи и считалъ себя на верху блаженства; но между тѣмъ, онъ былъ жестоко отомщенъ!!...

Однажды, когда двумѣстная наемная карета стояла у подъѣзда молодыхъ, ожидая ихъ появленія, у этого же подъѣзда дожидался ихъ какой-то странный человекъ, закутанный въ черный плащъ. Встревоженное лицо его было покрыто смертною блѣдностію. Завидѣвъ Крупинку съ его очаровательной супругой, онъ едва устоялъ на ногахъ и не могъ удержаться, чтобъ не воскликнуть:

— Степанъ Степановичъ!

Крупинка посмотрѣлъ на незнакомца; это былъ Стройный. Мгновенно вся старинная ненависть Крупинки вспыхнула въ его груди. — Вотъ счастливая минута, — подумалъ онъ, — со славою довершить мою мечь. Жена его уже сѣла въ карету, тогда, какъ онъ, обратившись къ Ѳедору Ивановичу, произносилъ свой неумолимый приговоръ.

— Что тебѣ нужно отъ меня? — говорилъ онъ, — ты помнишь прежнее, такъ между нами теперь все кончено. Вѣры Александровны ужъ не видѣть тебѣ, какъ своихъ ушей. Вѣдь между пріятелями все шутка, такъ я съ тобою поступилъ по пріятельской.

Глаза Ѳедора Ивановича Стройнаго засверкали молніею.... Онъ хотѣлъ отвѣчать; но силы на этотъ разъ ему измѣнили и, изнемогая, онъ упалъ на тротуаръ. Степанъ Степановичъ вскочилъ въ карету, дверцы захлопнулись и карета быстро скрылась изъ глазъ окружавшихъ.

Говорятъ, что Ѳедоръ Ивановичъ Стройный получилъ, вслѣдствіе этого, сильную горячку и, въ бреду, постоянно повторялъ „пріятельское мщеніе!“ — Опасались за его рассудокъ, однако онъ поправился. Заботливый дядя вскорѣ пріѣхалъ, и увезъ его въ Москву и тамъ очень выгодно женилъ на купчихѣ. Стройный не только забылъ свое прежнее горе, но даже считалъ себя вполнѣ счастливымъ, что обстоятельства такъ выгодно устроились.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н Я.

Кладомъ-заколдованнымъ , —

Не далось мнѣ счастье ;

Укатилось—скрылося

Мое невозвратное !

Нѣтъ теперь мнѣ радости ,

Нѣтъ словца привѣтнаго

И о горь молодца —

Не вздохнетъ красавица !

Схоронилъ я милую ,

Глубоко въ сырой земль ;

Погубила молодость —

Зла-тоска — кручинушка

Тяжко жить безродному —

Безъ любви, безъ долушки ;

Негдѣ горемычному —

Приклонить головушки !

Н. ЧЮМИНЪ.

НЕСКАЗАННОЕ СЛОВО.

Когда съ тобой прощался я,
Я очень грустенъ былъ ;
Но вѣрь, минуты той и дня
Еще я не забылъ.

Я помню — какъ улыбкой ты
Старалась слезы скрыть,
Надежды, счастье и мечты
Забить и заглушить.

Забыва-ль, помнишь-ли меня,
Не лучше-ли не знать ?
Не лучше-ль такъ, кой-какъ, шутя
До срока доживать ?

Чего сказать тогда не смѣлъ —
Того не повторить....
Должно быть въ жизни мой удѣлъ
Люблю не говорить !

Что во время сказать могъ я
Не поздно-ли теперь ?
Но не забуду я тебя —
Хоть вѣрь мнѣ, хоть не вѣрь !

Изъ милыхъ всѣхъ для сердца лицъ
Нѣтъ краше твоего.
Ты лучшая изъ всѣхъ страницъ
Романа моего....

КНЯЗЬ ГР. КУГУШЕВЪ.

МЕЛОДИИ.

I.

Спой пѣсню мнѣ, Гретхенъ, ты знаешь, —
 Ту пѣсню, которую ты
 Поешь, какъ ребенка качаешь,
 Одна средь ночной темноты.
 Дитя, засыпая ей внемлетъ.
 Быть можетъ, ребенокъ другой,
 Внимая ей, также задремлетъ
 Въдъ сердце—дитя... О, запой!
 Та пѣсня слилася такъ дружно
 Съ мечтами его о быломъ.
 Мнѣ грустно, о другъ мой, мнѣ нужно,
 Чтобъ хлынули слезы ручьемъ.
 Пусть слезы и звуки сольются!
 Отъ нихъ на душъ такъ легко,
 За ними мечты унесутся
 Опять далеко, далеко.

Н. ГРЕКОВЪ.

II.

Ты сидишь у колыбели
 Одинока и грустна,
 А вокругъ твоей постели
 Ночи мракъ и тишина.
 Въ стекла тусклыя окошка
 Тускло свѣтятъ небеса....
 У груди младенецъ — крошка
 Смотритъ матери въ глаза;
 То смѣется онъ, то плачетъ,

Ты молчишь.... Душа твоя
 Много думъ мятежныхъ прячетъ:
 Грудь твою сосетъ змья,
 Кудри темныя развиты, —
 Смотрять грустно вдаль глаза —
 И съ пылающей ланиты
 Тихо катится слеза.

Н. ГРЕКОВЪ.

III.

Изъ тучи громовой
 Задумчиво смотритъ луна;
 Сіяньемъ томнымъ
 Ее обливаетъ она.
 Сквозь вѣтви густыя
 Склонившихся къ берегу нѣвъ
 Вдали, передъ нами
 Мелькаетъ уснувшій заливъ.
 Смотри: покатилаь
 По темному небу звѣзда,
 Разсыпалась въ искры
 И вотъ, ея нѣтъ ужъ слѣда.
 Не правда-ли: грустно?
 Не правда-ль: на сердцѣ тоска?
 Въ рукъ моей жаркой
 Твоя холодветъ рука.
 За чѣмъ-же? иль страшно
 Намъ слово *прости* произнести?
 О другъ мой! со мною
 Блаженствомъ тебѣ не разцвѣсть....

Какъ облако это,
 Гдѣ скрылось сіянье луны,
 Я только боюся
 Затмить твои лучшіе сны.

Н. ГРЕКОВЪ.

=

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЕЛИКОМЪ ХОРЕГРАФЪ

К. Л. ДИДЛО

И

НѢКОТОРЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ О ТАНЦОВАЛЬНОМЪ ИСКУССТВѢ.

(Статья А. П. Глушковскаго *.)

ОТЪ АВТОРА.

Идею составить мои собственныя записки о талантѣ хореграфа Дидло и нѣкоторыхъ его современникахъ, подалъ мнѣ покойный князь А. А. Шаховской. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ собирался писать полную исторію русскаго театра. — Когда однажды я былъ у него, онъ сказалъ мнѣ: «любезный, Адамъ Павловичъ, ты старый, опытный театральнй служака. Пособи мнѣ припомнить кое-что о петербургской балетной труппѣ. — Исторія ногъ у меня совсѣмъ вышла изъ головы. Притомъ всякое дѣло мастера боится.» — Тогда-же

* А. П. Глушковскій пенсіонеръ Императорскихъ театровъ. Это ветеранъ русской балетной труппы. Онъ былъ танцовщикомъ въ Петербургѣ и ученикомъ Дидло, а потомъ очень долгое время занималъ въ Москвѣ должность балетмейстера. Ему Москва обязана постановкою на сценѣ всѣхъ лучшихъ балетовъ Дидло. *Ред.*

были начаты и окончены эти записки, — но знаменитый драматургъ нашъ не успѣлъ ими воспользоваться. Передаю ихъ нынѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ написаны, то есть, въ видѣ матерьяла для исторіи хореграфическаго искусства въ Россіи. Я пишу не какъ поэтъ, добивающійся славы, а какъ артистъ, которому подѣ старость пріятно взглянуть на пройденное поприще и вспомнать былое. Въ этомъ смыслѣ и прошу принять мои записки.

Карль Людовикъ Дидло учился танцевальному искусству въ Парижѣ, у извѣстнаго балетмейстера д'Оберваля. Онъ былъ танцовщикъ граціозный, съ большою чистотой выдѣлывалъ каждое па, но не имѣлъ большой элевации въ антраша и скачкахъ. Онъ создалъ для себя особый родъ танцевъ: граціозныя позы, плавность, чистоту и быстроту въ скользящихъ па (*pas à terre*), пріятное положеніе рукъ и живые пируэты.

Долгое время былъ онъ балетмейстеромъ въ Лондонѣ, а въ 1801 году былъ ангажированъ къ Петербургскому театру, въ званіе балетмейстера, учителя театральной школы и перваго танцовщика. Онъ пріѣхалъ съ первой своей женою, Розой Дидло, которая также была одною изъ первокласныхъ танцовщицъ въ Европѣ.

Первый изъ сочиненныхъ имъ большихъ балетовъ былъ «*Аполлонъ и Дафна*», восхитившій петербургскую публику прелестными своими танцами и живописными группами. Это было главнымъ достоинствомъ всѣхъ балетовъ Дидло. Вслѣдъ за «*Аполлономъ и Дафною*» были имъ поставлены единственные балеты: «*Зефиръ и Флора*», «*Амуръ и Психея*», гдѣ были очаровательные воздушные полеты и группы, которыя имъ впервые были введены на сцену и послѣ употреблялись и на парижскомъ театрѣ. — Зрители такъ были очарованы этими балетами, что совершенно забывали, что они въ театрѣ, воображая, что перенесли въ другой, фантастическій міръ. —

Дидло никогда не облегчалъ своего сценическаго труда постановкою чужихъ балетовъ. Бывъ балетмейстеромъ въ первенствующихъ столицахъ, онъ считалъ для себя низкимъ обезьяничать; онъ обыкновенно говорилъ, что только молодымъ ученикамъ простиительно ставить балеты своихъ учителей; но и имъ необходимо сочинять свои собственные балеты. «Пусть будетъ худо сначала, но только свое, чтобы

не могли сказать, что у балетмейстера бельэтажъ пусть.» (Тутъ онъ выразительно указывалъ на лобъ.)

Въ балетахъ Дидло видно удивительное разнообразіе въ танцахъ; серьезные танцы исполнялись подъ музыку *адажіо* съ маршемъ^н; Дидло сочинялъ для главнаго лица всегда танцы плавные, съ разными аттитудами и рѣдко вмѣшивалъ въ нихъ антраша или быстрые пируэты. — Танцовщикъ *demi-caractère* танцевалъ подъ музыку *andante grazioso* и *allegro*; для него сочинялъ онъ танцы граціозные, съ совершенно другимъ положеніемъ корпуса и рукъ, употреблялъ скорыя и мелкія па и пируэты въ другомъ родѣ, нежели какъ въ серьезныхъ па, а для комическаго дансера дѣлалъ па подъ музыку *аллегро* — по большей части разнаго рода скачки, какъ-то: воздушные скачки (*tours en l'air*) съ другимъ движеніемъ корпуса и рукъ; такъ, что публика въ каждомъ танцорѣ видѣла особенный родъ танцевъ, а не такъ, какъ въ нѣкоторыхъ балетахъ, гдѣ, если встрѣчаешь нѣсколько родовъ танцевъ, то все они походятъ одинъ на другой; одинъ танцовщикъ, сдѣлавъ нѣсколько антраша и пируэтовъ, уходитъ, за нимъ другой и третій повторяютъ тоже самое.

Дидло тѣхъ танцоровъ, которые дѣлали много антраша и пируэтовъ, называлъ *скакунами*. Конечно, нельзя обойтись въ танцахъ, чтобы не скакать, — но на все нужна умѣренность. Главное достоинство танца состоитъ въ граціозномъ положеніи корпуса, рукъ и въ выраженіи лица, потому что лицо танцовщика, передающее все оттънки страсти, замѣняетъ слова актера; и зритель чрезъ то легче понимаетъ сюжетъ балета.

Въ это самое время начали входить въ моду въ Парижъ антрипа, а какъ Дидло оставилъ петербургскій театръ и мѣсто его на сценѣ заняли вновь пріѣхавшіе танцоры, то антрипа и пируэты совершенно восторжествовали и убили разумный танецъ на повалъ. Тогда многіе невѣжды называли танцы Дидло *старой методой*. Но скоро пришло время, что антрипа и пируэты упали, потому что всякій пересоль бываетъ непріятенъ для вкуса; тогда начали хвалить методу Дидло. Нынѣ метода его вполне оправдана Марією Тальони: не дѣлая безпрестанныхъ пируэтовъ и антрипа, она замѣнила ихъ граціозностію тѣлодвиженій и разнообразіемъ па, и ни одна танцовщица въ Европѣ не имѣла подобнаго ей успѣха — въ балетѣ.

Вообще Дидло избѣгалъ всякихъ афектацій, которыя, не удовлетво-

ря настоящему вкусу, могутъ однако броситься въ глаза неопытной публики и на которыя такъ часто рассчитываютъ въ наше время артисты. — Нѣкоторыя танцовщицы, чтобъ извлечь у непосвященныхъ въ тайны искусства лишнія рукоплексканія, дѣлаютъ чрезъ чуръ неумѣренные изгибы изъ корпуса, и танцую, поднимаютъ ноги выше головы; но это вовсе не грація, а скорѣе походитъ на ломанье. Возьмите въ соображеніе картины и статуи лучшихъ художниковъ: — гдѣ вы въ нихъ увидите фигуры въ такихъ исковерканныхъ позахъ? А танцовщица, группируя себя, должна подражать хорошей картинѣ, или статуѣ, потому что тѣ, въ свою очередь, подражаютъ природѣ, во всей анатомической строгости.

Дидло, возвратясь вторично въ Лондонъ, занялъ тамъ мѣсто хореографа. Въ 1815 году, когда союзные государи были въ Парижѣ, — Дидло возымѣлъ желаніе побывать тамъ, и имѣлъ счастье поставить на большомъ оперномъ театрѣ свой несравненный балетъ «Зефиръ и Флора.» Въ первое представленіе этого балета союзные монархи удостоили театръ своимъ присутствіемъ. — Не смотря на тысячу интригъ и препятствій къ постановкѣ этого балета, «Зефиръ и Флора» имѣлъ огромный успѣхъ, и Дидло былъ призванъ въ ложу къ Его Величеству, королю Людовику XVIII, отъ котораго получилъ самую лестную похвалу своему таланту. Такой чести не удостоивался еще ни одинъ парижскій артистъ, и ни одинъ парижскій балетъ съ такимъ успѣхомъ не выдержалъ сотни представлений, какъ балетъ «Зефиръ и Флора.» Судя по успѣху, который имѣлъ въ Парижѣ балетъ «Зефиръ и Флора», я думаю никто не станетъ опровергать талантъ Дидло. Франція — колыбель и главный судья танцевальнаго искусства. Тамъ балетъ всегда былъ на высшей степени совершенства: французы такъ свыклись съ танцами, что въ горь и радости все танцуютъ; театръ у нихъ вторая пища, безъ которой они никакъ не могутъ обойтись. — Взявъ въ соображеніе страсть и познаніе французовъ въ этомъ дѣлѣ, никакъ нельзя предположить, чтобы они могли ошибиться на счетъ истинныхъ достоинствъ Дидло, какъ хореографа.

По вторичномъ возвращеніи въ Петербургъ, Дидло обогатилъ балетный репертуаръ своими новыми, разнообразными созданіями. Тутъ былъ поставленъ знаменитый балетъ «Венгерская женщина.» — Въ этомъ балетѣ видишь высокій трагическій элементъ: во многихъ

сценахъ невольно у зрителей навертываются слезы, чего трудно достигнуть въ нѣмыхъ сценахъ, то есть, въ балетъ; но послѣ грустныхъ впечатлѣній, зритель переходитъ къ другимъ, болѣе легкимъ; и наконецъ хохочетъ до упаду въ мѣстахъ забавныхъ. Танцы-же венгерскіе и характерическіе преисполнены живости и красоты. — Смотря другой его балетъ «*Рауль-де-Креки*», невольно переносишься въ достопамятную эпоху крестовыхъ походовъ, когда все поднимало оружіе для спасенія Іерусалима.

Дидло былъ изумительный мастеръ давать балетамъ своимъ характеръ эпохи, колоритъ мѣстности и главное, простой, осязательный смыслъ. Танцы его строго гармонировали съ характерами лицъ и съ правилами искусства и изящества.

Я думаю, всякій зритель, будучи въ театрѣ, скорѣй можетъ судить о музыкѣ, драматическомъ искусствѣ, о живописи и механикѣ, съ надлежащею точностью, чѣмъ о танцахъ, потому что въ публикѣ можно скорѣе встрѣтить хорошихъ дилетантовъ, живописцевъ, скрипачей, пѣвцовъ, механиковъ и литераторовъ, чѣмъ балетмейстеровъ и тансеровъ. Зритель можетъ судить объ мимикѣ тансера, потому что это дѣло ближе подходитъ къ натурѣ человѣческой; онъ можетъ замѣтить въ немъ легкость, ловкость и проворство въ выдѣлкѣ па; но мастеръ этого дѣла анализируетъ танцы, какъ искусный хирургъ человѣческое тѣло, по составу; ему сейчасъ бросятся въ глаза утрировка, неумѣренные изгибы корпуса, нечистота въ выдѣлкѣ па, несообразное устройство танцевъ для занимаемой тансеромъ роли, неграціозное положеніе корпуса въ группахъ, неправильность жестовъ, неумѣстность пируэтовъ, словомъ все, что, не смотря на свое противорѣчіе натурѣ и правиламъ искусства, производитъ эффектъ и восхищаетъ не знатоковъ. Точно такъ только балетмейстеръ можетъ положительно судить о программахъ балетовъ. Часто за программы принимались писатели, люди съ талантомъ, но незнавшіе танцевальнаго искусства; программы ихъ были прекрасны по содержанию, но только не для балета, потому что въ нихъ многія дѣйствія не могли быть выполнены пантомимой, какъ напримѣръ, рассказы о сраженіяхъ, заговоры о похищеніи какой-нибудь красавицы и такъ-далѣе. Балетъ не терпитъ въ своей грамматикѣ времени *будущаго* и *прошедшаго*, а требуетъ только *настоящаго*, иначе, зрителю трудно будетъ пони-

мать сюжетъ его Старику Дидло было поручено изъ известной оперы «Калифъ Багдадскій» сдѣлать балетъ ; онъ, какъ знатокъ своего дѣла, распорядился такимъ-образомъ : въ оперѣ, Калифъ показывается на сценѣ въ костюмъ бедуина, одно слово имъ сказанное объясняетъ зрителю, что онъ калифъ ; въ балетѣ это не могло быть понятно ; потому Дидло ввелъ новый эпизодъ ; въ началѣ балета представилъ онъ кабинетъ, гдѣ Калифъ переодевается изъ богатаго костюма въ одежду бедуина ; во время его переодеванія, министры подносятъ ему бумаги, которыя онъ подписываетъ. Переодевшись, калифъ показываетъ министрамъ перстень, долженствующій служить вмѣсто пароля и замѣною слова *аль-бондокани*, употребленнаго въ оперѣ, по которому все узнаютъ Калифа. Эта сцена даетъ зрителю ключъ для уразумѣнія слѣдующихъ происшествій балета. Есть еще въ оперѣ разказъ о томъ, какъ Калифъ спасъ Зетюльбу и ея мать отъ разбойниковъ. Въ балетѣ это никакъ не могло быть выполнено пантомимой ; Дидло ввелъ другой эпизодъ. Онъ представилъ предмѣстіе Багдада, гдѣ ночью иманъ съ минарета сзываетъ мусульманъ на молитву. Въ то время, какъ Зетюльба идетъ съ своей матерью въ мечеть, разбойники выбѣгаютъ изъ развалинъ и хотятъ ихъ похитить. Калифъ съ визиремъ Джіаромъ, оба переодетые, нападаютъ на разбойниковъ, спасаютъ Зетюльбу и ея мать. И для балета это эффектно и публикѣ понятно безъ программы. Въ оперѣ, когда переодетый Калифъ находится въ хижинѣ, свита его приноситъ Зетюльбѣ подарки : ящикъ съ цехинами, блестящую чалму, богатый столъ съ десертами, и транспарантные фонари съ ея вензелемъ. Все это не представляетъ еще слишкомъ большаго великолѣпія. Дидло придалъ этой сценѣ болѣе азіатской роскоши ; онъ ввелъ тутъ невольниковъ, которые входятъ съ лѣстницами, влезаютъ по нимъ и обиваютъ все стѣны золотыми штофными матеріями ; вся хижина перемѣняетъ видъ ; въ этоже самое время являются евнухи и невольницы, и танцуя, приносятъ богатое зеркало, платье, брилліанты ; въ корзинахъ фрукты, въ вазахъ цветы ; потомъ предъ зеркаломъ невольницы одѣваютъ Зетюльбу въ роскошный нарядъ, украшаютъ ее брилліантами и цвѣтами. Являются съ разными инструментами, въ китайскихъ костюмахъ, невольники, которые потыпаютъ Зетюльбу своими танцами и музыкою, составляютъ для нея изъ зонтиковъ и шалей палатку, машутъ надъ ней павлиньими перьями и прохлад-

даютъ ее, другіе разжигаютъ курильницы съ благовонными травами. Все это шумное движеніе, вся суетня перемѣшана танцами, что дѣлаетъ большой эффектъ. Альмаида, мать Зетюльбы, удивляется такому богатству и воображаетъ, что гостья ея вѣрно какой-нибудь богатый пиратъ, бѣжить къ кадю, и приводитъ его со стражею. Кадій въ гнѣвъ бросается на мнимаго пирата, Калифъ показываетъ ему известный публикѣ перстень, кадій и стража трепещутъ, и падаютъ ницъ передъ Калифомъ. Онъ тотчасъ-же приказываетъ кадю встать и удалиться со стражею. — Альмаида и Зетюльба отъ удивленія переходятъ къ ужасу. Калифъ, во время ужина съ Зетюльбой и ея матерью, даетъ имъ усыпительный напитокъ: онъ вскорѣ засыпаютъ, Калифъ приказываетъ невольницамъ снять съ Зетюльбы богатія; украшенія и хижину привести въ прежній видъ. Зетюльбу и Альмаиду сонныхъ кладутъ на солому; вся свита удаляется; Калифъ съ Жіафаромъ прячутся въ хижинѣ, чтобы испытать, что болѣе нравится Зетюльбѣ, богатство или сердце Калифа. Зетюльба и Альмаида при своемъ пробужденіи не вѣрятъ своимъ глазамъ, думаютъ, что это былъ сонъ. Альмаида оплакиваетъ мечту, а Зетюльба прикладываетъ руку къ сердцу и со слезами воспоминаетъ объ своемъ возлюбленномъ; ищетъ его повсюду, и, не найдя, падаетъ безъ чувствъ на руки матери. Калифъ, видя чистую, безкорыстную любовь Зетюльбы, приказываетъ Жіафару, перенести ее съ матерью на носилкахъ въ свой дворецъ; въ хижину являютъ съ богатыми носилками и переносятъ ихъ въ приемную залу Калифа, гдѣ онъ сходитъ съ трона, беретъ въ свои объятія Зетюльбу и возводитъ ее съ собою на престолъ. Вотъ какъ искусно опытный хореграфъ воспользовался для балета сюжетомъ, вовсе, повидимому, неудобнымъ! У него между-тѣмъ, интересъ зрителя напряженъ отъ первой до послѣдней сцены и часто, въ явленіяхъ неожиданныхъ, невольное участіе — обнаруживается громкимъ восторгомъ.

Мифологическій балетъ «*Альцеста*» также отличается богатствомъ сюжета. Это олицетвореніе идеала супружеской любви. Альцеста, для спасенія своего мужа, жертвуетъ собственною жизнію съ истинно героическимъ самоотверженіемъ. Въ четвертомъ актѣ есть прекрасная картина, изображающая адъ и Елисейскія поля, гдѣ вы видите Плутона, сидящаго на тронѣ и трехъ судей: Миноса, Радаманта и Эака,

разсматривающихъ въ книгѣ судебъ приговоръ преступниковъ, повѣсившихся въ адъ.

На камнѣ три парки: Клото, Лахиза и Атропа, прядутъ нити жизни. — У входа мечется стражъ этихъ страшныхъ мѣстъ, треглавый Церберъ. Вдали видна рѣка Стиксъ, по которой Харонъ перевозитъ на лодкѣ грѣшныя тѣни въ адъ. Около Харона по воздуху блуждаютъ тѣни, которыя спѣшатъ переправиться черезъ рѣку; но угрюмый Харонъ отгоняетъ ихъ весломъ. Въ разныхъ мѣстахъ фури на наковальнѣхъ куютъ цѣпи, кинжалы и стрѣлы; другія выжимаютъ въ чашу ядовитыя травы и питаютъ ими подползающихъ къ нимъ змѣй; третьи въ Тартаръ рычагами мѣшаютъ головы. Съ другой стороны сцены видны Елисейскія поля, гдѣ въ разныхъ группахъ, въ бѣлыхъ одяніяхъ, видны тѣни, наслаждающіяся забавами около каскадовъ, въ купахъ розъ и плодовыхъ деревьевъ. — Въ концѣ этого акта является Геркулесъ, который съ помощію Меркурія, освобождаетъ Альцесту, изъ ада и подымается съ нею на облакахъ. Впереди ихъ летитъ Меркурій, указывая имъ дорогу своимъ жезломъ. Въ это самое время, по приказанію Плутона, всѣ находящіяся на землѣ фури летятъ за ними въ погоню; но Геркулесъ сражается съ ними въ воздухѣ и разгоняетъ ихъ своей палицей. Сколько мысли, разнообразія и граціи во всѣхъ этихъ картинахъ! Помимо дѣйствія, самое изображеніе должно уже сильно потрясать душу зрителя! И въ этомъ — то преимущественно отличался Дидло въ своихъ балетахъ: онъ выбиралъ сюжеты не для однихъ зефирныхъ танцовщицъ, которыя хорошо перебираютъ ногами, а въ пантомимѣ не въ состояніи передать высокаго чувства и мысли. Но у него для нихъ было свое мѣсто въ балетахъ: когда дѣло коснется до пляски, онъ сочинялъ имъ прелестныя па, такъ, что зритель вдвойнѣ былъ удовлетворенъ высокою трагическою игрою и граціею танца, а не все одними прыжками, волчкообразнымъ вертѣніемъ и переломами тела, съ поддержкою танцовщика, какъ это завелось въ новѣйшемъ искусствѣ.

Содержаніе балета *«Кора и Алонзо»*, взято г. Дидло изъ Исторіи Инковъ, соч. Мармонтеля.

Въ этомъ балетѣ Дидло мастерски рисуетъ нравы перуанцевъ, празднества Инковъ, поклоненіе солнцу, изображеніе ихъ обрядовъ,

посвященіе дѣвъ солнцу, родъ ихъ танцевъ, военныя забавы, борьбу, метаніе копій и бѣги.

Можно сказать, что каждый балетъ Дидло имѣлъ свой характеръ, исторически вѣрный и поэтически полный. Онъ, въ каждомъ, зрителя приводилъ въ восторгъ, какъ прелестнымъ выборомъ сюжета, такъ и принаровленіемъ, сколько можно, къ каждому народу его національныхъ танцевъ и обычаевъ, а равно и продуманностію пантомимы, которую безъ затрудненія всякій могъ понимать, вовсе не прибѣгая къ программѣ.

Особенно живописенъ въ балетѣ «*Кора и Алонзо*» второй актъ, который своимъ содержаніемъ напоминаетъ картину Брюлова, «*последній день Помпеи*»; жаль, что балетъ былъ сочиненъ много прежде знаменитой картины, а то Дидло вѣрно воспользовался бы ею для большаго еще эффекта. Первый и второй акты представляютъ живописное мѣстоположеніе: на правой сторонѣ — храмъ солнца, съ прекрасною лѣстницею, ведущею изъ портика. Терасса и садъ храма продолжаются вдоль всей сцены. Мистическая колонна солнца стоитъ отдѣльно посреди театра. Вдали озеро, окруженное скалами, съ которыхъ падаютъ каскады. Съ лѣвой стороны огнедышущая гора, передъ храмомъ священный садъ.

Въ первомъ актѣ испанецъ Алонзо приглашенъ Атталибою, царемъ перуанскимъ, на праздникъ посвященія дѣвъ солнцу. Прелестная Кора, посвящаемая противъ воли, по повеленію строгаго отца, съ трепетомъ произноситъ объѣтъ и разстается съ свѣтомъ. Во время этого обряда въ первый разъ встрѣчаются Кора и Алонзо; пламенная страсть зажигается въ сердцахъ ихъ.

Во второмъ актѣ, Алонзо бродитъ около храма, желая увидѣть еще разъ Кору, и вдругъ останавливается съ восхищеніемъ на терасѣ. Кора молить солнце, чтобы оно исторгло изъ ея сердца образъ милаго Алонзо и вдругъ видитъ его, простирающаго къ ней объятія. «Кора, говоритъ Алонзо: я иду сражаться, можетъ быть погибну; скажи, любишь ли ты меня? — Какъ! восклицаетъ Кора, ты говоришь мнѣ о любви предъ тѣмъ солнцемъ, которое насъ освѣщаетъ. Ахъ! Алонзо ежели ты меня любишь, удались отсюда, бѣги и страшись мщенія раздраженнаго неба; бѣги, оставь меня одну въ жертву моему несчастію.» Вдругъ раздается ударъ грома, предвѣстникъ грозной бури. Кора содрогается и бѣжитъ въ двери храма. Страшный

подземный гулъ колеблетъ землю, огнедышущая гора начинаетъ сыпать искры и вскорь потокъ пламени и лавы ее раскаляютъ. Храмъ сотрясается, земля во многихъ мѣстахъ образуетъ трещины, изъ нихъ выходятъ пламя и дымъ; колонна солнца разсыпается въ дребзги. Алонзо бѣжитъ къ храму, чтобы спасти Кору, но двери заперты: Онъ ищетъ другаго входа. Между тѣмъ, двери храма распаиваются настежь: верховный жрецъ, отроковицы и прислужники храма выбѣгаютъ со страхомъ и разсываются по всей сценѣ; народъ съ ужасомъ бѣжитъ со всѣхъ сторонъ; матери съ младенцами спѣшатъ скрыться, юноши несутъ престарѣлыхъ отцевъ; жены, лишившись чувствъ, окружены мужьями и плачущими дѣтьми; въ воздухъ стаями летятъ птицы, ищутъ спасенія; самые лютые звѣри, забывъ свою кровожадность, мѣшаются въ толпу народа.

Вскорь часть храма разрушается и открываетъ Кору на обломкѣ колонны; Алонзо летитъ къ ней, преодолевая всѣ препятствія, беретъ ее въ свои объятія и скрывается съ драгоценной ношей. — Отецъ и мать Кору являются также и зовутъ дочь свою, но тщетно. Удрученные скорбію падаютъ они на развалины, между тѣмъ, какъ буря и землетрясеніе мало-по-малу утихаютъ и все успокоивается. Отроковицы возвращаются и, сопровождаемыя верховнымъ жрецомъ, оплакиваютъ свое несчастное положеніе и разрушеніе храма. — Слышны стоны умирающихъ, оставшихся подъ развалинами; верховный жрецъ повелеваетъ идти къ нимъ на помощь; ихъ извлекаютъ изъ подъ развалинъ и выносятъ на сцену, всѣ окружаютъ ихъ, подаютъ имъ помощь. Отецъ и мать Кору напрасно ищутъ между ними своей дочери; они въ отчаяніи. Жрецъ увѣщаетъ ихъ возложить упованіе на волю промысла. Король Атталиба является посреди этого печальнаго зрѣлища, народъ сътуетъ о своемъ несчастіи, преклоняетъ предъ нимъ колѣна и умоляетъ его о милосердіи. Король успокоиваетъ всѣхъ и обѣщаетъ свое покровительство; окруженный своею свитою и народомъ, онъ ведетъ двѣ солнца въ свои чертоги, до возстановленія храма. Развязка этого балета представляетъ мысль вмѣстѣ остроумную и поэтическую.

Кору отыскали. Она назначена жертвой примиренія солнцу. Костеръ, на которомъ ее сожгутъ, уже готовъ. Ее приводятъ, Кора бросается въ объятія матери и въ послѣдній разъ старается смягчить верховнаго жреца. Но суевѣріе дѣлаетъ его непреклоннымъ. Мать успо-

ковываетъ дочь свою и учить ее покоряться судьбѣ. Жрецы разлучаютъ ихъ. Дѣвушку влѣкутъ уже на казнь, какъ вдругъ крики радости возвѣщаютъ прибытіе Атталибы, съ побѣдою надъ Гуаскаромъ, его братомъ, который съ Антисами приведенъ плѣннымъ. Алонзо, Рока, Зорай, Пальморъ и все войско окружаютъ монарха. Вдругъ Алонзо видитъ страшную церемонію жертвоприношенія и Кору, влекомую на костеръ. Онъ летитъ къ ней на помощь, вырываетъ ее изъ рукъ варваровъ, не смотря на сопротивленіе жрецовъ. Но верховный жрецъ непреклоненъ. Онъ самъ возлагаетъ руку на Кору и требуетъ ея смерти. Въ это мгновеніе ликъ солнца блѣднѣетъ и затмѣвается; всеобщій ужасъ поражаетъ народъ. Затмѣніе внушаетъ Алонзо мысль для спасенія Кору и примиреніе царей—братьевъ.—«Цари, жрецы, народъ! восклицаетъ онъ, смотрите на помраченное чело бога вашего, съ ужасомъ взирающаго на отвратительное жертвоприношеніе, которымъ вы хотите угодить ему, и на погибельный раздоръ родныхъ братьевъ, терзающихъ свои земли грозною войною. Послушайтесь моихъ словъ, внушенныхъ мнѣ моимъ богомъ, единымъ, истиннымъ и вѣчнымъ. Онъ повелѣваетъ уничтожить ужасный законъ противъ дѣвъ солнца, пресѣчь гибельную брань, и всемогущій гласъ его возвратитъ сіяніе богу вашему! Всѣ поражены, слушаютъ его въ безмолвіи и умиленіи. Инка, вспомня спасеніе сына своего, уничтожаетъ ужасный законъ, возвращаетъ Кору Алонзо и ея семейству и самъ открываетъ объятія брату. Всеобщій восторгъ неопишуемъ; видя исполненіе словъ Алонзо, видя, что солнце возвращается къ прежней своей ясности, пораженный изумленіемъ народъ думаетъ, что Алонзо посоль божества, и преклоняетъ предъ нимъ колѣна; но кастиліянецъ отвергаетъ знаки ихъ поклоненія и, возводя руки къ небу, говоритъ: «Тамъ, народы, возсѣдаетъ Всевышній Богъ боговъ, тамъ, превыше солнца и звездъ, превѣчный престолъ Его—предъ Нимъ преклоняйте колѣна и благоговѣйте во прахъ! Священный восторгъ объемлетъ народъ: торжественно повергается онъ на землю и признаетъ Бога истиннаго, возсылая къ небу мольбы свои. Последняя картина торжественна и умилительна. Она оставляетъ въ зрителѣ самое пріятное впечатлѣніе.

Дидло не упустилъ даже случая воспользоваться «Кавказскимъ плѣнникомъ» Пушкина и вѣрно никогда еще поэтъ не перелагалъ поэта въ новыя формы, такъ полно, близко, такъ краснорѣчиво, какъ

это сдѣлалъ Дидло, переложивъ чудные стихи народнаго поэта въ поэтическую, нѣмую прозу пантомимы. Мѣстность, нравы, дикость и воинственность народа, все схвачено въ этомъ балетѣ. Есть много группъ истинно поэтическихъ. Такъ, вы видите парящаго орла съ похищеннымъ ребенкомъ. Всѣ въ ужасѣ.... орелъ съ дитятею спускается на высокую скалу и кладетъ ребенка въ свое гнѣздо. Отчаянная мать, какъ змѣя, вползаетъ на вершину скалы и крадется, чтобы взять дитя. Испуганный орелъ бросаетъ добычу. — Мать въ восторгѣ; всѣ бросаются къ ней на скалу и сплетя изъ древесныхъ сучьевъ носилку, несутъ ее на сцену. Въ то-же время видите вы разостланную на землѣ бурку и на ней черкеса, который съ дикимъ видомъ точитъ свое оружіе объ скалу; подлѣ скалы, подъ древесною тѣнью, сидитъ женщина, укачивая ребенка. — Какую бы придумать качалку для черкешенки въ бѣдной ея сакль? Дидло даетъ группѣ характеръ дикій и воинственный, приличный изображаемому народу: въ дерево воткнута гибкая шапка, съ рукоятки виситъ конская сбруя, въ нее вложено широкое сѣдло, въ которомъ спитъ малютка, прикрытый вмѣсто покрывала мѣхомъ шакала. Игры, борьба, стрельба — все вѣрно и естественно списано имъ съ природы, но все прикрыто колоритомъ граціи и поэзіи. Балетъ сдѣлался въ рукахъ Дидло великопной иллюстраціею поэмы.

Волшебно-героическій балетъ «*Роландъ и Моргана* или «*разрушеніе очарованнаго острова*»; заимствованъ имъ изъ известной поэмы Аріоста «*Orlando furioso*» *Неистовый Роландъ*. Изъ поэмы взять эпизодъ, когда Ангелика поручила влюбленному Роланду освободить одного изъ друзей своихъ, заключеннаго волшебницею Морганою на очарованномъ островѣ; но самому Дидло принадлежитъ въ этомъ балетѣ весь первый актъ, начинающійся прельщеніемъ Астольфа. — Рядомъ съ обольщеніями онъ поставилъ славу, которая поощряетъ Роланда къ благороднѣйшей цели его путешествія, именно, къ освобожденію товарищей изъ плѣна Морганы. Она представляетъ ему въ магическомъ зеркалѣ несчастія, претерпѣваемые ими. Дидло воспользовался превращеніемъ молодаго рыцаря, но замѣнилъ испытанія, которымъ подвергается Роландъ въ поэмѣ, совершенно другими, болѣе приличными для сцены. Онъ придумалъ перенести дѣйствіе на дно моря. — Морганѣ далъ характеръ Огиліи. Наконецъ, всѣ явленія волшебства въ этомъ балетѣ чи-

сто плодъ его неистощимаго и граціознаго воображенія ; словомъ, на сюжетъ давно извѣстной басни—Дидло сочинилъ другую, въ высшей степени занимательную и поэтическую, взявъ въ основаніе изъ поэмы знаменитаго итальянскаго стихотворца только освобожденіе товарищей Роландовыхъ, любовь и превращеніе Астольфа и разрушеніе очарованнаго острова Морганы.

Этотъ балетъ полонъ разнаго рода театральными эффектами, такъ, что долженъ былъ нравиться всѣмъ зрителямъ безъ исключенія: образованной публикѣ—правильностію сюжета, граціозными танцами, живописными группами въ водахъ, въ воздухѣ и на землѣ, и искусной механикой; а публикѣ менѣе образованной—сраженіемъ Роланда съ великаномъ, съ гарпіями, съ дракономъ; жилищемъ Ерева или ночи, волшебными гробницами, блуждающими огнями и рыцарями, разъяжающими на коняхъ. Такъ какъ сюжетъ этого балета выбранъ былъ не самимъ хореграфомъ, а обработанъ имъ по порученію начальства, то онъ, въ предисловіи къ его программѣ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Я чувствую всю невыгоду, предстоящую для моего балета со стороны костюмовъ, декорацій, аксесуарныхъ вещей, лишенныхъ новости въ глазахъ публики: ибо я такъ много уже сочинялъ въ этомъ родѣ балетовъ, что принадлежности къ онимъ вездѣ виданы; но еслибъ, наконецъ, стали обвинять меня въ томъ, что я слишкомъ похожу вездѣ самъ на себя; то я отвѣтилъ бы: что лучше походить самому на себя, нежели красть у другихъ!!»

Китайскій балетъ «Хензи и Тао» или «Красавица и чудовище», заимствованъ изъ оперы «Земира и Азоръ». — Можетъ быть зрителю странно покажется, что Дидло перемѣнилъ названіе столь извѣстнаго либретто, когда увидитъ на сценѣ то-же, что и въ оперѣ; но чтобы болѣе разнообразить эффекты декорацій и костюмовъ, чтобы не всегда представлять одни и тѣ-же виды, Дидло перенесъ дѣйствіе въ Китай. Въ этомъ балетѣ зритель видитъ не однѣ хорошія декораціи, машины и костюмы; но вмѣстѣ съ тѣмъ прелестныя китайскія характеристическія танцы съ воланами, зонтиками, колокольчиками и съ разноцвѣтными фонарями. — Хотя въ этомъ балетѣ не было такъ много фонарей съ огнями, какъ въ другихъ позднѣйшихъ китайскихъ балетахъ, какъ напримѣръ, въ «Кіа-Кингъ,» за то въ немъ вездѣ просвѣчивалъ здравый смыслъ и было болѣе жару въ пантомимѣ и въ танцахъ.

«Тезей и Аріана», «Федра», «Лаура и Генрихъ», «Ацисъ и Галатей», «Тень Либаса», «Карлъ и Лизбетта», «Геркулесъ и Омфала», «Сошествіе Геркулеса въ адъ» и прочіе балеты превышали одинъ другаго достоинствомъ выбора сюжетовъ, прелестными танцами, которые имѣли свой характеръ, свои особенныя живописныя группы, свою типическую сторону, въ отношеніи къ пластикѣ и къ поэтическому колориту.

Въ послѣдствіи многіе «цѣнители и судьи» заключили, что Дидло устарѣлъ на театральномъ поприщѣ; но они жестоко ошиблись, воображая, что только молодой балетмейстеръ можетъ сочинять хорошіе балеты. Какъ будто даръ творчества зависитъ отъ молодости! Въ молодомъ человѣкѣ, конечно, предполагается больше воображенія, чѣмъ въ старикѣ, но развѣ въ созданіяхъ искусствъ все ограничивается однимъ воображеніемъ? Если нѣтъ въ человѣкѣ силы концепціи, поэтическаго направленія вкуса, творческаго такта, онъ съ самымъ цвѣтущимъ воображеніемъ никогда не создастъ ничего порядочнаго. Возьмемъ въ примѣръ извѣстныхъ балетмейстеровъ: Новера, Гарделя, Пика, Милона, Омера, они до глубокой старости сочиняли прекрасныя балеты, придумывали къ нимъ лучшіе танцы, и производили эффектъ. Вестрисъ и Кулонъ, первые танцовальныя учителя въ Парижѣ, на старости образовали лучшихъ учениковъ: Дюпора, Альберта, Поля, Батиста и проч. Лучшіе танцовщики прибѣгали къ Вестрису, прося у него совѣтовъ въ танцовальномъ искусствѣ, не смотря на то, что ему было уже подъ восемьдесятъ лѣтъ.

Вотъ еще примѣръ: хореографу Тальони теперь за 60 лѣтъ, но онъ сочиняетъ балеты, которые, хотя и слабѣе балетовъ Дидло, однако вездѣ нравятся. Дидло, до послѣдней минуты своей жизни сочинялъ разныя программы балетовъ, которыя одна другой лучше; но жаль, онъ не были поставлены на сцену. Дидло слѣдовало бы для развлеченія сдѣлать вояжъ въ Лондонъ или въ Парижъ, чтобы снова просіять тамъ своимъ талантомъ, и возвратиться съ свѣжею славою. Всѣ публики въ мірѣ одинаковы, девизъ ихъ: непостоянство. Всякому артисту не должно долго оставаться на одномъ театрѣ, потому что публика тоже, что дитя; дай ему самую прелестнѣйшую игрушку, оно поиграетъ и она ему прискучить, а дай

новую, хотя гораздо хуже первой, дитя за нее схватится съ восторгомъ, а первую бросить.

Дидло имѣлъ еще одно важное достоинство, нынѣ рѣдко встречаемое, онъ не старался поддерживать свои балеты одними машинами, богатыми костюмами и новыми декораціями, въ замѣну недостатка таланта, какъ это дѣлають другіе балетмейстеры. Вся роскошь сценировки, все великолѣпіе поддѣльное, онъ замѣнялъ богатствомъ своей фантазіи. Въ его сюжетахъ всегда можно было обойтись безъ бархата, парчей и сусального золота: жизнь, интересъ, грація служили имъ замѣною. Живопись характеровъ и группъ пополюяла въ нихъ всякій внѣшній недостатокъ. «Я не хочу, чтобы слава созданія относилась къ кому-нибудь, кромѣ меня самого и чтобы зритель могъ сказать: «Я былъ вчера въ театрѣ, видѣлъ прелестнѣйшія декораціи, чудныя машины, богатые костюмы, а о балетъ — ни слова.»

Вотъ нѣкоторые подобнаго рода большіе балеты, которые не влекли за собою большихъ издержекъ: «Венгерская хижина», «Рауль де-Креки» и «Кавказскій плѣнникъ»; всѣ они даны были въ бенефисъ господина Огюста, перваго танцовщика Петербургскаго Театра, потому-что театральная дирекція не находила выгоды дѣлать значительныя издержки для бенефисныхъ представленій.

Жаль, что со временемъ могутъ совершенно истребиться изъ памяти гениальныя балеты Дидло, потому что теперь немного остается артистовъ, которые были бы въ состояніи ихъ воспроизвести и вновь поставить на сценѣ, въ томъ видѣ, какъ они были сочинены самимъ авторомъ. Всѣ балеты Дидло были очень многосложны въ своихъ сценахъ, группахъ, картинахъ и танцахъ.

Можетъ быть нынѣшніе *цѣнители и судьи* скажутъ, что балеты Дидло — стараго покроя. Но не употребляемъ-ли мы теперь вещей, мебели, экипажей и костюмовъ восемнадцатаго столѣтія, чѣму вѣрно посмѣялись-бы лѣтъ тридцать тому назадъ? — Повѣрьте, истинно хорошее можетъ выдти изъ моды, но не постарѣтъ; мода измѣнится и оно опять пойдетъ за-ново. И балеты Дидло захотятъ опять видѣть. Рафаэль, Расинъ, Шекспиръ, Гайднъ, Моцартъ какъ ни стары, а до-сихъ-поръ служатъ образцомъ въ своемъ родѣ. Дидло, въ своемъ, былъ образцомъ и оживетъ вмѣстѣ съ здоровымъ вкусомъ.

Одинъ старшій танцовщикъ говорилъ : «Старину бранять, а въ ней было свое хорошее. Я помню, бывало, въ старину, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, обнимутся, да отъ всей души, по-русски, поцѣлуются ; нынче ввелось въ моду иностранное пожатіе руки. — Если есть что выжать изъ руки, то отъ пожатій не оберешься, а чуть рука суха, тотчасъ отъ тебя *па-де-зефиръ* и *шассе* за кулисы.»

Я не говорю, чтобы нынѣшній вѣкъ относительно искусства былъ хуже прежняго ; но и всякій вѣкъ имѣетъ своихъ цѣнителей и судей свѣдущихъ и не свѣдущихъ въ искусствахъ. Мнѣ самому удавалось слышать современныя сужденія, какихъ не встрѣчалъ я, бывало, въ старину. Въ одномъ обществѣ много толковали о Рубини, жалѣли, что онъ поздно поѣхалъ въ Россію, когда уже талантъ его на склонѣ. — Вамъ-ли отвергать талантъ Рубини, сказалъ одинъ претендентъ на глубокое знаніе музыки, когда вся Европа признала его первымъ пѣвцомъ ! — «Я не отрицаю въ немъ таланта : въ его пѣніи много искусства, сказалъ одинъ изъ разсуждавшихъ, но жаль, что онъ потерялъ голосъ : у него фистула». — Вотъ видите ! А каково онъ поетъ при болѣзненномъ состояніи горла ? какъ-же онъ долженъ пѣть въ здоровомъ положеніи ! — Раздался громкій смѣхъ. — Видите, какъ ваши мнѣнія странны, все смѣются,» продолжалъ знатокъ музыки. — Напротивъ, мнѣ кажется, что смѣются надъ вами ; *фистулой* называется головной голосъ, это терминъ музыкальный, а не болѣзнь, какъ вы разумѣете. — И оба остались очень довольны : одинъ тѣмъ, что упрекнулъ Рубини за фальцетъ, который составляетъ особенное достоинство каждаго пѣвца ; а другой тѣмъ, что доказалъ, что Рубини и при страшной болѣзни — все поетъ хорошо. Вотъ вамъ и нынѣшніе цѣнители и судьи.

Дидло, можно сказать, основалъ на русской сценѣ мимическую драму, потому-что онъ первый развилъ и довѣлъ до совершенства мимику.

Дидло говорилъ : «Чтобъ быть хорошимъ балетмейстеромъ, надо употреблять большую часть своего времени на чтеніе историческихъ книгъ, извлекать изъ нихъ сюжеты для будущихъ созданій и прилагать всевозможное стараніе объ успѣхахъ своихъ учениковъ, чтобы они своими талантами могли украшать эти созданія. Балетмейстеръ долженъ имѣть также познанія о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ и изучить ихъ національныя наклонности и костюмы ; имѣть даръ поэтической, чтобы излагать пріятно свои

мысли въ програмахъ. Онъ долженъ знать живопись и механику, чтобы уметь составлять въ балетахъ разнаго рода живописныя группы и удобнѣе объясняться съ декораторомъ и машинистомъ; а музыка для балетмейстера самая необходимая вещь, какъ для сочиненія балетовъ, такъ и для пособія капельмейстеру, пишущему для нихъ музыку.»

Дидло обладалъ всеми этими познаніями въ высшей степени.

Бываютъ балетмейстеры, которые хотя въ молодые годы и не получили блестящаго воспитанія, но чрезъ долговременную практику, чтеніе книгъ и совѣты хорошихъ хореграфовъ, при природномъ умѣ, дѣлаются въ послѣдствіи хорошими второкласными балетмейстерами.

Хорошій балетмейстеръ никогда не можетъ быть въ тягость театру, хотя-бы онъ и получалъ большое жалованье: театръ и по отставкѣ его долгое время пользуется плодами трудовъ его, то есть: хорошими учениками и репертуаромъ его балетовъ. Это не то, что танцовщикъ, который, какъ-бы ни былъ хорошъ, оставляя театръ, уноситъ всё съ собою. Хорошо имѣть при театрѣ хорошаго танцовщика, но его не должно держать болѣе двухъ или трехъ лѣтъ, потому что въ продолженіи времени онъ приглядится, или, какъ говорятъ по просту — намозолитъ глаза. Танцовщикъ въ одинъ годъ можетъ показать все свои заученые па и туръ-де-форсы, а тамъ публика и смотри одно и то же. — Притомъ танцы требуютъ молодости; чтобъ блистать своимъ талантомъ, надо имѣть силу, легкость и гибкость тѣла: все это утрачивается съ годами. Устарѣлый танцовщикъ — не то что хорошій балетмейстеръ, который не старится, и въ своихъ занятіяхъ можетъ быть разнообразно полезенъ: если онъ больше не *творитъ*, такъ *учитъ*.

Всѣмъ извѣстно, что танцовальное искусство сопряжено съ большими трудами; каждый танцовщикъ, каждая танцовщица должны всякій день, по малой мѣрѣ, два часа упражняться, иначе члены ихъ загрубеютъ и они выйдутъ изъ рутинны. Имъ должно непременно, танцевать — *roue ne pas perdre l'haleine*, какъ говорятъ французы. Только чрезъ ежедневныя экзерциціи танцовщикъ приобретаетъ навыкъ танцевать длинныя па, такъ, что публика не замѣтитъ въ немъ ни усталости, ни усилій. Въ лѣтвомъ танцовщикъ видна тотчасъ одышка — отъ неупражненія въ танцахъ. Даже во время спектакля, предъ началомъ балета, танцовщику не-

необходимо научиться минутъ десять, для того, чтобы размять свои члены, *roui se mettre en train*, какъ говорятъ французы. Если танцовщикъ, безъ такого приуготовленія начнетъ танцовать бильные на у него могутъ случиться въ ногахъ судороги, онъ даже рискуетъ свихнуть себя поясницу, или оборвать въ ногъ какую-нибудь жилу.

Очень невыгодно бываетъ для театра, если балетмейстеръ занимаетъ въ тоже время амбуа перваго танцовщика и учителя балетнаго. Сколько было примѣровъ, что подобные артисты, всегда стараются выставлять только себя самихъ, занимая лучшія роли и эффектные танцы въ балетахъ, такъ, что ни одному изъ учениковъ своихъ не даютъ ходу, съ корыстнымъ расчетомъ, чтобы ученикъ не могъ замѣнить учителя, въ случаѣ несогласій его съ театромъ. Такое исключительное право оставить балетмейстера-танцовщика въ совершенно независимое положеніе. Онъ танцуетъ когда и въ чемъ ему угодно и чрезъ-то отъснимаетъ самый репертуаръ.

Если-бы случилось балетмейстеру-танцовщику по какимъ-нибудь капризамъ сказатья больнымъ, то ни одинъ балетъ итти не можетъ; а будь онъ только балетмейстеромъ, то при хорошемъ режиссерѣ, балетъ пойдетъ всегда и театръ не понесетъ убытка; тогда онъ и изъ учениковъ постарается сделать хорошихъ танцовщиковъ, потому что ему нечего бояться соперничества, а напротивъ, каждый успѣхъ ученика приносить пользу его-же произведеніямъ и облегчаетъ его собственные труды.

При балетмейстерѣ непременно должны быть режиссеры, люди съ талантами, изъ второкласныхъ танцовщиковъ. Режиссеръ долженъ твердо знать каждый балетъ: въ случаѣ болъзни, или какого-нибудь каприза балетмейстера, онъ долженъ замѣнить его. Надо, чтобъ режиссеръ также былъ въ состояніи сочинить для оперы или драмы кор-де-балетъ, или характерный танецъ. Словомъ, въ хорошо-организованной балетной труппѣ режиссеръ съ талантомъ — второй начальникъ послѣ балетмейстера: что хореграфъ творитъ и созидаетъ, то режиссеръ сохраняетъ, поддерживаетъ и одушевляетъ.

Хорошій балетный режиссеръ для театра человекъ немаловажный и въ другомъ отношеніи: при его знаніи дѣла и господствующаго вкуса, директоръ всегда можетъ послать его въ чужіе края, чтобъ тамъ выбрать балетмейстера или танцовщика для своей труппы. Режиссеръ всегда лучше заочнаго корреспондента оцѣнить ихъ талан-

ты и степень пользы, которую они могут принести его театру. Онъ же удобнѣе можетъ склонить артистовъ на выгодныя для дирекціи условія, потому что безмятежность и удобство его собственнаго положенія неразрывно связаны съ хорошимъ составомъ труппы, тогда, какъ корреспонденты, люди чуждые театру и ничѣмъ съ нимъ несвязанные, для своихъ выгодъ, могутъ иногда покривить душою и дѣйствовать вовсе не въ пользу дирекціи.

Хорошій режиссеръ для неисправнаго балетмейстера служитъ уздечкою: онъ къ нему ближе всѣхъ, можетъ всегда слѣдить за его дѣйствіями и, видя неисправность, можетъ остановить его, или обнаружить ее. Для исправнаго-же балетмейстера — онъ самый полезный и необходимый помощникъ.

Каждому актеру и тансеру необходимо имѣть познаніе въ мимикѣ. — Актеръ, хотя имѣетъ для объясненія слова, но всегда будетъ холоденъ въ роли безъ хорошей мимики. Тансеръ на сценѣ лицо нѣмое: языкъ его — мимика. Для пріобрѣтенія навыка говорить лицомъ, глазами, жестами, тѣлодвиженіями и позами — ему надо изучать хорошія картины, въ которыхъ можно подмѣтить выраженіе лица, изображающаго разныя чувства, человѣческія, и позы; онъ долженъ дѣлать экзерциціи предъ зеркаломъ, чтобы пріучить лицо свое выражать вѣрно каждое движеніе души. Я болѣе сорока лѣтъ слѣдилъ за танцовальнымъ искусствомъ, много видѣлъ пріѣзжающихъ въ Россію знаменитыхъ балетныхъ артистовъ, но ни въ одномъ не видѣлъ подобнаго таланта, какимъ обладала Евгенія Ивановна Колосова 1-я, танцовщица Петербургскаго театра. Каждое движеніе ея лица, каждый жестъ, такъ были натуральны и понятны, что рѣшительно замѣняли для зрителя рѣчи. Въ то время строго наблюдали за правильностію мимики и не потерпѣли бы артиста, который дѣлаетъ пантомиму, точно какъ-будто мухъ отъ себя отгоняетъ. — Г-жа Колосова во всѣхъ серьезныхъ балетахъ была неподражаема; среди превосходной труппы, она блистала какъ алмазъ. Можетъ быть, скажутъ, что въ ея время были балеты *старой методы*, а нынѣ все улучшилось: сильныя страсти отправлены въ драму, а наивность улыбокъ и порханіе ножекъ предоставлены балету. Но искусство выраженія человѣческихъ чувствъ, мнѣ кажется, никогда не можетъ измѣниться: радость, слезы, гнѣвъ, ревность, отчаяніе, любовь остаются тѣ же, во всѣ вѣка и при всевозможныхъ измѣненіяхъ вкуса. Если въ балетахъ

дѣйствующими лицами остались люди, то въ дѣйствіяхъ ихъ должны быть страсти, а если есть страсти, должна быть и мимика, ихъ выражающая. Пренебреженіе къ ней — главная причина упадка современнаго балета.

Кромѣ г-жи Колосовой, балеты Дидло съ 1808 года украшала знаменитый Дюпоръ. Явившись на Петербургской сценѣ, онъ очаровалъ всѣхъ своимъ чуднымъ талантомъ. Онъ пользовался въ то время повсемѣстной европейской славой. Дюпоръ былъ въ своемъ родѣ гений и ни въ Парижѣ, ни въ Вьенѣ, ни въ Берлинѣ и Неаполѣ не находилъ себѣ соперниковъ.

Дюпоръ былъ небольшого роста, прекрасно сложенъ, имѣлъ для сцены пріятную, игривую фizioномію. Родъ его танцевъ былъ полухарактерный (*demi-caractère*). Дюпоръ заключалъ въ себѣ все, что необходимо для танцовщика: необыкновенную граціозность, легкость, быстроту и чистоту въ танцахъ; пируэты были имъ доведены до совершенства и удивительнаго разнообразія; онъ дѣлалъ ихъ всегда на самыхъ пальцахъ (*пируеть-филе*), и, окончивъ, всегда останавливался въ пріятной позѣ, въ чемъ и состоитъ главное достоинство пируэта. Другіе танцовщики и танцовщицы дѣлаютъ безконечныя пируэты, это ихъ туръ-де-форсъ, но они дѣлаютъ ихъ безъ граціи, и неправильно, то поднимаясь во время вертѣнія на пальцы, то опускаясь на пятку. Такіе пируэты можно употреблять только танцовщикамъ-буфамъ въ комическихъ балетахъ; но люди, не понимающіе дѣло удивляются имъ и отъ всей души аплодируютъ. Дюпоръ былъ похожъ на хорошо устроенную машину, которой дѣйствіе опредѣлительно и всегда вѣрно. Не смотря на то, что онъ выдѣлывалъ труднѣйшія па; всѣ танцы въ балетахъ лежали на немъ, потому что онъ былъ душою каждаго изъ нихъ. Не смотря на то, онъ, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ балета былъ всегда одинаково свѣжъ: въ немъ нельзя было замѣтить и тѣни усталости, какъ это часто видно у нѣкоторыхъ дансеровъ и танцовщицъ, которые въ срединѣ балета едва переводятъ духъ, что для зрителей очень непріятно, ибо они видятъ передъ собою не артиста, но чловѣка, отягощеннаго самой трудной работой.

Главный триумфъ Дюпора былъ въ роли *Зефира*. Я видалъ многихъ дансеровъ въ роли Зефира, но по большей части эти Зефиры были тяжеловѣсные, они не имѣли ни таланта, ни легкости Дюпора. Дюпоръ, какъ будто нарочно былъ созданъ для Дидло; но и разнообразный талантъ этого артиста могъ только удовлетворить хореографъ, подобный Дидло. Если Дюпоръ зарождалъ въ Дидло идею, то онъ-же потомъ служилъ лучшимъ ея истолкователемъ.

Въ 1814, 1815 и 1816 годахъ на Петербургскомъ и Московскомъ театрѣ преимущественно господствовали русскіе національные танцы.

Тогда мало давалось балетовъ во французскомъ родѣ, а больше русскіе національные дивертисманы, какъ то: *«Любовь къ отечеству»*, *«Праздникъ въ станъ союзныхъ войскъ»*, *«Казакъ въ Лондонъ»*, сочиненія гг. Огюста и Вальберха, *«Семикъ»*, *«Макарьевская ярмарка»*, *«Воробьевы горы»*, *«Праздникъ въ лагерь»*, *«Филатка съ Федорой, или гулянье подъ Новинскимъ»*, *«Первое мая или гулянье въ Сокольникахъ»*; эти балеты составлены были въ Москвѣ, мною и г. Аблецомъ.

Въ это время всѣ танцовщики и танцовщицы преимущественно плясали по-русски и по-казацки, всѣ лучшіе пѣвцы и пѣвицы, во всѣхъ дивертисманахъ, пѣли арии, дуэты и квартеты, составленные изъ русскихъ пѣсенъ, для которыхъ музыку обыкновенно сочиняли гг. капельмейстеры Кавосъ, Кашинъ и Давыдовъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ спектаклей, былъ дивертисманъ, данный по случаю пріезда въ Москву Его Величества, Короля Фридриха Вильгельма III. Долго думали о томъ, какой дать спектакль, и рѣшились на національный дивертисманъ.

Благосклонный отзывъ Его Величества вполне оправдалъ выборъ этого спектакля.

Выбранъ былъ *«Семикъ или гулянье въ Марьиной роуцъ»*: онъ былъ данъ въ утренній спектакль, въ Останкинѣ, подмосковной дачѣ графа Дмитрія Николаевича Шереметева. Сцена была устроена въ большой залъ, и вмѣсто декораций, вся была уставлена березками такъ, что представляла дѣйствительную роуцу.

Тогда въ этомъ дивертисманѣ участвовали всѣ лучшіе танцоры и танцовщицы, которые съ такимъ рвеніемъ другъ передъ дружкой старались усовершенствоваться въ русскихъ танцахъ, что брали уроки у русскихъ; многіе нарочно ѣздили къ цыганкамъ и платили имъ большія деньги, чтобы только перенять ихъ манеры въ народной пляскѣ. И дѣйствительно, съ какимъ танцемъ можетъ сравниться русская пляска, если видишь въ ней молодую дѣвушку, полную, румяную, съ стройной таліей, съ хорошо выправленнымъ корпусомъ и руками, съ выраженіемъ въ лицѣ, плывущую, какъ лебедь по озеру! Сколько нѣги, чувства, движенія, благородства, въ этомъ танцѣ! Даже самыя на этой пляски отличаются скромностію и какой-то дѣвственной стыдливостію. Тутъ нѣтъ ничего вакхическаго, ничего рѣзко-чувственнаго или похожаго на французскіе изысканные аттитюды. Это русской менуэтъ, только граціозный, лишенный накрахмаленной вычурности и вытяжки. — Танецъ этотъ удостоенъ былъ одобренія Его Величества Короля Прусскаго.

Въ Семикѣ участвовали лучшіе пѣвцы и пѣвицы того времени. Для нихъ былъ нарочно сочиненъ Давыдовымъ хоръ русскихъ солдатъ, въ честь русскаго воинства, который былъ отлично слаженъ. Ко всему этому употребленъ былъ въ этомъ-же дивертисментѣ извѣстный русскій пѣсенникъ Лебедевъ, который явился хороводомъ передъ кружкомъ пѣсенниковъ съ разными русскими простонародными инструментами, съ ложками, гремушками, дудками, и проч. Этотъ хоръ такъ мастерски выполнялъ свое дѣло, что даже у старичковъ косточки зашевелились. — Прибавьте къ этому превосходный кордебалетъ, который дѣйствовалъ ровно, точно, и отлично придуманные, разнообразныя національныя костюмы, и вы составите себѣ приблизительное понятіе о томъ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ народный балетъ на высокихъ посѣтителей праздника. Успѣхъ его загремялъ повсюду и вскорѣ я былъ потребованъ въ Петербургъ, чтобы передать балетмейстеру Огюсту содержаніе и подробности этого дивертисмана, для постановки его на Эрмитажномъ театрѣ. Надо отдать справедливость господину Огюсту: онъ своей обстановкою много возвысилъ этотъ маленький балетъ; онъ придумалъ много мелочей и нѣкоторыя сцены, которыя придали ему еще больше интереса, но главное, онъ украсилъ его неподражаемою русскою пляскою

госпожи Колосовой, съ которою самъ плясалъ. Оба артиста были въ то время первоклассныя танцовщики и мимы, которымъ Дидло отдавалъ лучшія свои драматическія роли въ балетахъ, но въ національномъ танцѣ они стояли на высотѣ, до которой съ-тѣхъ-поръ еще ни одинъ изъ русскихъ артистовъ не достигалъ. Если мы имѣемъ теперь усовершенствованныя, граціозныя, русскія пляски; бойкіе, живые, энергическіе казацкіе и цыганскіе танцы, — то мы обязаны этимъ Е. И. Колосовой и господину Огюсту.

Кто видѣлъ въ Москвѣ балеты Дидло тотъ не можетъ имѣть объ нихъ совершеннаго понятія; потому что въ то время, когда эти балеты ставились въ Москвѣ, тамошній театръ не имѣлъ еще достаточныхъ средствъ къ постановленію ихъ въ роскошномъ видѣ, т. е. съ великолѣпными костюмами, декораціями и машинами; и притомъ не было тамъ такихъ хорошихъ артистовъ, каковы были при С. Петербургскомъ театрѣ первые парижскіе дансеры: Дюпоръ, Антоненъ и Батистъ, трагическіе мимы г. Огюсть и г-жа Колосова, и гротескъ г. Андро, а главное, не было въ Москвѣ самого творца этихъ балетовъ. Поставить чужой балетъ на сценѣ — дѣло очень не маловажное, а особенно балетъ Дидло. Балеты въ своихъ подробностяхъ съ танцами и группами очень многосложны. Для этого недостаточнѣо видѣть ихъ одинъ, два, или даже четыре раза. Безъ помощи самого сочинителя, всегда трудно запомнить всѣ его подробности; а программа мало помогаетъ; въ ней только кратко объясняется самый сюжетъ. Въ такомъ случаѣ балетмейстеръ рѣдко можетъ поставить чужіе балеты въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ рукъ сочинителя. Это не то, что опера, которая имѣетъ полное содержаніе сюжета и партицію пѣнія; участь хорошей оперы зависитъ только, по большей части, отъ исполнителей. Не такъ бываетъ въ балетѣ: вся вина падаетъ на балетмейстера; балетмейстеръ долженъ самъ показать танцовщику всякій жестъ, всякое па. Для этого балетмейстеръ всѣ подробности балета долженъ имѣть въ головѣ. Но по большой части случается, что балетмейстеры, ставя чужіе балеты, за неимѣніемъ достаточнаго числа артистовъ, или помѣщенія на сценѣ должны ихъ переиначивать, т. е. дѣлать надъ ними операціи, сокращая ихъ по произволу. Впрочемъ, Дидло такъ

былъ изобилень эффектами въ своихъ балетахъ, что, хотя-бы балет-
 мастеръ оставилъ одну только часть его балета въ томъ видѣ, какъ
 онъ былъ имъ сочинень, пьеса и тогда еще могла-бы правиться пу-
 бликъ.

ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМОРОКОВЪ.

КАКЪ ПИСАТЕЛЬ И ДРАМАТУРГЪ.

Г. И. Лаговскаго.

Въ предъидущемъ номерѣ мы показали, что сдѣлалъ Сумороковъ для трагедій, теперь взглянемъ на его комическое дарованіе.

Въ комедіяхъ своихъ Сумороковъ обнаруживаетъ свой талантъ, въ гораздо высшей степени, но онѣ пользовались у современниковъ меньшею славой. — Чаше другихъ были выполняемы слѣдующія комедіи: «Чудовищи» написанная 1750 года, «Лихонемецъ», «Приданое обманомъ», «Пустая ссора», «Вздорщица», «Рогоносецъ по воображенію.» Современники Суморокова говорили, что онѣ далъ почувствовать посмѣявіе страстей въ комедіяхъ господина Мольера и протчихъ, подражая онымъ.» Слѣдовательно комедіи Суморокова, по большей части, передѣлки съ французскаго. Дѣйствительно, многія изъ нихъ напоминаютъ очень ясно Мольера. Напримѣръ комедія «Приданое обманомъ» передѣлана изъ комедіи Мольера «Le Malade imaginaire; комедія: «Рогоносецъ по воображенію» есть подражаніе комедіи «Le Cocu imaginaire» того-же автора; въ комедіяхъ: «Пустая ссора», «Вздорщица» есть черты Мольеровыхъ комедій: les Précieuses ridicules, les Fâcheux, и проч. — Но Сумороковъ, обладая весьма наблюдательнымъ умомъ, вѣрнымъ вкусомъ и слишкомъ хорошо понимая значеніе русскихъ

комедій для современной ему публики, не могъ ограничиться одними переводами и подражаніями Мольеру и прочимъ французскимъ писателямъ. Онъ зналъ, что чуждые нравы, жизнь, не имѣющія сходства съ жизнью русскаго общества, мысли и чувства, не имѣвшія у насъ особеннаго примѣненія не могли, при всемъ искусствѣ переводчика, имѣть особеннаго вѣса для современниковъ. По этому онъ, не измѣняя плана и хода дѣйствія Мольеровыхъ комедій, въ свои комедіи, однакожъ, умѣлъ внести то, что особенно поражало его въ жизни современнаго ему общества. Здѣсь несравненно болѣе, нежели въ его басняхъ, сатирахъ и въ нравственно-сатирическихъ статьяхъ обрисовываются страсти и пороки, подмѣченные въ жизни. Здѣсь авторъ даже обнаружилъ великое искусство въ созданіи характеровъ. Во всѣхъ его комедіяхъ не найдется ни одного строго отвлеченнаго характера, подобнаго «Тартюфу», «Скупому» или «Мизантропу», которыми прославились комедіи Мольера. Онъ хорошо понималъ, что дѣйствительность не представляетъ такихъ исключительныхъ, общихъ, одностороннихъ характеровъ, въ которыхъ одна какая-нибудь страсть поглощаетъ собою все качества, уничтожаетъ все разнообразное богатство природы человѣка. Онъ понималъ, что есть натура въ дѣйствительности и что она есть въ искусствѣ. Въ одной изъ своихъ комедій онъ очень ясно выразилъ свое мнѣніе касательно этого предмета. Его «Нарцисъ» говорятъ, что: «Актеры натуру еще натуральнѣе изобразить могутъ, нежели изображаетъ сама себя натура», а «Пасквицъ» отвѣчаетъ первому, что: «напротивъ нельзя натуральнѣе натуры ни актеру представить, ни автору написать.» Эти понятія объ искусствѣ сдѣлали бы честь и нашему вѣку, а тогда они опережали вѣкъ. Въ то время природа не входила въ искусство безъ прикрасъ, безъ улучшеній, въ своемъ истинномъ, строгомъ и даже грубомъ характерѣ. Но Сумороковъ, поднимавшій искусство лучше вѣка, нерѣдко пользовался своимъ знаніемъ въ комедіяхъ. Онъ вводилъ въ нихъ сцены ловко и живо выхваченныя изъ дѣйствительности и въ этомъ очень близко къ веѣмъ прочимъ нашимъ даровитымъ комикамъ и сатирикамъ. Жаль только, что иногда онъ переходилъ изъ простаго и вѣрнаго комизма въ карриатуру и пародію, въ которыхъ нерѣдко его остроуміе выходило изъ границъ естественности. Одною изъ такихъ карриатуръ можетъ быть названа комедія «Нарцисъ». Это характеръ небывалый, преувеличенный до такой степени, что читатель не можетъ, при всеї своей снисходительности и легковѣрности, представить существованіе въ дѣйствительности

такого челоѣка, который только и говоритъ объ одной красотѣ своей, и нигдѣ, кромѣ воображенія писателя, не могъ родиться такой уродъ, который могъ о себѣ сказать: «Я самъ страдаю собою, и часто цѣлыя навсквозь ночи безъ сна провождаю, вздыхая, что я сею моею красотою толико пѣтлень.» Такія изображенія оскорбляютъ искусство своею грубою ложью. Въ томъ же смыслѣ должно назвать пародіей комедію «Рогоносецъ по воображенію». Это какая-то странная пьеса. Въ ней все ложно, хотя авторъ явно старался приблизиться къ натурѣ представляемыхъ предметовъ.— Но, что это за лица? Откуда взялись эти портреты и сцены? Онѣ искажили природу, чтобы сильнѣе поразить невѣжество и возбудить всеобщее стремленіе къ просвѣщенію, чтобы исправить грубость нравовъ. Но грубая пародія никогда не исправитъ нравовъ, потому что ложь не исправляетъ, не привлекаетъ къ довѣренности, но уничтожаетъ важность урока и отвращаетъ отъ правоученія, въ сущности полезнаго и истиннаго. Лучше было бы перевести съ буквальной точностью комедію Мольера, нежели передѣлывать ее такимъ образомъ на народныя нравы. Комедія «Рогоносецъ по воображенію» напечатана въ 1781 году въ Москвѣ. Если она въ это-же время и написана, то тѣмъ болѣе важна ошибка автора, потому что въ это время русская комедія сдѣлала значительныя успѣхи. — Впрочемъ, не смотря на очевидную невѣрность и нехудожественность этой пародіи, въ ней иногда попадаются довольно близкія къ дѣйствительности русской — сцены и характеры. Между прочимъ къ подобнымъ сценамъ принадлежитъ разсказъ Хавроньи, деревенской помѣщицы, о театрѣ. «А вотъ, сердечушко, я тебѣ донесу:» говоритъ она мужу своему, «какъ я, нынѣшнюю зиму, была безъ тебя въ Москвѣ: такъ расхвалили мнѣ какую-то интермецію и уговорили меня туда съѣздить; бываетъ и на старуху проруха: поѣхала... вошла я въ залу: зангряди и на скрипичахъ и на гобояхъ и на клавикортахъ; вышли какія-то и почали всякую всячину говорить; и ужъ махали, махали руками какъ самыя куклы...» Весь этотъ разсказъ отъ начала до конца проникнутъ истиннымъ комизмомъ. — Столь-же хороша сцена, въ которой Хавронья, съ званіемъ хозяйки, подробно вычисляетъ все кушанья, которыя должны быть приготовлены къ обѣду для ожидаемаго знатнаго гостя, велитъ «накормить и людей и лошадей его сіятельства.» — Довольно хорошъ для того времени характеръ Флоризы, этой образованной сироты, по несчастнымъ обстоятельствамъ брошенной изъ Петербурга въ глушь и въ общество самое невѣжественное. Это лицо нѣсколько напоминаетъ Софію въ «Пе-

дорослѣ» Ф. Визива и если не лучше, то и не хуже ея обрисованъ характеръ Флоризы. Комедія Суморокова, по большей части, основана на какой-нибудь интригѣ; но онъ менѣе обращалъ вниманіе на правильное развитіе интриги въ своихъ комедіяхъ, а болѣе на обрисовку нравовъ современнаго ему общества. Они составляютъ главное въ его комедіяхъ; они всегда пробиваются на сцену сквозь чуждое и заимствованное. Такъ въ комедіи «Мать совѣтница дочери» является на сценѣ лицо очень извѣстное въ нашей комической литературѣ. — «Сильвія «Кантемира, которая

Блится, и румянится, мушекъ со сто носитъ...

«Совѣтница» и «княгиня Халдина» Фонъ-Визива, очень близки по характеру къ лучшему типу въ этой комедіи «Минодорфъ», разговоръ которой съ «Тимантомъ» не уступитъ никакому въ подобномъ родѣ.

Если-бы авторъ менѣе безпристрастно и глубоко наблюдалъ надъ жизнью, онъ пропустилъ-бы всѣ-такія несообразности. Онъ нашелъ-бы очень извинительными и эту страсть къ щегольству, эту покорность прихотямъ моды, эту пеструю смѣсь, въ разговорѣ, французскихъ словъ съ русскими и даже эту страсть къ кокетству. Онъ могъ понять, что при заимствованіи чужой образованности ни у одного народа не обошлось безъ этихъ явленій. За что-бы, кажется, вооружаться противъ этихъ недостатковъ, въ то время не представлявшихъ собою ничего необыкновеннаго. Кромѣ того это недостатки безвредные большею частію и притомъ, недостатки общественные. Но, во первыхъ, при заимствованіи чужой образованности подобныя явленія, какъ выведенный Сумороковымъ типъ «Минороды», не представляютъ собою ничего необходимаго для цѣлаго народа и даже для всѣхъ классовъ образованнаго общества. Человѣкъ, дѣйствующій съ разумомъ, знаетъ, что именно для него полезно и что вредно въ чужой образованности. Поэтому всѣ истинно образованные люди не могли принадлежать къ подобнымъ подражателямъ чужеземнаго образованія, а только тѣ, которые искали ложнаго образованія и вмѣстѣ съ нимъ перенимали у чужеземцевъ всѣ дурныя склонности, всѣ странныя и смѣшныя привычки и этими привычками наполняли всю сферу своей жизни. Эти фепомены, по праву, принадлежали народной комедіи. Ис-

искусство есть идеальное повтореніе дѣйствительности; лица, встрѣчающіяся въ дѣйствительной жизни, иногда являются въ немъ въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, не только похожими, но даже болѣе похожими на себя; ибо искусство подмѣчаетъ и тѣ мелкія черты и оттѣнки, которыя скрываются отъ поверхностнаго воззрѣнія на жизнь. Что встрѣчалось врознь, что едва замѣтно было при первомъ взглядѣ и казалось мелкимъ и ничтожнымъ, о чемъ едва намекали жизнь и природа, это-же возвышается, вырастаетъ и получаетъ смыслъ и выразительность въ искусствѣ. Искусство представляетъ намъ типы и ни одного единичнаго лица. Въ этихъ художественныхъ типахъ обнаруживается вся природа человѣка въ крупныхъ и рѣзкихъ чертахъ, со всѣми оттѣнками его націи, класса общества, вѣка въ которомъ они живутъ. Такое лицо не есть портретъ единичной личности, слѣдовательно, еслибы въ немъ и отразилось что-нибудь слишкомъ смѣшное и каррикатурное; то ни для кого въ особенности оно необходимо. Такихъ типовъ весьма много въ комедіяхъ Суморокова. Въ комедіи «Пустая ссора» очень хорошо выраженъ типъ, очень похожій на шеголя «Медора» у Кантемира и еще ближе подходит къ «Бригадирскому сынку» Фонъ Визина. «Дюлижъ», идетъ въ параллель съ женскимъ типомъ такого-же характера — «Минодорой», о которомъ говорили мы раньше; Сумороковъ, кажется, очень много занимался этимъ характеромъ. Вѣроятно онъ былъ тогда замѣтнѣе прочихъ, почему авторъ и говоритъ о немъ и въ баснѣ своей «Уборка головы» и въ сатирахъ и въ нравственно-сатирическихъ статьяхъ, писанныхъ прозой. Онъ также выводится на сцену во многихъ комедіяхъ, какъ и типъ Минодоры, а въ комедіяхъ «Чудовищи» и «Пустая ссора» онъ въ числѣ главныхъ комическихъ лицъ. Вѣрнѣе всего превосходно очерченъ характеръ «Дюлижа» въ разговорѣ съ «Хабзеємъ», «Критиціондіусомъ» и въ особенности съ «Арлекиномъ». Здѣсь много комическаго въ положеніи, въ характерахъ и въ дѣйствіяхъ лицъ. Комедія эта, какъ уже мы сказали, написана въ 1750 году, и это дѣлаетъ таланту автора много чести, потому-что тогда у насъ ничего не только въ этомъ родѣ, но и вообще въ родѣ комическомъ не было, хотя, въ цѣломъ, эта комедія—очень грубый фарсъ. Тоже должно сказать и о комедіи «Пустая ссора». Она подобный-же фарсъ—и, по сущности интриги, весьма ничтожна, но выведенныя на сцену въ ней лица поражаютъ вниманіе читателя. Можно сказать безъ ошибки, что обѣ пьесы, если нравились обществу, современному Суморокову, если на нихъ должна и, въ настоящее время, обратить свое вниманіе историческая

критика, что единственно онъ обязанъ этимъ только занимательностью въ некоторыхъ сценахъ и типахъ. Общонъ основаны на жеманствѣ. Женихи изъ числа самыхъ комическихъ лицъ въ общихъ пьесахъ, все-же остальное не заслуживаетъ вниманія, какъ грубая карриатура. Въ первой пьесѣ: «Чудовищи» особенно замѣчательны встрѣча «Хабзенъ» мелкаго чиновника тѣхъ времяхъ съ «Дюлижемъ», человѣкомъ новаго поколѣнія, усвоившимъ себѣ тогдашнее ложное образованіе и «Критиціондіусомъ» педантомъ. Здѣсь нельзя не удивляться искусству, съ которымъ авторъ умѣлъ охарактеризовать каждое лицо при первой встрѣчѣ. Тутъ есть и остроуміе, и глубокая наблюдательность, и мѣткая, но не злая сатира на недостатки вѣка. Читая пятое явленіе этой комедіи, вы вдругъ встрѣчаетесь лицомъ къ лицу съ тремя типами изъ различныхъ классовъ общества. Каждый изъ нихъ, какъ будто съ намѣреніемъ, высказываетъ и свои преимущества и свои недостатки. Дюлижъ — есть представитель этихъ обезьянъ всего иностраннаго, которые стыдятся своего роднаго языка. Это любимый типъ Суморокова, Фонъ-Визина и многихъ нашихъ комиковъ. Въ немъ всегда хранится неисчерпаемый родникъ комизма и только этотъ комизмъ примиряетъ съ этимъ характеромъ; ибо осмѣянные недостатки уже перестаютъ быть важными и неприятными для человѣка: притомъ каждый вѣкъ развиваетъ этотъ характеръ въ особенномъ видѣ и обнаруживаетъ его съ какой-нибудь новой стороны; онъ масштабъ нашего образованія. На сколько ушло впередъ образованіе общества, на столько же и этотъ образъ становится совершеннѣе и благопріятнѣе. Съ переменой времени мѣняется и фізіономія этого существа, столь тѣсно связаннаго съ исторіей образованія общества. Въ то время этотъ характеръ былъ еще очень близокъ къ сатирическимъ типамъ Кантемира и подходилъ къ типу, представленному Фонъ-Визинимъ въ Бригадирѣ. Дюлижъ, сообразно съ требованіями того вѣка, имѣлъ все, чтобы правиться. «Волосы подвиваетъ онъ хорошо, по французски немножко знаетъ, танцуетъ, одѣвается по щегольски, знаетъ много французскихъ пѣсень; да едва-ли еще не былъ и въ Парижѣ... Чего же больше надобно?» Такъ отзывается о немъ мать «Инцимены» (невѣсты) — «Гидима.» Онъ имѣетъ понятія и о комедіяхъ и о трагедіяхъ, хотя и не очень далекое, но все-таки имѣетъ. Стало быть и здѣсь образованіе дѣлаетъ уже шагъ впередъ. Кантемировы герои не знали того, что когда «колются или какое дѣлается несчастіе! такъ-то трагедія, а не комедія.» Онъ гово-

рять языкомъ изысканнымъ, подобнымъ великосвѣтскому языку, которымъ перѣдко выражаются герои графа Соллогуба. Нынешніе великосвѣтскіе люди говорятъ: «У ней сего-дня утро», а тогдашній великосвѣтскій человѣкъ сказалъ бы:» День-ли ужъ у васъ?» (явленіе VII). И когда Инфимена предпочитаетъ Валера, Дюлижъ упрекаетъ своего противника въ необразованности и хвалить себя. «Это будто человѣкъ! Кошелекъ носить такой большой, какъ заслонъ, на головѣ пуклей съ двадцать, тростку носить коротенькую, платье дѣлаетъ ему пѣмчинъ, табакъ нюхаетъ рульной, а объ сибу ему и не снилось; муфты у него и отъ роду не бывало, манжеты носить коротенькія, да онъ-же еще и по пѣмецки умѣетъ. Я не знаю, какъ онъ по французски то умѣетъ?» Мы отъ каждаго образованнаго человѣка ожидаемъ, что онъ лучше другихъ знаетъ и нравы и языкъ своего отечества и если вдругъ встрѣчаемъ совершенно противное, если слышимъ въ его разговорѣ странную пестроту словъ чужихъ съ своими, часто въ ущербъ здоровому смыслу; словомъ, если онъ говоритъ съ русскими своимъ природнымъ русскимъ языкомъ, но такимъ, котораго соотечественники его понять не могутъ, то, конечно, такой франтъ производитъ смѣхъ въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ. Невольно скажешь: «это чудно: будь русскимъ и говоря съ русскимъ-же по русски, ево не разумѣй! Экой нынѣ обычай завелся!» И какъ образчикъ такого «обычая» между образованными людьми своего времени Сумороковъ представляетъ разговоръ «Дюлижа» съ «Деламидой» въ той-же комедіи «Пустая Ссора».

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Деламида. Я думала, что вы уже ушли.

Дюлижъ. Я не думалъ, что я васъ севодни еще увидѣть удостоюсь...

Деламида. Это для васъ, чтобъ меня видѣть, не очень велико....

Дюлижъ. Всего больше, сударыня!

Деламида. Вы такъ мнѣ флатируете, что ужъ невозможно.

Дюлижъ. Вы не повѣрите, что я васъ адорирую.

Деламида. Я этого, сударь, не меритирую.

Дюлижъ. Я думаю, что вы довольно ремаркированы быть могли, что я опроде васъ, всегда въ конфузиі.

Деламида. Что вы дистри, такъ это можетъ быть отъ чево друга.

Дюлижъ. Я все, кромѣ васъ, менпризирую.

Деламида. Я этой пансе не имѣю, чтобъ я и въ прямъ въ вашихъ глазахъ эмабль была.

Дюлижъ. Треземабль сударыня, вы какъ депъ въ моихъ глазахъ...

Это рѣчь образованнаго русскаго общества и рѣчь русская! Своею пестротой она возбуждаетъ смѣхъ не злобный и раздражительный, но свѣтлый, веселый смѣхъ, котораго неистощимый источникъ хранится въ здоровой природѣ русскаго человѣка. Ипаго смѣха не можетъ и возбудить этотъ разговоръ, потому что въ немъ нѣтъ ничего вреднаго и ничего глубоко несовершеннаго, кромѣ забавнаго искаженія народнаго языка. Здѣсь въ предметѣ смѣшнаго или комическаго мы не видимъ ничего порочнаго, глубоко вреднаго для ближнихъ — и потому смѣшное этого рода у насъ называется забавнымъ. Но въ этой-же сценѣ смѣхъ перестаетъ быть легкимъ и забавнымъ, ибо авторъ обнаруживаетъ въ одномъ изъ комическихъ лицъ, страсть порочную, разрушающую перѣдко благосостояніе многихъ семействъ и корень этой страсти онъ открываетъ въ этомъ-же ложномъ, несовершенномъ, образованіи. Тутъ уже вы забываете и порчу языка и страсть къ французскимъ словамъ. Вы перестаете смѣяться и начинаете мыслить. Изъ смѣшной сцены вы извлекаете сознаніе того, что осмѣянное вредно вашимъ ближнимъ. Когда Дюлижъ говоритъ своей невѣстѣ Делаמידѣ «Развѣ бы вы любить меня не стали?» Деламида отвѣчаетъ со смѣхомъ: «Дворянской дочери любить мужа.... ха.... ха.... ха! это посадекой бабѣ прилично!» Зрителю уже не смѣшно, ибо въ этой ошибкѣ, въ этомъ странномъ убѣжденіи нѣтъ ничего забавнаго, а напротивъ много и порочнаго и вреднаго для благосостоянія общества. Точно также, когда въ комедіи «Тресотивіусъ» ученые Тресотивіусъ и Бобембіусъ, къ которымъ послѣ присоединяется и слуга Кимаръ, спорятъ о буквѣ Т (твердо) одноножномъ и ш, треножномъ; когда одинъ изъ нихъ (Тресотивіусъ) говоритъ: «содержу, что твердо объ одной ногѣ правильнѣе; ибо у грековъ, отъ

которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное твердо есть вѣкакій уродъ».... А слуга Кимаръ, приглашенный участвовать въ ученѣмъ спорѣ, «говорить, что треножное твердо напротивъ того лучше; ибо у этого, ежели нога подломится, такъ его и брось; а у того хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья останется».... Когда между учеными послѣ того споръ все сильнѣе и сильнѣе разгорается и разрѣшается въ ничто, читателю это забавно и онъ смѣется тѣмъ легкимъ смѣхомъ, который, по выраженію Гоголя, «весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка», невозмущенной ничѣмъ мрачнымъ, которое могло скрываться въ предметѣ смѣха. Комедія написанная въ такомъ родѣ — еслибъ даже была и пародіей и карриатурой, личностью не можетъ оскорбить и привести въ возмущеніе здоровое спокойствіе мыслящаго человѣка; ибо кто смѣется такимъ легкимъ и веселымъ смѣхомъ, тотъ добросердеченъ и готовъ самъ себя поставить на ряду съ тѣмъ, надъ кѣмъ смѣется. Точно такой-же характеръ Критиціондіуса въ комедіи «Чудовищи», въ которомъ повторяется типъ «Тресотиніуса», — или лучше одного изъ послѣдователей Третьяковского. Когда онъ говоритъ, что напишетъ диссертацию на слова Дюлижа: «День ли ужъ у васъ?» какъ на выраженіе только что вошедшее въ употребленіе въ образованномъ обществѣ того времени, равно когда разбираетъ, которое слово лучше «стулъ или сѣдалище» для трагедіи, когда извѣстность своего имени передъ слугами составляетъ въ книгѣ, въ которой содержится «критика въ двѣнадцати томахъ in folio на пѣню: «прости мой свѣтъ»; когда хвалитъ «господина Шиапелена», который «Геродота такъ хорошо перевелъ, что какъ въ переводѣ эту книгу читаешь; такъ и позабудешь, что это Геродотъ въ переводѣ и думаешь, что это какова-нибудь великаго автора оригиналъ»!... Когда наконецъ говоритъ онъ, что «коротко писать ничего не умѣетъ: мнѣ коли писать, такъ ужъ писать....» Онъ возбуждаетъ столь же веселый смѣхъ, какъ и первый типъ. Вы не замѣтите въ немъ никакой особенно постыдной черты, кромѣ педантизма, необходимой принадлежности нашихъ прежнихъ, теперь забытыхъ ученыхъ, — забытыхъ, потому что мы уже воспользовались всѣмъ наслѣдствомъ знаній и ученыхъ трудовъ, которое они намъ оставили и развѣ изрѣдка вспомнимъ о нихъ для того, чтобъ весело и кстатъ надъ ними посмѣяться. Но этотъ-же самый типъ въ комедіи «Ядовитый» перестаетъ быть забавнымъ, ибо является совершенно въ другомъ видѣ, какъ сочини-

тель, употребляющій во зло и свой даръ и свою ученость. Монологъ «Герострата» (Ядовитаго) въ VI явленіи, выражающій его понятія о честности, которую онъ называетъ химерою, о добродѣтели и о жизни; его правила выраженные въ разговорѣ съ «Дромономъ», — которыхъ основаніемъ служитъ положеніе: «Добрыя наши дѣла тѣ, которыя намъ добро дѣлаютъ, а худыя тѣ, которыя намъ дѣлаютъ худо», въ матеріальномъ смыслѣ, и также эти слова: «что мнѣ нужды въ родѣ человѣческомъ, былъ-бы я сытъ и доволенъ»; особенно мысли этого человѣка о своемъ авторствѣ, которое только потому и кажется для него почтеннымъ, «что весь міръ пера и языка его бонится», — в отъ котораго онъ не ожидаетъ иной славы, кромѣ той «чтобъ на его вѣкъ достало людей, которые хвалятъ его писанія» — все это внушаетъ не легкой и свѣтлый, но суровый, непріятный смѣхъ, который переходитъ въ негодованіе, когда Геростратъ говоритъ: «многіе, къ моему счастью, сатиру и пасквиль все за одно почитаютъ, хотя это и правда, что одна правы править, а другая портить. Да мнѣ какая нужда, правятся или портятся правы! Былъ бы только тотъ мой перомъ уколоть, кого я не люблю!» Это уже не смѣшная, а низкая, вредная и порочная черта; потому этого рода насмѣшки нельзя назвать иначе какъ самою язвительною сатирой: здѣсь комическое близко къ важной или обличительной сатирѣ. Авторъ не желаетъ ограничиться однимъ веселымъ смѣхомъ, не насмѣхается, но негодуетъ и возбуждаетъ презрѣніе и отвращеніе къ недостаткамъ человѣка. Подобнымъ же образомъ въ комедіи «Три брата совмѣстника» положеніе лицъ, на которомъ основана завязка всего дѣйствія, есть много забавнаго. Три жениха сватаются къ одной невѣстѣ; каждый имѣетъ на своей сторонѣ одно изъ главныхъ лицъ семейства: одинъ — отца, другой — мать, третій — дочь-невѣсту; всѣ трое — полковники и князя Радугины. Естественно изъ этого страннаго сходства чиновъ и фамилій должно возникнуть смѣшное недоразумѣніе, которое дѣйствительно дѣлается очень забавнымъ въ самомъ дѣйствиіи. Но читатель или зритель никакъ не можетъ равнодушно видѣть того смѣшнаго и сожалѣнія достойнаго несогласія, какое, по этому поводу, возникаетъ между супругами и дочерью ихъ, тѣмъ болѣе что эта сцена бросаетъ тѣнь на всю жизнь этого семейства. Человѣкъ образованный, привыкнувъ представлять себѣ семейную жизнь не иначе, какъ въ счастливой тишинѣ, въ полномъ тихой прелести согласіи, не можетъ равно-

душно смотрѣть на жизнь супруговъ, между которыми часто бываютъ споры изъ самыхъ пустыхъ вещей. Напримѣръ, когда жена утверждаетъ, что «на блюдѣ ерши», а мужъ говоритъ, «это — не ерши, а окуни» и когда мужъ, не смотря на правду свою, долженъ послѣ продолжительной взаимной перебранки уступить жевѣ, это уже не смѣшно — а жалко! Эти неприятныя, полныя сатирическаго негодованія сцены Сумороковъ неоднократно повторяетъ въ разныхъ комедіяхъ. Въ комедіяхъ «Вздорщина», «Пустая ссора», «Чудовищи» и въ другихъ онѣ достигаютъ у него высшей степени безобразія.

Въ передѣлкахъ Суморокова комедій Мольера много утратили блестящаго остроумія французскаго писателя, но приобрѣли много своихъ особенныхъ достоинствъ. Въ своихъ передѣлкахъ, Сумороковъ поступалъ очень осторожно и съ большимъ тактомъ. Онъ понималъ что идетъ для нашей сцены и что неидетъ. У него не найдете ни одной комедіи, которая развѣтвлялась бы на безчисленныя частныя дѣйствія и приключенія. Дѣйствіе его комедій всегда просто и незапутано разными посторонними и непредвидѣнными случаями. Весь комизмъ дѣйствія содержится или въ комизмѣ положеній дѣйствующихъ лицъ, или въ комизмѣ разговоровъ. Если что-нибудь напоминаетъ Мольера и французскую комедію, такъ это иногда — сюжетъ, почти всегда форма и механизмъ дѣйствія, а особенно — необходимая принадлежность прежней французской комедіи, — слуги, пройдохи, остряки и резонеры, которымъ, во многихъ французскихъ комедіяхъ, болѣе приходится на долю не только занимательности и остроумія, но и дѣятельности. Французскіе комики понимали, кажется, смѣшное какъ что-то низкое, но безвредное, по теоріи Аристотеля. А какъ все низкое недостойно главныхъ дѣйствующихъ лицъ — будетъ-ли это въ трагедіи, или въ комедіи, — то они и порѣшили перенести весь комизмъ дѣйствія на слугъ. Правда, это лишило первыхъ остроумія и непосредственнаго участія въ дѣйствіи, оставило ихъ при однихъ вздохахъ, сладенькихъ фразахъ и нѣжныхъ чувствованьяхъ, но вмѣсто этого изгнало отъ безчисленныхъ тревогъ, безпокойствъ и неприятностей всякаго рода, неразлучныхъ съ каждою интригою. Потому вниманіе зрителей, какъ-будто нехотя, слѣдило за ними и невольно увлекалось неистощимымъ остроуміемъ слугъ. Сумороковъ понималъ и этотъ недостатокъ и эту выгоду комедіи, но у него слуги рѣдко игра-

ють въ комедіи важную роль, особенно въ болѣе совершенныхъ пьесахъ; однакожъ онъ и не отнимаетъ отъ нихъ того остроумія, той счастливой и всегда пріятной игры ума, которыя обнаруживаютъ здоровье и ясность души человѣка. И такъ во всѣхъ своихъ комедіяхъ Сумороковъ, не смотря на подражаніе французамъ, остался оригинальнымъ. Онъ выводилъ на сцену русскіе народные нравы и другіе типы современнаго ему общества. Изъ предыдущаго мы могли замѣтить, что Сумороковъ имѣлъ столько остроумія, чтобы оживить свои фарсы и столько вѣрной наблюдательности, чтобы, не ограничиваясь въ нихъ однимъ скоропроходящимъ, эфемернымъ успѣхомъ, сдѣлать ихъ навсегда любопытными и завѣщать въ наслѣдство незабвенное потомству, какъ живую и разнообразную картину нравовъ. Но имѣлъ-ли Сумороковъ истинный комическій талантъ? Есть-ли въ этихъ фарсахъ тотъ комизмъ, который овладѣваетъ всей душой читателя и обнаруживаетъ несомнѣнное могущество и силу таланта? Есть-ли хоть въ одной пьесѣ такой характеръ, въ основѣ котораго положены самыя глубокія и сокровенныя черты русской души?

Только въ двухъ пьесахъ: «Опекунь» и «Лихоимецъ» мы встрѣчаемъ у Суморокова нѣчто похожее на тѣ могучія, истинно художественныя созданія, которымъ удивляемся въ комедіяхъ Фонъ Визина, Гоголя и Грибоѣдова. Жаль только одного, что въ этихъ пьесахъ авторъ отказался отъ своего живаго, горячо и ярко сверкающаго остроумія и остался холоднымъ сатирикомъ и безпристрастнымъ живописцемъ дѣйствительности. Сатира есть говорящая картина, но картина — не жизнь. Вотъ почему сатира и должна уступить комедіи, которая переноситъ на сцену съ живою теплотой движущейся, трепещущей дѣйствительности все явленія народнаго быта. Неозаренныя примирительнымъ, яснымъ лучемъ смѣха, обѣ пьесы много теряютъ передъ судомъ читателя. Обѣ онѣ — извѣстны въ исторіи нашей литературы и не однажды упоминались въ современной критикѣ. Одной изъ нихъ должно отдать нѣкоторое преимущество въ большей правильности формы, другой — въ большемъ разнообразіи подробностей. Комедія «Опекунь», которой все художественное достоинство для насъ заключается въ характерѣ Чужехвата, не пользовалась у современниковъ особеннымъ вниманіемъ, напротивъ комедія «Лихоимецъ» имѣла огромный успѣхъ. Успѣхъ послѣдней пьесы, вѣроятно, происходилъ оттого, что характеръ Лихоимца менѣе глу-

бонъ по обдуманности мысли и меньше разносторонень, но болѣе каррикатурень, нежели характеръ Чужехвата. Послѣдній характеръ очень трудно опредѣлить? Не всякое, даже сильное и смѣлое перо можетъ начертать въ опредѣленномъ обликѣ характеръ Чужехвата. Это — человѣкъ, для котораго «естество имѣеть двѣ души: солнце и деньги»; между тѣмъ онъ со всѣмъ не такъ скупъ и жаденъ къ деньгамъ, какъ его сосѣдъ — типъ другой комедіи — «Лихоимецъ — Кашей». Для послѣдняго точно также деньги составляютъ все и онъ такъ ихъ любитъ, что даже велитъ и «носить ихъ, какъ дитя, чтобъ не расшиблись». Онъ такъ любитъ заклады, что говоритъ Доранту «пускай заклады-то твои у меня переночуютъ: дай мнѣ этой мыслью полюбоваться, что они еще у меня». Для него всѣ разумныя существа тѣмъ только и отличаются отъ животныхъ, что они одни богатѣютъ. Онъ, выдавъ дочь замужъ, вычитаетъ проценты съ ея приданого. Его сердце, поглощенное одной страстью къ деньгамъ, какъ будто нечувствительно къ прочимъ. Между тѣмъ Чужехватъ, не находя «во всей подсолнечной ничево полезнѣе солнца и денегъ», однакожъ не обнаруживаетъ ни скупости, ни жадности. Вся страсть его ограничивается въ отношеніи къ деньгамъ «и честнымъ законнымъ и противозаконнымъ приобрѣтеніямъ». Онъ до того снисходителенъ къ средствамъ приобрѣтенія, что одобряетъ кражу, лишь бы она не касалась его дома и имущества и только бы хорошо были спрятаны концы. Онъ и самъ не очень щекотливъ на средства, находя, что «варить равно горшокъ, хотя купленный, хотя краденый». Однакожъ не смотря на любовь къ приобрѣтеніямъ всѣхъ родовъ, онъ не пренебрегаетъ и прочими благами жизни. Онъ готовъ жениться на воспитанницѣ — и удивляется, что могущество денегъ на этотъ разъ недействительно. — Онъ и лицемеръ, но, съ цѣлью чтобъ, принимая его за честнаго и почтеннаго человѣка, «вѣрили и не мѣшали разживаться». Словомъ, этотъ характеръ столь же разносторонень, какъ разностороння и запутанна природа каждаго не слишкомъ строгаго приобрѣтателя. Сумороковъ въ концѣ дѣйствія старается представить его съ особенной строгостью. Онъ много схватилъ въ немъ глубокаго и вѣрнаго въ природѣ человѣка, но не могъ создать яснаго облика, и характеръ далеко недоконченъ. Напротивъ того, характеръ Кашея довольно близокъ къ характеру Мольерова Скупаго по своей односторонности; но опять замѣтимъ, что вѣрный вкусъ избавилъ Суморокова отъ подобныхъ преувеличеній и отвлечен-

ностей. У него скупой, считая деньги, не трепещетъ своей тѣни и прочее. Словомъ сказать — Сумороковъ не имѣлъ столько таланта, чтобы создать хоть одинъ глубокой, сильный и при томъ художественно-вѣрный натурѣ характеръ, но удачно писалъ типы и картины съ дѣйствительности, съ которою онъ жилъ въ постоянномъ живомъ союзѣ и вѣрно служилъ ей своею авторскою кистью.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТАЛЬМЫ,

ПИСАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

ГЛАВА XVI.

Я остановился на успѣхъ своемъ въ роли Жанъ-Жака Руссо въ пьесѣ «*Момусъ въ Елисейскихъ-поляхъ.*» Вѣроятно это явленіе на сценѣ тѣни Женевскаго философа внушило Французской-Комедіи мысль дать представленіе въ пользу его вдовы, знаменитой Терезы Левассёръ. Для этого представленія назначены были двѣ пьесы: «*Сидъ*», и сочиненіе самого Руссо «*Пигмалионъ.*» Не помню въ точности, много-ли сбору дало представленіе; но у меня сохранился списокъ съ письма, которое госпожа Руссо писала по этому случаю къ Французской-Комедіи. Вотъ его содержаніе:

«Милостивые государи,

«Я была глубоко тронута благорасположеніемъ, которое вы оказали мнѣ, назначивъ въ мою пользу представленіе «*Пигмалиона*»;» позвольте мнѣ изъяснить вамъ мою искреннюю благодарность, которой я не премину подтвердить лично, какъ-скоро состояніе моего здоровья позволитъ. Я увѣрена, что вы довольно справедливо судите меня, чтобы не приписывать мнѣ никакого участія въ статьѣ, напе-

чтанной недавно въ одномъ періодическомъ изданіи касательно выгоды, полученныхъ вами отъ означенной пьесы, съ-тѣхъ-поръ какъ она принадлежитъ Французскому-театру. Мнѣ очень хорошо известно, и я готова подтвердить при всякомъ случаѣ, что покойный мужъ мой совершенно отказался отъ нея и подарилъ ее вашему театру.

«Принимая съ искреннею признательностью помощь, которую вамъ угодно оказать мнѣ, я позволяю вамъ, и даже прошу васъ, милостивые государи, объявить публично, если вы найдете нужнымъ, что я отрекаюсь, какъ вдова и наследница Жанъ-Жака Руссо, отъ всѣхъ выгодъ, какія могъ доставить «*Пигмалионъ*» до представле-нія, назначеннаго вами въ мою пользу.

«М. Т. Левассёръ, по мужу Руссо.»

Хотя вдова Руссо еще подписывалась именемъ женевакаго философа, однако-же оно собственно ей уже не принадлежало; потому что, вскорѣ по смерти его, она вышла за конюха господина де-Жирардена, котораго имени я не припомню; этотъ бракъ былъ причиною, почему она лишилась пенсіи, которую получала отъ правительства изъ уваженія къ заслугамъ ея перваго мужа.

Внутренніе раздоры во Французской-Комедіи продолжались по прежнему и причиняли огромный вредъ даже ея денежнымъ интересамъ. Мы не ставили новыхъ пьесъ, театръ былъ пустъ, касса также, публика роптала. Къ довершенію нашего бѣдственнаго положенія, госпожи Рокуръ и Конта вышли въ отставку. Вина пала опять на меня, и до меня доходилъ громкій ропотъ, что мое возвращеніе на сцену лишало театръ двухъ изъ главнѣйшихъ его опоръ, а публику его любимыхъ артистокъ. Положимъ, что онѣ вышли и вслѣдствіе моего возвращенія; виновать-ли я? но я полагалъ, что я нисколько не былъ даже невинною причиною ихъ удаленія.

Госпожа Сенвиль послѣдовала ихъ примѣру; Дазенкуръ и Молё были въ отпуску; такъ что трудно себя представить, до какой степени разстройства дошла въ это время Французская-Комедія. Въ этотъ часъ невзгоды, госпожа Жоли, извѣстная до-тѣхъ-поръ только какъ весьма талантливая субретка, рѣшилась привлечь публику попыткою очень смѣлою: она объявляла, что будетъ играть «*Говолію*.»

Дѣйствительно, одно уже объявленіе такой неслыханной повѣсти занимало весь Парижъ. Представленіе назначено на 23 октября, и когда наступилъ торжественный вечеръ, въ театрѣ не доставало

мѣста для всѣхъ, желавшихъ быть свидѣтелями громаднаго паденія. Да, публика ожидала паденія, и самаго блистательнаго; занавѣсъ еще не поднялся, какъ по партеру и за кулисами ходило слѣдующее двустишіе:

Si l'actrice Joly n'est pas bonne Athalie,
Le pis-aller sera de la rendre à Thalie.

Однако-же ожиданіе публики не сбылось; къ крайнему своему удивленію она увидѣла передъ собою артистку, которая, своимъ высокимъ умомъ и прекраснымъ драматическимъ талантомъ, мгновенно разсвѣяла всѣ предубѣжденія и овладѣла умами самыхъ строгихъ судей. Публика забыла даже недостатки актрисы, ея неопытность и чрезвычайную слабость голоса, и нѣсколько разъ привѣтствовала ее единодушными и вполне заслуженными рукоплесканіями.

Превиль и Бризаръ присутствовали при этомъ представленіи, не смотря на всѣ старанія ихъ скрыться въ глубинѣ ложи, публика узнала и привѣтствовала ихъ. Мнѣ одному не было удѣлено ни крохи изъ этого общаго восторга. Одинъ безошадный, неутомимый и неуловимый свистокъ преслѣдовалъ меня во все продолженіе спектакля; роль моя не могла однако-же возбудить ни чьей зависти, я игралъ одного изъ левитовъ.

Второго декабря дождались мы наконецъ чего-то въ родѣ успѣха; къ сожалѣнію это была только маленькая пьеска въ одномъ дѣйствіи, подъ названіемъ: «*Могила Дезилля*»; пьеска очень неважная сама по себѣ, но производившая нѣкоторое время фуроръ, потому что въ ней прославлялось самоотверженіе одного молодаго человека, который, во время безпорядковъ въ Нанси, бросился къ жерло пушки, въ ту минуту, какъ къ ней подносили фитиль. Авторъ этой пьески былъ Дефонтеъ.

Какъ всѣ первые артисты ставили себѣ въ честь и еще болѣе въ долгъ присутствовать при всѣхъ патріотическихъ представленіяхъ, то каждый разъ разсымались имъ повѣстки, въ томъ числѣ и господамъ Конта и Рокуръ. Онѣ не явились на два первыхъ представленія народной пародіи Гарді; но въ третье представленіе публика съ удивленіемъ и съ радостью увидѣла ихъ въ театрѣ. Въ то же время Сень-При прочелъ слѣдующіе стихи, весьма плохіе по сочиненію, но

доказывающіе, какое участіе публика принимала во всемъ, что касалось искусства :

Enfin, par un accord heureux,
 Nous voyons triompher Thalie et Melpomène.
 Contat, Raucourt, en remplissant nos vœux,
 De leur talent encore vont embellir la scène *.

Госпожи Конта и Рокуръ только и ждали приглашенія, хотя-бы въ такихъ плохихъ стихахъ. Онъ явился опять на сцену, первая въ комедіи «*Ревнивъ безъ любви*», вторая въ «*Клитемнестра*».

Тридцатаго января 1791 года, мы лишились своего товарища Бризара, умершаго на 71 году жизни. Онъ былъ прекраснѣйшій человекъ, и талантливый артистъ, равно добросовѣстный въ частной жизни и въ дѣлѣ искусства; онъ долго занималъ первыя роли на провинціальныхъ театрахъ, откуда госпожи Клеронъ и Дюмениль переманили его въ Парижъ. Бризаръ, на сцену, до того отрывался отъ всего посторонняго его роли, что несчастные случаи, которые собыють съ толку самаго опытнаго актера, не имѣли на него ни малѣйшаго вліянія. Однажды, въ «*Агамемнонъ*», загорѣлись перья на его шлемъ; публика громкими криками предупредила его; но онъ, не прерывая своей рѣчи, съ кладнокровіемъ и достоинствомъ, которымъ подивился-бы самъ предводитель греческихъ царей, снялъ съ головы горящій шлемъ, отдалъ его своему наперснику, и продолжалъ играть, какъ-бы ни въ чемъ не бывалъ. Въ другой разъ Дюбуа, по неосторожности, прокололъ ему руку; дѣйствительно-ли онъ не замѣчалъ раны, или не хотѣлъ обращать на нее вниманія, хотя она была во все не шуточная, но онъ продолжалъ играть до-тѣхъ-поръ, пока публика не потребовала, чтобы онъ вышелъ и перевязалъ себя руку. Къ первому представленію «*Эдипа у царя Адмета*», въ 1772 году, ему сдѣланъ былъ чудесный кафтанъ небесно-голубаго цвѣта; но Бризаръ, мой предшественникъ въ соблюденіи исторической вѣрности костюмовъ, предпочелъ простое шерстяное платье, приготовленное для одного фигуранта, и явился въ немъ, къ великому изумленію всѣхъ,

* Наконецъ Талія и Мельпомена торжествуютъ счастливое примиреніе. Конта и Рокуръ, склоняясь на наши просьбы, снова украсятъ сцену своими талантами.

знавшихъ, какихъ денегъ стоилъ несчастный голубой кафтанъ, имъ отвергнутый.

Дюсисъ взялся написать ему надгробную надпись, и послалъ ее его вдовѣ, при слѣдующемъ письмѣ :

«Милостивая государыня,

«Посылаю вамъ эпитафію, въ честь вашему доброму, нѣжному супругу, отцу вашихъ дѣтей. Ваши слезы испросили ее у меня, могли я отказать? Исполняя ваше желаніе, я платилъ дань благодарности памяти моего друга. Многимъ обязанъ я его таланту! Наши души соединились на сценѣ, никогда я не забуду этого союза съ добродѣтельнымъ человѣкомъ и съ артистомъ, который признавалъ природу первымъ источникомъ искусства.

«Не могу безъ горести вспоминать нашего «*Эдина*», нашего «*Короля Лиры*», въ которыхъ онъ былъ неподражаемъ. Эти тридцать строкъ, которыя должны быть написаны надъ его могилою, возобновятъ вашу горестъ; я это понимаю; но примите во вниманіе, что онъ воздаютъ справедливость его дарованіямъ, и еще болѣе его добродѣтелямъ; и оплакивая смерть его, помните, что вы даровали ему счастье при жизни.

«Имѣю честь, и проч.

«Дюсисъ.»

Между тѣмъ Французская-Комедія мало-по-малу отклонялась отъ своего прежняго направленія, и бросалась въ слезливую, прозаическую драму. Я всеми силами поощрялъ попытки Дюсиса, которыя, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при пигмейскихъ размѣрахъ, до которыхъ онъ низводили Шекспира, все-таки являли намъ хоть тѣнь исполина, тогда какъ я не могъ отыскать рѣшительно никакихъ достоинствъ въ надутыхъ фарсахъ Гардѣ и его братьи, въ «*Графъ де-Коменжъ*,» и въ множествѣ пьесъ того-же рода, наводнявшихъ съ нѣкотораго времени театръ.

Однако-же 29 марта явилась пьеса того-же семейства, но гораздо выше своихъ предшественниковъ по внутреннему достоинству: это драма Монвеля «*Жертва предразсудка*». Каждый считалъ обязанностью хоть одинъ разъ видѣть новую драму; правда, что она была превосходно разыграна господами Нодѣ, Сенъ-Фалемъ, Дазенкуромъ, и госпожею Коппа; Флери былъ въ ней неподражаемъ. Монвеля вызывали послѣ каждаго представленія.

12 Апрѣля 1791 года, Національный театръ заключилъ сезонъ представленіемъ въ пользу бѣдныхъ. Давали «*Отца семейства*» и «*Шалости влюбленныхъ*».

Никто съ такимъ нетерпѣніемъ не ожидалъ этого закрытія театра, какъ я; потому что я задумалъ важное дѣло, смѣлый ударъ самовластію Французской-Комедіи; я рѣшился разорвать связь, удерживавшую еще ея артистовъ въ одномъ цѣломъ, и, основавъ новый театръ, воздвигнуть ей соперничество тѣмъ болѣе опасное, что оно должно было возникнуть изреды ея самой.

Бросимъ бѣглый взглядъ на этотъ важный вопросъ, который возобновлялся и въ новѣйшее время: можетъ-ли соперничество быть полезно драматическому искусству, и нуженъ-ли для успѣховъ искусства второй Французскій-театръ?

ГЛАВА ХVII.

Я говорилъ, что я лично очень желалъ разрыва между двумя враждебными партіями, на которыя раздѣлялась труппа Французской-Комедіи. Желаніе это было очень основательно и понятно. Прежде всего должно замѣтить, что эти двѣ партіи были вовсе не литературныя, и основывались только на чисто личныхъ враждахъ. Я, какъ читатели уже видѣли изъ предъидущаго, игралъ немаловажную, хотя по болѣе части страдательную роль въ распряхъ этихъ двухъ партій, и принадлежалъ душой и тѣломъ меньшинству, оппозиціи. Мнѣ и доставалось за мою оппозицію, что бы не сказать за мои успѣхи. Послѣ «*Карла IX*», мнѣ не давали ни одной значительной роли; даже эту роль я получилъ только вслѣдствіе отказа Сень-Фалая; а потомъ я долженъ былъ сойти на роли наперсниковъ и тому подобныя. Такъ въ «*Брута*», я игралъ Прокула, котораго вся роль заключается въ какихъ-нибудь двадцати стихахъ. Правда, что за невозможностью стяжать успѣхъ ролью, я стяжалъ его реформою костюма; и этотъ успѣхъ возбудилъ противъ меня непріязнь товарищей не менѣе успѣха артистическаго. По всемъ этимъ причинамъ, мнѣ нельзя было ожидать никакого ходу во Французской-Комедіи; кромѣ ролей, которыя могли выпасть мнѣ по какому-нибудь счастливому случаю, какъ роль «*Карла IX*», по

такіе счастливые случаи рѣдки, и артистъ, принужденный довольствоваться ими, не скоро достигнетъ славы.

Напротивъ того, въ случаѣ распаденія Французской-Комедіи и образованія изъ нея двухъ театровъ, я непременно долженъ былъ выдвинуться впередъ, и занять первое мѣсто въ своемъ амплуа, въ одной изъ двухъ труппъ. Мы могли надѣяться на сильную помощь со стороны драматическихъ писателей, и они, дѣйствительно, поддерживали насъ всеми средствами. Они давно уже роптали на Французскую-Комедію, которая, зная, что она имъ необходима для сбыта ихъ произведеній, обращалась съ ними свысока и давала имъ вполнѣ чувствовать свое самовластіе. Поэтому они крѣпко ухватились за мысль учредить другой театръ.

Но гдѣ помѣстить этотъ театръ?

Развѣ на театрѣ Пале-рояля? Этотъ театръ, тотъ самый, гдѣ нынѣ помѣщается Французская-Комедія *, былъ прежде посвященъ самымъ площаднымъ фарсамъ и выѣзжалъ на арлекинадахъ Бордье. Но съ нѣкотораго времени этотъ театръ нѣсколько возвысилъ свой репертуаръ, и увеличилъ свою труппу; онъ уже игралъ нѣсколько хорошихъ интригъ, въ родѣ «Открытой войны», «Почи приключеній», «Интригановъ»; нѣсколько комедій, на примѣръ «Пессимиста» и «Греческія менехмы»; наконецъ драмы, «Карла и Каролину», «Каласа» и прочія. Въ послѣднее время онъ началъ даже заглядывать въ классическій репертуаръ; и попытки его въ этой сферѣ были какъ нельзя болѣе удачны. Поэтому въ случаѣ переселенія, всего проще и короче было обратиться къ нему.

Между тѣмъ, какъ я обдумывалъ свой планъ, директоры театра Пале-рояля, Гальеръ и Дорфѣль сами предложили недовольнымъ нашей труппы заключить съ ними контрактъ; какъ я всѣхъ болѣе долженъ былъ выиграть отъ разрыва съ Французскою-Комедію, то они прямо обратились ко мнѣ.

Я былъ увѣренъ въ согласіи и содѣйствіи Дюгазона и Гранмениля, также Монвеля, который давно уже отказался отъ Французской-Комедіи, и очень радъ былъ возможности ангажироваться на

* Читатель не долженъ забывать, что эти записки писаны въ 1817 и 1818 годахъ.

другой театр. Я могъ рассчитывать также на Шенъе, у котораго была кончена и готова къ нашимъ услугамъ трагедія «*Генрихъ VIII*»; наконецъ на госпожъ Вестрисъ и Дегарсенъ. Съ такими силами, мы могли смѣло вступить въ состязаніе съ старою Французскою-Комедіею, особенно въ трагедіи.

Я уговорилъ товарищей принять предложеніе Гальяра и Дорфеля. Мы заключили съ ними условіе, формально объявили Національному театру о рѣшительномъ нашемъ намѣреніи отдѣлиться отъ него и тотчасъ принялись разучивать «*Генриха VIII*.»

Мы открыли свой театръ 27 апрѣля, подъ названіемъ Французскаго-Театра. Національный театръ долженъ былъ открыться только 2 мая; слѣдовательно мы имѣли почти цѣлую недѣлю впереди, въ продолженіе которой вниманіе всѣхъ парижскихъ любителей театра принадлежало намъ безраздѣльно, и мы могли упрочить свой успѣхъ.

Трагедія Шенъе «*Генрихъ VIII*» извѣстна всѣмъ; поэтому я не намѣренъ судить ея, а только скажу, что она имѣла успѣхъ, и покажу, какъ были распредѣлены въ ней роли. Дерозье игралъ Крамера; одинъ дебютантъ, по имени Нувиль, подававшій огромныя надежды, — Норриса; госпожа Вестрисъ — Анну Болінъ; госпожа Дегарсенъ — леди Симуръ, а я — Генриха VIII. Изъ этого видно, что значительная часть пьесы лежала на мнѣ. Пьеса едва не претерпѣла крушенія за глупую дѣвочку, которой поручена была роль маленькой Елисаветы, и которая на репетиціяхъ исполнила свое дѣло довольно сносно, но передъ публикою начала заминаться и заикаться страшнѣйшимъ образомъ.

Отъ Прокула къ Генриху VIII, — скачекъ огромный! скажу только, что на счетъ пьесы было много толковъ, и за и противъ; о моей игрѣ отзывъ былъ самый единодушный и лестный. Впрочемъ, вотъ какъ говорятъ объ этомъ представленіи Этьеннъ и Мартенвилъ въ своей «Исторіи Французскаго-театра.»

«Ходъ дѣйствія простой, но веденный съ большимъ искусствомъ; интересъ очень ловко возбужденный съ самаго начала и выдержанный до конца пьесы; характеры, понятые и развитые вѣрно природою и исторіею; мрачная, суровая политика Генриха, изображенная сильною кистью и съ большимъ умомъ; трогательный контрастъ двухъ королевъ соперницъ безъ вражды; слогъ вездѣ чистый, полный энергіи и гармоніи; прекрасные стихи, перѣдко вылившіеся прямо

изъ души и потому идущіе прямо къ сердцу слушателей: все это доставило огромный успѣхъ первому, третьему и пятому дѣйствіямъ. Пьесъ должно было имѣть несомнѣнныя достоинства, чтобы устоять противъ враждебныхъ замысловъ, которые привлекли на представленіе множество недоброжелателей автора и новаго театра.

Должно однако сознаться, что пьеса представляла нѣкоторыя слабыя стороны, за которыя могли ухватиться завистники. Четвертое дѣйствіе холодно, однообразно, скучно, и потому подверглось безошадному свисту. Роль маленькой Елисаветы была возложена на дѣвочку, которая замѣнила трогательную дѣтскую наивность, какой требовала роль, самую немилосердную глупостью.

Недоброжелательная часть публики не упустила ни одного промаха, и рукоплесканія остальной части едва могли перевѣсить явныя изъявленія неудовольствія, которымъ подверглись нѣкоторыя части трагедіи. Однимъ словомъ, мы убѣждены, что не смотря на многія достоинства пьесы, она претерпѣла бы жестокое крушеніе, еслибъ не спасли ее усилія и дарованія исполнителей, особенно Тальмы въ роли Генриха VIII. Всѣ были изумлены, видя въ молодомъ человѣкѣ который нѣсколько недѣль назадъ долженъ былъ играть Прокула въ «*Брута*», артиста способнаго такъ глубоко постигнуть характеръ, такъ сообразить всѣ подробности; однимъ словомъ, видя въ немъ такого великаго, развитаго артиста, какимъ явился Тальма безпристрастнымъ зрителямъ.»

Ошибка нашихъ директоровъ едва не поколебала успѣха театра при самомъ его открытіи. Въмѣсто того, чтобы дать при трагедіи хорошую комедію, въ которой участвовали бы Дюгазонъ и Гранмьиль, они вздумали возобновить пьеску Маривѣ «*Новое испытаніе*», съ подставными актерами; пьеска сама по себѣ была незавидна, а при незавидномъ исполненіи она не могла даже пройти до половины.

Однако-же мы загладили эту неудачу, 30 апрѣля, блистательнымъ представленіемъ «*Сиды*». Монвель игралъ дона Діега, госпожа Дегарсенъ — Химену, а я — Сиды.

Нашъ соперникъ, называвшійся то Национальнымъ театромъ, то Сень-Жерменскаго предместья, открылъ свои представленія 2 мая, «*Ифигенію въ Авлидѣ*» и «*Школою мужей*».

19 мая было первое представленіе «*Марія въ Минтуринѣ*», Арно, объ успѣхъ котораго я уже говорилъ, Арно былъ тогда еще очень

молодъ, и успѣхъ первой его трагедіи сильно вскружилъ ему голову. Онъ самъ рассказывалъ мнѣ, что нѣсколько дней спустя послѣ перваго представленія его трагедіи, онъ сидѣлъ въ галереѣ другаго театра, и говорилъ очень громко, такъ что мѣшалъ сосѣдямъ слѣдить за пьесою. Одинъ изъ сосѣдей наклонился къ нему, дернулъ его за плечо, и сказалъ: — сдѣлайте одолженіе, господинъ Арно, позвольте намъ слушать пьесу, какъ если-бъ это былъ «*Марій въ Минтурнѣ*.» Этотъ сосѣдъ, съ которымъ Арно познакомился въ тотъ же вечеръ, былъ — Дантонъ.

По случаю успѣха «*Марія*», я имѣлъ удовольствіе слышать, какъ нашихъ соперниковъ порицали за бѣдность декорацій и невѣрность костюмовъ. Эта строгость къ костюму, это требованіе соблюденія исторической вѣрности въ воспроизведеніи историческихъ лицъ, были плодомъ моихъ стараній. Вскорѣ публика дала мнѣ несомнѣнное доказательство своего сочувствія къ реформѣ, которую я ввелъ въ античной костюмировкѣ. Мы поставили «*Брута*», въ которомъ Монвель игралъ самого Брута, а я Тита. Я остригъ себѣ волосы по образцу римскаго бюста, и это нововведеніе произвело такой эффектъ, что черезъ недѣлю у всѣхъ молодыхъ людей волосы были острижены подъ гребенку, и эта прическа назвалась съ того вечера à la Titus.

Правда, что при нашемъ новомъ театрѣ былъ золотой человекъ, для рисованія костюмовъ. Это былъ нашъ товарищъ Бушѣ, обладавшій довольно замѣчательнымъ талантомъ, какъ живописецъ, и проводившій по цѣлымъ днямъ со мною въ Національной Библиотекѣ, роаясь въ греческихъ и римскихъ древностяхъ.

Какъ репертуаръ нашъ былъ ограниченъ, то мы могли держаться только, по возможности, быстрою постановкою новыхъ пьесъ, или возобновленіемъ старыхъ. По этому, вслѣдъ за возобновленіемъ «*Брута*», мы возобновили «*Интригу въ письмахъ*» Фабержъ д'Эглантина, въ которой я игралъ комическую роль Клері, а Дюгазонъ былъ восхитителемъ въ роли Фужера; прочія роли исполняли Гранмениль, Мишю и госпожа Ланжъ. За «*Интригою въ письмахъ*» Фабержъ-д'Эглантина послѣдовалъ «*Іоаннъ Безземельный*» Дюсиса, известнаго уже въ то время «*Гамлетомъ*», «*Макбетомъ*» и «*Королемъ Лиромъ*», передѣланными имъ изъ Шекспира. Я игралъ Іоанна-Безземельнаго, роль нелпую, безъ характера, безъ яркой мысли, и

которой созданіе стоило мнѣ несравненно болѣе труда, чѣмъ доставило чести.

Перенесеніе праха Вольтерова въ Пантеонъ послужило намъ поводомъ къ возобновленію Лагарповой пьесы «Музы соперницы.» Однако-же оставимъ въ покоѣ «Музы соперницъ», и проводимъ лучше въ Пантеонъ прахъ Вольтера.

Я, какъ всякій догадается самъ, уже провожалъ туда прахъ знаменитаго своего постояльца, о смерти котораго говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ. Всего болѣе поразило меня въ этомъ погребальномъ торжествѣ употребленіе въ первый разъ китайскаго музыкальнаго инструмента, называемаго *тамтамъ* *, который произвелъ на меня сильное впечатлѣніе своимъ страннымъ, дребезжащимъ звукомъ.

Перенесеніе Вольтерова праха въ Пантеонъ было опредѣлено единогласнымъ рѣшеніемъ Національнаго собранія въ засѣданіи 12 мая 1791 года, и назначено сначала на 4 іюля, но потомъ отложено до 11-го

Я уже говорилъ, что за тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда я былъ еще въ школѣ, я видѣлъ въ театрѣ автора «Прены». Нѣсколько дней послѣ этого, Вольтеръ былъ въ Академіи и предложилъ членамъ ея огромный трудъ: составленіе *Словаря французскаго языка*, который опредѣлялъ бы неизмѣннымъ образомъ значеніе каждаго французскаго слова, поясняя его примѣрами изъ классическихъ писателей. Каждый изъ академикомъ долженъ былъ принять на себя одну букву; самъ Вольтеръ взялъ букву *A*. Ему было въ то время уже 84 года, и онъ поддерживалъ свои силы для работы только безпрестаннымъ употребленіемъ кофе. Излишнее употребленіе этого напитка, почти совсѣмъ отняло у него сонъ; онъ вздумалъ прибѣгнуть къ опиуму; но опиумъ не только не имѣлъ желаннаго дѣйствія, но напротивъ лишилъ его сна окончательно. Бессонница въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ былъ Вольтеръ, — вещь убійственная. Онъ впалъ не въ сонъ, а въ какую-то безпокойную дремоту; не говорилъ, и даже, повидимому ничего не слышалъ или

* Тамтамъ — ударный инструментъ, устроенный въ видѣ кимвала изъ бѣлой мѣди; ударяется деревянною колотушкою. Онъ употребляется въ Персіи, въ Турціи и особенно въ Китаѣ вмѣсто колоколовъ.

не понималъ. Это состояніе продолжалось до самой смерти. По желанію родственниковъ, тѣло его было бальзамировано, и отвезено въ въ Селье, въ тридцати миляхъ отъ Парижа, гдѣ аббатомъ былъ его племянникъ Миньо.

Оттуда-то надо было везти останки его, чтобы внести ихъ въ Пантеонъ. Они были привезены въ Парижъ наканунѣ дня, назначеннаго для церемоніи, и простояли ночь въ нарочно приготовленной бѣсъдкѣ изъ лавровыхъ деревьевъ и розъ.

Къ несчастію, Національное собраніе могло только повелѣвать церемонією, но не погодою. Съ самаго утра 11 іюля, дождь лилъ, какъ изъ ведра, и улицы столицы обратились въ непроходимыя лужи. Распорядители не теряли однако-же надежды на проясненіе погоды, и ждали до двухъ часовъ. Въ два часа, тучи начали было немножко расходиться, и повѣздъ тронулся.

Колесница, составлявшая главную часть повѣзда, была сдѣлана по образцу древнихъ колесницъ, и запряжена двѣнадцатю бѣлыми лошадьми. На колесницѣ, на высокомъ парадномъ ложѣ, доходившемъ до втораго этажа домовъ, лежала раскрашенная восковая статуя Вольтера, обнаженная до пояса. Проливной дождь смывалъ краску съ статуи и обращалъ каррикатурную маску жизни въ безобразную личину смерти. Ложѣ было окружено главными лицами всѣхъ трагедій Вольтера, размалеванными также, какъ статуя самого поэта. Дождь не щадилъ и ихъ; хлесталъ ихъ безпрестанно и размывалъ на нихъ краски. Такимъ образомъ Національное Собраніе достигло результата, совершенно противоположнаго тому, который она имѣла въ виду; она хотѣла устроить назидательное зрѣлище, а вмѣсто того вышелъ грязный, отвратительный маскарадъ, который, вѣроятно, заставилъ бы Вольтера соскочить съ колесницы, еслибъ онъ могъ возстать изъ мертвыхъ.

За колесницею шло челоуѣкъ двѣнадцать литераторовъ и десятка два академиковъ.

Повѣздъ остановился передъ Опернымъ театромъ, который въ то время находился у Сенъ-Мартенскихъ воротъ. За тѣмъ повѣздъ двинулся далѣе, по бульварамъ, по Королевской улицѣ, черезъ площадь Людовика XV, по Тюильрійской набережной, и опять остановился передъ павильономъ Флоры. Простоявъ тутъ минутъ десять, онъ пошелъ далѣе, черезъ мостъ, къ дому, въ которомъ умеръ Вольтеръ;

тутъ поѣздъ остановился въ послѣдній разъ; и хотя эту стоянку старались сократить по возможности, однако-же колесница пришла къ Пантеону не ранѣе десяти часовъ вечера; прахъ Вольтера былъ положенъ на приготовленное ему мѣсто.

Я былъ пламенный почитатель Вольтера и другъ Давида, которому поручено было устроить церемонію. Не смотря на то, я отъ души желалъ, чтобы никому не приходила въ голову мысль потревожить прахъ Вольтера въ его могилѣ въ Селье, и чтобы Давидъ не тратилъ попусту времени на сочиненіе этой жалкой пародіи.

Я пишу не историческія записки, а собственныя свои воспоминанія, и записываю ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они представляются моей памяти. По этому я надѣюсь, что читатели не взыщутъ съ меня за недостатокъ хронологической послѣдовательности, и позволятъ мнѣ вернуться съ ними за нѣсколько дней назадъ.

Однажды я получилъ повѣстку о наряженіи меня на слѣдующій день въ караулъ; въ восемь часовъ утра отправился я на сборное мѣсто; меня назначили въ караулъ къ Тюильрійскому дворцу.

Какъ актеръ, я переносилъ въ своей жизни множество нарядовъ самыхъ разнообразныхъ, и всегда старался поддѣлаться къ нимъ такъ, чтобы они сидѣли на мнѣ ловко, и даже изящно. Съ однимъ нарядомъ не могъ я никогда ужиться, — съ нарядомъ національной гвардіи. За то каждый разъ, какъ мнѣ приходилось быть въ караулѣ, я всегда находилъ средство увернуться хоть отъ ночнаго караула. Билетъ въ театръ иногда очень много значить, и билетъ въ театръ, обѣщанный сержанту почти всегда доставлялъ мнѣ позволеніе воротиться послѣ десяти часовъ вечера домой. Но когда приходилось быть въ караулѣ у Тюильрійскаго дворца, дѣло не такъ легко обдѣлывалось, и невозможно было отлучиться безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства.

И такъ я отправился къ Тюильрійскому дворцу въ твердой рѣимости употребить все зависящія отъ меня средства, чтобы шивернуться домой въ обычный часъ. Случай самъ предупредилъ мое желаніе. Генералъ Лафайетъ прошелъ черезъ дворъ въ то самое время, какъ я стоялъ на часахъ; я былъ знакомъ съ нимъ, и онъ подошелъ ко мнѣ.

— А, любезный Титъ, вы на часахъ! видно ликторская свѣира не освобождаетъ васъ отъ караула!

— Какъ видите, генераль. И мало того, что днемъ, долженъ еще стоять на часахъ ночью!

— Ночью? въ какое время?

— Отъ десяти до двѣнадцати.

— А гдѣ?

— У малыхъ воротъ, въ улицѣ l'Échelle.

— Такъ! а вамъ-бы очень хотѣлось освободиться отъ ночнаго караула?

— И какъ-бы хотѣлось, генераль! Я теперь разучиваю роль Лассалья въ «Калась» Шенне, и у меня нѣтъ ни часу лишняго времени, ни днемъ, ни ночью; надо готовиться къ новому сраженію.

— Что, вы все еще приятели съ Дантономъ.

— Какъ-же; я даже назначилъ ему свиданіе здѣсь, нынче вечеромъ.

— Здѣсь, нынче вечеромъ, повторилъ Лафайетъ.

— Такъ вы говорите, что вамъ время очень дорого, — нѣтъ лишняго для разученія роли Лассалья?

— Еслибъ въ сутки было тридцать шесть часовъ вмѣсто двадцати-четырехъ, то и тогда лишняго времени не было-бы.

— Такъ, вы были-бы очень рады, еслибъ я уволилъ васъ отъ ночнаго караула?

— Ужъ какъ поблагодарилъ-бы васъ, генераль!

— Ну, хорошо; какъ скоро кончится вашъ дневной караулъ, отправляйтесь преспокойно домой, и напишите Дантону, чтобы онъ не трудился приходить сюда, а навѣстилъ-бы васъ дома.

Я поблагодарилъ генерала, и, конечно, не дожидаясь, чтобы онъ повторилъ свое позволеніе. Какъ скоро я освободился отъ часовъ, я поскорѣ побѣжалъ домой; и не знаю, приходилъ-ли Дантонъ на свиданіе, потому-что, по обычной своей лѣности, я не извѣстилъ его о перемѣнѣ мѣста и всю ночь я просидѣлъ надъ своею ролью.

Г Л А В А XVIII.

Между тѣмъ оба театра старались перещеголять другъ друга дѣятельностью, хотя въ совершенно противоположномъ духѣ. Мы ста

рались угождать большинству публики; театръ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья, напротивъ, разыгрывалъ спѣсивца, и никакъ не хотѣлъ снизойти съ высоты своего классическаго достоинства. Мы ставили «*Вормекую гостинницу*» и возобновляли «*Карла IX*», между тѣмъ какъ соперники наши ставили «*Виргинію, или Децемвировъ*», и возобновляли «*Охоту Генриха IV.*».

Мы въ то-же время ставили новую комедію Фабръ-д'Эглантина, «*Наслѣдницу*», которая однако-же имѣла успѣхъ очень незавидный; я игралъ въ ней прекокетливую роль маркиза.

Въ это время госпожа Сенваль младшая вышла въ отставку. Ея удаленіе было очень чувствительно для Національнаго театра, и онъ принужденъ былъ, для поправленія своихъ дѣлъ, выхлопотать вторичное вступленіе на сцену Превіля, который уже лѣтъ пятнадцать не являлся. Онъ дебютировалъ въ «*Охотъ Генриха IV.*», публика привѣтствовала своего незабвеннаго любимца, и это возвращеніе на сцену было для Превіля истиннымъ торжествомъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ явился снова и въ другихъ роляхъ своего прежняго репертуара; въ «*Философъ безъ своего вѣдома*», въ «*Неожиданностяхъ любви*», въ «*Любовномъ Меркуріи*» и въ «*Амфитріонѣ*».

Мы, въ свою очередь, поставили «*Меланію*» Лагарпа. Госпожа Дегарсенъ играла Меланію, а я Монваля, мы оба приложили все свое стараніе; не смотря на то, однако-же, образцовое, какъ увѣряли въ то время, произведеніе господина де-Лагарпа, едва-едва удержалось.

Національный театръ, вѣрный своему направленію, возобновилъ «*Дидону*», въ которой почти каждая сцена заключала намеки, долженствовавшіе приводить въ восхищеніе противниковъ новаго порядка вещей. Въ это время только что была объявлена война съ нѣмецкимъ императоромъ, и нашлись люди, которые могли аплодировать слѣдующему полустинью:

Si l'étranger l'emporte....

Всѣ эти прегрѣшенія противъ общественнаго мнѣнія, копилы надъ Національнымъ театромъ страшную бурю, которой и насъ считали виновниками, какъ его соперниковъ; но когда страсти успокоились, болѣе безпристрастное обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ и свидѣтельство нашихъ собратій совершенно оправдали насъ отъ этого гнуснаго обвиненія.

Конецъ года былъ ознаменованъ выступленіемъ въ разрядъ большихъ театровъ маленькаго театра госпожи Монтансье, который возымѣлъ смѣлость играть на своей миниатюрной сценѣ, едва достаточной для водевиля, трагедію и комедію. Правда, что какъ соединеніе превосходныхъ талантовъ, труппа его имѣла полное право стать въ первой разрядъ. Въ ней числились обѣ сестры Сенваль, Граммонъ, также оставившій Французскую Комедію, Дефрентъ, Лакавъ и госпожа Марія старшая. Последняя нерѣдко приводила съ собою на репетиціи маленькую дѣвочку, которая должна была вскорѣ дебютировать подѣ именемъ Марсъ младшей, и такъ прославить это имя. На театрѣ Монтансье давали «*Муція Сцеволоу*», Дюже и «*Смерть Авеля*», молодаго писателя Шевалье.

1792 годъ открылся на нашемъ театрѣ представленіемъ комедіи «*Молодая трактирица*», въ которой начался для госпожи Кандейль тотъ рядъ обманчивыхъ успѣховъ, который поставилъ ее на два года соперницею госпожи Конта; чего конечно, талантъ ея никакъ не оправдывалъ.

18 іюня мы давали новую пьесу въ двухъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, подѣ названіемъ «*Три кузена*», сочиненіе какого-то Шампріона. Я упоминаю о ней не ради собственнаго ея достоинства, а только ради воспоминанія, съ которымъ она связывается въ моей памяти. Когда занавѣсъ опустился, и мы собрались, по обыкновенію, въ актерскомъ фойе, вошелъ Мишѡ, ведя за собою молодаго человѣка, лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, въ мундирѣ капитана артиллеріи. Какъ приходъ незнакомцевъ въ фойе, въ это время былъ вовсе не рѣдкость, то товарищи мои не обратили большаго вниманія на посѣтителя. Но я всегда болѣе другихъ интересовался замѣчательными типами и фізіономіями, и потому молодой капитанъ поразилъ меня.

Онъ былъ небольшого росту, очень худъ и чрезвычайно смуглъ; длинныя, плоскіе волосы ниспадали съ обѣихъ висковъ почти до самыхъ плечъ; живые, сверкающіе глаза часто останавливались неподвижно, но не вперяясь во вѣтшіе предметы, а повидимому погружаясь въ собственную думу.

Мишѡ окинулъ взоромъ залу, и увидѣвъ меня, сдѣлалъ знакъ незнакомцу, который послѣдовалъ за нимъ; оба приблизились ко мнѣ.

— А, Тальма, сказалъ Мишѣ, вотъ мой пріятель, капитанъ Буонапарте, желаетъ быть представленъ тебѣ, и засвидѣтельствовать тебѣ свое уваженіе къ твоему таланту. Онъ видѣлъ тебя въ Карлѣ IX, и въ восторгъ отъ твоей игры.

Я поклонился.

— Вы вѣроятно, италіянецъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, корсиканецъ, отвѣчалъ капитанъ съ живостью.

Потомъ онъ взялъ мою руку, и продолжалъ: — Господинъ Тальма, вы прекрасно сыграли Карла IX! — Потомъ отвелъ меня къ дивану, какъ будто желая показать тѣмъ, что намѣренъ побесѣдовать со мною серьезно. — Онъ долго и много говорилъ еще о нескѣ «Карлѣ IX», и всѣ сужденія его поражали новостью и смѣлостью воззрѣній и знаніемъ дѣла довольно рѣдкимъ въ чловѣкѣ его лѣтъ.

— Вы, кажется, очень много читали, капитанъ? сказалъ я.

— Да, много читалъ, отвѣчалъ онъ; — и еще болѣе размышлялъ, прибавилъ онъ вполголоса, улыбаясь.

— Когда же вы успѣваете, при занятіяхъ вашей службы, посвящать столько времени чтенію?

— О, гарнизонная служба оставляетъ довольно свободнаго времени; для бѣльшей части офицеровъ эти часы проходятъ въ скукѣ и въ изысканіи развлеченій; но я умѣлъ употребить ихъ въ пользу. Будучи подпоручикомъ, я почти два года стоялъ въ гарнизонѣ въ Валансѣ; а какъ гарнизонныя развлеченія не привлекали меня, то я посвящалъ свободное время обученію младшаго брата и довершенію собственнаго своего образованія чтеніемъ; это было мнѣ тѣмъ удобнѣе, что противъ меня жилъ одинъ книгопродавецъ, по имени Маркъ-Аврелій, — славное имя для книгопродавца, не правда-ли? — Я познакомился съ нимъ, и онъ отдалъ въ мое распоряженіе всю свою бібліотеку.

— А теперь вы въ гарнизонѣ въ Парижѣ?

— Цѣтъ; я теперь въ распоряженіи правительства, и жду себя назначенія.

— Гдѣ же вы стоите?

— На Мецкомъ подворьи, въ улицѣ du Mail.

— Позвольте мнѣ отдать вамъ визитъ?

— Вы доставите мнѣ большое удовольствіе, г. Тальма; я очень люблю артистовъ.

Я невольно улыбнулся тону, которымъ молодой капитанъ артиллеріи сказалъ, что онъ любитъ артистовъ ; такимъ же тономъ сказалъ-бы это императоръ-Аврелій, котораго имя онъ упоминалъ за нѣсколько минутъ.

Послѣ того я опять видѣлся съ нимъ, и маленькій артиллеристъ еще болѣе поразилъ меня, отчасти даже бѣсилъ меня своимъ непреклоннымъ взглядомъ на вещи и строгимъ сужденіемъ о людяхъ. Слѣдя за всеми движеніями его суроваго, но выразительнаго лица, я впервые началъ думать, что этому молодому человѣку готовилась блестящая, великая судьба.

Вскорѣ послѣ того, онъ объявилъ мнѣ, что уѣзжаетъ изъ Парижа, и отправляется въ Ниццу.

Нѣсколько дней спустя, капитанъ Буонапарте выѣхалъ изъ Парижа.

ГЛАВА XIX.

Театръ Ришельевской улицы переименованъ былъ въ *театръ Равенства*. Нельзя сказать, чтобы мы обновили свое новое званіе особенно счастливымъ образомъ. Первая пьеса, которую мы дали, «*Ложныя клятвы*» Маривѣ, была освистана безпощадно, не смотря на всѣ усилія г-жи Кандейль, для которой собственно пьеса была возобновлена. Не смотря на ея крайнюю посредственность, г-жа Кандейль нашла въ ней роль, изъ которой надѣялась извлечь пользу, и мы должны были исполнить ея желаніе.

За эту пьесою послѣдовалъ «*Колпакъ истины*» и подвергся почти той же участи. Куплеты въ немъ были сочиненія Дюгазона ; остальное Риуфа, бывшаго впоследствии членомъ трибуната.

Около этого-же времени представился мнѣ случай создать новую, важную роль. Дюсисъ продолжалъ начатый имъ трудъ, переселять Шекспира на Французскій театръ, и передѣлалъ для того его «*Отелло, Венеціанскаго мавра.*» Но увы, въ какомъ видѣ перешелъ несчастный мавръ съ англійскаго театра на французскій. Подъ предлогомъ, что разборчивый Французскій партеръ не потерпитъ такого изверга, Яго былъ уничтоженъ ; сверхъ того Дюсисъ, боясь за черезъ-чуръ нѣжные нервы парижскихъ красавицъ, сочинилъ вторую

развязку, для чувствительныхъ душъ ; пьеса могла разыгрываться печально или радостно, по желанію зрителей.

И не смотря на все это смягченіе и очищеніе, то есть по просту изувѣченіе, пьеса все-таки показалась чѣмъ-то ужаснымъ ; одинъ зритель вскричалъ : — «Да эту пьесу писалъ мавръ, а не французъ!» Бѣдный, добрый, кроткій Дюсисъ, и тебя пожаловали въ мавры !

Критика содрогнулась, посыпала главу пепломъ, и завѣсила свой ликъ.... критика, всегда, — какъ извѣстно, — столь добрая, кроткая, чистая, прямодушная, незнающая ни вражды, ни предубѣжденій, ни личныхъ выгодъ, ревнующая объ однихъ успѣхахъ искусства ! Вотъ что восклицаютъ Этьеннъ и Мартенвиль, въ своей «*Исторіи Французской-Комедіи* :» — «Вольтеръ, честившій Шекспира по заслугамъ, *жалкимъ мальчишкой* (un misérable polisson), написалъ свою «*Заиру*», заимствовавъ мысль изъ «*Отелло* ;» но этотъ безсмертный писатель искусно перевернулъ басню, и изъ этого произведенія создалъ образецъ поэзіи и чувствительности.»

Читатели сами поймутъ, какъ бѣсили меня подобные отзывы о Шекспирѣ, о кумирѣ моей молодости, о моемъ наставникѣ и руководителѣ въ изученіи чловѣческихъ страстей. Да, Вольтеръ точно перевернулъ твореніе Шекспира на изнанку ; Шекспиръ никогда не началъ бы драмы такими рѣчами :

Vertueuse Zaïre, avant que l'hyménée....

(Не забудьте, что это говорить турокъ !)

Joigne à jamais nos cœurs et notre destinée,

Je crois sur mes projets, sur moi, sur mon amour,

Devoir en musulman m'expliquer sans détour.

Замѣтьте, что Оросманъ собирается объясниться, какъ мусульманинъ, изложить свои мусульманскія понятія, и потому продолжаетъ .

Ces soudans qu'à genoux cet univers contemple,

Leurs usages, leurs mœurs ne sont pas mon exemple,

то есть, онъ, какъ мусульманинъ, не хочетъ знать нравовъ и обычаевъ мусульманскихъ султановъ, передъ которыми падаетъ ницъ вся вселенная ! Надо сознаться, что трудно было бы въ шести стихахъ поставить языкъ и мысль въ болѣе разладъ съ логикою. Поэтому то, кромѣ двухъ или трехъ ролей, я ничего не могъ, или скорѣе

не хотѣлъ играть, изъ произведеній Вольтера. Я игралъ *Отелло*, я думаю, разъ до двухъ сотъ, а *Оросмана* много что три, четыре раза всего; я предоставилъ его *Лафону*, которому, сходивъ было играть такую роль. Я имѣлъ въ *Отелло* огромный успѣхъ, и это донинѣ, по моему мнѣнію, одна изъ моихъ лучшихъ ролей; но за то я не изучалъ ее въ *Дюсисъ*, я игралъ по своимъ воспоминаніямъ изъ *Шекспира*.

27 декабря мы давали «*Прекрасную музыицу*», г-жи *Кандейль*, пѣска, имѣвшую большой успѣхъ, не смотря на свою изумительную нелѣпность. Въ предисловіи къ ней, сочинительница сообщаетъ публикѣ, что пѣса называлась первоначально просто «*Катериною*», но что, по убѣжденіямъ своихъ товарищей, знавшихъ, что она сама будетъ играть главную роль, она прибавила второе заглавіе: «*Прекрасная музыица*.» Не знаю, откуда взялся слухъ, будто *Верньо* былъ творецъ этой знаменитой пѣльпицы; но несчастная судьба его заслуживаетъ хоть того, чтобы не оскорбляли его памяти такимъ неосновательнымъ обвиненіемъ; воздадимъ каждому свое: авторомъ «*Прекрасной музыицы*» была точно и единственно — наша добрая товарка, г-жа *Капдейль*.

Читатель знаетъ, какъ по смерти *Мирабо*, тѣло его было похоронено въ церкви святой *Жепевьевы*, переименованной въ Французскій *Пантеонъ*, для назиданія отечества и потомства. Это было въ апрѣль 1791 года. 1782 годъ открылъ нѣкоторыя обстоятельства его общественной и частной жизни, которыя представили его личность совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какъ смотрѣли на него прежде. Чѣмъ живѣе былъ энтузіасмъ имъ возбужденный, тѣмъ сильнѣе и реакція противъ его славы. Вездѣ ходили самыя ѣдкія каррикатуры на него; бюстъ его былъ изгнанъ изъ залы засѣданій; улица, въ которой онъ умеръ, и которая полтора года носила его имя, была переименована, даже прахъ его не оставленъ въ покоѣ, и 25 поября 1793 года Конвентъ постановилъ декретъ слѣдующаго содержанія: «*Національный конвентъ, соображая, что человекъ порочный не можетъ быть признаваемъ великимъ человекомъ, постановляетъ: что тѣло Оноре-Рикетти де Мирабо́ будетъ вынесено изъ Французскаго Пантеона.*

Признаюсь, на этотъ разъ я менѣе чѣмъ когда-либо могъ согла-

ситься съ мнѣніемъ моего пріятеля Шенъе, который докладывалъ этотъ декретъ.

Какъ я никогда не слыхалъ, чтобы въ публикѣ было что-либо извѣстно о мѣствѣ, куда былъ перенесенъ прахъ Мирабó, то считаю нелишнимъ привести слѣдующія обстоятельства ...

Въ тотъ самый день, какъ состоялся декретъ, могильщикъ кладбища святой Екатерины получилъ приказаніе вырыть могилу въ углу кладбища, по лѣвую сторону отъ входа. Когда могила была готова, незнакомецъ, присутствовавшій при вырытіи ея, приказалъ ему быть на мѣствѣ на слѣдующій день на разсвѣтъ. Въ назначенное время могильщикъ пришелъ на могилу; нѣсколько минутъ спустя, къ воротамъ подъѣхала наемная карета; изъ нея вытащили гробъ, опустили его въ могилу и засыпали землею. При этомъ были только четыре человека, и одинъ изъ нихъ, удаляясь, сказалъ вполголоса: — «Бѣдный Мирабó! кто сказалъ бы, годъ тому назадъ, что Кмамаръ будетъ твоимъ Пантеономъ!» Жоржъ Дюваль, отъ котораго я узналъ это обстоятельство, увѣрялъ, что онъ слыхалъ его изъ устъ самого могильщика.

Я долженъ разсказать одинъ любопытный случай. Въ Ноябрь мѣсяцъ, Дюмурье, съ которымъ я былъ очень коротокъ, началъ рядъ побѣдъ, которымъ началась блистательная слава французскаго оружія. Въ три недѣли, съ 7 по 27 ноября, онъ не только вытѣснилъ иностранныя войска изъ предѣловъ Франціи, но взялъ еще тринадцать непріятельскихъ городовъ.

Послѣ Жемапской побѣды и покоренія Бельгіи онъ пріѣхалъ въ Парижъ подъ предлогомъ совѣщанія съ министрами о планѣ слѣдующей кампаніи. Почти въ каждый пріѣздъ свой въ столицу, онъ навѣщалъ меня. На этотъ разъ я счелъ долгомъ устроить въ честь его небольшой праздникъ, и пригласилъ его въ свой домъ, въ Шантренской улицѣ, гдѣ уже собралось довольно много гостей, преимущественно артистовъ и литераторовъ. Около полуночи, мнѣ доложили, что явился Маратъ съ двумя комисарами Якобинскаго клуба. Сантеръ встрѣтилъ его въ дверяхъ, и остановилъ его; но онъ требовалъ, чтобъ его пустили переговорить съ генераломъ Дюмурье.

Не зная того, что произошло въ этотъ день въ Якобинскомъ клубѣ, мы очень удивились такому неожиданному посѣщенію: я хотѣлъ

уже велѣть выгнать названнаго гостя съ его клеветами, но Дюмурье удержалъ меня, зная какія послѣдствія могъ-бы имѣть такой поступокъ.

Вотъ что доставило намъ этотъ визитъ. Во-первыхъ Маратъ ненавидѣлъ Дюмурье уже потому, что Дюмурье былъ человекъ съ воспитаніемъ, свѣтскій, даже придворный; онъ безпрестанно громилъ генерала, какъ безнравственнаго и подозрительнаго аристократа. Послѣ спасенія Франціи отъ непріятельскаго вторженія, послѣ Жемапскаго сраженія и покоренія Бельгіи, конечно, очень неудобно было бы обвинять Дюмурье. Ходили, правда, слухи, что вся непріятельская армія была въ рукахъ Дюмурье, что онъ могъ истребить ее совершенно, но выпустилъ ее за деньги; но это были только слухи, на которые по большей части смотрѣли, какъ на чистую клевету. Маратъ придрася къ болѣе существенному, болѣе осязательному обстоятельству, чтобы обвинить своего врага. Передъ отъездомъ своимъ въ Парижъ, Дюмурье строго наказалъ два батальйона охотниковъ за умерщвленіе четырехъ плѣнныхъ эмигрантовъ; Маратъ придрася къ этому, и тотчасъ побѣжалъ въ Якобинскій клубъ, съ доносомъ на Дюмурье, какъ на сообщника эмигрантовъ, наказывающаго добрыхъ патріотовъ за умерщвленіе измѣнниковъ. Клубъ, который въ это время уже присвоилъ себѣ почти всю исполнительную власть, отрядилъ его къ генералу, чтобы требовать отъ него объясненія. Для этого къ нему присоединили двухъ комиссаровъ, Монто и Бентаболя, съ ними то явился Маратъ, когда Сантеръ остановилъ его въ дверяхъ по праву гостя, и въ то-же время командира національной гвардіи. Маратъ былъ тѣмъ болѣе раздосадованъ, что, не зная гдѣ Дюмурье долженъ провести вечеръ, обѣгалъ полъ Парижа въ тщетныхъ поискахъ.

Я велѣлъ впустить Марата. Онъ вошелъ, одѣтый грязнѣе, чѣмъ когда-либо, съ своими двумя клеветами въ такихъ-же костюмахъ. При видѣ его, большая часть гостей разошлась въ другія комнаты, кто изъ отвращенія, кто изъ страха. Онъ осмотрѣлся кругомъ, увидѣлъ Дюмурье, и подошелъ къ нему, не снимая шапки. Дюмурье ждалъ его, опершись на саблю, съ презрительною улыбкою на устахъ.

Маратъ повелъ рѣчь: — Мы члены Національнаго Конвента, и пришли просить у васъ нѣкоторыхъ объясненій по дѣлу двухъ баталь-

оновъ, которые вы обвиняете въ хладнокровномъ умерщвлении четырехъ прусскихъ дезертировъ. Мы разсмотрѣли дѣло военнаго комитета и военнаго департамента, и не нашли никакихъ доказательствъ ихъ виновности; а какъ никто не можетъ доставить намъ лучшихъ свѣдѣній, чѣмъ вы, то мы и обращаемся прямо къ вамъ.

— Милостивый государь, сказалъ Дюмурье, вы сказали мнѣ, что вы членъ Конвента, но не изволили сказать своей фамилии.

— Моя фамилія Маратъ.

— А, это васъ называютъ Маратомъ! сказалъ Дюмурье, осматривая его съ головы до ногъ съ оскорбительнымъ любопытствомъ. Потомъ онъ обратился ко мнѣ, и продолжалъ: — «Чтожь это, любезнѣйшій Тальма, вы говорили мнѣ, что господинъ Маратъ только нехорошъ собою, по моему онъ просто уродъ!»

И онъ обернулся къ нему спиною. Маратъ постоялъ съ минуту въ нерышительности, что ему дѣлать; потомъ, окинувъ всѣхъ присутствующихъ взоромъ гнѣны, готовой пожрать перваго, кто ей попадется, и встрѣтивъ во всѣхъ лицахъ только выраженіе угрозы или презрѣнія; вышелъ, скрежеща зубами.

Когда еще только доложили о приходѣ Марата, Дюгазонъ взялъ лопатку, и накалилъ ее въ каминъ; едва Маратъ вышелъ за дверь, онъ взялъ щепоть толченаго сахару, и принялся обкуривать его слѣды. Можно себя представить какой хохотъ подняла эта шутка, которая была совершенно въ духъ Дюгазона.

Г Л А В А XXI.

1793 года 3-го января представленъ былъ на театрѣ, съ громаднымъ успѣхомъ, «Другъ законовъ», комедія г. Лейа, того самаго, который впоследствии написалъ «Фалькланда».

Пьеса эта, не говоря о ея достоинствѣ въ литературномъ отношеніи, была, какъ нельзя болѣе, съ руки національному театру. Въ первое представленіе раздалось было нѣсколько свистковъ, но они были заглушены. Однако-же вслѣдъ за тѣмъ былъ поданъ на нее доносъ въ Городскую Думу, и Дума, по предложенію Анаксагора Шомета, запретила ее. 12 января приказъ о томъ былъ опубликованъ по Парижу, но безъ сообщенія актерамъ. Пьеса была объявлена еще съ

предъидущаго дня, и въ часъ представленія театръ наполнился толлою зрителей. Тутъ только было объявлено о запрещеніи пьесы. Зававъсь поднялся и вмѣсто ожидаемыхъ актеровъ, вышелъ Флорансъ, и вторично объявилъ о наложенномъ запрещеніи.

По предложенію знаменитаго моряка Керсента, Національное Собраніе отмѣнило распоряженіе Думы.

Рѣшеніе Собранія было тотчасъ объявлено, зававъсь поднялся для желанной пьесы, и опустился окончателно только въ половинѣ втораго часа ночи. Само собою разумѣется, что каждая сцена была покрыта неистовыми рукоплесканіями.

Двадцать третьяго января мы давали новую пьеску, подъ названіемъ *«Генералъ Дюмурье въ Брюссель, или маркизанты.»* Пьеса дотащилась кое-какъ до конца. Госпожа Кандейль, которой поручено было объявить имя автора, уже выходила для того на сцену, какъ вдругъ изъ одной ложки перваго яруса высунулась старушечья голова; чепецъ на ней съхалъ на сторону, волосы рассыпались изъ подъ него, глаза выпучились. Въ такомъ видѣ представилась старуха публикѣ, крича: — «Граждане, вы спрашиваете имя автора представленной пьесы; авторъ ея — я, Олимпія де-Гужъ. Если пьеса вамъ не понравилась, и вы ее освистали, то это не оттого, что сама пьеса дурна, а оттого, что она была прескверно разыграна.»

Можно себѣ представить какіе крики, хохоть, свистки были отвѣтомъ на эту странную выходку. Госпожа Кандейль, бывшая уже на авансценѣ, стала втупикъ. Однако-же она оправилась, и сказала: — «Граждане, почтенная сочинительница пьесы ошибается; увѣрю васъ честью, что мои товарищи и я употребили все зависящія отъ насъ старанія, чтобы поддержать пьесу.»

— Знаемъ, знаемъ, раздалось со всѣхъ сторонъ. Вы исполнили свое дѣло добросовѣстно, играли хорошо, но пьеса никуда не годится.

Однако-же Олимпія де-Гужъ не хотѣла признать приговора, и продолжала кричать: — «Неправда, пьеса хороша, а актеры никуда не годятся.»

Покричавъ еще нѣсколько времени, Олимпія де-Гужъ была наконецъ принуждена покориться приговору, и скорѣе бѣжать изъ театра въ сопровожденіи всеобщаго хохоту и свистковъ.

Во второе представленіе, пьеса не дошла даже до конца.

ГЛАВА XXII.

Между-тѣмъ комическій писатель, которому суждено было стяжать въ послѣдствіи огромную славу, готовился выступить съ первою значительною пьесою на Національномъ театрѣ. Писатель этотъ былъ Пикарь, а пьеса — «Разскащикъ.»

Она была представлена въ первый разъ въ февраль 1793 года, и имѣла огромный успѣхъ, не смотря на случай, который прервалъ было представленія и едва не погубилъ пьесы.

Посылся слухъ, что въ непродолжительномъ времени будетъ дано представленіе «Друга законовъ», и что выручка назначается въ сборъ на военныя издержки. Поэтому, какъ только поднялся занавѣсъ, публика стала требовать своей любимой пьесы. Дазенкуръ выпелъ, поклонился, и произнесъ слѣдующую роль, съ такимъ убѣжденіемъ, что публика тотчасъ согласилась на его представленія.

— Граждане, старѣйшій и несчастнѣйшій изъ театровъ, театръ, который не можетъ даже задумать добраго дѣла, не подвергаясь клеветѣ, можетъ ручаться только въ своемъ слѣпомъ повиновеніи законамъ и въ безграничной своей преданности вашимъ желаніямъ. До свидѣнія нашего дошло, граждане, что многія голоса возвысились противъ предстоявшаго представленія «Друга законовъ». Предметъ, на который была назначена наша выручка, достаточно свидѣтельствуегъ благонамѣренность нашихъ дѣйствій. Если вы желаете почтить насъ и впредь такимъ-же благорасположеніемъ, какимъ мы пользовались донинѣ, то не требуйте отъ насъ пьесы, которой представленіе можетъ имѣть для насъ бѣдственныя послѣдствія

Дѣйствительно, Парижская дума не забыла борьбы, которую выдержалъ съ нею Національный театръ.

Между-тѣмъ, какъ этотъ театръ былъ въ такомъ критическомъ положеніи, мы съ своей стороны продолжали съ большимъ успѣхомъ давать «Фенелона» Шенье. Національный театръ ангажировалъ нашу товарку, госпожу Ланжъ, а мы ангажировали Батиста старшаго. Этотъ артистъ уже нѣсколько времени обращалъ на себя общее вниманіе на театрѣ, du Marais, основанномъ авторомъ «Свадьбы Фигаро»; онъ игралъ съ большимъ успѣхомъ графа Альмавиву въ «Пре-

ступной матери», «Хвастуна» и «Роберта, атамана разбойниковъ»

У насъ онъ дебютировалъ въ «Проученой кокеткѣ», въ «Чудахъ» и въ «Метроманнѣ». Наконецъ, 3 апрѣля онъ явился въ роли, снѣгавшейся его торжествомъ: въ «Робертъ, атаманъ разбойниковъ.» Эта пьеса, какъ извѣстно, была плохое подражаніе знаменитой драмѣ Шиллера, «Разбойники». Представленіе ея послужило новымъ поводомъ къ слезнымъ сѣтованіямъ Французской критики.

Между-тѣмъ молодой человекъ, который впоследствии приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, предложилъ намъ первое свое сочиненіе. Это былъ Люсь-де-Лансиваль, будущій авторъ «Гектора.» Первая пьеса его называлась «Муцій-Сцевола», и встрѣтила со стороны публики довольно суровый приемъ, такъ что авторъ заблагоразсудилъ скрыть свое имя.

Въ іюль мѣсяцъ умеръ Леміеръ, онъ родился въ 1723 году, и слѣдовательно умеръ семидесяти лѣтъ. Замѣчательнѣйшія его произведенія: «Гипермнестри», «Вильгельмъ Тель» и «Малабарская вдова.» Но гораздо замѣчательнѣе его произведеній, — его благородная душа и безграничная сыновняя любовь. Онъ весь свой вѣкъ прожилъ въ крайней бѣдности, потому что всѣ деньги, какія онъ получалъ отъ представленія своихъ пьесъ, онъ тотчасъ относилъ старухѣ матери. Она жила въ Сенъ-Жерменъ; и какая-бы ни была ненастная погода, до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, онъ совершалъ это путешествіе всегда пѣшкомъ, чтобы не уменьшить безъ того уже небольшой суммы, которую онъ несъ, взявъ изъ нея деньги на проздѣ.

Мы говорили уже, что Национальный театръ крѣпко боялся за себя; и опасенія его вполне оправдались.

Франсуа де-Нёшатô написалъ для него пьесу въ пяти дѣйствіяхъ, заимствованную изъ Ричардсоновой «Памелы.» Госпожа Ланжъ была очаровательна въ роли Памелы, Флері восхитителенъ въ лордѣ Блумфильдѣ; имя автора было провозглашено среди жаркихъ рукописканий. 29 августа 1793 года, Национальный театръ получилъ приказаніе прекратить представленія этой пьесы, подъ предлогомъ, что она написана въ аристократическомъ духѣ. Нёшатô былъ въ отчаяніи; онъ выбросилъ стихи, возбуждавшіе негодованіе отчаянныхъ дема-

гоговъ, и не передѣлалъ развязку. Такимъ образомъ пьеса пошла опять, 2 сентября, и была встрѣчена такими-же рукоплесканіями, какъ въ первый вечеръ. Немудрено, что эти-то рукоплесканія именно и погубили пьесу и актеровъ. Одному изъ зрителей не понравилась тирада объ умѣренности и терпимости, которая была повторена по общему требованію. Онъ поднялъ было шумъ, но публика заставила его замолчать. Онъ тотчасъ вышелъ изъ театра, къ великой радости всѣхъ, и пьеса пошла своимъ порядкомъ.

Но публика очень ошибалась, полагая, что нарушитель спокойствія убрался домой. Онъ пошелъ прямо въ клубъ Якобинцевъ, съ доносомъ на Национальный-театръ, какъ на разсадникъ нравственной порчи для гражданъ, на вертепъ измѣнниковъ. Клубъ тутъ-же рѣшилъ написать формальное обвиненіе и подать его городской Думѣ. Это значило подлить масла въ огонь.

Въ ночь съ 3 на 4-е сентября, вся труппа была арестована по домамъ, кромѣ одного Моле. Национальный-Конвентъ, не смѣвшій уже противиться Комитету Общественной Безопасности, утвердилъ распоряженіе Думы, и вся труппа была заключена въ тюрьму. «Памела» послужила только предлогомъ; настоящимъ-же источникомъ бѣдствій нашихъ товарищей было представленіе «Друга законовъ.»

Дезессаръ былъ въ это время на Барежскихъ водахъ, для поправленія своего здоровья. Тамъ онъ узналъ объ арестованіи товарищей; эта вѣсть такъ поразила и огорчила его, что черезъ десять минутъ онъ имѣлъ приливъ крови и умеръ.

Въ своемъ мѣстѣ я расскажу, какъ товарищи наши вышли изъ тюрьмы, и кому они обязаны жизнью.

Въ это время жирондисты пали, и была провозглашена конституція 93 года, которая однако-же никогда не была приведена въ дѣйствіе. Эта конституція напоминаетъ мнѣ уморительную записку, которую одинъ изъ гражданъ законодателей, Герд-де-Сешель писалъ гражданину Дезонуа.

«7 іюня, II года Республики.

«Любезный согражданинъ,

«Получивъ порученіе, съ четырьмя моими товарищами, составить проэктъ конституціи къ будущему понедѣльнику, покорнѣйше прошу

васъ, отъ ихъ имени и отъ моего, доставить мнѣ немедленно *Миносовы законы*, которые должны находиться въ какомъ-нибудь сборникъ греческихъ законовъ. Мы имѣемъ въ нихъ крайнюю нужду.

«Привѣтствую почтеннаго гражданина Дезонау.

«Геро-де-Сешель.»

Можно-бы было замѣтить, что эта записка пуфъ, сочиненный какимъ-нибудь острякомъ, чтобы подтрунить надъ ученостью и мудростью законодателей Республики, еслибъ она не имѣлась въ настоящее время въ подлинникъ, у одного изъ моихъ добрыхъ пріятелей, въ прелюбопытномъ собраніи автографовъ.

Между-тѣмъ наши товарищи Сень-Жерменскаго предместья, все еще были въ тюрьмѣ, и къ великому нашему прискорбію, ходилъ слухъ, что мы были не совсѣмъ безгрѣшны въ ихъ арестованіи. Этотъ слухъ подкрѣплялся еще нѣкоторыми обстоятельствами, въ которыхъ мы не имѣли рѣшительно никакого участія. Госпожа Жоли была освобождена единственно съ условіемъ поступить на нашъ театръ, и дебютировала у насъ въ роли Дорины, въ «*Тартюфъ*.» Вслѣдъ за нею былъ освобожденъ и Дюпонъ, на томъ-же условіи, и дебютировалъ въ «*Отцъ семейства*», въ роли Сентъ-Альбена.

Я, въ это время, изучалъ роль Нерона, въ трагедіи Легувэ; это была превосходная этюда, даже послѣ Расинова Нерона; особенно долго трудился я надъ пятымъ дѣйствіемъ, которое почти все заключается въ предсмертномъ монологѣ Нерона. За то, трудъ мой увѣчался блистательнымъ успѣхомъ.

На третій или на четвертый день послѣ успѣха «*Нерона и Эпихариды*», Ванговъ и дочь его, госпожа Пети-Ванговъ были освобождены на тѣхъ-же условіяхъ, какъ госпожа Жоли и Дюпонъ, и дебютировали на нашемъ театрѣ. Я тогда и не подозрѣвалъ, какое значеніе будетъ имѣть госпожа Пети-Ванговъ въ моей жизни.

Я говорилъ уже, что Молё одинъ избѣжалъ участь своихъ товарищей. Судьба хранила его; въ его преклонныхъ лѣтахъ и при его слабомъ здоровьи, онъ не выдержалъ-бы. Госпожа Монтансье, видя его свободнымъ, предложила ему, и г-жѣ Девіеннъ, только что выпущенной изъ заключенія, поступить на ея театръ. Оба приняли предложеніе директрисы, у которой были уже труппы балетная и

оперная, и которая набирала еще новую труппу для трагедіи и комедіи.

Молé скоро понялъ, что онъ сдѣлалъ ужасную глупость, когда пришлось ему, — представителю старинной свѣтлой утонченности, аристократу изъ аристократовъ, щеголю изъ щеголей, — играть роль Марата, въ пьесу какого-то гражданина Ферю. Но отказаться было невозможно; въ то время съ актерами не шутили.

Впрочемъ, угодливость госпожи Монтансье варварскому времени, не оградила ее отъ гоненій. Она была арестована вмѣстѣ съ Нёвилемъ, своимъ товарищемъ въ дирекціи; и театръ ея отобранъ для помѣщенія Большой оперы, которая не могла долге оставаться у Сенъ-Мартенскихъ воротъ.

Не болѣе выгоды извлекъ изъ своей пьесы и самъ гражданинъ Ферю. Должно полагать, что немногія представленія его пьесы не обогатили его, и что случилось съ авторомъ, мнѣ неизвѣстно.

Вообще, жалкое явленіе представляли въ это время театры. Мы были не актеры, а должностные люди. Передъ самымъ поднятіемъ занавѣса, нельзя было ручаться, что представленіе состоится; то одинъ, то другой былъ въ нарядѣ, и мы принуждены были извиняться передъ публикою, и объявлять, что такой-то дежурный при генералѣ Ганріо, или такой-то позванъ въ Комитетъ Общей Безопасности, и тому подобное. Публика иногда морщилась, даже роптала, но, по бѣльшей, части покорялась судьбѣ.

Однажды Дюгазонъ возвратился изъ наряда такъ поздно, что не успѣлъ одѣться, и долженъ былъ играть «Луна» въ мундирѣ національной гвардіи. Впрочемъ какая важность въ костюмѣ, когда все пьесы являлись въ презабавномъ маскарадѣ: въ старинныхъ пьесахъ графъ Альмавива, маркизь Монкадъ, баронъ де-Кракъ прозывались, по новой модѣ, гражданами — *citoyens*. Можно себя представить, какъ мила была эта перемена односложнаго или двусложнаго слова на трехсложное въ стихахъ; о рѣчь или размѣръ никто не заботился.

Этого еще мало; какое бы ни было содержаніе комедіи, драмы или трагедіи, будь костюмы греческіе, римскіе, венеціанскіе или гальскіе, трехцвѣтная кокарда была необходимою его принадлежностью, и для мужчинъ и для женщинъ. Только носили ее различ-

но ; въ «Федръ», напริมѣръ, Ипполитъ застегивалъ ея на плечъ свою львиную шкуру, а Федра прикладывала ея къ груди, вмѣсто букета.

Многія пьесы, считавшіяся не на высотѣ современныхъ идей, отсталыми, должны были подвергнуться самымъ нелпымъ передѣлкамъ. Такъ Бойё, бывшій впоследствии членомъ директоріи, передѣлалъ Вольтеру «Смерть Цезаря»; Андриё передѣлалъ «Никомеда.» Только въ этомъ новомъ нарядѣ позволялось имъ являться на сцену.

А. ГРЕКЪ

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа отъ $\frac{1}{13}$ марта 1851.)

Buona sera, signor Pantalone! милости просимъ, синьоръ Панталоне! давно мы съ вами не видались, какъ ваше здоровье? Нынче время масляничное, время забавъ, смѣха, дурачествъ, маскарадовъ; такъ вамъ, какъ хозяину, первый нашъ привѣтъ при вступленіи въ маскарадъ театровъ. Вы являетесь такимъ добродушнымъ, такимъ безпритязательнымъ гостемъ, ваши шутки, хотя не новы, однако же такъ забавны, и притомъ васъ сопровождаетъ такая свѣженькая, хорошенькая музыка, что мы невольно избираемъ васъ среди толпы окружающихъ насъ масокъ. Посмѣмся съ вами и съ вострушкою Коломбиною, послушаемъ пламенные серенады вашего сына, прекраснаго Леліо и романсы его невѣсты, чувствительной Изабеллы, а потомъ перейдемъ къ прочимъ гостямъ. Много ихъ ждетъ своей очереди! Почти всѣ шестнадцать театровъ Парижа послали своихъ представителей участвовать въ общемъ празднествѣ. Прелюбопытная картина! Вотъ фарсъ гонится за умою, а умъ ему не дается; вотъ фарсы

поскромнѣе, которые не бьютъ на умъ, а довольны, когда заставить посмѣяться отъ души спсходительнаго зрителя! вотъ римская исторія шествуетъ тяжелымъ александрийскимъ стихомъ; ужъ, какъ разрядилась! Бьемся объ закладъ, что ни Тацитъ, ни Ювеналъ не узнали бы въ ней той исторіи, которую они писали. И не диво, платье на нее сшили гг. Маке и Жюль-Лакруа! вотъ и индѣйская царица, воспитанная въ парижскомъ пансіонѣ! Вотъ съ размахиваніями и вскрикиваніями расхаживаютъ фарсы, величающіе себя драмами, сопровождаемые ужасами, пожарами и всѣми принадлежностями новомодной драмы; казалось бы, всѣмъ овѣ драмы, да изъ подъ предательской маски выглядываетъ ушкѣ! Тамъ испанскій индѣецъ, важнымъ доводомъ, закинувъ свой дырявый плащъ и нахлобучивъ шляпу съ перомъ, ходитъ подъ руку съ градами, министрами и инквизиторами и держитъ въ своихъ рукахъ судьбы стараго и новаго свѣта, тутъ феодальный вождь среднихъ вѣковъ, полу-рыцарь, полу-разбойникъ, тяжелымъ покаяніемъ искупаетъ свои грѣхи; далѣе цѣлая толпа субретокъ и грязетокъ, лавочныхъ сидѣльцевъ, адвокатовъ, гусаровъ, драгуновъ, львовъ всѣхъ шерстей и породъ, дикихъ и ручныхъ, слоновъ, букашекъ и таракашекъ.... Вотъ пестрота! глаза разбѣгаются. Но встрѣчаются въ этомъ разгулѣ карпавала два-три гостя степенные, разсудительные, которые озираются на окружающую ихъ буйную толпу, не понимая сами, какъ они въ нее попали. И имъ не оставимъ засвидѣтельствовать свое почтеніе. Но всякому свой чередъ; прежде всего васъ, синьоръ Панталоне, представимъ благосклоннымъ читателямъ.

Самое названіе новаго произведенія, явившагося на сценѣ Комической-оперы показываетъ, что это новый листокъ изъ старой, но все еще не старѣющей комедіи маскъ, этого игриваго созданія итальянской фантазіи. Авторы либретто, гг. Локруа и Морванъ, не ломали себѣ головы на изобрѣтеніе характеровъ, или интриги; въ ихъ пьесѣ вы не найдете почти ничего, чего бы вы уже не видали порознь и съ нѣкоторыми измѣненіями во множествѣ другихъ пьесъ; но дѣйствіе ведено такъ ловко, такъ живо, пьеса такъ чужда всякихъ притязаній, что глядя на нее, проходитъ всякая охота привязываться къ автору, и вы только смѣетесь отъ души. Дѣйствіе происходитъ, какъ и должно было ожидать, въ классическомъ городѣ маскъ, Венеціи. По одной изъ ея влажныхъ улицъ плыветъ гондола съ музыкантами, останавливается передъ однимъ домомъ, и таинственный голосъ поетъ

подъ окнами серенаду. Кому же посвящена эта серенада? Домъ принадлежит вашему старому знакомцу и пріятелю, котораго всё такъ хорошо знают съ самаго дѣтства, что никто его иначе и не называетъ какъ докторомъ, какъ будто другаго имени у него и не бывало. А въ домѣ доктора три женщины, его супруга, его питомица Изабелла и субретка Коломбина; и каждая изъ нихъ имѣетъ поводъ приписывать честь серенады себѣ. Жена доктора встрѣтилась какъ то съ однимъ прекраснымъ незнакомцемъ, который былъ къ ней необычайно любезенъ; — вы, пожалуй, уже подумали то, да другое, да десятое! вѣтъ супруга доктора — предостойная жена, предобродѣтельная, такая, что не грѣшно пожелать такой и намъ съ вами! Но чтожь она была бы за жепщина, еслибъ не любопытствовала узнать, кто такой тотъ прекрасный незнакомецъ, что оказался такъ чувствительнымъ къ ея красотѣ! Изабелла также видѣла изъ оконъ своего пансіона очаровательнаго молодаго человѣка, котораго имя ей неизвѣстно; наконецъ Коломбина, какъ вамъ извѣстно, давно уже отдала сердце неблагодарному Карлино, который получилъ богатое наслѣдство послѣ своего дяди, кондитора, и проѣдаетъ это наслѣдство въ натурѣ. Одинъ только докторъ ничего не видитъ, не слышитъ, не знаетъ, ни о чемъ не заботится; и не мудрено: онъ занятъ сочиненіемъ какого-то усыпительнаго средства, и думаетъ только, какъ бы не перелить въ него опиума. Велѣдъ за тѣмъ два носильщика приносятъ, на имя Коломбины, огромную корзину; это отъ Карлино, образчикъ его кондитерскихъ издѣлій. Между тѣмъ, какъ Коломбина выходитъ исполнить какое-то приказаніе барыни, а Изабелла удаляется, чтобы прочесть записочку, врученную ей тайкомъ однимъ изъ носильщиковъ, докторша, по очень понятному любопытству, подкрадывается къ корзинкѣ, открываетъ ее, — глядь! изъ нея выскакиваетъ тотъ самый молодой человѣкъ, который повсюду слѣдуетъ за нею. — «Какъ? это вы? — Я. — Зачѣмъ вы здѣсь? — Меня привела любовь! — Какая дерзость! если хотите, чтобы я вѣрила вашей любви, то садитесь опять въ свою корзину, я велю отнести васъ назадъ!» Молодой человѣкъ повинуется; но едва хозяйка за дверь, онъ вошь изъ корзинки, и прячется, замѣнивъ себя пыльными фоліантами доктора. Коломбина хочетъ прибрать подарокъ Карлино, но корзина такъ тяжела, что она должна прибѣгнуть къ помощи доктора. Пока они тащатъ ее, за дверью слышится голосъ барыни, передъ которою оба трепещутъ. Какъ скрыть отъ ней

корзину? развѣ поставить на время на балконъ? сказано, сдѣлано; но видно балконы въ Венеціи вѣтхи, балконы подламываются подъ тяжестью, и корзина — бухъ въ воду!

Но какой ужасъ объемлетъ скоро доктора и Коломбину! Между тѣмъ, какъ докторша ищетъ корзины, Изабелла открываетъ за тайну Коломбинѣ, что запискою, поданною ей однимъ изъ послыщиковъ, она извѣщается, что въ корзинкѣ находится незнакомый молодой человѣкъ, который изъяснялся ей въ любви въ окно пансіона, и который прибѣгнулъ къ этой хитрости, чтобы пробраться въ домъ своей возлюбленной. А корзина то въ каналѣ! Можете себѣ представить ужасъ Коломбины и самого доктора, съ которымъ она спѣшитъ подѣлиться этою пріятною вѣстью. Но что это за молодой человѣкъ въ то же мгновеніе очутился въ комнатѣ, безъ доклада, даже не отворивъ двери? зачѣмъ онъ такъ крадется? можетъ быть воръ? Зрители, конечно, не раздѣляютъ этого страха, потому что съ перваго взгляда узнали въ молодомъ человѣкѣ того самаго незнакомца, который прибылъ въ корзину, вмѣсто конфетовъ. Впрочемъ, онъ успокоиваетъ и доктора, объявивъ, что онъ Леліо, сынъ синьора Панталоне, суженый женихъ Изабеллы. Докторъ принимаетъ его со всѣми изъявленіями уваженія и дружбы, и приказываетъ подать лучшую бутылку вина, отъ которой однако-же, гость ужасно морщится; и не мудрено: Коломбина такъ отторопѣла, что вмѣсто вина подала ему снотворное зѣміе своего господина. Вотъ глаза у него закатываются, руки опускаются, онъ падаетъ на диванъ — безъ движенія и безъ чувствъ; онъ отравленъ. А тутъ, какъ разъ, стучатся въ дверь! ужъ навѣрное полиція! Докторъ и вся его почтенная родня искони не слишкомъ ладятъ съ судами и съ полицією, и тѣмъ болѣе должны трепетать ихъ, когда два убійства лежатъ у него на совѣсти. Одинъ трупъ въ канавѣ, куда дѣвать другой? развѣ въ диванъ? Вотъ синьора Леліо упрятываютъ въ диванъ, отворяютъ дверь — это самъ Панталоне. Онъ спрашиваетъ, не былъ-ли его сынъ Леліо, котораго онъ прислалъ впередъ, познакомиться съ невѣстою? Докторъ стоитъ на угольяхъ; однако-же, скрѣпя сердце, принимаетъ его какъ можно лучше, но забываетъ поподчивать его ужиномъ и наконецъ укладываетъ спать на тотъ самый диванъ, въ которомъ лежитъ Леліо; все семейство прощается съ дорогимъ гостемъ, приѣвая ему: «Доброй ночи, синьоръ Панталоне, и не знайте страшныхъ сновъ!» И точно онъ не увидитъ страшныхъ сновъ, потому что голодный желудокъ не даетъ ему сомкнуть

глазъ; но за то, какіе ужасы слышать и видеть онъ на яву! То ему чудятся слабые вздохи и стоны; то слышится, будто тихо отворяется дверь, и какіе-то осторожные шаги ходять по комнатѣ; вдругъ его озаряетъ свѣтъ глухаго фонаря, и онъ видитъ, какъ два вора или разбойника разрѣзають холщевой бокъ дивана, вытаскивають изъ него человѣка и хотятъ тащить его на балконъ, вѣроятно, чтобы бухнуть въ воду. Но докторъ и Коломбина очень удивляются, когда тотъ, кого они считали отравленнымъ, оказывается живъ-живехонекъ, и начинаетъ барахтаться и кричать. Къ нему присоединяется и Панталоне; и они вдвоемъ поднимають такой гвалтъ, что весь домъ сбѣгаетъ на помощь. Тутъ все объясняется. Леліо, выслушавъ строгій выговоръ за тревогу, которую онъ надѣлалъ своими проказами, представляется невѣстѣ, которая въ восторгѣ, что выборъ ея сердца палъ на того самаго человѣка, котораго назначалъ ей опекунъ. За тѣмъ, всѣ остаются, какъ нельзя болѣе, довольны, не исключая и зрителей. И въ самомъ дѣлѣ, интрига забавна, смѣшна; музыка жива, пріятна, пѣвуча; есть въ ней нумера, исполненныя самаго неподдѣльнаго комизма, напримѣръ, тріо женщинъ въ первомъ дѣйствіи, другое тріо доктора, Леліо и Коломбины, и особенно квартетъ прощанія, капитальный нумеръ партитуры, отъ котораго вся опера названа «*Bonsoir, cher Pantalon.*» Чего-жъ вамъ болѣе? Вообще, должно сказать, что эта легонькая, безпритязательная партитура Гризара вполне достойна его прежнихъ произведеній, «*Жизля похитителя*» и «*Поршегроновъ*».

Но прощайте, сиворъ Панталоне, мы слишкомъ уже съ вами заговорились; сосѣди ваши ждуть насъ. Вотъ одинъ, напримѣръ, кажись, что знакомый! — пѣтъ не онъ — или онъ? да, точно онъ, а мы было его не узнали! да и кому же пришло-бы въ голову встрѣтить маститаго Шекспира на парижскомъ карнавалѣ! Вотъ и Просперо, и Фернандо, и Калибанъ; этихъ мы узнаемъ; но, какъ узнать его дѣвственно-чистую, обаятельно-невинную Миранду въ этой неистойвой Фуріи, которая завоситъ книжалъ надъ грудью своего возлюбленнаго? О, г. Скрибъ, неужели вамъ не жаль было бѣдной Миранды, этого чистаго, благоухающаго цвѣтка, взлетающаго на крыльяхъ снѣговъ, когда вы вложили ей въ руку книжалъ и влили въ ея душу страсти бульварныхъ театровъ? Мы простили бы вамъ все, и воскресенную вамъ вѣдьму Скорракеу, и пляшущаго Аріеля, и прочіе ваши новѣйшіе драматическіе эффекты, еслибы вы только оставили намъ Миранду, какъ создалъ ее genius Шекспира!

Впрочемъ, мы считаемъ излишнимъ много распространяться о Шекспировой «Буря», перераженной г. Скрибомъ; потому что хотя парижане готовы спорить до слезъ, что только теперь, по перенесеніи ея на сцену парижской итальянской оперы, она можетъ быть оценена вполнѣ, и можетъ быть произнесенъ надъ нею непреклонный приговоръ, однако-же, по нашему уму-разуму, приговоръ произнесенъ въ Лондонѣ еще прошлымъ лѣтомъ. Всѣмъ извѣстно, въ какой неистовый восторгъ пришелъ Джонъ-Буль отъ перераженнаго Шекспира, и сколько новыхъ сунувъ, торть, и прочихъ кушаний сочинилъ мистръ Соьеръ, лондонскій законодатель по гастрономической части, для угощенія счастливыхъ авторовъ: Скриба и Галеви. Здѣсь опера обставлена почти тѣми же артистами, какъ въ Лондонѣ: г-жа Зонгати все такъ же обворожительна въ Мирандѣ, хотя, по нашему мнѣнію, была бы еще лучше въ настоящей Шекспировской Мирандѣ; Гардопи все такой-же ледяной Фернандо; Лаблашъ такъ же уморительнъ и такъ же золъ въ Калибанѣ; г-жа Розати также легка и воздушна въ Ариелѣ. Отмѣнены только духи и эльфы, которые окружали Ариеля въ Лондонѣ, по довольно забавной причинѣ. Итальянская опера въ Парижѣ не имѣетъ права давать балеты; это право предоставлено, изъ лирическихъ театровъ, только Большой-оперѣ. Когда разнесся слухъ, что Итальянская опера ставить «Бурю», и что въ ней роли Ариеля и духовъ должны исполнять танцовщицы, Большая-опера вошла съ представленіемъ, что собесѣдка ея, Итальянская опера преступаетъ предѣлы своей привилегіи, и присвоиваетъ непринадлежащія ей права. Что тутъ дѣлать? Ариель играетъ въ оперѣ такую роль, что безъ него обойтись невозможно; не переѣлывать же пьесу. Комиссія театровъ думала, думала и постановила слѣдующее мудрое рѣшеніе: «Такъ какъ одна танцовщица не составляетъ еще балета, а нужно для того многихъ танцовщицъ, и какъ роль Ариеля въ пьесѣ необходима, а г. Лумей имѣетъ полное право ставить оперу, ему принадлежащую, и пользоваться талантомъ сеньоры Розати, которой онъ платитъ деньги, то — дозволить ей исполнить роль Ариеля.»

Французскій театръ, помнится намъ, очень давно уже обѣщала большую историческую драму въ стихахъ, гг. Жуля Лакруа и Мале, замечательную изъ Римской исторіи, въ которой госпожа Рашель должна была создать двѣ роли, совершенно противоположныя; одну — идеальнаго благородства и добродѣтели, другую, —

одно изъ тѣхъ существъ, которыя могъ породить только Римъ тѣхъ временъ, которыя такими огненными красками описаны у Тацита, у Светонія и Ювенала. Наконецъ эта знаменитая драма предстала на судъ публики, подъ именемъ «*Валеріи*.» Госпожа Рашель выполнила эту двойственную задачу со всѣмъ умомъ и со всею энергіею, которыми отличается ея талантъ; и мы думаемъ, что только этому обязана пьеса своимъ успѣхомъ; потому что сама по себѣ она далеко не оправдываетъ предшествовавшихъ ей громкихъ обѣщаній. Впрочемъ, еслибъ драма не имѣла притязанія на званіе исторической, она была-бы не дурна, не смотря на неестественность и натянутость нѣкоторыхъ ея частей. Характеры Лизиски и Валеріи начертаны смѣлою и широкою кистью; въ роли послѣдней, особенно, есть мѣста превосходныя, полныя неподдѣльнаго чувства; напримѣръ слова, которыя она, передъ смертію, говоритъ кормилицѣ своего сына:

Mais quand tu passeras, morne, courbant le front,
Sur la bruyère en fleur où mes os dormiront,
Quand tu viendras parmi ces arbres, noble femme,
Sous l'ombre où va bientôt s'évanouir mon âme,
Oh! du fond de la terre, où je n'oublierai pas,
Morte, je baiserais la trace de tes pas.
Du fond des bois charmans où la feuille se joue,
Dans la brise qui passe en effleurant ta joue,
Je te dirai: merci, toi que le ciel défend,
Merci, bonne Aelia, mère de mon enfant!

Исполненіе новой драмы достойно Французскаго театра. Всѣ артисты соревновали другъ передъ другомъ въ талантъ и усердія, чтобы содѣйствовать ея успѣху.

Какъ гг. Жюль-Лакруа и Маке взялись нарядить для Французскаго театра римскую исторію, такъ одинъ дебютантъ на драматическомъ поприщѣ, г. Леліу, нарядилъ для театра Одеона испанскую исторію послѣднихъ годовъ Филиппа II. Увидѣвъ на афишѣ имя «*Дона Гаспара, нищаго*», мы невольно вспомнили поэтическій портретъ испанскаго нищаго, начертанный гениальнымъ Эспроседою:

Mio es el mundo: come el aire libre,
Otros trabajan porque coma jo;

Панорама иностранных театровъ.

Todos se ablandan si doliente pido

Una limosna por amor de Dios.

Todos son mis bienhechores,

Y por todos

A Dios ruego con fervor;

De villanos y senores

Yo recibo los favores

Sin estima y sin amor.

Y para mi no hay mañana

Ni hay ayer;

Olvido el bien como el mal,

Nada me aflige ni afana.

Y un asilo donde quiera

Y un lecho en el hospital

Siempre hallarè, y un hoyo donde caiga

Mi cuerpo miserable al espirar*.

Въ первыхъ сценахъ памъ показалось, что авторъ имѣлъ въ виду представить тотъ же оригинальный, поэтический образъ гордаго испанца, который, въ самомъ униженномъ общественномъ положеніи, говоритъ о себѣ съ истинно донъ-кихотовскимъ достоинствомъ: «Yo soy quien soy, я есмь—кто есмь!» Однако же мы скоро убѣдились, что г. Леліу менѣе дорожитъ оригинальностью характеровъ, чѣмъ сценическими эффектами въ родѣ Фредерика Сулье и Дюма. Его инціи просто обманутый честолюбецъ и интригантъ, который принялъ на себя маску нищенства для того, чтобы мстить своимъ прежнимъ врагамъ и заботиться о счастьи своего сына, единственнаго существа на землѣ, которое онъ еще любитъ. Посредствомъ разныхъ тайнъ, которыми

* Моя вся вселенная; я волею какъ воздухъ; другіе трудятся, чтобы я былъ сытъ, всѣ растроганы, когда я смиренно прошу, ради Бога, подающаго... Всѣ мнѣ благодарны, и за всѣхъ усердно молюсь я Богу; отъ простолюдыня и отъ великожи получаю я помощь безъ уваженія и безъ любви... Для меня нѣтъ ни завтра, ни вчера; я равно забываю добро и обиду, ничто меня не оскорбляетъ... И всегда найдется мнѣ пристанище, гдѣ-бы-то-ни было; и постель въ богадельнѣ; и могила, чтобы сложить мое брвенное тѣло, когда я умру.

онъ овладѣлъ прежде, еще будучи могущественнымъ вельможею, онъ держитъ всѣхъ въ рукахъ, и заставляетъ всѣхъ дѣйствовать сообразно съ его личными видами. Всѣ хитрости его не приводятъ однако-же къ желанной цѣли; сынъ его, правда, женится, послѣ многихъ препятствій, на той, которую любитъ; но уже когда ему остается только вмѣстѣ съ нею выпить ядъ, который донъ Гаспаръ далъ ей нѣкогда для огражденія ея отъ слишкомъ могущественныхъ преслѣдованій. Несчастный отецъ, утративъ единственное существо, которое привязывало его еще къ жизни и къ обществу, удаляется къ своимъ гуарданьямъ, пропзося гнѣвъ на все человѣчество.

Не смотря на всѣ недостатки драмы г. Леліу, на искаженіе исторіи, на стремленіе къ эффектамъ и кой-гдѣ встрѣчающіяся заимствованія изъ разныхъ произведеній повѣйшей драматической школы, должно сознаться, что въ ней видны признаки несомнѣннаго таланта, и что, когда авторъ лучше сознаетъ свои силы, освободится отъ посторонняго вліянія, освоится со сценою и выучится подчинять эффекты мысли, онъ можетъ занять почетное мѣсто въ современной драматической литературѣ.

Другая пьеса Одеона «*Пьерро*», гг. Лефрапка и Декурселя, чисто карнавальная шутка. Представьте себѣ молодаго адвоката, который за веселымъ ужномъ побился объ закладъ, что онъ цѣлые сутки проходитъ въ бѣломъ балахонѣ и бѣломъ колпакѣ Пьерро. Протрезвились, онъ очень хорошо видитъ нелѣпность своего заклада; но какъ ему нечѣмъ заплатить, и сверхъ того есть у него еще кой-какіе долги, которые того и смотри что поведутъ его въ Кляши, то онъ рѣшается выдержать роль. Но пріятель, сочинившій эту шутку, — его соперникъ, придумалъ ее для того только, чтобы уронить его во мнѣніи кліентовъ и отбить у него невѣсту. Вотъ онъ и насылаетъ на него цѣлую толпу посѣтителей, которыхъ бѣдный Люсьенъ долженъ принимать въ своемъ шутовскомъ нарядѣ. Нечего дѣлать, онъ покоряется судьбѣ, и со всевозможною важною бесѣдуетъ съ пріятелями, даетъ совѣты клиентамъ, дѣлаетъ распоряженія по дуэли одного друга, который избралъ его въ свои секундаты. Но вотъ бѣда! приходитъ его невѣста съ своимъ отцомъ: что они подумаютъ? Люсьенъ не робѣетъ; онъ отводитъ мосье Дюжардена въ другую комнату, чтобы объяснить ему причину своего шутовскаго наряда; доказываетъ ему, какъ дважды два, что это

было необходимо для удостовѣренія въ цѣлности одного клиента, обвиняемаго въ томъ, что онъ будто бы провезъ черезъ заставу пятьдесятъ бутылокъ шампанскаго подъ широкою рубашкою Пьерро; мало того, онъ уговариваетъ самого Дюжардена нарядиться такимъ же шуткомъ. Эта шутка могла бы наконецъ дорого обойтись молодому адвокату; но будущій тестъ смягчается, когда узнаетъ, что Люсьенъ избавилъ его сына отъ дуэли, разсмѣшивъ своимъ костюмомъ и противниковъ и секупдантовъ; онъ прощаетъ шалуна, а невѣста — ну можно ли долго сердаться на любимаго человѣка за одинъ день дурачества, особенно когда публика изъявляетъ свое удовольствіе громкими рукоплесканіями.

Вслѣдъ за Одеономъ выступаетъ Драматическая Гимназія: ее вы тотчасъ узнаете по обычной ея чувствительности, слезливости и школьной морали. *«Желчужное ожерелье»*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ г. Мозера, панорамуетъ намъ многое множество другихъ пьесъ, игранныхъ въ разныя времена и на разныхъ театрахъ, пьесъ столь же чувствительныхъ и паидательныхъ. Во всѣхъ этихъ пьесахъ постоянно являются слѣдующія лица: банкиръ или маклеръ, у котораго, отъ миллионовъ денегъ, перешедшихъ черезъ его руки, сердце отвердѣло, какъ слптокъ золота, высохло, какъ старая ассигнація; дочь, столь же чувствительная, сколько отецъ черствъ, и которая только тогда мирится съ невыносимымъ бременемъ богатства, когда оно даетъ ей возможность сдѣлать кому добро, выручить кого изъ бѣды; — еще болѣе богатый купецъ, котораго первый прочитъ въ женити своей дочери, и который, полагаясь на неотразимость своего золота, считаетъ излишнимъ всякое другое средство тронуть сердце невѣсты; — и, наконецъ, другой женихъ, избранный самою невѣстою, чувствительнѣйшій и несчастнѣйшій человѣкъ на землѣ, который того только и ждетъ, что его самого или кого изъ его родныхъ усадятъ въ Клиши, за какую-нибудь сотню тысячъ франковъ долгу. Въ настоящей пьесѣ эти четыре необходимыя лица называются маклеромъ Дельперомъ, Луизою Дельперъ, американцемъ Ричардсономъ и виконтомъ Монжерономъ. Есть еще пятое лицо, каспиръ Дублинъ, также оригиналь въ своемъ родѣ: онъ тридцать лѣтъ служитъ въ домѣ Дельпера, считая деньги и ведя книги, и несмотря на то, остается добръ и мягкосердеченъ, какъ младенцы; онъ сообщникъ мамзель Луизы во всѣхъ ея тайныхъ благотворительныхъ дѣлахъ. Дельперъ, хочетъ выдать Луизу за Ричард-

сона, потому что у него самого только пять миллионъ, а у Ричардсона десять; но Луиза находитъ, что пяти миллионъ будетъ довольно ей съ мужемъ, лишь-бы мужъ былъ ей по сердцу, а не какой-нибудь глухой, самонадѣянный, влюбленный въ свои миллионы Ричардсонъ. По этому образу сужденія Луизы нетрудно угадать, что сердце ея не равнодушно къ красотѣ или къ душевнымъ свойствамъ какого-нибудь бѣдняка. Дѣйствительно, ей нравится молодой виконтъ Альберъ де Монжеронъ. — Луиза случайно узнаетъ, что Дельпьеръ взыскиваетъ съ отца Альбера какой-то старый, довольно значительный долгъ, и что нѣтъ другаго средства избавить его отъ угрожающей тюрьмы, какъ внести сто тысячъ франковъ, сверхъ тѣхъ денегъ еще, которыми есудилъ должника добрый Дублинъ. У Луизы нѣтъ ста тысячъ франковъ; но ей приходитъ въ голову счастливая мысль: продать свое жемчужное ожерелье, чтобы выручить отца своего возлюбленнаго. Она тотчасъ ѣдетъ его къ Дублину, который приходитъ въ восторгъ отъ каждаго добраго поступка Луизы; онъ ходитъ съ ожерельемъ по всеѣмъ парижскимъ ювелирамъ; все они любятъ богатымъ ожерельемъ, но никто не можетъ купить такой дорогой вещи; наконецъ его покупаетъ Ричардсонъ, чтобы предложить въ подарокъ своей цевѣстѣ. Отецъ виконта де Монжерона свободенъ, и Альберъ приходитъ благодарить Дельпьера; но когда узнаетъ, что обязанъ свободою отца не епискоженію маклера, а какой-то таинственной рукѣ, внесшей сумму, онъ принимаетъ это какъ оскорбленіе достоинству своей фамиліи, и хочетъ знать виновнаго. Ожерелье въ рукахъ американца Ричардсона все объясняетъ; хоть и больно Дельпьеру проститься съ десятью миллионами Ричардсона, однако же нечего дѣлать, надо довольствоваться дворянскимъ именемъ и душевными свойствами де Монжерона. А Ричардсонъ отправляется назадъ въ Америку, жениться на красавицѣ, которая нѣкогда сильно поразила его сердце.

Г жа Роза-Шерпъ чрезвычайно мила въ роли Луизы.

Театръ Разнообразія хотѣлъ, кажется, изумить своихъ посѣтителей, взявшись вдругъ за чувствительную, плаксивую драмукомедию, вовсе не похожую на его обычный репертуаръ. Эта комедія принадлежитъ перу гг. Анисе-Буржуа и Делаанда, называется «Жанною» и принадлежитъ къ одному разряду со всеми драмами, комедіями и комедіями водевилями, посвящими подобныя названія: «Женни», «Маріанна», и проч. и проч. Видя такое названіе на

аффишѣ, дамы заранѣе запасаются лишнимъ носовымъ платкомъ, потому что это вѣрный признакъ, что представленіе не обойдется безъ слезъ. И какъ не плакать чувствительнымъ сердцамъ, при видѣ двухъ такихъ же чувствительныхъ существъ, обреченныхъ въ жертву лицемѣру и негодяю? о мужчины, мужчины! отъ васъ всѣ потоки слезъ, которыми орошаются прекрасные глаза! Къ числу такихъ мучителей прекраснѣйшей половины человѣчества принадлежитъ мосье Дельбаръ, герой драмы-комедіи, о которой идетъ рѣчь; къ числу такихъ жертвъ мужскихъ злодѣйствъ принадлежать его супруга, мадамъ Дельбаръ, и бѣдная дѣвушка, Жанна, на которой мосье Дельбаръ изволилъ жениться отъ живой жены, въ Гретнагрнѣ. Въ дѣйствительной жизни за двоеженство людей строго наказываютъ, но въ мірѣ водеvilъномъ такія продѣлки сходятъ имъ съ рукъ гораздо дешевле. Мадамъ Дельбаръ, которую онъ совершенно обобралъ и бросилъ, приходитъ наипматься въ компаньонки къ его второй женѣ; тутъ объясняются всѣ его проказы; и — о великодушіе водеvilныхъ женъ! — мадамъ Дельбаръ его прощаетъ, а Жанна удаляется, чтобы вѣчно оплакивать свою горькую судьбу. И все тутъ? скажете вы; гдѣ же тутъ содержація на три дѣйствія? Ну, гг. Анисе-Буржуа и Деландъ на то драматурги, чтобы уметь такое скудное содержаніе развести на три дѣйствія; правда, это заставляетъ зрителя иной разъ и зѣвнуть во время скучнаго разговора, но кто же не выждетъ конца пьесы, чтобы знать по крайней-мѣрѣ, какъ мосье Деландъ развяжетъ свои проказы!

Не отвергая достоинствъ, которыя чувствительныя сердца находятъ въ драмѣ-комедіи гг. Анисе-Буржуа и Деландъ, мы сознаемся однако же откровенно, что сами предпочитаемъ, когда театръ Разнообразія не пускается въ чувствительность, а ограничивается остроумными шутками и забавными фарсами, по большей части составляющими его репертуаръ. Къ этому числу, конечно не принадлежитъ водеvilъ гг. Локруа и Декомбруса «Три пинка»; одинъ изъ самыхъ плоскихъ и нелѣпныхъ фарсовъ, какіе мы только припомнимъ, который спасся отъ блистательнаго паденія единственно дивною игрою Арналя. Неудача этой пьески вполне вознаграждена успѣхомъ преміальной комедіи гг. Эмиля Ожье и Жюля Савдо «Романобъскіе» (La chasse au roman). Авторы представили очень оригинальный типъ старика, вельможи прошлаго вѣка, который до того юнъ еще сердцемъ, что безусловно вѣритъ романамъ, и повсюду ищетъ ихъ въ дѣйствитель-

ной жизни, или вѣрнѣе, въ девятнадцатомъ вѣкѣ ищетъ восемнадцатаго. Юный старикъ очень огорчается тѣмъ, что племянникъ его, Родольфъ, единственный представитель рода Сентъ-Амарантовъ, смотритъ на жизнь совсѣмъ другими глазами, не гоится за романтическими приключеніями, а если иной разъ и прихвастнетъ небывалымъ любовнымъ подвигомъ, то только за тѣмъ, чтобы польстить слабости дяди и не упустить изъ рукъ его наслѣдства. Сентъ-Амарантъ подбиваетъ Родольфа завести интригу съ хорошенькою графиней Піетро-Нера; но у графини есть мужъ, кровный корсиканецъ, готовый извести мечемъ, пулюю или ядомъ каждаго, кто осмѣлится слишкомъ нѣжно взглянуть на его жену. Родольфъ не охотникъ до такихъ опасностей, — по наслѣдство дяди такъ соблазнительно, что для полученія его онъ готовъ рѣшиться и не на это. Однако-же онъ встрѣчаетъ соперника, на котораго никакъ не рассчитывалъ: пріятель его, Валентинъ, былъ когда-то любимымъ ученикомъ Сентъ-Амаранта; но, приглядѣвшись къ жизни, убѣдился въ ложности ученія своего наставника, и если теперь вступаетъ въ состязаніе съ Родольфомъ, такъ это только потому, что дѣйствительно любитъ молодую графиню; онъ клянется защищать ее противъ всѣхъ и каждаго, начиная съ ея супруга, о которомъ она разсказываетъ такіе ужасы, что у Родольфа становятся волосы дыбомъ, особенно же когда дядя объясняетъ ему, что онъ долженъ, во что бы ни стало, вызвать на дуэль и убить ревниваго корсиканца. Чтобы побѣдить трусость племянника и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить соперничество Валентина, онъ пишетъ отъ имени Родольфа записку къ графинѣ, предлагая ей бѣжать. Она соглашается. Самъ Сентъ-Амарантъ надѣваетъ кучеркою кафтанъ, чтобы везти похищенную и похитителя. Но Родольфъ между тѣмъ узнаетъ, что графъ Піетро-Нера провѣдалъ о замыслѣ и поклялся убить похитителя на первой станціи. Это наводитъ на него такой страхъ, что онъ прикидывается отравленнымъ, умирающимъ, чтобы только не ѣхать. Страхъ его еще усиливается, когда графъ объявляетъ ему, что онъ дѣйствительно отравленъ, и что ему остается прожить не болѣе четверти часа. Валентинъ вызываетъ графа на дуэль, чтобы отомстить ему за всѣхъ; они должны стрѣляться въ пяти шагахъ, съ однимъ заряженнымъ пистолетомъ. Тутъ только Сентъ-Амарантъ, понимаетъ всю преступность своего легкомыслія, которымъ онъ обрекъ на смерть и племянника и друга. Но уже поздно; противники дерутся; Валентинъ стрѣляетъ, — осычка; графъ прицѣливается — во въ то же мгновеніе бросаетъ

пистолетъ и обнимаетъ своего будущаго зятя. Вся исторія о корсиканскомъ графѣ и его женѣ была шутка, придуманная для того, чтобы проучить стараго вѣтренника и его хвастливаго племянника, а вмѣстѣ съ тѣмъ испытать мужество и любовь Валентина, котораго Луизена давно любитъ.

Въ водевлѣ «Отказъ служанки», данномъ на томъ же театрѣ, г. Берту предлагаетъ зрителямъ совѣтъ очень полезный, не только во время карнавала, но и во все дни года: «Если вы недовольны прислугою, расплатитесь съ нею сполна, безъ вычета за перебитую посуду, и чтобы нога ея не была въ вашемъ домѣ; не то она оставитъ по себѣ память.» Г. Берту доказываетъ это примѣромъ одного антикварія, у котораго, кромѣ кабинета древностей, который сдѣлалъ бычесть любому продавцу стараго хлама, есть дочь-невѣста, согласная сочетаться бракомъ съ молодымъ живописцемъ Бабинѣ. Но антикварій, который, по примѣру своей братьи, обратилъ всю свою мудрость на древности, ничего не оставивъ для настоящаго, слышать не хочетъ о живописцѣ и прочитъ дочь за парфюмера Матифа. На радости, что наконецъ сбудетъ дочь съ рукъ, и тогда можно будетъ ему не держать служанку, которая, прилагая излишнее усердіе къ сметанію ежедневной пыли, такъ часто сметаетъ и драгоценную пыль древности, онъ уже заранѣе отказалъ ей и вычелъ изъ ея жалованья все причиненные ею убытки. Чтобы наказать его, Маріанна принимается за дѣло съ большимъ усердіемъ, чѣмъ когда-либо: все бьетъ, ломаетъ, есоритъ его съ будущимъ зятемъ, передавъ г-ну Матифа письмо, писанное къ москве Бабинѣ, зазываетъ къ себѣ цѣлую толпу гостей, однимъ словомъ поднимаетъ такой шумъ, что бѣдный антикварій принужденъ, для спасенія своихъ древностей и своего спокойствія, скорѣе выдать дочь за Бабинѣ, а Маріаннѣ заплатить не только все жалованье сполна, но еще полмѣсяца въ видѣ награжденія, чтобъ она только убралась изъ дому. Въ водевлѣ больше шуму и суматохи, чѣмъ истинной веселости.

Господинъ Розье, котораго имя съ нѣкотораго времени стало рѣже являться на афишкахъ, также написалъ новый водевлѣ для театра Разнообразія «Южная любовь». Грѣхъ сказать, чтобы онъ принадлежалъ къ лучшимъ произведеніямъ этого плодовитаго нѣкогда писателя, однако же, не смотря на нѣкоторыя дивноты и избытка остроты, онъ очень забавенъ. Два человека встрѣчаются въ Баньерской гостинницѣ; съ перваго взгляда вы замѣчаете въ

нихъ чрезвычайную противоположность; мосье Костá важенъ, неповоротливъ, холоденъ, какъ прилично человѣку сѣверному; мосье Бирото играетъ на гитарѣ, онъ весь огонь и вихрь, какъ слѣдуетъ быть человѣку южному. Судьба странно подшутила надъ мосье Бирото; онъ три раза былъ влюбленъ, и любилъ со всеѣмъ пламенемъ юга; и мосье Костá все три раза отбивалъ у него невѣсту и женился на ней. Такіе случаи конечно бываютъ не каждый день; но вы увидите еще и не такіе мудреные случаи. Въ ту же Баньерскую гостиницу пріѣзжаетъ неожиданно мадамъ Костá, третья невѣста пламеннаго Бирото и третья супруга холоднаго Костá; откуда она, куда, зачѣмъ, какимъ образомъ, про все это знаетъ только господинъ Розье. Ни мужъ, ни отставной обожатель не узнаютъ ее; первый, потому что спитъ, какъ сурокъ, а второй — почему второй не узнаетъ ее, это новая тайна господина Розье. Однако же, вѣрный своей южной воспримчивости, мосье Бирото мгновенно влюбляется въ незнакомую знакомку, беретъ гитару и принимается пѣть самые пламенные романсы, такимъ пламеннымъ голосомъ, что весь домъ сбѣгается; въ томъ числѣ и мосье Костá, чтобы увидѣть своего соперника у ногъ жены. Почтенный мужъ поднимаетъ ужасный шумъ, грозитъ дуэлью, и разводомъ, однако же мало-по-малу успокоивается и все мирится.

На театрѣ Монтансье, кромѣ новой, *гусарской* польки, которую танцуетъ маленькая Селипа Монталанъ, интересенъ только дебютъ г-жи Дезире, хорошенькой молодой артистки, которою нѣсколько мѣсяцевъ назадъ восхищалась публика Драматической Гимназіи. Если можно поздравить дирекцію съ этимъ пріобрѣтеніемъ, то, къ сожалѣнію, нельзя отозваться такъ же лестно о новомъ водевилѣ, который господа Баяръ и Варперъ написали для дебютантки и который они называли «*Крашею невѣсты.*» Дѣйствіе происходитъ въ какомъ то провинціальномъ городишкѣ, въ коиторѣ мера. Докторъ Пьерре женится на мамзель Луизѣ, племянницѣ госпожи Дютрамблѣ; въ числѣ свидѣтелей вы видите добряка Сатиурпена съ его хорошенькою женою Жюльенною. Все готово къ церемоніи, ждутъ только мера. Вдругъ является молодой шалунъ Марсіаль, о которомъ уже нѣсколько лѣтъ не было ни слуху, ни духу; онъ, все это время изволивъ проказить въ Парижѣ, но теперь, соекучивъ проказами, вернулся на родину, чтобы жениться на дѣвушкѣ, которой даже парижская жизнь не могла вытѣснить изъ его памяти и застаётъ ее невѣстою, почти женою другаго. Однако же онъ не унываетъ; разными хитростя-

ми заставляетъ отложить свадьбу, и, удаливъ всѣхъ присутствующихъ, прячетъ невѣсту въ шкафъ мера; а чтобы никто не подозрѣвалъ его въ этой проказѣ, притворяется влюбленнымъ по уши въ Жюльенну. Когда наступаетъ время церемоніи, невѣста пропала; всѣ расходятся въ разныя стороны, искать ее. Во-второмъ дѣйствіи мамзель Луиза уже не въ мерскомъ шкафу, а въ павильонѣ съ Сатюрненомъ и его женою. Марсіаль продолжаетъ сочинять разныя хитрости и ухаживать за Жюльенною, такъ усердно, что надъ Сатюрненомъ начинаютъ уже подшучивать. Но какъ каждую шутку нужно же когда-нибудь кончить, опъ устраняетъ дѣло такъ, что его застаютъ въ павильонѣ, наединѣ съ невѣстою. Послѣ этого остается только доктору Пьеррѣ отказаться отъ своихъ притязаній, а тетущкѣ скорѣе выдать племянницу за влюбленнаго шалуна, тѣмъ болѣе, что мамзель Луиза сама любитъ его, и только изъ послушанія шла за доктора. Только таланты дебютантки въ роли Жюльенны и Равеля въ роли Марсіаля поддержали эту ничтожную пьеску.

О прочихъ пьесахъ, явившихся на театрѣ Монтансье, почти не стоитъ говорить, развѣ только упомянуть о нихъ для свѣдѣнія. Комедія Лабша и Маркъ Мишеля «Женищина, теряющая подвязки» — чрезвычайно слабое и довольно скучное подражаніе старинной пьесѣ «Жокрисъ баринъ и слуга,» въ которой незабвенный Брюне такъ забавно представлялъ разбогатѣвшаго слугу, который хочетъ разыгрывать барина, да не умѣетъ. Остальныя пьесы, карнавальныя фарсы тѣхъ же авторовъ «Штопальницы», волшебный фарсъ Мишеля Карре «Гесепридскій садъ,» и пародія Спродена на драму Жоржа Санда «Клавдія,» чистая балаганщина, пересыпанная весьма крупною солью.

Театръ Сенъ-Мартенскихъ воротъ отложилъ на время представленія драмы Жоржа Санда «Клавдія» и встрѣтилъ карнавальную комедію Плуве и Бисса, и индѣйскимъ фарсомъ водевилемъ Дюшена и Сове.

Комедія называется очень вычурнымъ именемъ Steeple-chase, то есть, «Бъгомъ» и есть очевидное подражаніе недостаткамъ Мерри и Леона Гозлана. Дѣйствія въ ней нѣтъ вовсе, а вся пьеса заключается въ скучныхъ бесѣдахъ какого-то путешествующаго графа, сочиняющаго нравственно философскія изреченія въ подражаніе изреченіямъ Ларошфуко, какой-то мнимой графини, гоняю-

щейся за женихами, молодого путешественника, рыщущаго по свѣту за другимъ путешественникомъ, чтобы сказать ему, что онъ совралъ, и его пріятеля, воображающаго, что онъ побѣждаетъ всѣ женскія сердца своими шутками и остротами. Молодая графиня, гоняющаяся за женихами, достигла своей цѣли, потому-что графъ, и путешественникъ, и его пріятель, имѣютъ притязанія на ея руку, и ей остается только выбирать любаго. Послѣ долгаго колебанія, дающаго всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ случай наговорить другъ другу безконечное множество чепухи, графиня выбираетъ путешественника; графъ утѣшается сочиненіемъ новаго изреченія, а пріятель придумываетъ новую остроту, и пощеть другаго сердца, болѣе чувствительнаго къ его остроумію.

Индійскій водевиль называется «Бенгальскою невѣстою». Какой-то бенгальскій шахъ, сознавъ всѣ прелести европейскаго образованія, послалъ свою дочь въ Парижъ, обучаться въ одномъ изъ тамошнихъ модныхъ пансіоновъ, и теперь ждетъ ея возвращенія, чтобы выдать ее замужъ за одного мандарина Небесной Имперіи. Между тѣмъ его отеческое сердце содрогается при мысли, что его Делія привезетъ, вмѣстѣ съ парижскими шляпками и нѣкоторыя обычаи, которые не въ большой чести на востокъ; онъ уже видѣлъ примѣръ заразительности западныхъ затѣй на своемъ визирѣ, который также ѣздилъ въ Парижъ за просвѣщеніемъ. Страхъ его еще усиливается, когда является сама Делія, разряженная по послѣдней парижской картинкѣ. Однакоже ловкимъ допросомъ, онъ удостовѣряется, что она возвратилась таже изъ своего дальняго путешествія; но плутовка утаила отъ него, что она подарила свое сердце одному прекрасному франку. Этотъ франкъ никто иной, какъ мосье Тотò, торгующій въ настоящее время спичками въ столицѣ шаха и присужденный къ наказанію за оскорбленіе, нанесенное любимой болонкѣ шаха. Но Делія сдѣлалась чувствительна въ Парижѣ и выпрашиваетъ прощеніе виновному. Мало того, узнавъ въ немъ своего парижскаго красавца, она хочетъ ослатливить его своею рукою, и по совѣту его друга, франкскаго музыканта Пивò, наряжаетъ его мандариномъ. Однакоже обманъ открывается, и шахъ приказываетъ обоимъ франковъ зашить въ мѣшки и бросить въ рѣку. Въ третьемъ дѣйствіи передъ вами костеръ, на которомъ Делія, по обычаю индійскихъ женщ, рѣшилась принести себя въ жертву памяти возлюбленнаго. Вотъ является и она сама, въ сопровожденіи шаха, визирей, двора и вельможъ. Шахъ поетъ свое раскаяніе и свою горестъ на тему

изъ Жидовки; — о диво! съ высоты слышитъ онъ голосъ, который отвѣчаетъ ему на тему изъ Байдерки: «Я, Брама, услышалъ твое раскаяніе!» Это голосъ Тото; онъ сходитъ съ дерева съ своимъ пріятелемъ, и объясняетъ, какъ они оба, милостію Брамы, вынырнули изъ рѣки и высвободились изъ мѣшковъ. Въ ознаменованіе этого, шахъ провозглашаетъ его своимъ зятемъ и наследникомъ своего престола.

На театрѣ Амбигю дается весьма любопытная пьеса, подъ названіемъ «*Мистерія о герцогѣ Вильгельмѣ Пуатуанскомъ.*» Г. Эмиль Сувестръ увѣряетъ, что пьеса эта была играна въ шестнадцатомъ столѣтіи, и что онъ только перевелъ ее, съ немногими измѣненіями, съ нижнебретонскаго нарѣчія. Публика не нашла никакого повода сомнѣваться въ истинѣ словъ г. Сувестра и изъявила ему искреннюю благодарность за принятіе на себя труда познакомить ее съ произведеніемъ неизвѣстнаго, но тѣмъ не менѣе весьма замѣчательнаго бретонскаго драматурга. Послѣ пролога въ двухъ картинахъ, въ которомъ авторъ знакомитъ зрителей съ содержаніемъ драмы и съ дѣйствующими лицами, открывается самая драма.

Кто-бы ни былъ авторъ этой драмы, самъ ли г. Сувестръ, или неизвѣстный поэтъ шестнадцатаго столѣтія, которому онъ ее приписываетъ, во всякомъ случаѣ авторъ съ большимъ умомъ и званіемъ дѣла воспользовался старинною легендою, полною поэзіи.

Обстановка пьесы превосходная: Шилли прекрасно передалъ разнообразную, мифистопелевскую роль Берита, а Арно полонъ дикой энергіи въ роли герцога. Декораціи — верхъ великолѣпія. Въ пьесѣ есть также нѣсколько нумеровъ музыки, очень удачно написанной г. Артиюсомъ, землякомъ г. Сувестра, и подобно ему пылающимъ любовью къ своему древнему отечеству.

Театръ Амбигю, кажется, поставилъ себѣ въ долгъ вознаграждать парижанъ за недостатокъ драмъ на прочихъ бульварныхъ театрахъ. Кромѣ прекрасной драмы-мистеріи г. Сувестра, онъ подарилъ публикѣ еще двѣ драмы, которымъ, къ сожалѣнію, нельзя придать того же эпитета.

«*Генрихъ Левъ*», драма въ шести дѣйствіяхъ, гг. Сентъ Эрнеста и Филёо, по увѣренію авторовъ драма историческая, хотя довольно мудро указать преданіе, на основаніи котораго они выдумали на Генриха-Льва, бывшаго герцогомъ саксонскимъ въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, и считавшагося государемъ мудрымъ и благочестивымъ, хотя нѣсколько честолюбивымъ и безпокойнымъ,

всѣ небывальщины, которыя содержатся въ ихъ произведеніи. Они полагаютъ, что Генрихъ-Левъ, отчаяваясь въ продолженіи своего рода, потому что всѣ дѣти его доселѣ рождались слабыми, и умирали въ младенчествѣ, поручилъ своему довѣренному чело-вѣку подмѣнить послѣдняго сына, котораго подарила ему жена здоровымъ и крѣпкимъ ребенкомъ; что тотъ и исполняетъ. Въ третьемъ дѣйствіи вы переноситесь черезъ двадцать лѣтъ, и остальная часть драмы показываетъ вамъ, какимъ образомъ настоящій сынъ Генриха, считающійся пріемышемъ старика Андерсона, съ помощью Берты, дочери того самаго вельможи, которому герцогъ поручилъ совершить подмѣня, доказываетъ свое происхожденіе и отыскиваетъ свои права. Генрихъ, видя своего сына прекраснымъ, здоровымъ и мужественнымъ юношею, принимаетъ его въ свои объятія, женитъ его на Бертѣ и отдаетъ ему свой престолъ.

Прежній циркъ, переважно именующійся нынѣ Національнымъ театромъ, даетъ великолѣпную военную драму въ двадцати двухъ картинахъ, съ барабанами, трубами, лошадьми, пушками, баломъ, ярмаркою, парадами, сраженіями и всякаго рода великолѣпнымъ спектаклемъ. Эта драма называется «Самбръ и Мааская армія», и написана г. Лабрусомъ, въ прославленіе подвиговъ и жизни безсмертнаго полководца Гоша. Къ числу прочихъ курьезовъ, которыми преисполнена пьеса, должно прибавить и то, что въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является и жена Гоша, не смотря на то, что она еще жива и живетъ въ Парижѣ.

На остальныхъ трехъ театрахъ, Бомарше, Délassemens comiques, Folies dramatiques, можно бы насчитать еще до дюжины пьесъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли успѣхъ, другія были ошиканы или освистаны, но ни одна не переживетъ карнавала, для котораго всѣ онѣ написаны. Мы, пожалуй, провели бы передъ вами всю эту процессію гусаровъ, драгуновъ, гризетокъ, львовъ, столичныхъ и подгородныхъ, людей дурачащихъ, одураченныхъ и дурачащихся, наконецъ весь карнавалъ въ лицахъ; но чтобы смотрѣть на нихъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, надо видѣть ихъ среди сопровождающей ихъ перестрѣлки остротъ, шутокъ умныхъ и тупыхъ, крупныхъ и смирныхъ. Отнимите всеэто, и останется только сборище отвратительныхъ, намалеванныхъ куколъ, которыя снуютъ передъ вами по волѣ авторовъ, безъ всякаго толку и смысла. Поэтому ограничимся только перечисленіемъ тѣхъ изъ этихъ пьесъ, которыя наиболѣе понравились снисходительной карнавальнѣй пу-

блнкѣ. На театрѣ Бомарше: «Баветта колдунья» гг. Лемера и Армона, и «Гусары» гг. Айаса и Дюфура; на театрѣ Délassemens comiques: «Подгородный левъ», гг. Соважа и Деланда, и «Фамильная драма», гг. Антони Бери и Шарля Потъё; на театрѣ Folies dramatiques: «Два тертые льва», г. Варена, и «Карнавалъ», гг. Сентъ-Ива и Бурдуа.

С М Ъ С Ъ .

ДВА ГОДА ВЪ ПЛЫНУ У ГОРЦЕВЪ.

(Воспоминанія о жизни и походахъ, въ кавказскихъ горахъ, Штабсъ-Капитана Новоселова.)

III.

Погруженный въ думу о жалкой участи вѣроятно погибшаго Урти, я медленно слѣдовалъ за Келимомъ, спускаясь на ногахъ и рукахъ съ крутизны Учъ-Куланскихъ скалъ. На нашемъ трудномъ пути не встрѣчалось ни одной тропинки, ни одного слѣда человѣческаго — и мнѣ казалось, что здѣсь, въ первый разъ, безстрашный горецъ прокладываетъ себѣ дорогу. Бойко и смѣло, какъ серна, прыгалъ Келимъ черезъ рытвины, или ползкомъ, съ осторожностію змѣи, пробирался у шаткой закраины обрывовъ, изрѣдка оглядываясь на меня.... «Въ право! въ лѣво!» кричалъ онъ, когда я сбивался съ пути имъ проложеннаго. Послѣ получасовой ходьбы, болѣе похожей на пляску акробата, которая требовала гибкаго тѣла и сильныхъ рукъ, горецъ отеръ со лба крупныя капли поту, бросилъ на землю кабардинку и сѣлъ.

— Садись! отдохнемъ, Капуданъ! примолвилъ онъ, задыхаясь, когда я подошелъ къ нему.

— Скажи,— спросилъ я, опускаясь на землю,— что тебѣ вздумалось пробираться этими трущобами, съ опасностію на каждомъ шагу сломать шею, или провалиться въ преисподнюю, тогда, какъ можно было преспокойно дойти до Каръ-Джурта тою-же дорогою, которою мы пришли сюда?

— Не въ Каръ-Джуртъ идемъ мы, сердце моего сердца!—отвѣчалъ Келимъ.—Мнѣ нужно повидаться съ кунакомъ за Дутомъ*, а туда только двѣ дороги: одна, по которой никто не ходитъ, чрезъ эти скалы, — другая чрезъ урочище Учъ-Куланъ. Здѣсь, душа души моей, мы можемъ только вывихнуть ногу или сломать два три ребра, а тамъ — Урусій оторветъ намъ головы.... Но не безпокойся.... ни одинъ горный козленокъ не проложитъ себѣ такъ смѣло и вѣрно дороги въ этихъ скалахъ, какъ я!—продолжалъ Келимъ.—Къ тому-же и тебѣ можетъ пригодиться эта наука.... она прибавляетъ смѣлости и чутья, а живши въ горахъ, нехудо знать каждую въ нихъ норку.

— Но, Келимъ,—отвѣчалъ я.—Вѣдь насъ будутъ ждать въ Каръ-Джуртѣ; будутъ безпокойтись.

— Пхе, объ насъ? Князь знаетъ Келима, котораго не возьмутъ ни вода, ни огонь, ни кинжалъ вражескій.—Горецъ замолчалъ.

Отданный произволомъ случая во власть всѣхъ прихотей моего наѣзника, я не возражалъ, предоставивъ ему полную свободу вести меня съ собою, куда вздумается. Правда, въ эту минуту я легко могъ воспользоваться довѣренностію Келима, швырнуть его со скалы, какъ кровнаго моего врага, — бѣжать.... Но испытанія, какія я вынесъ въ первую мою попытку — заставили меня быть разсудительнымъ и отложить побѣгъ до болѣе удобнаго случая.

Между тѣмъ горецъ, видимо встревоженный, съ большимъ вниманіемъ вымѣривалъ глазомъ тропинку, по которой намъ слѣдовало пробираться. Онъ, то припадалъ къ землѣ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь, то приподнимался и осматривалъ окрестность.

— Что, Келимъ? спросилъ я.

— Не хорошо, Капуданъ,—отвѣчалъ онъ.—Ночь близка, а наша дорога, съ каждымъ шагомъ, будетъ труднѣе и опаснѣе.... Я даже боюсь встрѣтить пропасть, которую не обойдешь, не перешагнешь....

— Гдѣ-жъ признаки?

— Смотри.... Видишь эту трещину, надъ которой стоимъ мы?

— Вижу....

— Теперь гляди, какъ далеко ушла она впередъ, расширяясь съ каждымъ шагомъ.... Ей конца нѣтъ, Капуданъ....

* Рѣка Дуть, одинъ изъ западныхъ рукавовъ Кубани, замѣчательна своими берегами до чрезвычайности извилистыми.

— Ну-такъ что ?

— Ну... это вѣрный признакъ пропасти... Пойдемъ.

Пройдя версты три по острымъ кремнямъ на закраинѣ трещины, мы, дѣйствительно, приблизились къ пропасти, которая занимала почти всю ширину скалы; съ лѣва и съ права сходъ въ долину представляли страшные обрывы... Келимъ топнулъ ногой и плюнулъ въ досадѣ на свое сбывшееся предчувствіе... Онъ, то съ огорченною улыбкою поглядывалъ на меня, то обходилъ по нѣсколько разъ бездну и заглядывалъ въ отверстіе пропасти, которая, суживаясь книзу, представляла форму воронки... Наконецъ онъ легъ на ея закраинѣ и уставилъ внимательный глазъ на противоположную сторону.

— *Ака, юпа, икхли*,— началъ считать Келимъ, — *шина, кхена, фуна, пижна, сапа, зона... чейза!* Онъ остановился, перевелъ духъ и какъ бы уже въ раздумьи — продолжалъ: *еозео... залотга... курушки!* * Съ послѣднимъ словомъ горецъ, съ самодовольною улыбкою, подвнялъ на меня глаза.

— Что ты считаешь, кунакъ? спросилъ я.

— Шаги... Считаю, сколько ихъ будетъ отъ края обрыва, вонъ до той площадки, которая выдалась въ пропасти и на которой... взглядишь... лежитъ нѣсколько обгорѣлыхъ виноградныхъ лозъ и два сосновыхъ полѣна.

— Вижу.

— Ага! Эта находка, слеза глазъ моихъ, можетъ указать намъ дорогу на поляну...

— Дорогу? Какъ?

— По площадкамъ и стежкамъ, протореннымъ въ рыхлыхъ стѣнахъ пропасти... Развѣ люди, разводившіе когда-то огонь на этой площадкѣ, могли спрыгнуть туда съ закраины?... Пхе!... сорокъ шаговъ... скачекъ порядочный... Тутъ должна быть дорога и дорога, которая сквозь какую-нибудь трещину выведетъ насъ на поляну... Я даже начинаю думать, что разсказъ моего покойнаго отца о встрѣчѣ его съ хищниками надъ пропастію, относится именно къ этой безднѣ, гдѣ они его обобрали, поколотили и, протаскивъ сквозь какую-то нору, взяли клятву на кинжалѣ, что онъ будетъ молчать объ ихъ замысловатой саклѣ... Пойдемъ, Капуданъ!

Съ этими словами Келимъ вскинулъ за плеча винтовку, внима-

* Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять!.. двадцать, тридцать... сорокъ!

тѣльно осмотрѣлъ край пропасти — и попробовавъ ногою твердость земли, ухватился за нее руками и прыгнувъ на выдавшійся кремень; здѣсь, повторивъ тоже самое, онъ на вѣскольکو мгновеній повисъ надъ бездною.... прыгнувъ и исчезъ изъ глазъ моихъ.

Болѣе десяти минутъ я оставался въ полномъ недоумѣніи, не зная, что случилось съ моимъ спутникомъ.... Я окликнулъ его и не получилъ отвѣта.

Въ безднѣ царствовало совершенное молчаніе и только шумъ скатывавшихся кремней изрѣдка нарушалъ его.... Но вотъ снова мелькнула у кремня шапка горца.

— Нашель, Капуданъ, нашель! — крикнулъ онъ весело; — дорога есть! Иди за мной.... Дѣлай тоже, что дѣлалъ и я.... Смѣлѣе! Больше довѣрай рукамъ.... Оборвешься.... не бойся, я такъ крѣпко стою на своемъ мѣстѣ, что успею на лету поймать тебя за получеркески — и сдержу.... Повѣрь моей свѣтлой совѣсти, душа души моей.

Собравъ все свое мужество, я подошелъ къ закраинѣ бездны, перекрестился и въ два отчаянныхъ прыжка повторилъ маневръ Келима, упавъ почти въ его объятія.... Теперь мы стояли на узкой и рыхлой тропинкѣ, повисшей надъ бездною, и огибавшей ее спирально. Надъ нами нависли глыбы камней и земли, готовые, казалось, рухнуть подъ ногою дикой козы, которая разыгралась въ это время надъ пропастію. Келимъ шелъ впереди, я съ величайшею осторожностію слѣдовалъ за нимъ.... Большею частію намъ доставалось ползти на четверенькахъ, — въ иныхъ же мѣстахъ тропинка была до того узка, что мы принуждены были пробираться по ней на локтяхъ и рукахъ, повиснувъ веѣмъ тѣломъ надъ бездною. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ Келимъ удваивалъ свою веселость и ободрялъ меня.... Нѣсколькими саженьями ниже площадки, на которой мы видѣли обгорѣлый хворостъ, Келимъ, желая что-то сказать мнѣ, потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ внизъ.... Я вздрогнулъ отъ ужаса и въ тоже мгновеніе услышалъ подъ собою громкій смѣхъ горца, который пролетѣвъ на разстояніи двадцати, или двадцати пяти футовъ, успѣлъ ухватиться за глыбу земли.

— Вотъ точно по такой дорогѣ вѣрно шайтаны тащутъ теперь бѣднаго Урти въ Джехеннемъ! сказалъ онъ съ веселымъ смѣхомъ... Живъ-ли ты, Капуданъ?

— Живъ, отвѣчалъ я....

— Ну, иди ко мнѣ.... Дѣлай тоже, что сдѣлалъ и я! повторилъ

веселый горецъ... Чтобы дойти до Келима дорогою сколько-нибудь безопасною и удобною, я долженъ былъ обогнуть, по крайней-мѣрѣ, два раза окружность бездны. Когда мы сошлись снова вмѣстѣ, то уже отверстіе пропасти представлялось намъ не болѣе отверстія боченка и потому мы находились почти въ совершенномъ мракѣ; къ довершенію нашего опаснаго путешествія, тропинка печезла и спускаться внизъ надо было на рукахъ, держась за выдавшіеся кремни и глыбы земли... Здѣсь каждый шагъ и скачекъ велъ насъ къ смерти... Почти цѣлый, мучительный часъ, безъ отдыха, съ окровавленными руками и лицами, ползли мы — можно сказать — сами не зная куда.

— Остановись, Капуданъ! — наконецъ прошепталъ Келимъ... — Шайтанъ зло подшутилъ надъ нами: подъ ногами моими — все гладко, не могу найти ни одного куска земли, на которомъ бы могъ утвердиться.

— Что же намъ дѣлать? спросилъ я.

— Искать выхода на поляну, или провалиться въ эту бездонную трущобу; — рѣшительно отвѣчалъ горецъ... — погоди! продолжалъ онъ почти съ крикомъ, — на право я ощупалъ тропинку... Ухъ, Капуданъ!... Двумъ рядомъ идти можно... За мною... Не теряй время. Въ самомъ дѣлѣ тропинка была до того удобна и широка, что мы могли даже прилечь на ней и отдохнуть вѣскольکو минутъ. Во время отдыха, Келимъ, глаза котораго и въ совершенномъ мракѣ хотѣли видѣть, къ общей нашей радости замѣтилъ на лѣво небольшое свѣтлое пятно.

— Гляди, Капуданъ! — вскричалъ онъ, — стало быть, мы въ пяти шагахъ отъ норы, въ которую заглянуло солнышко и бросило свѣтъ свой на противоположную сторону.

При этомъ забывая усталость, мы почти бѣгомъ бросились впередъ... На разстояніи двадцати шаговъ тропинка кончалась обрывомъ и была соединена съ выходомъ старымъ, сухимъ бревномъ... Здѣсь, хотя не безъ страха и опасности, но благополучно переправились мы по воздушному мосту, трещащему и скрипящему при каждомъ нашемъ движеніи. Въ началѣ отверстіе было чрезвычайно узко и тѣсно, но чѣмъ далѣе мы подавались впередъ, тѣмъ болѣе оно расширялось, и вся трудность пути въ немъ заключалась только въ частыхъ переправахъ черезъ широкія трещины по ветхимъ бревнамъ и доскамъ, а иногда даже — по хвосту, связанному въ небольшія охабки виноградными лозами... Но эти маленькія неприятности были теперь для насъ шуткою, въ пныхъ мѣстахъ мы даже не пользовались благодѣтельными мо-

стиками и, освѣженные чистымъ воздухомъ, смѣло прыгали черезъ трещины и провалы.... Не отыскивая окончательнаго схода, мы на высотѣ тридцати или сорока футовъ кубаремъ скатились на поляну.... Минувшія опасности и весь ужасъ нашего отчаяннаго подвига были до того велики, что теперь, находясь внѣ ихъ — я готовъ былъ обнять отъ радости моего кровнаго врага. Между тѣмъ Келимъ одинаково неизмѣчивый и въ горѣ, и въ радости, прежде, чѣмъ расположился на отдыхъ, осторожно вынулъ изъ за пазухи плоскую жестяную фляжку и предложилъ мнѣ нѣсколько глотковъ водки, которую онъ имѣлъ обыкновеніе приобрѣтать всегда отъ русскихъ, на сатовкахъ.

Водка, два чурека и получасовой отдыхъ на мягкой и свѣжей зелени возвратили намъ силы. Съ наступленіемъ ночи — мы обмыли въ ручьѣ наше истерзанное и окровавленное тѣло, переправясь въ бродъ на правый берегъ *Дута*.... Мрачный лѣсъ и холмистая, неровная дорога открылись предъ нами, когда мы вышли на крутой берегъ рѣки.... Впереди насъ, какъ далекая звѣздочка, то мелькалъ, то исчезалъ на мгновеніе огонь въ какой-то саклѣ.... Мы держали путь на этотъ огонь, тутъ жилъ кунакъ Келима, какъ говорилъ онъ.

Въ полночь мы подошли къ саклѣ, расположенной за оврагомъ, у самаго лѣса и обнесенной довольно высокою глиняною стѣнкою. Сакля эта своею постройкою, видомъ и расположеніемъ нисколько не походила на обыкновенныя жилища горцевъ, она болѣе напоминала мнѣ видъ постоялаго двора, какіе встрѣчаются въ Крыму и Малороссіи. У самыхъ воротъ въ небольшой, но чистой площадкѣ, паслось нѣсколько сбатованныхъ и осѣдланыхъ коней, тутъ же, завернувшись въ бурки, съ коротецькими трубками въ зубахъ, валялись полупьяные и оборванные горцы, между которыми можно было замѣтить не однихъ абазеховъ, но нигушей, кабардинцевъ, тушинцевъ и даже чеченцевъ.... Каждый изъ этой толпы шумѣлъ и говорилъ на своемъ нарѣчій.... и при нашемъ появленіи каждая усатая и изрубленная рожа торопилась, съ обычнымъ привѣтствіемъ, протянуть руку Келиму — или положить ее на сердце.

Перемолвивъ нѣсколько веселыхъ словъ съ знакомцами, Келимъ отправился со мною въ саклю, въ крошечныхъ окнахъ которой блисталъ яркій свѣтъ и изъ которой вылетали шумный споръ, звонъ серебра и крики.

Высокій и тощій еврей * встрѣтилъ насъ при первомъ шагѣ за порогъ сакли, гдѣ старыя и молодыя наѣзтники на полу, скамьяхъ и окнахъ играли въ *трефоваго джигита*.

— Ба! ба! Нашъ большой джигитъ, нашъ славный Келимъ-Ухъ! — вскричалъ еврей, отвѣсивая низкій поклонъ горцу.

— Келимъ-Ухъ! — Келимъ съ Баслаты! повторили нѣкоторые изъ гостей и десять лицъ съ радостными улыбками обратились къ двери.

— Давно не видать! Гдѣ пропадалъ? Сегодня только тебя и не доставало! *Залотга абезе* (30 абазовъ) ставка! Давай серебра! Перекинусь картой на всѣ мои свѣтлые позументы — съ тобой Келимъ! — наперерывъ кричали гости.

— Живъ-ли, здоровъ-ли, братъ мой Урти? — продолжалъ еврей, загородивъ дорогу горцу.

— Какъ-же, — съ язвительною улыбкою отвѣчалъ горецъ, — мотается.... Славно торгуетъ въ горахъ.... Сегодня при мнѣ выторговалъ почти задаромъ богатѣйшій серебрянный поясъ... Да еще съ Княземъ Урусиемъ зѣтѣялъ какое-то выгодное дѣлишко.... Мы его оставили въ Учъ-Куланѣ, въ то время, какъ Урусій сталъ ему отечитывать нагайкою.... Ага! Сатай — *асхей-асхану!* (отецъ отцевъ моихъ!) — продолжалъ Келимъ, не окончивъ первой фразы и, бросаясь на встрѣчу рослому ингушу среднихъ лѣтъ, одѣтому чрезвычайно чисто и щеголевато. Лицо послѣдняго выражало столько душевной доброты и откровенной веселости, что я былъ совершенно пораженъ встрѣчею такой фizioноміи между закоптѣлыми, звѣрскими и отмѣченными глубокими ранами лицами другихъ наѣзтниковъ. Нѣсколько минутъ я не спускалъ съ него взгляда, стараясь хотя въ его движеніяхъ подглядѣть что нибудь гармонирующее съ ухватками и обыкновеніями горскихъ хищниковъ. Ингушъ замѣтилъ мое вниманіе и, сдавая карты Келиму, сдѣлалъ кунаку нѣсколько любопытныхъ вопросовъ, относившихся къ моей особѣ.... Въ то время, какъ словоохотливый Келимъ принялся удовлетворять любопытство ингуша, я, измученный и усталый, — уснѣлъ отыскать свободную скамью, бросилъ въ изголовье свою изодранную черкееску и чрезъ нѣсколько минутъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Часа черезъ два разбудилъ меня кто-то. Въ саклѣ было темно, когда я открылъ глаза.... Только шорохъ туфель стараго еврея,

* Здѣсь въ горахъ чрезвычайно много евреевъ; всѣ они принадлежатъ къ сектѣ *Ури*.

да его молитва, сопровождаемая всхлипываньемъ и крикомъ, нарушали водворившуюся тишину въ приетаницѣ горскихъ игровъ. — Стоявшій подлѣ меня человекъ, лица котораго я не могъ разглядѣть за темнотою, повторилъ свой толчекъ.

— Кто тутъ? Келимъ — ты? окликнулъ я.

— Келимъ далеко теперь отсюда.... Онъ вѣрно гдѣ-нибудь съ пріятелями присѣлъ въ оврагъ на арбенной дорогѣ и выжидаетъ случая воротить проигранные абазы.... — отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ.

— Такъ кто же ты?

— Я Сатай....

— Что-жъ тебѣ отъ меня надо?

— Ничего больше, какъ выходи изъ сакли и поѣдемъ вмѣстѣ....

— Это за чѣмъ? Съ тобой!...

— Ну да.... Потому что ты теперь мой.... Келимъ проигралъ тебя въ карты....

— Злодѣй! — вскричалъ я, сдѣлавъ отчаянный скачекъ со скамьи... — Сколько злыхъ и безсовѣстныхъ насмѣшекъ повторилъ надо мною этотъ извергъ.... и я не раздавилъ эту змѣю, когда однимъ толчкомъ ноги могъ избавить ваши горы отъ такой гнусной твари!...

— Не бранись и не горюй, кунакъ, — отозвался Сатай. — Не бойся — со мною не будетъ хуже.... Для меня ясырь не собака — я съ нимъ и чурекъ и даже абазъ по поламъ.... служи только вѣрно.... А работа нетрудная.... иной только разъ нуженъ вѣрный прицѣлъ, смѣлый ударъ шашки.... да зоркій глазъ....

— Кто же ты, Сатай, — хищникъ? — спросилъ я, вздрогнувъ и отодвигаясь отъ гнуснаго убійцы.

— Пхе.... хищникъ! Не Келимъ ли научилъ тебя принимать всякаго горца въ потьмахъ за разбойника?... Ошибся, кунакъ... Я честный и лихой ингушъ — и гдѣ пройду — тамъ хищникъ или за оврагъ — съ дороги, или подъ ноги коню — въ гостинецъ шакаламъ.... Пойдемъ.... ночь холодна.... вотъ тебѣ моя запасная бурка....

Что не дѣлается — все къ лучшему! — думалъ я, утѣшая себя и слѣдуя за моимъ новымъ владѣльцемъ.

У воротъ еще спали нѣсколько проигравшихся горцевъ, когда мы, при мелкомъ и холодномъ дождѣ, закрывшись башлыками, вспрыгнули на коней и мелкою рысью пустились впередъ опушкой лѣса.

Спутникъ мой молчалъ не долго. Сдержавъ коня и поровнявшись со мною, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: точно-ли я умѣю дѣлать картинки и дудочки?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Якши, хорошо, — сказалъ ингушъ, — и это намъ пригодится.... Видишь-ли, кунакъ, — продолжалъ онъ, — ремесло мое, хотя и не ремесло джигита, за то, если я отираю вражескую кровь съ моего кивжала, то знаю, что эта кровь не накличетъ баранты.... Правда... у меня цѣтъ сакли и жены, но за то я богатъ — и сакля моя — сакля каждаго абазеха и карачаевца.... Я брожу нѣсколько лѣтъ по тропинкамъ окружныхъ горъ и развѣ не увидишь меня тамъ, въ суровую и снѣжную зиму.... Я проводникъ мелкихъ турецкихъ каравановъ, которые подъ мою защиту и еще трехъ, четырехъ паемныхъ удалцевъ, безопасно проходятъ подъ винтовками хищниковъ.... Джигитовъ въ проводники я всегда добываю тамъ, гдѣ выигралъ тебя.... Сначала приглашу поиграть, потомъ обобравъ у пріятелей абазы, я выигрываю ихъ самихъ дня на три или на четыре.... и когда они усердно послужать мнѣ, то отпускаю съ маленькимъ подаркомъ.... Сегодня этого не удалось.... Ты мнѣ понравился и вся ночь прошла въ ставкахъ на тебя....

Ингушъ не успѣлъ еще кончить послѣднихъ словъ, какъ пять мохнатыхъ собакъ огромной величины съ громкимъ лаемъ кинулись изъ лѣсу къ намъ на встрѣчу....

— Аксай! Свапетъ! Хурзанъ! — крикнулъ Сатай на собакъ, сдерживая коня своего.... Я васъ дрящные щенята!... Не узнали меня.... При этомъ собаки, перемѣнивъ грозный лай, съ ласковымъ визгомъ стали прыгать около сѣдла ингуша.

— Вотъ и караванъ стараго Солимана, — сказалъ ингушъ, когда мы сошли съ коней и взявъ ихъ за поводъ, начали пробираться узкою тропинкою въ глубь лѣса.... — Смотри, — продолжалъ онъ, — не показывай и виду, что ты ясырь, а пуще не проговоришь, что русскій: — турецкіе контрабандисты не жалуютъ вашего брата..

Пройдя версты двѣ, по веровой, изрытой дорогѣ и въ совершенномъ мракѣ, мы подошли наконецъ къ двумъ закрытымъ арбамъ, подлѣ которыхъ бѣлѣлись двѣ палатки, крытыя въ нѣсколько рядовъ камышевыми циновками. Нашъ приходъ, топотъ коней и визгъ собакъ разбудили обитателей этого маленькаго лагеря.... Послышался говоръ женскихъ голосовъ, потомъ грозный голосъ какого-то старика и вслѣдъ за тѣмъ тучная фигура Соли-

мана, почти на четверенькахъ, выползла изъ палатки. За нимъ слѣдовалъ вооруженный горецъ.

— А... Сатай! Слава Аллаху... насилу дождался тебя, — проворчалъ съ громкимъ кашлемъ турокъ. — Ну что, — джигиты есть?

— Есть!... — съ особенною важностію промолвилъ ингушъ и указалъ на меня.

Не переставая кашлять, Солиманъ вымѣрилъ меня глазами съ головы до заоблучевъ, потомъ заглянулъ черезъ плечо мое, какъ бы отыскивая кого, наконецъ обошелъ кругомъ самого Сатаю, обнюхалъ все окружные кусты и почти съ плачемъ прошепталъ: «Только? Одинъ... и тотъ не вооруженный...»

— Винтовку свою онъ проигралъ сегодня, — хладнокровно продолжалъ Сатай, — но въ твоей арбѣ лежитъ моихъ пять....

— Да, вѣдь васъ только двое.... Онъ да ты, Сатай, а если налетятъ десять хищниковъ....

— Десяти теперь не считаешь во всехъ окружныхъ горахъ....

— Куда-же они провалились?

— Все ушли въ Абазію, къ Тугапсе.... * на берегъ моря....

Последнія слова Сатая — снова родили во мнѣ тоску и грусть.... Бѣдные товарищи, — думалъ я, — теперь коварный и кровожадный врагъ темнымъ лѣсомъ и темною ночью крадется къ вамъ; мирный абазинъ, за часъ дружелюбно-сатовавшій съ вами, уже отточилъ въ тайнѣ кинжалъ на гибель вашу и я, зная все зло, не могу ни спасти васъ, ни пасть славно въ рядахъ вашихъ, закабаленный въ позорную неволю и тяжелое рабство.... Эти мысли растравили всю боль моего сердца и, не желая болѣе вслушиваться въ разговоръ Сатаю о наездѣ друзей его, я отошелъ къ одной изъ палатокъ и сѣлъ у ея входа.

Въ ту же минуту знакомый и серебристый голосъ дѣвушки, заключенной въ палаткѣ, долетѣлъ до моего слуха.

— Ты спрашиваешь, Цацуми, — говорила она, — что я сдѣлаю, если продадутъ меня старому турку?

— Будешь плакать? — прозвучалъ другой голосокъ, также оборотительный и металлическій, какъ первый.

— Плакать?... Не хочу.... Плакать можно, Цацуми, когда хорошишь мать, когда потеряешь хорошенькій поясъ, когда разлюбить тебя красивый мингрель.... А плакать за то, что старый и толстый лѣнтай будетъ ласкать.... Э, Цацуми, эта бѣда правная....

* Фортъ Вельяминовскій

— Ай!... Какъ-же ты и не заплачешь?...

— Нѣтъ, я научу тебя, Цацуми, что тогда надо сдѣлать...

— Знаю.... Знаю!... — подхватила весело собесѣдница.... — Надо поворожить!

— И.... нѣтъ.

— Ну, такъ скажи, тихонько, на ушко.... что ты сдѣлаешь?

— Полюблю молодого.

— Те! услышитъ старый.... узнаетъ.... въ мѣшокъ и въ воду!

— Цацуми, — отвѣчала рѣшительный и дрожавшій голосъ дѣвушки, — лучше за пять минутъ нѣжной ласки — купаться въ морѣ, чѣмъ за цѣлый миллионъ холодныхъ поцѣлуевъ — купаться въ слезахъ....

— Правда, правда! — отвѣчала въ раздумѣ дѣвушка, — но, какъ ты это сдѣлаешь? я хочу знать.... я думаю, что меня продадутъ старому....

— Какъ?... Встрѣчусь съ молодымъ.... а потомъ изъ окна кину ему селямъ.... да! Возьму мѣшочекъ — и положу въ него *жиро и, шиль* *, а это будетъ значить: горю, пламя любви сжестъ меня, умираю — приди скорѣе!... и брошу за окно.... Потомъ получу тотъ же мѣшочекъ, и въ немъ найду: *узюмъ и газиръ* ** то-есть, онъ скажетъ: Очи мои, хочу быть твоимъ невольникомъ....

— Ай! Какъ хорошо, Чиха!... Ай, душечка, кто научилъ тебя? — вскричала дѣвушка.

— Чиха! Боже мой.... — подумалъ я; — такъ и есть, это голосъ подруги Лейлы и моей недавней спутницы.... Съ этою мыслию и съ безотчетнымъ желаніемъ.... я рѣшился отдернуть нѣсколько полу палатки, какъ въ ту же минуту Сатай и Солиманъ подошли къ палаткѣ и расположились на буркахъ у входа въ нее.

— Такъ то, — говорилъ послѣдній, складывая нисомъ свои коротенькія ноги, не хищники иногда опасны на дорогахъ, а тѣ, кого бережемъ отъ хищниковъ.... Ваши женщины и дѣвчонки не всегда охотно идутъ на базаръ и, случается, отъ нихъ бываетъ намъ очень накладно.... Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онѣ такую сыграли штуку на кочермѣ, при перевалѣ въ Батумъ, что и рассказать стыдно....

— Эге! Что-же онѣ сдѣлали? — спросилъ Сатай.

— Пошутили.... перетопили всѣхъ правовѣрныхъ....

* Фитиль и золотая иитка.

** Изюмъ и соломенка.

— Дѣвчонки?

— Да! Изъ шести человѣкъ я только одинъ уцѣлѣлъ и не полетѣлъ за бортъ....

— Да, какъ же это случилось, Солиманъ?... Расскажи, ради твоей храбрости.... заря еще не близко и мы успѣемъ вздремнуть....

— Гм.... ради храбрости!.. Когда бы я былъ изъ храбрыхъ такъ не краснѣлъ бы отъ стыда, какъ пьяный грузинъ отъ кахетинскаго, при воспоминаніи объ этой дрянной исторіи.... Слушай....

Солиманъ набилъ табакомъ свою огромную трубку и, подкидывая на рукѣ курящейся катышекъ пеплу, началъ рассказъ.

«Пятнадцать, или четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ началѣ рамазана, а это случилось въ глубокую осень, мы при свѣжемъ и попутномъ вѣтрѣ вышли изъ Верче * въ море. Грузу у насъ было порядочно: двадцать красивыхъ горянокъ, да въ трюмѣ несбытыхъ боченковъ шесть пороху и до пятидесяти ружей и пистолетовъ. Контрабандисту когда-же и рѣзать на перевалѣ, какъ не ночью.... къ тому-же попутный ободрилъ насъ и мы смѣло вышли въ открытое.... Вдругъ на бѣду нашу, въ самую полночь, заревѣлъ крѣпкій штормъ, трепанулъ насъ ввиду Илорн — и зашелъ въ лобъ.... Я стоялъ на рулѣ, товарищи всѣ были наверху, дѣвчонки въ палубѣ. Дѣлать было нечего, мы посоветовались и рѣшили спуститься обратно къ Верче. Измученный и облитый волненіемъ съ головы до пятокъ, я сдалъ руль и спустился внизъ, съ намѣреніемъ обсушиться и отдохнуть нѣсколько минутъ. Въмѣсто своей каюты, я попалъ въ общую каюту плѣнницъ и, незамѣченный ими, свернувшись въ узелъ, легъ у самой двери.... Дѣвчонки не спали, и обступивъ одну изъ красавицъ, за которую я заплатилъ груды золота, о чемъ-то спорили съ большимъ жаромъ.... Это мнѣ показалось подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что красавица черкешенка была украдена въ горахъ изъ подъ носу у любимаго ею жениха и называла отцемъ человѣка, который восемь ауловъ за Кубавью водилъ на своихъ поводахъ.... Я приподнялся на локтяхъ и насторожилъ ухо.

— Страшно.... опасно, Гозваре! сказали нѣсколько голосовъ красавицъ.

— Трусихи вы! — отвѣчала Гозваре. — Не дочери вы наѣзниковъ.... какъ будто-бы не случилось вамъ подъ пулями, въ вечер-

* Рѣка, впадающая въ Черное море, ниже развалинъ *Дранды* верстахъ въ трехъ.

нихъ играхъ, выносить изъ за камней раненныхъ отцевъ и братьевъ.... Боятесь княжата!...

— Ну.... видно, что съ ножа выкормлена, думалъ я.... да вотъ постой, подымусь да пальцемъ погрожу, такъ храбрость съ языкомъ проглотить!... а между-тѣмъ, самъ ползкомъ еще придвинулся ближе къ пріятельницамъ.... Газваре продолжала:

— Развѣ родныя горы хуже для васъ грязнаго Батума? Развѣ грязныя и сытые турки красивѣе и вѣжливѣ легкихъ и безстрашныхъ горцевъ.... Развѣ лучше смерти отвратительный позоръ, когда сорвутъ съ васъ одежду и выставятъ на показъ?...

— Экая гремушка, думалъ я, говоритъ, какъ арабскій стихотворецъ....

— Она говоритъ правду! послышалось въ толпѣ.

Тутъ-бы мнѣ слѣдовало прикрикнуть, погрозить плетью или княжаломъ и всѣ говорившія, что это правда — закричали-бы въ одинъ голосъ: вѣтъ! Но я, глупецъ, плохо зналъ горянокъ и, не боясь послѣдствій ихъ заговора, цѣль котораго уже понялъ въ половину, ждалъ только развязки....

— Но, какъ-же мы это сдѣлаемъ? спросила одна изъ воспримчивыхъ черкешенокъ.

— Бросимся по три на одного.... и въ море ихъ! прошептала Газваре. Лицо ея было блѣдно, глаза сверкали дикимъ огнемъ отчаянной рѣшимости.... И вотъ, что я успѣла сдѣлать, добавила она тѣмъ-же шепотомъ, отдернувъ постель, и указывая на огромный запасъ пистолетовъ.... Я унесла ихъ изъ трюма.... они всѣ заряжены.... берите и.... къ дѣлу! При этомъ храбрость меня оставила, дрожа, какъ въ лихорадкѣ — я только могъ сѣсть на полъ и вскрикнуть: Что вы дѣлаете!... Вотъ я васъ!

— Опъ все слышалъ!... Убить его!... раздалось въ толпѣ женщинъ — и цѣлый десятокъ пистолетовъ застучалъ на моемъ черепѣ.... Но, по знаку Газваре — въ ту же минуту съ головы моей сорвали чалму, распустили ее — и спелепавъ меня, не забывая законопатить ротъ — горянки закидали меня подушками и съ воплемъ бросились на верхъ.... Минуть десять — я слышалъ шумъ на палубѣ, — выстрѣлы, и потомъ долгіе, протяжные вопли утопающихъ.... — Аллахъ! Аллахъ! думалъ я, что эти отчаянныя дѣвчонки сдѣлаютъ теперь со мною, оставивъ меня на закуску....

Положеніе мое было мучительно, крѣпко связанный, я не могъ приподнять подушекъ, подъ тяжестію которыхъ уже начиналъ задыхаться, къ тому-же и мысль о страшной смерти въ волнахъ

моря, которую я считалъ неизбѣжною, отняла у меня разсудокъ и память....

Не знаю, какъ скоро, но я уже очнулся на палубѣ, подѣ проливнымъ дождемъ, окруженный женщинами.

— Ступай на руль.... и веди насъ въ Кодоръ, или Верче! кричали мои плѣнницы!..

Я повиновался. И подѣ надзоромъ четырехъ красавицъ пустилъ кочерму по вѣтру прямо къ высокимъ берегамъ Кодора.

Между тѣмъ, не смотря на сильный дождь, вѣтеръ и волненіе—горянки всю ночь подѣ звуки лютни плясали на палубѣ.... Съ разсвѣтомъ я врѣзалъ кочерму на отмели Кодора. Въ минуту явились толпы горцевъ, дружески растаскали мой грузъ, нанявшись въ проводники къ женщинамъ, а меня въ тотъ-же день продали въ горы, но благодаря Аллаха, я чрезъ недѣлю бѣжалъ въ Сухумъ и раззоренный въ конецъ, переправился въ Батумъ съ печальною вѣстію о гибели товарищей.... Вотъ какъ, душа моя, Сатай, мы получаемъ барыши на этотъ дорогой товаръ.... Уйдемъ отъ хищниковъ, такъ подвернемся подѣ картечь русскаго крейсера, вынесетъ Аллахъ тамъ — такъ дѣвчонки зарѣжутъ — оплошай только!...—заключилъ Солиманъ.

Ингушъ не отвѣчалъ, промышавъ что то, онъ завернулся въ бурку и захрапѣлъ. Солиманъ оставилъ меня бодрствовать подѣ Сатай, а прислужника своего съ собаками выслалъ къ опушкѣ роши и ушелъ во вторую палатку.

Ночь была довольно сыра и холодна. Дремота меня одолѣвала и, забывая свою сторожевую обязанность, я уже готовъ былъ послѣдовать примѣру Сатай, какъ новый и близкій шопоть плѣнницъ вызвалъ мое вниманіе.... Я оглянулся. Палатка была полуоткрыта и въ ея отверстіе выглядывали двѣ хорошенькія головки.

— Того-то я знаю,—шептала Цацуми, указавъ на спящаго Сатай, — это старый горскій проводникъ ингушъ-Сатай, а этого никогда съ нимъ не встрѣчала, который сидитъ подѣ.

— Тоже какой-нибудь бродяжничій карачаевецъ,—шепнула Чиха.

— Чиха, ты не узнала меня? —сказалъ я.

— Ай.... онъ тебя знаетъ? — вскрикнула Цацуми.

— Чиха?—повторила мингрелка....—Кто ты? покажи лицо твое. Узнаю.... сейчасъ узнаю.... — и дѣвушка наивно, въ полгруды обрисовалась въ дверяхъ палатки.

— Угадай! — отвѣчалъ я.

— Не помню.... Голосъ твой знакомъ.... Ахъ, стой!... русынь,

душечка, руссынъ.... Поди сюда.... Это ты.... Да? И она, какъ бы стыдѣясь и боясь своей откровенности, въ какомъ-то раздумьи оставила хорошенькій пальчикъ на розовомъ своемъ ротикѣ.

— Ты угадала! сказалъ я, подходя къ ней.

Родная сестра и подруга всей моей жизни не встрѣтила-бы меня такой непритворною ласкою, какъ Чиха. Она съ живымъ восторгомъ схватила мою руку и устремивъ на меня болѣзненный взоръ, послѣ двухъ минутъ молчанія, сквозь слезы, прошептала: ты опять въ неволѣ!

— Да, добрая моя Чиха, также, какъ и ты; отвѣчалъ я, не скрывая грусти.

— Бѣдный руссынъ!...

— Бѣдная дѣвушка,—сказалъ я,—твое будущее еще печальнѣе моего....

— Да, теперь совѣтъ и навсегда вѣтеръ запорошилъ камень и пылью дорожку къ моей родной саклѣ....

Она опустила голову на плечо мое и зарыдала.

— А.... ты знаешь, гдѣ Лейла?—Какъ-будто уязвленная чѣмъ-то, почти съ крикомъ, проговорила она, отступая въ глубь палатки.

— Знаю.... она продана въ горы....

— И ты, руссынъ.... ты видѣлся съ нею?...

— Сегодня утромъ....

— Сегодня!... И ты ушелъ отъ ней.... она....

— Что она?

— Я ничего не сказала, руссынъ! — въ какомъ-то смущеніи и какъ-будто-бы приходя въ себя, продолжала мингрелка.

— Чиха ты разстроена? — сказалъ я, лаская ея бѣлую руку....

— Мнѣ грустно, руссынъ, мнѣ очень грустно.... До этой минуты у меня было одно горе — моя неволя; теперь два.... Теперь я буду грустить и за тебя....

— Нежности.... словно фазаны надъ гнѣздомъ.... шайтанъ васъ любил! — проворчалъ Сатай, слышавшій, повидимому, весь разговоръ нашъ.

Дѣвушка съ воплемъ закрыла палатку. Я стоялъ, какъ пронзанный молніею.

— Русскій! Иванъ! Поди сюда.... — продолжалъ Сатай.

Я повиновался и опустился подлѣ него на траву, ожидая угрозы и упрековъ. Но сердце не обмануло меня, Сатай былъ добрый горецъ. Онъ ласково вызвалъ меня на откровенность и просилъ рассказать, какой случай свелъ насъ съ Чихою. Во время моего разказа, въ которомъ также часто встрѣчалось имя Лей-

лы, какъ и ея подруги, Сатай все относившееся до абазинки заставляя меня повторять по два и по три раза.

Горецъ опустилъ голову и задумался, когда я кончилъ разсказъ.

— Тебѣ жалко мингрелку? — спросилъ онъ, послѣ краткаго молчанія.

— Жаль... очень жаль, Сатай!

— Что-жъ бы ты для нея сдѣлалъ, если-бы тебѣ сказали — Чиха твоя, Иванъ?

— Я бы отправилъ ее на родину, къ женху...

— Хорошо, — шепнулъ Сатай, — я сослужу для тебя первую службу, что бы ты мнѣ послѣ служилъ вѣрно.... Она изъ Мингреліи?

— Да.

— Изъ какого аула.... знаешь?

— Изъ Бибигдаря....

— Гм.... По пути.... Шу, вотъ тебѣ рука и слово неизмѣнное Сатай.... Чиха чрезъ недѣлю будетъ на родинѣ.... Но помни, Иванъ, за службу — службу!

В. САВИНОВЪ.

НИКОЛО-ИЗУАРЪ.

(Статья *Фиорентино*.)

Въ настоящее время, по поводу перемасиванія парижскихъ улицъ, происходитъ нѣчто любопытное. Последніе слухи говорили о томъ, что Итальянской площади хотятъ дать названіе площади Николо Великіе люди не упустили такого удобнаго случая, чтобы не потревожить могилы другаго знаменитаго смертнаго, и не поставить его въ число конкурентовъ.

Едва-ли кто болѣе меня удивляется и любитъ талантъ Бозльде, но я увѣренъ, что если бы его статуя могла говорить (ибо онъ имѣеть уже одну статую въ Руанѣ), то, вѣроятно, сказала бы слѣдующее: «Поставьте имя Николо Изуара на одномъ изъ нашихъ публичныхъ мѣсть. Прежде мы были между собою соперники, нынѣ мы по-братски живемъ въ мірѣ истины, свѣта и вѣчной гармоніи. Онъ умеръ прежде меня, умеръ молодъ и не могъ быть въ числѣ членовъ Института. Не откажите-же хоть въ этомъ

утѣшеніи его семейству. И такъ слишкомъ долго откладывали воздать ему справедливую награду за его труды.»

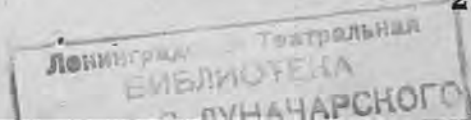
Говорили, что Николо не французъ. Если бѣ это была и правда, — я не думаю, чтобы улица Пивѡ была въ потерѣ оттого, что ее назвали улицею Россіи. Впрочемъ, враги итальянскихъ окончаній, могутъ быть вполне увѣрены, что Николай Изуаръ составляетъ славу собственно Франціи. Не первый разъ уже распространяютъ ошибки и ложныя извѣстія о жизни и сочиненіяхъ этого нѣжнаго и народнаго композитора.

Биографин, исполненныя явнаго недоброжелательства или непростительной невнимательности, не въ силахъ будучи выказать его таланта, старались нападать на его характеръ. Теперь выдался прекрасный случай къ тому, чтобы почтить пмя великаго чело-вѣка и снять съ его памяти ложныя упреки.

Николо родился въ Мальтѣ, въ 1775, а дѣдушка его былъ марсельскимъ главою. Отецъ его, природный французъ, назначилъ его въ коммерцію и банкъ. Но молодой Изуаръ болѣе былъ привязанъ къ нотамъ, нежели къ цыфрамъ. Онъ игралъ на пѣяно для своего удовольствія, украдкой изучалъ фугу, контрапунктъ урывками. Напрасно посылали его изъ Мальты въ Палермо, изъ Палермо въ Неаполь, Николо находилъ, что банкиры вездѣ на одинъ образецъ и сводилъ знакомство только съ артистами и музыкантами.

Отецъ его, видя, что изъ него выйдетъ очень дурной торгашъ записалъ его въ гардемарины. Но болѣзнь Николо была неизлѣчима, онъ не удовольствовался тѣмъ, что посѣщалъ театры, онъ сталъ самъ сочинять оперы, несчастный, онъ смѣлъ отдавать ихъ на сцену и ничто такъ не сердило его родителя, какъ то, что оперы эти имѣли успѣхъ.

Каждый разъ, при полученіи писемъ отъ своихъ корреспондентовъ изъ Флоренціи или изъ Ливорно, огорченный отецъ получалъ извѣстіе о новомъ дерзкомъ предпріятіи своего сына. Ему писали, что *Avisso ai Mariti* приводитъ публику въ восторгъ, что *Артаксерксъ* производитъ восторгъ. «*Артаксерксъ, Avisso ai Mariti*, шепталъ бѣдный отецъ, вотъ достойныя занятія для моряка.» Наконецъ, что называется, у него и руки опустились, а когда ему сказали, что сынъ его сдѣланъ капельмейстеромъ часовни Мальтійскихъ рыцарей, на мѣсте стараго Азопарти, тогда онъ пересталъ уже противиться его желанію. Послѣ выхода изъ Мальты французскихъ войскъ, Николо ни минуты не желалъ оставаться внѣ своего отечества. Въ протевціяхъ не было недостатка. Генералъ Вобуа (*Vaubois*) обѣщалъ ему свое ходатайство. Но артистъ, старая пе-

терпѣніемъ, задумалъ путешествовать пѣшкомъ съ однимъ изъ своихъ товарищей. Оба она имѣли едва-ли тридцать франковъ. Что до этого за дѣло — они уже въ Парижѣ, въ этомъ огромномъ Вавилонѣ, который давно составлялъ цѣль всѣхъ ихъ мечтаній и надеждъ. Городъ всемірный, гдѣ скоро можно сдѣлать свое счастье, лишь бы пути добиться. Но въ Парижѣ тогда, какъ и теперь, какъ и всегда бываетъ, всѣ мѣста были заняты, всѣ пути преграждены. Театръ былъ охраняемъ людьми талантливыми, какъ-то, Гретри, Мегюлемъ, Керубини, Далеяракомъ, Бертономъ.

Николѣ не упалъ духомъ. «Если-бы я могъ найти пьесу въ одинъ актъ!» — вотъ какая мысль его постоянно занимала. Императрица Жозефина, къ которой его представляли, предлагала ему очень выгодныя мѣста органиста и капельмейстера. Николѣ бредилъ только театромъ. Его послали къ поэту Дельриѣ (Delrieu).

Николѣ просилъ поэмы, ему дали пародію. *Бочаръ* не очень понравился публикѣ. Послѣ этого онъ сдѣлалъ нѣсколько сочиненій въ сотрудничествѣ съ Крейцеромъ. Первый успѣхъ, послужившій началомъ его репутаціи, былъ — *Микель-Анджело*. Послѣ двухъ-лѣтнихъ изысканій и усилій, наконецъ онъ нашелъ либретто. «Микель-Анджело» былъ разыгранъ Элевіу (Eleviou), г-жами Сціо и Севтъ-Обенъ. Съ этой минуты слава улыбнулась ему и съ-тѣхъ-поръ никогда уже не оставляла. Его «*Признанія*», «*Безполезная хитрость*», «*Турецкій докторъ*», «*Интриги подъ окошками*», принадлежать къ сочиненіямъ, исполненнымъ живости, легкости, вѣжности, мелодіи и граціи.

Николѣ, въ высшей степени обладалъ драматическимъ чувствомъ и знаніемъ сцены. Когда его поражалъ какой-либо предметъ, онъ его обдумывалъ, разсматривалъ со всѣхъ сторонъ, свыкался съ нимъ, понималъ его и добивался того, что его принимали на сцену — и конечно съ успѣхомъ. Ему отказали въ приѣмѣ: *Интриги подъ окошками*. Николѣ не призналъ себя побѣжденнымъ. Въ одинъ вечеръ, когда ему говорили объ этомъ, въ гостиной одной очень значительной особы, — «Послушайте, — сказалъ онъ съ досадою, — вотъ чего не хотятъ принять эти господа!»

И сѣвъ за пьяно, онъ сыгралъ отъ начала до конца все сочиненіе, пѣлъ всѣ роли, сопрано, тенора, басса, съ такою удивительною подражательностью, съ такою живостью и комическимъ увлеченіемъ, съ такимъ оживленнымъ лицомъ, разнообразнымъ и такъ сказать подвижнымъ, что свидѣтели такого страннаго зрѣлища, думали, что присутствуютъ въ полномъ и дѣйствительномъ представленіи. Онъ исполнилъ одинъ огромную часть того, что считается

лучшимъ въ этомъ родѣ. Слушатели были увлечены и когда опись дана была на театрѣ, публика своимъ пріемомъ подтвердила успѣхъ, какой она имѣла въ истинѣ.

Подобный умъ, легкость, и другія рѣдкія и прекрасныя качества не могли не быть по достоинству оцѣнены однимъ изъ гениальныхъ писателей и строгихъ критиковъ того времени.

Гофманъ былъ въ то время самымъ ревностнымъ и краснорѣчивымъ защитникомъ старинной школы французско-комической оперы, получившей свое основаніе отъ Фавара, Монсивьи, Седена и Гретри.

Прежде всего онъ требовалъ отъ пьесы смысла, достоинства, независимаго отъ музыки. Онъ ненавидѣлъ грохотъ, и возненавидѣлъ бы самое искусство, если-бы оркестръ, какъ-бы онъ ни былъ хорошъ, заглушалъ пѣсню или покрывалъ слова. Въ наше время, напротивъ, стараются такъ аранжировать пьесу, что бывовсе разговоръ не было слышно, можетъ быть такъ и слѣдуетъ. Самая небольшая увертюра комической оперы въ одномъ актѣ, несравненно болѣе заключаетъ въ себѣ страницъ, нежели самыя длинныя партіи блаженнаго, стараго времени. Мы ученѣ нашихъ предковъ; но за то, при выходѣ изъ театра, у насъ бываютъ страшныя головныя боли.

Дружба Гофмана и Николо принесла свою пользу. *Свиданья мльщанъ*», маленькое отличное созданіе, которое всегда имѣетъ свою цѣну, обязано своимъ происхожденіемъ сотрудничеству этихъ двухъ изящныхъ, естественныхъ и оригинальныхъ талантовъ. Гофманъ познакомилъ Николо съ-Этьеномъ, который на первое знакомство далъ ему прелестную комедію въ трехъ актахъ, подъ названіемъ: *Одинъ день въ Парижѣ*. Успѣхъ ея былъ великъ. Элевиу занималъ въ ней второстепенную роль, но при великомъ его талантѣ, она стала первою.

Съ-тѣхъ-поръ Этьенъ и Николо полюбили другъ друга, какъ братья, и не переставали вмѣстѣ работать.

Люмли и *Квинолтъ*, *Чимароза*, *Билетъ въ лотерею*, *Принцъ Катанскій*, заключаютъ въ себѣ восхитительныя мѣста, которыя выпѣ не могутъ быть выполнены, особенно тѣ, которыя были написаны для необыкновеннаго голоса Мартини. Кто не слышалъ прелестной аріи изъ оперы: «*Билетъ въ лотерею*»: *Нѣтъ, я не хочу пѣть. (Non, je ne veux pas chanter !)*

Сандрильона имѣла необыкновенный успѣхъ. Нужно было найти роль для молодой Александрины Сентъ-Обенъ. Этьенъ прибѣгнулъ къ пособію графа Перро. Двѣ сестры Сандрильоны были

представлены дѣвицею Регнольтъ, которая въ послѣдствіи вышла замужъ за Лемонье, и г-жею Дюрё.

Сколько нужно было, со стороны Николё, осторожности и хитрости, чтобы удовлетворить самолюбію этихъ двухъ актрисъ! Только тотъ вполне можетъ понять этотъ трудъ, кто хорошо знакомъ съ помостами театра.

Пьеса эта имѣла сто пятьдесятъ послѣдовательныхъ представлений. Въ то время, въ театрѣ Федо (Feudeau) не ѣздили еще въ каретахъ, а преспокойно, безъ перемовіи все отправлялось пѣшкомъ. Стеченіе народа было такъ велико, въ пассажахъ и улицахъ, прилежащихъ къ театру такая была давка, что должно было закрыть магазины и разоренные купцы просили домохозяевъ уничтожить контрактъ квартиръ. Между тѣмъ Николё искалъ новыхъ предметовъ. Въ одно прекрасное утро онъ увлекся *Жокондомъ*. Нѣжная и скромная муза Этьена не смѣла принять на себя такого огромнаго труда. Живыя картины Аріоста, не слишкомъ нѣжная Лафонтена невольно заставляли его содрогаться. *Жокондъ*, на театрѣ, неужели вы думаете, что это можетъ быть? спрашивалъ онъ.

— А по чему бы и не такъ, отвѣчалъ Николё равнодушнымъ голосомъ.

Онъ часто напоминалъ объ этомъ Этьену, такъ, что тотъ припужденъ былъ скрѣпиться отъ него на дачу въ Ville—d'Avray. Николё и тамъ не давалъ ему покоя. Этьенъ отправился въ лѣсъ, Николё за нимъ. Авторъ и маэстро, съ жаромъ разговаривая, дошли до Сенъ-Клу, и продолжая путь по берегу рѣки, добрались до Сюрени.

Споръ ихъ поссорилъ нѣсколько, голодъ помирилъ. Они зашли въ харчевню. Въ деревнѣ было все вверхъ дномъ. «Что такое у васъ дѣлается? спросилъ Николо.

— У насъ, сударь, награждаютъ дѣвушку розовымъ вѣнкомъ.

— Дѣвушку, розовымъ вѣнкомъ,—вскричалъ Этьенъ, пораженный вдругъ, какою-то мыслию.—Николё, дѣло наше кончено, у меня подъ руками развязка *Жоконда*.

— Какъ, что вы говорите, что можетъ быть общаго между *Жокондомъ* и дѣвушкой въ розовомъ вѣнкѣ.

— А вотъ увидите, мой другъ, дня черезъ четыре приходите за вашей поэмой. Все кончится, какъ нельзя лучше. Лесаажъ будетъ играть роль судьи.

Партиція *Жоконда* была написана въ шесть недѣль. Гретри, по завѣщанію, отказалъ свое пьяно Николё, и на этомъ-то маленькомъ клаве эджисвято сохраненномъ и похожемъ на неболь-

шой четырехъ-угольный буфетъ, были написаны лучшія мелодіи *Жоконда*.

Но самымъ совершеннымъ его твореніемъ, по мнѣнію всѣхъ зна-токовъ, считается *Жанета и Коленъ*. Около сорока лѣтъ играютъ эти нѣжныя и выразительныя мелодіи, такъ мастерски припаровленныя къ словамъ — и онѣ все еще не устарѣли. Каждая страница этой партіи показываетъ глубокое изученіе старинной французской музыки и лирической декламаціи. Кто не былъ тронутъ слѣдующею аріею: *Какое для меня мученье*, прекраснымъ кватуромъ: *Мы возвращаемся въ наши горы*, и милымъ дуэтомъ: *Подъ звукъ вольнки*.

Будучи одаренъ отъ природы тихимъ, дружелюбнымъ, милымъ, откровеннымъ характеромъ, живымъ и богатымъ воображеніемъ, Николо легко творилъ и всегда почти въ кругу друзей.

Шумъ, доходившій до его слуха, вмѣсто того, чтобы развлекать его, напротивъ, его ободрялъ и вдохновлялъ, онъ писалъ, разговаривая. Правда, бывали минуты, когда онъ вдругъ глубоко задумывался, какъ человѣкъ, въ головѣ котораго развивался великій планъ. Николо слѣдилъ внимательно за дерзкими новаторами музыки. Ничья душа, болѣе его не была исполнена соревнованія къ направленію и духу музыки. Создавая огромное твореніе—*Аладинъ или чудесная Лампа*, Николо полусловами, полукровенностью, намекалъ на то, что онъ перемѣнитъ свою манеру.

И онъ также, восклицалъ Гофманъ въ отчаяніи, бросаясь къ Николо на шею, хваталъ его за полы платья, какъ-бы боясь, что этотъ послѣдній представитель старинной французской школы не бросился бы въ пропасть, ископанную Россіи. Николо думалъ примирить обѣ стороны, когда смерть похитила его, въ самомъ полномъ развитіи таланта и цвѣтѣ лѣтъ. Не смотря на то, что *Аладинъ* испорченъ неудачными перемѣнами, все таки онъ выдержалъ болѣе ста представленій.

Николо оставилъ послѣ себя двухъ дочерей, изъ коихъ старшая замужемъ за однимъ изъ самыхъ честныхъ и знаменитыхъ адвокатовъ въ Парижѣ, а младшая наслѣдовала, кажется, талантъ своего отца. Она прекрасно играетъ на пѣяно и сочиняетъ пьесы, замѣчательныя оригинальностью стilia, необыкновенною возвышенностью мыслей и драматическимъ чувствомъ, отличающимся живостію и вѣрностію. Эта прекрасная натура образована превосходнымъ образомъ.

ДЖОНЪ ФИЛЬДЪ.

(Статья Франца Листа.)

Издание первыхъ шести ноктюрнъ Фильда, нынѣ въ первый разъ собранныхъ въ одну тетрадь въ Парижѣ, вполне удовлетворило желанію тѣхъ, которые сочувствуютъ поражающей прелести этой задушевной поэзіи.

До этой публикаціи нужно было отыскивать эти ноктюрны по разнымъ изданіямъ; Фильдъ небрежно создавая ихъ, съ такою-же небрежностію издавалъ ихъ въ свѣтъ. Эта небрежность, придававшая еще болѣе прелести его таланту, съ другой стороны не мало представляетъ затрудненій почитателямъ его таланта, къ отысканію его твореній, этихъ, въ полномъ смыслѣ слова, истинно совершенныхъ созданій чувства.

Ноктюрны Фильда сохранили всю первобытную свѣжесть, посреди другихъ созданій, такъ скоро состарѣвшихся. Тридцать лѣтъ прошло съ перваго ихъ изданія; но они все еще дышатъ свѣжестію и обаяніемъ вдохновенія. Гдѣ мы найдемъ подобное совершенство невыразимой наивности?

Никто, послѣ него, не могъ возсоздать прелести этого ласкающаго шопота, подобнаго нѣжному, томному взору. Онъ убаюкиваетъ насъ, какъ тихое колебаніе ладьи или качаніе койки, столь тихо медлительное, что, кажется, слышишь, какъ замираетъ около корабля рокоть волнъ. Никто не могъ уловить его золотыхъ звуковъ, этихъ воздушныхъ полувздоховъ, которые тихо ропщутъ и стонутъ, полные нѣги.

Никто не могъ, особенно тѣ, которымъ удавалось слышать самого Фильда, когда онъ игралъ, или лучше сказать импровизировалъ, увлекаясь вдохновеніемъ, никто не могъ, повторяю я, не увлечься его игрою.

Каждую минуту, новые звуки роскошно разливались въ его мелодіяхъ, каждый разъ они были поразительно разнообразны и между-тѣмъ, подъ этими новыми украшеніями, не исчезала первобытная прелесть звука и восхитительность переходовъ.

Съ какимъ неисчерпаемымъ богатствомъ разнообразилъ онъ свои фантазіи! Съ какимъ рѣдкимъ умѣніемъ перевивалъ ихъ самыми прихотливыми, узорчатыми арабесками, — и не смотря на это, главная мысль не утрачивала своей полноты и ясности.

Конечно, никакая тайна не можетъ интересовать насъ болѣе, какъ тайна умѣнія соединять прелесть искренняго чувства съ

простодушiемъ чистосердечiя; — одна природа исключительно владѣетъ этою тайною и нерѣдко отказывается въ ней самому таланту.

Эта способность бываетъ врожденная человѣку, но не прiобрѣтается опытомъ. Фильдъ владѣлъ ею, и вотъ почему его произведенiя будутъ всегда полны той свѣжести, надъ которою и время не имѣетъ власти.

Форма его изложенiй никогда не состарѣется, потому что она, какъ нельзя лучше, согласуется съ впечатлѣнiемъ волновавшаго его чувства. Напрасны будутъ старанiя анализировать прелесть его фантазiй, — они прямо зависятъ отъ склонности души, чисто исключительной. Фильдъ легко творилъ, — а разнообразiе формъ составляло для него необходимость, какъ это вообще случается съ людьми, у которыхъ сердце переполнено чувствомъ.

А потому, не смотря на легкость и разнообразiе его фантазiй, въ талантѣ Фильда не было замѣтно аффектацiи, напротивъ того, самая изысканность была проникнута инстинктивнымъ простодушiемъ, которому нравится, по своему произволу, разнообразить простой, счастливый аккордъ чувства, наполнившаго сердце.

Все это можетъ равно относиться къ композитору и виртуозу.

И бросая на бумагу ноты во время игры, онъ старался достигнуть одного, — сдѣлать понятнымъ для себя свое собственное чувство — и трудно найти подобное равнодушiе, какое онъ имѣлъ въ отношенiи къ слушателямъ.

По прiѣздѣ своемъ въ Парижъ, Фильдъ не отказался давать свои концерты на квадратныхъ пiано, хотя игра на нихъ не могла поражать такимъ эффектомъ, какъ игра на инструментахъ, болѣе приспособленныхъ къ концертнымъ заламъ. Концерты его привлекали множество слушателей, которыхъ онъ, безъ сознанiя, очаровывалъ своею игрою.

Поза его почти неподвижная, лицо, ничего невыражавшее, не могли обратить на себя вниманiя, а звуки лились стройно и чисто. Пальцы его съ легкостiю носились по клавишамъ, звуки, постепенно возрастая, казались, слѣдили за какимъ-то пѣнистымъ переливомъ.

Весело было смотрѣть, что главный слушатель для Фильда — былъ онъ самъ.

Его спокойствiе походило почти на безчувственность, — а впечатлѣнiе слушателей менѣе всего на него дѣйствовало.

Ни одинъ несогласный звукъ, ни одинъ порывъ въ тактъ или

темпъ не прерывалъ его мелодическихъ мечтаний, разливавшихъ вокругъ себя чудные звуки пѣсенъ, сладострастно шептавшихъ *mezza voce*, живыя впечатлѣнія самыхъ пѣжныхъ восторговъ сердца.

Это тихое спокойствіе не только никогда его не покидало, но все болѣе и болѣе въ немъ развивалось. Съ лѣтами шумъ и всякое движеніе становились ему несносны. Онъ любилъ тишину и всегда говорилъ тихо и протяжно. Все грубое и наглое Фильдъ ненавидѣлъ и старался избѣгать.

Къ его игрѣ, отличавшейся рѣдкимъ вкусомъ и отчетливостью, стала прививаться медлительная пѣжность, нерѣдко переходившая въ лѣность.

Стараясь избѣгать всякаго лишняго движенія, Фильдъ употреблялъ до самой старости въ экзерциціяхъ, которыми занимался по нѣскольکو часовъ въ день, приемы вынѣ, по несчастію, совершенно забытые. Приемы эти состояли въ томъ, что Фильдъ клалъ на руку монету — и монета ни разу не упала съ руки; эта черта, какъ нельзя лучше даетъ намъ понятіе о ровности его игры и кротости характера.

Совершенная безпечность до такой степени овладѣла имъ въ послѣдніе годы его жизни, что все его привычки, даже тѣлесныя, подчинились ей: вставать, бриться и ходить — становилось ему въ тягость.

Нерѣдко легкая тяжесть палки обременяла его лѣвивую руку, и, если во время прогулки, она выскользала изъ его рукъ, онъ стоялъ надъ ней до-тѣхъ-поръ, пока ее не поднималъ кто-нибудь изъ проходящихъ.

Точно также поступалъ онъ и со славою: она его вовсе не занимала, ему было все равно, знали-ли объ немъ гдѣ-нибудь или нѣтъ, бравили его или хвалили. Предаваться влеченію искусства — составляло для него цѣль искусства.

И потому онъ вовсе не заботился о значеніи, которое онъ имѣлъ, о славѣ, его окружающей, объ успѣхѣхъ и долговременности своихъ сочиненій. Фильдъ игралъ для себя; для него довольно было собственнаго удовольствія, — болѣе онъ ничего не требовалъ отъ музыки. Если Фильдъ набрасывалъ что на бумагу, это дѣлалось для развлеченія. Творилъ онъ безъ усилія, такъ сказать не работая, совершенствовалъ безъ труда; издавалъ онъ съ такою же безпечностію. Какая странная противоположность въ сравненіи съ артистами нашего времени!

Жизнь Фильда, свободная, такъ сказать, отъ сильныхъ ощущеній,

которыя развиваютъ въ людяхъ желаніе добиться славы и сдѣлаться извѣстными, освобождала его отъ блестящихъ лучей таланта, выставляемыхъ на показъ живыми натурами. Она вся протекла посреди какой-то мечтательной пѣги, исполненной полумрака и полусвѣта — подобно длинному ноктюрну. Ни одна грозная молнія, ни одинъ порывъ вѣтра, ни одинъ ураганъ, не потревожили спокойствія этой природы.

Родившись въ Англіи, Фильдъ въ юныхъ лѣтахъ оставилъ свою родину и, по привязанности къ учителю своему Клементи, послѣдовалъ за нимъ въ Германію, гдѣ пробылъ только два года; оттуда онъ отправился въ Россію, гдѣ и остался.

Въ Москвѣ и Петербургѣ чрезвычайно дорожили его уроками; въ продолженіе многихъ лѣтъ, онъ такъ былъ занятъ уроками, что, при пробужденіи, лежа въ постели, долженъ былъ слушать учениковъ, уже игравшихъ въ сосѣдней комнатѣ.

Въ преклонныхъ лѣтахъ, увлекшись воображеніемъ, онъ вздумалъ посѣтить Италію.

Проѣзжая чрезъ Парижъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе, онъ далъ нѣсколько концертовъ — и оттуда отправился въ Неаполь. Итальянское небо и вообще самый климатъ вредно подѣйствовали на его здоровье. Фильдъ сдѣлался болѣнъ и снова возвратился въ Россію, свое второе отечество, гдѣ слава его сдѣлалась, такъ сказать, національною, и гдѣ онъ окончилъ свое земное поприще.

Любимый ученикъ Клементи — Фильдъ перенялъ у него искусство музыкальнаго выполненія, которымъ вполне обладалъ и пользовался съ такимъ умѣньемъ, что навсегда останется образцомъ простодушной граціи, меланхолической наивности, нѣжности и томмага самозабвенія.

Фильдъ принадлежитъ къ тѣмъ типамъ первобытной школы, которые появляются, въ извѣстные періоды искусства, когда оно, начиная сознавать свои силы, еще не имѣетъ ихъ столько, чтобы расширить свои владѣнія и пуститься вдаль.

Примѣч.

Джонъ Фильдъ родился въ Дублинѣ въ 1782 году, умеръ въ Москвѣ въ 1857 января $\frac{12}{25}$. На 14 году онъ написалъ сонату и посвятилъ ее Клементи.

Кромѣ ноктюрна, заслуживаютъ просвѣщенного вниманія два его концерта, въ а-дуръ и эс-дуръ.

Одинъ изъ пѣанистовъ, современныхъ Фильду, справедливо сказалъ объ немъ: *Фильдъ самое легкое играетъ такъ; что оно дѣлается недоступ-*

но труднымъ. Изъ множества его учениковъ, самые даровитые были Александръ Димлеръ, Александръ Дюбуокъ и Александръ Шарпантье (пѣвецъ Леоновъ).

ГРЕЧЕСКАЯ БАСНЯ И БАСНОПИСЕЦЪ БАБРІЙ.

Въ 1840 году, Вильмень, будучи министромъ просвѣщенія во Франціи, поручилъ ученому греку, проживавшему въ Парижѣ, Миноиду Минѣ, осмотрѣть хорошенько библиотеки македонскихъ монастырей и привезти во Францію всѣ замѣчательныя рукописи, которыя ему удастся найти. Послѣ трехгодичныхъ поисковъ, Мина возвратился съ своей добычею. Онъ привезъ нѣсколько древнихъ твореній, которыя считались утраченными и, по большей части, не заслуживали чести воззванія на свѣтъ. Но въ числѣ отысканныхъ рукописей находились сто двадцать три басни, писанныя холиамбическими стихами. Мина отыскала ихъ въ рукописи X вѣка, приписываемой нѣкому Балебрію. Филологи признали ихъ за басни Бабрія, котораго дотолѣ знали только по отрывкамъ, разсѣяннымъ въ лексиконѣ Суидаса. Въ цѣлости извѣстны были только пять басенъ, — правду сказать, пять лучшихъ. Разумѣется, все вниманіе ученыхъ устремилось на эту часть находки ученаго грека. Не подлежитъ сомнѣнію, что время великихъ филологическихъ открытій миновало. Развѣ какой-нибудь случай, день ото дня менѣе вѣроятный, поможетъ открыть новый Геркуланумъ, или обнаружить на какомъ-нибудь вѣтхомъ пергамнѣ слѣды древнихъ писемъ, которыя еще можно будетъ разобрать. Иначе, нѣтъ больше древнихъ авторовъ, которыхъ бы можно воскрешать; нѣтъ матеріаловъ для археологическихъ и филологическихъ изданій, еще быть можетъ, при великомъ терпѣніи и маленькомъ счастьѣ, успѣетъ филологія спасти отъ забвенія какіе-нибудь обрывки, подобрать послѣ жатвы какіе-нибудь затерявшіеся колосья. Но какъ-бы ни мала была пожива, ученые всегда встрѣчаютъ ее съ восторгомъ, — такъ силенъ интересъ этихъ слабыхъ останковъ, именно по причинѣ прежнихъ искаженій текста, по причинѣ опасностей, которыхъ онъ избѣжалъ, по причинѣ случайности, которая спасла его для насъ. *Nabent sua fata libelli*, «свои судьбы у книгъ.» Сочиненіе, которое византиецъ Іоаннъ Лидусъ написалъ во времена Юстиніана о римскихъ правитель-

ственныхъ мѣстахъ, нашлось на днѣ бочки съ греческимъ виномъ; нѣсколько строкъ юрисконсульта Ульпіана разобраны на пергаментѣ одного стараго переплета. Бабріи наконецъ тлѣлъ на полкахъ бібліотеки Аонской Лавры, служа покормкою крысамъ съ незапамятныхъ временъ.

Велико было ожиданіе, даже нетерпѣніе ученыхъ, при извѣстіи объ этой находкѣ. Наконецъ-то они могли ознакомиться съ этими горько оплаканными баснями, которыя Гердеръ и Бентлей заранѣе ставили гораздо выше басенъ Федра, которыхъ разсѣянные клочки съ тяжкимъ трудомъ собирали Бентлей, Тирвиттъ, Корè и многіе другіе. Изданіе рукописи, какъ дѣло національное, возложено было на патріарха французскихъ еллинистовъ, г. Боассонада, и наконецъ появилось, изъ типографіи Дидо, въ октябрѣ 1844 года первоначальное изданіе (editio princeps) въ видѣ роскошнаго тома, въ большую восьмую долю, съ пышнымъ посвященіемъ министру народнаго просвѣщенія, съ латинскимъ переводомъ и съ комментаріемъ, въ которомъ издатель, щедрѣе обыкновеннаго, разсыпалъ всѣ сокровища своего остроумія и своей учености (*). Сигналъ былъ поданъ. Филологическая рать двинулась въ походъ; всѣ критики явились на арену, вооруженные, кто поправкою, кто возстановленіемъ, кто догадкою. Одинъ присвоилъ себѣ вопросъ о метрикѣ, другой отыскивалъ въ текстѣ слѣды разныхъ постепенныхъ измѣненій. Вѣкъ, отечество, имя поэта, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ не былъ, что говоритъ и чего не говоритъ, ничто не ускользнуло отъ изслѣдователей. Нѣмецкіе филологи, Орелли и Байтеръ — въ Цюрихѣ, Вейзе — въ Лейпцигѣ, Лахманъ съ товарищами — въ Берлинѣ, составили свои изданія баснописца, съ своими собственными комментаріями. Въ какіе-нибудь полгода, варіантовъ накопилось столько, что тексту пришлось убраться на самыя верхушки страницъ. Споры и пренія ученыхъ напомнили собою XVI вѣкъ, не только предметомъ ихъ состязанія, но даже и тономъ. Особенно нѣмецкіе ученые, въ пылу борьбы, не разъ забывали совѣтъ Бабрія — *«услаждаютъ суровыя формы горькихъ ямбовъ.»*

Надо отдать справедливость новѣйшей критикѣ. Отнюдь не ея вина, если понынѣ лицо Бабрія, его вѣкъ, его исторія, словомъ, все, что желательно знать о писателѣ, о поэтѣ, остается столь же мало извѣстно, какъ и до трудовъ критики. Это не оттого, чтобы

(*) Babrii fabulae jambicae CXXIII jussu summi educationis publicae administratoris nunc primum editae. J. J. Boissonade recensuit, latine convertit, annotavit. — Par., 1844. —

у критики не доставало проникательности или отваги : не доставало фактовъ, точекъ опоры. Извѣстно, что греческіе поэты вообще мало говорятъ о самихъ себѣ ; Езопова басня, какъ сейчасъ убѣдимся точнѣе, еще менѣе допускала проявленія личности поэта. Бабрійъ рассказываетъ и складно рассказываетъ, но исчезаетъ за своими дѣйствующими лицами. Вотъ все, что онъ промолвилъ о самомъ себѣ : первая книга его басенъ посвящена какому-то ребенку Бранху, вторая сыну царя Александра. Кто такой Бранхъ ? Одно ли и тоже лицо съ Бранхомъ этотъ сынъ царя Александра ? — Неизвѣстно. — «Я, — говоритъ онъ во второмъ прологѣ или посвященіи, — я первый отворилъ дверь ; другіе вошли за мною.» Значитъ, Бабрійъ первый переложилъ Езоповы басни въ холиямбическіе стихи. Наконецъ, въ 57-й баснѣ, одно выраженіе даетъ поводъ думать, что поэтъ былъ обманутъ арабами. «Меркурій, — говоритъ онъ, — наклавъ возъ лжи, плутней и всякихъ негодныхъ продѣлокъ, и развѣзжалъ по землѣ, изъ страны въ страну, удѣляя каждому человѣку отъ своихъ даровъ. Говорятъ, что когда онъ прибылъ въ Аравію, вдругъ его телѣга сломалась и остановилась на дорогѣ. Арабы тотчасъ разграбили всю поклажу ; очистили весь возъ, такъ, что дальше везти было нечего. Съ той поры, арабы, по опыту знаю, лжецы и обманщики, у которыхъ не бываетъ на языкѣ ни одного слова правды.» Согласитесь, указанія эти не такъ точны, чтобы за ними не оставалось мѣста догадкамъ. Боассонадъ, который въ 1813. году признавалъ Бабрія современникомъ Августа, при изданіи Бабрія въ 1844 году, полагаетъ, что царь Александръ вѣроятно императоръ Александръ Северъ (умершій въ 235 году по Р. Х.) Ученый Бергкъ, въ программѣ, изданной въ Марбургѣ 1845 года, считаетъ Александра царемъ Коринтскимъ, и смѣло относитъ Бабрія къ половинѣ III вѣка до Р. Х. Разстояніе просторное, какъ говоритъ Гораций : *intervalla vides humane commoda*, отъ III вѣка по Р. Х. до III вѣка до Р. Х. Правда, догадка филолога Боассонада несомнѣнная ошибка, потому что риторъ Досноей, писавшій въ 207 году по Р. Х., приводитъ буквально двѣ басни Бабрія. Но и этотъ фактъ, самый точный изъ всѣхъ, еще далеко неудовлетворителенъ. Прочія свидѣтельства не поясняютъ ровно ничего. Латинскій поэтъ Авіанъ, въ предисловіи своихъ басенъ, посвященныхъ какому-то Феодосію, исчисляя фабулистовъ, служившихъ ему образцами, именуетъ Езопъ, Сократа, Горация, Бабрія и Федра. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, въ какомъ вѣкѣ жилъ Авіанъ, а съ другой стороны нѣтъ основанія думать, чтобы онъ въ своемъ перечнѣ держался хроно-

логическаго порядка. Одинъ грамматикъ Аполлоній, написавшій Гомеровъ лексиконъ, приводитъ безъ имени автора два холіамбическіе стиха, гдѣ говорится о смерти Езона, свергнутаго со скалы Фэдриады дельфійцами, которыхъ онъ раздражилъ слишкомъ ѣдкими сарказмами. Большая часть филологовъ признавали эти два стиха за отрывокъ изъ Бабріевой басни, вѣроятно изъ басни *Орелъ и Жукъ*, которую преданіе влагааетъ въ уста Езону, когда дельфійцы влекли его на казнь. Аполлоній жилъ, по видимому, въ послѣдней половинѣ I вѣка нашего лѣтоисчисленія. А извѣстно, въ 72 году, вѣкто Александръ, изъ рода Прода, былъ поставленъ въ цари императоромъ Веспасіаномъ въ одномъ округѣ Киликіи. Къ этому времени относитъ Бабрія филологъ Лахманъ. Но, во первыхъ, стихи, приводимые Аполлоніемъ, точно ли взяты изъ Бабрія, еще вопросъ. Филологъ Шнейдевинъ доказалъ, что ихъ можно съ такою-же вѣроятностію приписать александрийцу Каллимаху. Явное дѣло, что въ сомнительныхъ случаяхъ всегда лучше воздерживаться отъ рѣшенія. Если-же необходимо на что нибудь рѣшиться, лучше-же придержаться словъ Авіана, и отнести Бабрія ко временамъ ранѣе Федра, безъ означенія, къ какимъ именно. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія могутъ служить заключенія, какія слѣдуютъ изъ слога и стихосложенія басенъ. Притомъ, имя Александра носили сирійскіе цари дома Селевкидовъ. — Что касается до родины вновь открытаго баснописца, вопросъ еще мудренѣе рѣшить. Боассонадъ и за нимъ другіе полагаютъ, что Бабрій былъ римлянинъ, и даже называютъ его Валеріемъ Бабріемъ, *Valerius Babrius*. Правда, доказательствъ этому мнѣнію вѣтъ не только положительныхъ, но и вовсе никакихъ, въ строгомъ смыслѣ. Однакожь, съ другой стороны, Римъ, обязанный Греціи Федромъ, могъ подарить ей Бабрія: несбыточнаго тутъ нѣтъ. Несомнѣннымъ кажется одно, что баснописецъ жилъ на Востокѣ.

И такъ, находка современной филологіи, басни Бабрія, почти тоже, что безыменное твореніе. Остается изучать ихъ только, какъ литературный фактъ, безъ пособія стороннихъ данныхъ. Но, чтобы предупредить всякое невозможное сравненіе и судить о вопросѣ съ знаніемъ дѣла, посмотримъ хорошенько, что такое была у грековъ басня въ различныя времена ихъ литературы. Исторія укажетъ мѣру того, что сдѣлалъ Бабрій.

На вопросъ: «кто изобрѣлъ басню?» греки отвѣчали: Езонъ. Нашлись ученые, которые не захотѣли вѣрить въ Езона, и предпочли вѣрить въ Бидпая или въ Локмана. Спрашивается, почему

такое предпочтеніе? Езопъ, говорятъ, вымышленное лицо; пожалуй такъ, но это вымыселъ народный. Если ужъ пойдетъ на критику, надо осудить не отвѣтъ, а самый вопросъ. Спрашивать: «кто изобрѣлъ басню?» это все равно, что спрашивать, кто изобрѣлъ метафору или сравненіе. Такъ устроенъ умъ человѣческой; отвлеченіе затрудняетъ его, ему сподручнѣе непрямое выраженіе. У грековъ, какъ и у другихъ народовъ, а можетъ-быть и болѣе, чѣмъ у другихъ, басня, была ни что иное, какъ замысловатый способъ излагать поразительнымъ образомъ правила, почерпнутыя изъ опыта жизни, а иногда насмѣшливую выходку. И таковъ, дѣйствительно, характеръ древнѣйшихъ греческихъ басенъ, которыхъ память дошла до насъ. Примѣры басенъ встрѣчаются на каждомъ шагу, и по весьма понятной причинѣ: басня годилась на всѣ положенія безъ разбора. Слзбый находилъ въ ней средство защиты отъ сильнаго; за то иногда она же служила побѣдителю средствомъ посмѣянія надъ побѣжденными или для внушенія страха. Мало-азійскіе греки отказались отъ союза съ Киромъ противъ Лидійскаго царя; когда-же лидійцы были побѣждены, они явились въ Сарды искать покровительства персевъ. Киръ отвѣчалъ имъ: «Одинъ игрокъ, увидѣвши рыбъ въ морѣ, принялся играть на свирели, надѣясь, что рыбы сами приплывутъ на берегъ. Обманувшись въ ожиданіи, онъ закинулъ сѣти, поймалъ множество рыбъ и вытащилъ ихъ на берегъ. Видя, что онѣ скачутъ, онъ сказалъ: «Полно плясать! это надо было тогда, когда я игралъ на свирели.» Свирѣпный диктаторъ Силла бывалъ еще безцеремоннѣе. «Одного земледѣльца, говорилъ онъ приверженцамъ Марія, кусали насѣкомыя. Дважды покидалъ онъ плугъ, чтобы вытрясать тунику; въ третій разъ, чтобы наконецъ успокоиться, онъ кинулъ свою тунику въ огонь.»

Ясно, всѣ апологи древнихъ имѣютъ одинъ и тотъ-же характеръ; ничего не значать сами по себѣ, весь ихъ смыслъ въ обстоятельствахъ, которыя ихъ породили. Это острия возраженія, ловкіе обороты слога, доводы *ad hominem*. Впослѣдствіи, это риторическія фигуры, а все-таки не особый родъ словесности. У другихъ народовъ, наблюденіе надъ животными и надъ ихъ нравами играетъ въ баснѣ роль гораздо важнѣйшую. Невѣжественный, на дѣтской степени развитія, человѣкъ могъ считать инстинктъ за умъ. Оттого взялись побаски, въ которыхъ вѣрно воспроизведена дѣйствительная натура; поученіе проистекаетъ изъ нихъ случайное. У грековъ, напротивъ, все дѣло въ правоученіи, въ примѣненіи басни; сама басня только оболочка мысли; чѣмъ

прозрачнѣ скорлупа, тѣмъ лучше. Звѣри въ басняхъ такія-же условныя личины, какъ маски актеровъ на сценѣ; говорить и дѣйствуетъ въ нихъ все-таки человѣкъ.

Впрочемъ, несомнѣнно и нечего спорить, что, какъ любовь къ баснѣ, такъ и значительное количество басенъ, перешли къ грекамъ отъ восточныхъ народовъ. Самъ Бабрій это доказываетъ, во-второмъ своемъ посвященіи. «Басня, сынъ царя Александра! древняя выдумка обитателей Сиріи, то-есть тѣхъ, которые жили въ глубокую старину, при Нинѣ и Белѣ. Мудрый Езопъ первый рассказывалъ басни дѣтямъ грековъ.» Въ-самомъ-дѣлѣ, подобное притворство мысли, которая кроется, чтобы поразить метче, совершенно въ восточныхъ нравахъ; Востокъ, по-преимуществу, родина басни. Собравшись изъ разныхъ странъ, вотще удерживали онѣ долгое время свое названіе, свои отличительныя черты: для всѣхъ общее названіе, Езоповы басни, наконецъ возобладало, потому-что между всѣми баснями, ливійскими, карійскими, кипрскими, киликійскими, лидійскими, фригійскими и проч., была общая связь, могущественное единство: греческій духъ, который всѣ ихъ претворялъ по своему Первоначальная разноплеменность басенъ — любопытный фактъ; она изгладилась не совершенно до чиста и не очень скоро: слѣды ея примѣтны даже у Бабрія. Извѣстно, что ливійскія басни, которыя преданіе приписывало пѣктому Кибиссу, долго были въ большомъ почетѣ, даже у римлянъ. Очевидно, онѣ достались европейцамъ изъ колоніи Кирены. Прекрасный образчикъ ихъ находимъ у Эсхила, въ одномъ мѣстѣ трагедіи *Мирмидоняне*. Патроклъ надѣлъ Ахилловы доспѣхи и палъ подъ ударами Гектора; Ахиллъ горько упрекаетъ себя, что отпустилъ друга. «Такъ, — повѣствуютъ ливійскія басни, — восклицаетъ онъ; орелъ, провзденный стрѣлою, говорилъ, глядя на опереніе стрѣлы: умираю, а погубили меня мои собственныя крылья.» Звѣри пустыни и баснословныя чудовища, разумѣется, играли важную роль въ этихъ разсказахъ. Страусъ, журавль, левъ, пантера, змѣя, верблюды, крокодилъ были главными дѣйствующими лицами. — Образчика киликійскихъ басенъ не дошло до насъ; извѣстно только, что изобрѣтателемъ ихъ былъ пѣкто Коппиетъ. Вѣроятно, это были чудесные разсказы, страшныя сказки. Свирѣпость киликійцевъ вошла у грековъ въ пословицу: киликійская смерть, киликійская казнь, значили жесточайшія мученія. Онъ изъ *Кескоса* (килікійскаго города), значило: онъ варваръ. — Кипрскимъ баснямъ не давали никакого изобрѣтателя; риторъ Феонъ говоритъ, что обык-

новенно ихъ влагали въ уста какой-нибудь кипрской женщины. Кажется, значительное число ихъ сочинилъ лирической поэтъ Тимокреонъ. Образчикъ ихъ сохранилъ для насъ Диогеніанъ въ предисловіи къ своему сборнику пословицъ. «Во время похоронъ Адониса, которыя Венера совершала на Кипрѣ, кипріане кинули на костеръ живыхъ голубей. Голуби вспорхнули и улетѣли изъ огня; но, по неосорожности, попали на другой костеръ и сгорѣли.» Тимокреонъ выводилъ изъ побаски то заключеніе, что виноватый всегда бываетъ наказанъ по заслугамъ. Судя по этому примѣру и по нѣкоторымъ другимъ отрывкамъ, кипрская басня вся вертѣлась на игрѣ и прихотяхъ случая, на непредвидѣнномъ, непостижимомъ, иногда странномъ свойствѣ судьбы. — Карійская басня, кажется, была забавнѣе; состояла въ рѣзкихъ контрастахъ, въ смѣшныхъ положеніяхъ. Симонидъ не пренебрегалъ ею, и единственная, дошедшая до насъ, басня приписывается тому-же Тимокреону. Содержаніемъ ей служитъ карійскій рыбакъ, увидѣвшій зимою въ морѣ жирную рыбу. «Если мнѣ раздѣться, подумалъ онъ, и кинуться въ море за рыбою, я навѣрно замерзну; а если не поймать рыбу, дѣти мои помрутъ съ голода.» Въ подобномъ случаѣ, стоя между ведромъ воды и кулемъ овса, Буридановъ осель умиралъ отъ жажды и голода. Каріецъ также, вѣроятно, стоялъ на берегу, взвѣшивая свои побужденія и ни на что не рѣшаясь, пока погибъ и съ голода и съ холода. — Фригійскія, египетскія и лидійскія басни развились, можетъ-быть, только мѣстомъ дѣйствія и отечествомъ дѣйствующихъ лицъ. До насъ дошли только три стиха лидійской басни Каллимаха. Это разговоръ, на горѣ Тмолѣ, въ Лидіи, между лавромъ, символомъ войны, и оливою, символомъ мира. — Но изъ всѣхъ этихъ игрушекъ ума аѳоняне, по-видимому, преимущественно любили, охотнѣе всего повторяли, съ разными шутками и прибаутками во вкусѣ Аристофана, когда послѣ возліяній давали волю своей шутливости, — сибаритскія басни. Въ устахъ сибарита, самая пустыя слова производили смѣхъ. Эти выходки составляли главное украшеніе комедій Эпихарма. Басня *Жрецъ Юпитера и двѣ его дочери* и басня *Мальчикъ и школьный учитель*, вѣроятно, были прямо сибаритскаго происхожденія.

Благодаря риторамъ и поэтамъ, басни эти, столь согласовавшіяся съ характеромъ греческаго народа, охотника до изрѣченій и прекрасныхъ мыслей, размножились съ удивительною быстрою, составляя народное преданіе, которому дѣти научались, учась говорить, и которое переходило изъ устъ въ уста, съ прибавле-

ніями. Понятно, греки не могли въ оффиціальныхъ своихъ лѣтописяхъ допустить безвѣстное происхожденіе, медленное и трудное образованіе этихъ любимыхъ сказокъ. Они терпѣть не могли безыменности; обрабатывали свою исторію, какъ артисты, стараясь не оставлять ни одного пункта безъ поясненія, ни одного вопроса безъ отвѣта. Нужно было дать какое-нибудь общее имя всѣмъ баснямъ: нельзя же было назвать ихъ именемъ киликіянина Коняса или ливійца Кибисса. Басня давно освоилась на греческой почвѣ, и представителемъ ея долженъ былъ явиться грекъ, если не по рожденію, по крайней мѣрѣ, по характеру. Явился Езопъ.

Въ половинѣ V вѣка до Р. X., въ Греціи разнесся слухъ, что оракулъ Аполлоновъ провѣщалъ, и что дельфійцы, страшась небеснаго наказанія, вызвались загладить преступленіе своихъ предковъ. Говорили, что за три поколѣнія предъ тѣмъ, одинъ мудрецъ, по имени Езопъ, пришелъ съ Востока спросить прорицательницу, и что дельфійская червь, раздраженная его насмѣшливыми баснями, желая отомстить ему, обвинила его въ святотатствѣ. Осужденный за преступленіе, въ которомъ былъ невиненъ, мудрый Езопъ сброшенъ со скалы; но, при смерти, призывалъ гнѣвъ боговъ на голову своихъ убійцъ. Дельфійцы признавали преступленіе своихъ предковъ и вызывались заплатить цѣну крови тому, кто явится за нею. Богатый самосскій гражданинъ, Ядмонъ, отыскалъ у себя доказательства, что Езопъ былъ рабомъ его предка, и получилъ возмездіе за кровь Езопову. Всѣ свидѣтельства древнихъ согласны на этотъ счетъ; но правда ли, что Езопъ, рабъ самосца Ядмона, дѣйствительно былъ преданъ смерти дельфійцами? Можно утвердительно сказать, этого никогда не зналъ никто, ни тѣ, которые платили, ни тотъ, кто получалъ цѣну крови. Примемъ однако во вниманіе то, за какую честь считали всѣ греческіе города имѣть на своей землѣ могилу или другаго великаго человѣка. Вспомнимъ, что города состязались о славу быть отечествомъ Гомера, и поймемъ, что имя Езопово озярало завиднымъ блескомъ и островъ Самось и родъ самосца Ядмона. Съ обѣихъ сторонъ побужденія ко лжи были такъ сильны, что нѣтъ ни малѣйшей возможности основываться на подобныхъ свидѣтельствахъ. Никто не подумалъ согласить показанія самосца Ядмона со словами оракула; никто не далъ себѣ отчета, почему боги, терпѣливо прождавъ три поколѣнія, вдругъ ожесточились на невинныхъ за преступленіе, котораго тѣ, можетъ-быть, не вѣдали. Никто не усомнился, да и на что было сомнѣваться? Нравственное чувство и воображеніе удовлетворялись сказкою,

точно также, какъ удовлетворялись ею расчеты жрецовъ и славолібіе самосцевъ; больше ничего и не нужно было грекамъ.

Потому нелегкая задача въ наше время написать жизнь Езопа, если подвергнуть всѣмъ условіямъ критики различныя свидѣтельства древнихъ. Многіе ученые понапрасну потратили трудъ. Приписывая одному лицу всѣ басни, обращавшіяся въ Греціи, не должно дорожить ни временемъ, ни мѣстомъ. У Аристотеля, Езопъ народный ораторъ, говорящій предъ собраніемъ самосцевъ; у Аристофана, онъ аѳинскій гражданинъ; у Федра, онъ извѣстной баснею открываетъ аѳинянамъ честолюбивыя за мысли Пизистрата. Другіе представляютъ его въ Коринѣ и даже въ Спбарисѣ; иные помѣщаютъ при дворѣ Креза и заставляютъ бесѣдовать съ Солопомъ. Преданіе, будто онъ умеръ въ Дельфахъ, не имѣло можетъ быть другаго основанія, кромѣ потребности придать историческую дѣйствительность баснѣ объ Орлѣ и Жукѣ. Мало того, заставили его сражаться вмѣстѣ съ Леопидомъ при Фермопилахъ, вѣроятно для того, чтобы вложить ему въ уста какую-нибудь басню. То онъ рабъ, то отпущенникъ, то иногда посланникъ Лидійскаго царя. Комическіе поэты превратили его въ одно изъ своихъ любимыхъ лицъ. Это еще больше перепутало всѣ понятія. Вислѣдствіи монахи, собиравшіе Езоповы басни, вздумавъ написать біографію отца басни, перещеголяли даже своихъ предшественниковъ, почерпая изъ восточныхъ источниковъ и дополняя вымыслами пробѣлы преданія. У Планудія, жизнь Езопа превратилась въ кучу сказокъ, одна другой нелѣпѣе; глубокій смыслъ ея печезъ, уступивъ мѣсто сплетенію пошлостей; самъ баснопотворецъ сталъ истой карикатурою. А между тѣмъ аѳиняневоздвигли ему статую рукою Лизиппа!

Въ самомъ дѣлѣ, Аѳины, сдѣлавшись главнымъ притономъ еллинской образованности, приобрѣли нѣкоторымъ образомъ право присвоивать себѣ всѣ знаменитости Греціи. Бури народнаго вѣча, волненія театральныхъ зрѣлищъ, великіе уроки Портика и Академіи, не изгладили изъ памяти аѳинянь смиренную Езопову басню; въ театрѣ, она потѣшала народъ въ устахъ Филоклеоновъ и Писоетеровъ; на общественной площади, она наполняла рѣчи адвокатовъ и увѣщанія демагоговъ; басню употреблялъ Сократъ для ввущенія своимъ ученикамъ высреннихъ истинъ. Платонъ и Ксенофонтъ завѣщали намъ нѣсколько притчей во вкусъ ихъ учителя. Въ числѣ этихъ образчиковъ находятся двѣ прелестныя аллегоріи. «Кузвечики, говорилъ Сократъ юному Федру, были людьми до рожденія музы. Когда родились музы и когда послы-

шались ихъ пѣсни, вѣкоторые люди пришли въ такое восхищеніе, что забыли ѣсть и пить и померли, не чувствуя, что умираютъ. Отъ нихъ то произошла порода кузнечиковъ, которымъ музы даровали силу обходиться безъ пищи съ самаго рожденія и пѣть, не чувствуя ни голода, ни жажды до самой смерти». Последнимъ занятіемъ Сократа въ темницѣ было переложеніе въ элегическіе стихи езоповыхъ басенъ, «которыя были у меня подъ рукою и которыя зналъ я наизусть», говоритъ онъ. Такимъ образомъ великій философъ находилъ еще поученія для себя въ правилахъ народной мудрости.

Сборникъ этотъ, который смерть не дала окончить Сократу, составленъ былъ въ первый разъ, черезъ столѣтіе послѣ него, трудами другаго аѳинянина, оратора Деметрія Фалерейскаго. Книга Деметрія была просто руководствомъ для ежедневнаго употребленія ораторовъ и адвокатовъ. Она утратилась также, какъ утратились два позднѣйшіе сборника, составленные одинъ при Юліи Цезарѣ, другой при Маркѣ Авреліѣ. Но, какъ ни маловажна была книга въ литературномъ отношеніи, она все таки составила эпоху въ исторіи греческой басни. Изъ этого чисто аѳинскаго источника черпали Бабрій и его преемники: характеръ первоначальнаго сочиненія еще пробивается во многихъ мѣстахъ изъ подъ безцвѣтной прозы монаховъ среднихъ вѣковъ. Одну басню, напр., монахи приписываютъ оратору Демаду, другую Демосѳену. Басня рассказываетъ, какъ одинъ человекъ нанялъ осла, чтобы перевести пожитки изъ Аѳинъ въ Мегару. Идучи въ жаркій полдень съ осломъ и погонщикомъ, онъ хочетъ укрыться отъ зноя за тѣнью осла; погонщикъ возражаетъ, что онъ нанялъ только осла, а не тѣнь его; возникаетъ жаркій споръ, который оканчивается тяжбою. Слѣды мѣстныхъ красокъ, подобные этому, не столь изглажены у Бабрія, какъ у другихъ. Баснописецъ упоминаетъ о гиметтской пчелѣ, о статуяхъ Меркурія, о жалованьѣ вершниковъ въ военное время, о фратріяхъ, о сикофантахъ. Всѣ эти выраженія странны въ устахъ сирійскаго грека, если бъ онъ не заимствовалъ ихъ съ аѳинскаго подлинника.

Книга Бабрія, безъ всякаго сомнѣнія, много способствовала утратѣ Деметріева сборника. Одна только поэзія могла возвести басню на степень рода словесности и очистить ей мѣсто въ греческой литературѣ. Это самое предпринялъ Бабрій. До него, какъ мы видѣли, Сократъ перелагалъ басню въ элегическіе стихи; другіе присвоивали ей эпическій гекзаметръ или трагическій ямбъ. Бабрій, можетъ быть, по примѣру Каллимаха, употреблялъ такъ

называемый хромою ямбъ, т. е. оканчивающійся двумя долгими слогами, какъ болѣе свойственный разсказу. Наконецъ басня окончательно нашла себѣ форму. «Даю новой музѣ ямбъ, который правлю уздою чистѣйшаго золота, какъ боеваго коня», говоритъ баснописецъ въ своемъ прологѣ. Но какъ, со времени Архилоха, ямбъ пользовался не очень доброй славою въ Греціи, то поэтъ прибавляетъ, что «успокаиваетъ его горечь, притупляетъ его шипы». За тѣмъ онъ, мимоходомъ, задѣваетъ нѣкоторыхъ поэтовъ соперниковъ, «которыхъ ученая муза порождаетъ стихи, похожіе на загадки, и которые умѣютъ только то, что отъ меня переняли».

Отъ Гезіода до Бабрія басня много успѣла. Долго была она просто способомъ выраженія и играла второстепенную роль. Тутъ она получила свой метръ, свой слогъ, даже своихъ поэтовъ со всѣми соперничествами, со всѣми завистями ремесла, и, сколько можно заключить изъ темныхъ указаній, служила забавою тогдашняго общества. Къ несчастію, когда слово сдѣлалось предметомъ науки, басня стала риторической фигурой, и съ той поры она погибла. Риторы, расплодившіеся въ первыя времена имперіи, покинули свободную и обильную методу Платона и Аристотеля, оковавъ себя непреклонными правилами и тяжелыми затрудненіями. Искусство потерялось въ теоріяхъ и въ опредѣленіяхъ, и вдохновеніе замѣнилось механическимъ трудомъ безъ души и безъ жизни. Запятіе учениковъ въ риторическихъ школахъ состояло въ томъ, чтобы развивать темы, заданныя учителемъ. Эти темы были четырнадцать родовъ; началомъ служила басня. Мальчикъ выучивалъ наизусть какую-нибудь басню, вѣроятно Бабріеву, и до-сихъ-поръ упражненіе было прекрасно. Вѣдь самъ Бабрій посвятилъ свое сочиненіе мальчику. Но этимъ не ограничивались; ученикъ долженъ былъ разсказать вслухъ выученную басню, либо сдѣлать ей переложеніе по правиламъ искусства писать. Его учили различать логическія, эопическія и смѣшенныя басни, смотря потому, были-ль дѣйствующими лицами люди, звѣри или вмѣстѣ люди и звѣри; учили избирать слогъ, приличный каждому роду басенъ, разбирать случаи, гдѣ правоученіе должно послѣдовать и гдѣ предшествовать разсказу, представлять его, смотря по обстоятельствамъ, въ видѣ примѣра, эвонимемы или увѣщанія. Диктовали ему басни, изъ которыхъ онъ долженъ былъ самъ извлекать правоученіе, диктовали правоученія, на которыя долженъ былъ писать собственныя басни; давали сокращать пространныя

басни, распространять краткія. Всего хуже, ученику давали образцы для подражанія, поправки, и что за поправки! Древнѣйшій изъ риторовъ, Гермогенъ, сочинилъ одну только басню для примѣра; Афионій, современникъ Константина, написалъ ихъ сорокъ, и такъ далѣе. Благодаря методу, пошлость и безвкусіе все возрастали. Намъ нечего распространяться о книгахъ, которыя у самихъ ученыхъ слывутъ нелѣпыми. Слыхалъ-ли кто о Георгіи Пахимерѣ или Никифорѣ Васиакѣ, императорскомъ нотаріусѣ, профессорѣ риторики въ Константинополѣ при Алексіи Комнинѣ? Бѣдняжки! повѣйшая учепость, вѣчно алчущая новой пищи, пробудила ихъ отъ сна! Безсмертіе жалкій даръ, когда надо быть бессмертно смѣшнымъ!

Въ тѣ времена, когда напыщенность подобныхъ педантовъ, ихъ звучные и пустые періоды казались верхомъ совершенства, могла-ли кому нравиться скромность и простота писателя подобного Бабрію? Риторы нанесли баснѣ смертельный ударъ; еще нѣсколько времени влачила она, наконецъ пала навсегда. Бабріид постигла та же участь, какъ и многихъ другихъ древнихъ писателей. Ихъ уже не понимали и передѣлывали. Неспособный производить ничего самъ, византійскій гений выкраивалъ себѣ по росту платье изъ драгоценныхъ остатковъ древности. Юстиніанъ приговорилъ къ сожженію мастерскія творенія древнихъ римскихъ просконсультовъ, растерзанныхъ въ его Дигестѣ. Бабріид не могъ епастись отъ избіенія; рукопись, издавая французскимъ правительствомъ, носитъ явные слѣды искаженій и вставокъ; басни въ ней расположены по алфавитному порядку, — вѣроятно, выдумка переписчика. При каждой баснѣ есть правоученіе въ стихахъ и правоученіе въ прозѣ; эти правоученія показываютъ, что греки становились день ото дня неспособнѣе читать и понимать собственныхъ своихъ авторовъ. Скоро Бабріид показался слишкомъ длиннымъ; одинъ діаконъ IX вѣка, Игнатій, переложилъ его въ четверостишія. Пятьдесятъ три четверостишія Игнатія похитили даже имя Бабріид. Однакожь Бабріевы басни еще читались до XII вѣка, когда монахъ Іоаннъ Цецесъ передѣлалъ пятнадцать изъ нихъ. Напоследокъ, видно, стихи стало слишкомъ трудно понимать, рѣшились превратить ихъ въ прозу. Тутъ Бабріид, соперники его и подражатели, были помплованы. Къ ихъ баснямъ прибавили рассказы, взятые изъ сирійскаго романа Синтиппы или изъ арабскаго романа о двухъ шакалахъ; надѣлали даже новыхъ басенъ изъ пословицъ или изъ эпиграммъ, и, чтобы все это приурочить къ современнымъ потребностямъ,

сюда-же пришли кстати и не кстати правоученія, заимствованныя изъ Отцовъ Церкви. Долго Езоповы басни извѣстны были единственно по такой компиляціи, составленной въ XIV вѣкѣ. Потомъ нашлись въ Аугсбургѣ, въ Оксфордѣ, въ Москвѣ, въ Парижѣ, въ Римѣ и во Флоренціи рукописи древнѣе, гдѣ первоначальный видъ басенъ былъ не столь искаженъ; иногда переписчикъ выдумывалъ составить прозу, пѣша стихи не въ строку каждый, а сплошь. Новѣйшая критика принуждена была съ трудомъ подбирать эти «раскиданные члены поэта», *disjeci membra roetae*. Благодаря находкѣ рукописи Бабрія, подобные труды потеряли всякій интересъ. Только изъ Бабрія можно теперь узнать Езопову басню; только онъ въ состояніи показать намъ, какъ понималъ басню греческій геній и какъ умѣлъ обращаться съ нею.

Греческая поэзія не родилась во всеоружіи изъ головы нѣсколькихъ человекъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Задолго до Гомера, на празднествахъ пѣлись подвиги героевъ, задолго до Эсхила хоры славилъ величіе и могущество боговъ. Эхилъ ничего не изобрѣлъ новаго; онъ только вывелъ на сцену другое лицо; только приобщилъ къ лирической одѣ драму, и явилась трагедія. Тоже самое было съ Езоповой баснею, *Si parva licet componere magnis*; тоже самое въ маломъ видѣ. Издавна она существовала въ зародышѣ, когда Бабрій вздумалъ дать ей собственную жизнь, самостоятельное существованіе. Какъ же поступилъ онъ, чтобъ оплодотворить и развить этотъ драгоценный зародышъ? Постараемся пояснить вопросъ.

Во-первыхъ, не станемъ преувеличивать мѣры нововведенія. Новѣйшая европейская басня сдѣлалась просторной рамою, въ которой поэту привольно говорить съ читателемъ о самомъ себѣ, о томъ, что онъ дѣлаетъ, что думаетъ, словомъ обо всемъ. У Бабрія басня такова, какъ рассказывалась дѣтямъ, какъ слыхалъ ее, безъ сомнѣнія, самъ онъ, то есть, во всей первобытной простотѣ ея. Онъ только старается оживлять рассказъ кой-какими характерными чертами, придавать больше живости разговору, больше колорита выраженію, и выводитъ правоученіе безъ натяжки; часто даже предоставляетъ читателю самому находить правоученіе. Пуще всего хлопочетъ онъ объ отдѣлкѣ формы. Въ нѣкоторыхъ его басняхъ умные критики разобрали слѣды нѣсколькихъ постепенныхъ передѣлокъ. И точно, убѣдиться въ этомъ не трудно, при внимательномъ чтеніи. Ученое стихосложеніе, чуждое всякой вольности, чистота слога, изящная простота,

которая становится намъ все понятнѣе и понятнѣе, благодаря трудамъ филологовъ, все обличаетъ *лампу*, какъ говаривали древніе, трудъ, старательную отдѣлку. Ни одного слова лишняго, ни одной обмолвки, особенно ни одного отступленія въ родѣ тѣхъ, въ какія то и дѣло вдается римскій баснописецъ Федръ. Что это?—отсутствіе-ли одушевленія или скорѣе робость поэта, который первый пролагаетъ себѣ путь, еще невѣдомый музамъ? Кто въ силахъ рѣшить? Несомнѣнно то, что порядочныя басни Бабрія превосходятъ картинки. Вѣрнѣе всего сравнить ихъ съ мастерскими картинками голландской школы. Правда, у Бабрія гораздо меньше колорита, а впрочемъ такая-же тонкость рисунка, такая-же отдѣлка мелочей, такое-же разумѣніе всѣхъ тайнъ искусства; все окончено, все есть, кромѣ вдохновенія.

Къ сожалѣнію, подобныя достоинства нельзя понять изъ переводовъ. Можно только отослать читателя къ самому тексту или попросить его повѣрить на слово. Возможно однако показать примѣрами, къ какимъ средствамъ, къ какимъ снарочкамъ прибѣгалъ поэтъ.

Когда читать Бабрія и сравнивать его или съ древними Езоповыми баснями, собранными Кореемъ или Шнейдеромъ, или же съ Федромъ и Гораціемъ, больше всего поражаетъ въ немъ вкусъ греческаго баснотворца. Какъ мы уже сказали, въ первоначальномъ апологѣ все вниманіе устремлялось на заключеніе; остальное было только ораторскимъ приготовленіемъ, околичностью. Вслѣдствіе того, баснописецъ не заботился о вѣроятіи. Образъ горы, раждающей мышъ, отнюдь не казался нелѣпницею. Разсказывалась свадьба солнца, любовныя похождения льва, и разсказъ никому не казался дикимъ. О вѣрномъ изображеніи нравовъ животныхъ никто не думалъ; басня была естественная исторія. Требовалось только, чтобы характеръ, избранный авторомъ, соответствовалъ назначенной для него роли. Такимъ образомъ, лисица символъ изворотливости, волкъ эмблема грубой силы; вѣрность изображается собакою, беззащитность ягненокъ, трусость зайцомъ. Это до такой степени справедливо, что Гезіодъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *предусмотрительный*, и подобный эпитетъ понятенъ для всѣхъ означаетъ муравья; у Бабрія лиса не называется иначе, какъ лукавцемъ. Оттого множество странныхъ даже нелѣпныхъ подробностей, которыя отвергнулъ вѣрный вкусъ грековъ, когда басню облекли въ поэтическую одежду. При всей возможной уступчивости, воображеніе читателя неохотно допускаетъ волка, играющаго на свирѣли, зайца, ищущаго пріюта въ

воркѣ жука, оленя, который ссужаетъ овцу пшеницею за порукою волка.

И такъ, чтобы возвести басню на степень рода поэзіи, прежде всего надлежало придать больше вѣроятности разсказу, больше связности дѣйствию, словомъ, поставить на первый планъ то, что прежде было прибавочнымъ дѣломъ. Бабріій озаботился этимъ, сколько по выбору предметовъ своихъ басенъ, столько и по исправленіямъ прежнихъ басенъ, гдѣ было нужно. Приведемъ одинъ примѣръ такого исправленія. Замѣчательно, что онъ рѣшилъ давнишній споръ ученыхъ. Гораций, въ одной сатирѣ намекаетъ Меценату, что любить самобытность свыше всего, и что для сохраненія ея готовъ, пожалуй, отказаться отъ всѣхъ благодѣяній своего покровителя. Для это онъ прибѣгаетъ къ Езоповой баснѣ, разсказываетъ, какъ лиса забралась въ амбаръ и паѣлась до того, что уже не могла вылѣзть въ узкую дыру, въ которую влѣзла. Ласточка видитъ ея затрудненіе и говоритъ: «ты влѣзла тощая, и вылѣзъ тощая.»

Англійскій критикъ, Бентли, первый замѣтилъ, что лѣспа лисца, которая ѣстъ хлѣбъ. Ссылаясь на естествоиспытателей и на ученыхъ, онъ утверждалъ, что подобная несовмѣстность недостойна Горация, что въ рукописяхъ вмѣсто: лисцы (*vulpesula*) слѣдуетъ читать: крыса (*nitedula*). Поправка была замысловата, удалась, и во всѣхъ изданіяхъ Горация крыса замѣнила лисцу. Геронимъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ твореній, приводитъ Езопову басню, гдѣ паѣвшаяся и раздувшаяся крыса не можетъ вылѣзть въ дыру, въ которую влѣзла. Доводъ былъ сильный; никто не ожидалъ, чтобы на него нашлись возраженія. Однако въ 1827 году, весьма умный еллинистъ, Фридрихъ Якобъ, рѣшился изъяснить свои сомнѣнія. Онъ обратилъ вниманіе филологовъ, что блаженный Августинъ и Исидоръ Севильскій приводятъ Горациеву басню, въ которой ласточка говоритъ именно о лисцѣ, что всѣ рукописи согласны на этотъ счетъ, что наконецъ таже самая басня разсказана у ритора Діона Хризостома. Правда, Діонъ для вѣроятія замѣнилъ пшеницу мясомъ, но все таки главную роль играетъ у него лисца. Якобъ толковалъ, что мы сейчасъ показали, что въ Езоповыхъ басняхъ подобныя цѣлѣуверности служатъ именно признакомъ древности, и въ заключеніе изъясняя догадку, что поправки, находящіяся въ разсказѣ Діона Хризостома, вѣроятно, принадлежатъ Бабрію. Догадка нѣмецкаго еллиниста оказалась справедливою. Вотъ 86-я басня Бабрія.

«Старый букъ совершенно издушился у корня. Въ дуплѣ ле-

жала изорванная котомка козьяго пастуха съ хлѣбомъ и мясомъ, остатками его вчерашняго обѣда. Лиса залѣзла въ котомку и поѣла тамъ все; разумѣется, брюхо у нея раздулось, и она никакъ не могла вылѣзти въ узкую дыру. На крикъ ея прибѣжала другая лиса, и сказала ей насмѣшливо: Посиди и погомодай; вылѣзешь тогда, когда брюхо у тебя сдѣлается таково-же, каково было, когда ты влѣзла.»

Въ первоначальномъ видѣ басни, извѣстномъ Горацію, дѣло шло о пшеницѣ. У Бабрія находимъ хлѣбъ и мясо; у Діона, о хлѣбѣ уже не упоминается. Поправка рѣшительно возобладала.

Впрочемъ, надо сказать правду, Бабрію не всѣ басни удавались, и многія басни у него ничѣмъ не лучше древнихъ. Согласимся, что басни эти, во время своего происхожденія, были очень остры, но всякая острота притупляется отъ повторенія. Не говоримъ о невѣроятностяхъ подробностей; избѣжать всѣхъ ихъ было очень мудрено, и, какъ-бы то ни было, въ баснѣ онѣ менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь поражаютъ. Допустивъ вымыселъ, читатель соглашается на всѣ возможные уступки, лишь бы здравый вкусъ не оскорблялся. Замѣтимъ впрочемъ, что Бабрію напередъ оговорился:

«Бранхъ, дитя мое, говоритъ онъ въ прологѣ, первое поколѣніе было поколѣніе праведныхъ людей; его звали золотымъ вѣкомъ... Третье поколѣніе было мѣдное; потомъ, говорятъ, явились герои, происходившіе отъ боговъ. Пятое поколѣніе было желѣзное, изъ всѣхъ худшее. Во времена золотого вѣка, самыя животныя имѣли членораздѣльный голосъ. Они владѣли словомъ и держали совѣщанія промежъ собою въ лѣсахъ. Тогда камень и сосновое лѣтве говорили; дельфинъ бесѣдовалъ съ кораблемъ и съ кормчимъ. Воробьи съ земледѣльцами, какъ нельзя лучше, понимали другъ друга. Земля все давала и ничего не требовала; узы гостепріимства связывали смертныхъ съ богами (*).»

Поэтъ постепенно вводитъ насъ въ область вымысловъ. И прекрасно; гораздо лучше, нежели предупреждать круто, какъ Федръ, которому какъ-будто совѣстно обманывать своихъ читателей. Послѣ такого приготовленія, нельзя досадовать на подробности. Мѣру свисхожденія превосходятъ только безсмыслицы и плоскости, которыя, почему не сказать правды? водятся у Бабрія.

(*) «Въ то время, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Каллимахъ, пернатые, живущія въ морѣ и ходящія на четырехъ ногахъ, всѣ говорили, подобно Прометеевой глинѣ.»

Знаемъ, что подлинность ихъ оспаривали ученые; но всё сомнѣніе основывалось именно на ничтожности басенъ, будто-бы недостойныхъ такого поэта, какъ Бабрій. Это значить рѣшать вопросъ вопросомъ. Быть-можетъ, Бабрій въ какой-нибудь старинной книгѣ нашелъ басню, которая, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и при извѣстныхъ намекахъ, производила удачный эффектъ; быть-можетъ, онъ надѣялся отдѣлать ее, какъ и другія, но отдѣлка не удалась. По-крайней-мѣрѣ, мудрою находить остроумнаго баснописца въ баснѣ о мальчикѣ, который въ праздничный день объѣдается потрохами быка, закланнаго въ жертву Церерѣ, и приходитъ домой больной. Онъ кидается на руки матери и восклицаетъ: умираю, потроха изъ меня выходятъ! Не бойся, отвѣчаетъ мать, потроха ты изрыгаешь не свои, а бычачьи. Правоученіе говоритъ, что басня служитъ урокомъ опекунамъ, которые расточаютъ имущество своихъ питомцовъ, и послѣ плачутся, когда надо отдавать назадъ потраченное.

Другое отличительное свойство первобытной басни состоитъ въ излишествѣ географическихъ подробностей. Становясь на строго опредѣленную сцену, рассказъ походить на исторію и очарованіе усиливается. Древніе поэты большіе охотники до длинныхъ перечней отдаленныхъ странъ. Въ баснѣ, такіа указанія имѣли еще особый интересъ — показывали происхожденіе басни, потому что, какъ мы сказали, апологи собрался въ Грецію изъ весьма различныхъ странъ. Бабрій тщательно сохраняетъ эти черты. У него два дерущихся пѣтуха обитатели беотійскаго города Танагра; журавль ливійскій; черепаха сулитъ орлу всё сокровища Чермнаго моря; человекъ то арабъ, то аэпвянецъ, то онвапонецъ.

Собственно заслуга Бабрія — изящество выраженія. Сама по себѣ басня пустяки; чтобъ не превратиться въ пошлость и глупость, она должна быть приправлена умомъ и чувствомъ. Въ этомъ случаѣ шеголяютъ новѣйшіе баснописцы. Бабрій, пуще всего краткій и точный, не умѣетъ развивать характеры, подобно нашимъ баснописцамъ, а схватываетъ только главную черту. Онъ не выводитъ ни одного дѣйствующаго лица безъ того, чтобъ не изобразить его какою-нибудь перифразою, на которыя такъ щедро старая греческая поэзія. Величавость гомерическаго эпитета чрезвычайно облагораживаетъ маловажность предмета. Лиса — врагъ садовъ и виноградниковъ, — ласточка — гостя человека, гиметская пчела — мать сладкихъ сотовъ; «обитательница болотъ, говоритъ поэтъ въ одной баснѣ, лягушка, любить тѣнь и подземныя убожища.» Когда начинается дѣйствіе, Бабрій лучше другаго умѣетъ

придать ему важность печальными подробностями, непредвидѣнными сравненіями. Олень смотрится въ ручей, любитъся красотою своихъ роговъ и сѣтуетъ на поджарость ногъ. «Его услышала Немезида, Немезида, карающая гордость.» Словно Софокль или Эврипидъ представляетъ аоніскому народу зрѣлище какой-нибудь страшной кары, уготованной богами великому преступленію.— Ласточка превращена въ женщину, прихотью могущественной Киприды. Знаменитый Лафонтенъ, отецъ новѣйшей басни, знавшій сборникъ діакона Игнатія *, читалъ одну басню Бабрія, которую пощадилъ византійскіе монахи. Басня эта мастерское произведеніе греческаго поэта; французскій баснописецъ самъ почерпнулъ изъ него одно изъ лучшихъ своихъ произведеній. Приводимъ его въ томъ видѣ, въ какомъ зналъ его Лафонтенъ; въ рукописи, найденной Мينوю, оно поправлено. Вотъ оно :

«Однажды ласточка Прогна улетѣла далеко отъ полей и въ глуши пустынныхъ лѣсовъ повстрѣчала звонкоголосую Филомелу, которая оплакивала безвременную кончину Итиса, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ.»—Какъ поживаешь, сестрица?—сказала ей Прогна.—Со времени Тиракии, вижу тебя въ первый разъ. Пойдемъ на нивы, къ людскимъ жилищамъ. Ты будешь жить со мною подъ кровлею, какъ подруга, и будешь пѣть свои сладкозвучныя пѣсни не дикимъ звѣрямъ, а земледѣльцамъ.» Звонкоголосая Филомела отвѣчала ей : «Оставь меня здѣсь среди пустынныхъ скалъ. Всякое пребываніе, всякое сношеніе съ людьми пробуждаетъ во мнѣ горькое воспоминаніе моихъ несчастій.»

Да не осудить насъ читатель за такія подробности. Можетъ-быть, именно это и принадлежитъ собственно Бабрію въ его книгѣ; остальное онъ взялъ изъ живаго преданія, ходившаго по Греціи. Не одинъ Бабрій—древній поэтъ, котораго жизнь не извѣстна намъ. Чтò мы знаемъ, напримѣръ, о Лукреціи? Но душа Лукреція вся перешла въ его твореніе, и сквозь стихи слышишь все чувства, волнующія его сердце, все скорбь, снѣдающія его. Напротивъ, нельзя себѣ представить ничего безъименнѣе, безличнѣе, мертвѣе, какъ басни Бабрія. Искать въ нихъ надо

* Того Игнатія, который, какъ мы сказали выше, переложилъ басни Бабрія въ четверостишія. Это доказываютъ стихи Лафонтена :

Mais surtout certain Grec renchérit et se pique,
D'une élégance laconique;
Il renferme toujours son conte en quatre vers;
Je me tais et le laisse à juger aux experts.

не поэта, который отдѣлывалъ ихъ, а народъ, который ихъ произвелъ. Со всѣмъ тѣмъ, читая ихъ, невольно желаешь чего-то болѣе. Прибавилъ-ли Бабрій что-нибудь къ завѣтамъ народной мудрости? Неизвѣстно, но воображенію пріятно отвѣчать утвердительно; жадно хватается оно нѣкоторые слѣды оригинальности, слѣды, правду сказать, слабые и сомнительные, и смѣло вызываетъ поэта, оживляетъ и заставляетъ говорить. Вѣроятно, до философіи былъ онъ не большой охотникъ; она тогда склонялась къ скептицизму. Его философія, какъ у Горация, самая обыденная, философія опыта и здравого смысла. Въ одной его баснѣ, крыса попала въ горшокъ, тонетъ и восклицаетъ: пошла я, пошла, остается умереть. Въ баснѣ какъ-будто слышится сатирическая выходка противъ эпикурейцевъ. А быть-можетъ, это просто повтореніе эпитафій, сочиненной Симонидомъ атлету Тимокреону: «Я пошелъ, пошелъ, позлословилъ людей, и лежу здѣсь, родосецъ Тимокреонъ.»

Значеніе Бабрія для басни и мѣсто его въ греческой литературѣ довольно опредѣляетъ наша статья, сколько лишь возможна опредѣленность тамъ, гдѣ такъ мало данныхъ и такое обширное поле предположеніямъ и догадкамъ. Филологи льстятъ себя надеждою, что отыщутся еще рукописи Бабрія: можетъ-быть, онѣ пояснятъ вопросы, до сихъ поръ темные.

А. МИЛАНОВСКІЙ.

ПРОСТОНАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

(Le Théâtre des Funambules.)

Театръ Капатныхъ Плясунвъ, основанный г. Бертрамомъ, человѣкомъ достойнымъ всякаго уваженія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ проданъ имъ г-ну Бильону.

Г. Бертранъ съ трудомъ могъ читать и писать, но за то превосходно зналъ четыре правила арифметики.

— Мой отецъ, говаривалъ съ улыбкою директоръ Театра Плясунвъ, торжественно презиралъ всякаго рода грамоту, но особенно любилъ цифры, а потому самъ озаботился преподавать мнѣ трудную науку счисленія и потомъ, давъ мнѣ въ руки нѣсколько франковъ и толчокъ въ спину, отправилъ меня въ Парижъ, сказавъ: да послужишь тебѣ это въ напутствіе.

Я воспользовался отеческими наставленіями и, какъ видите, добился восьмидесяти тысячъ ливровъ годоваго дохода, которыми никому не обязанъ.»

Эксъ-директоръ этого театра началъ свое поприще въ обществѣ, извѣстномъ подъ названіемъ *черной шайки*. Онъ купилъ клочекъ земли, на которомъ былъ построенъ балаганъ съ учеными собаками. Онъ построилъ свой театръ надъ пространными подземельями, идущими до церкви святой Елисаветы. Вы никогда не изгладите изъ головы добрыхъ жителей Маре, что г. Бертранъ, обогатился тѣмъ, что нашелъ въ этихъ темныхъ, пространныхъ подземельяхъ огромныя сокровища, которыя были спрятаны въ эти подземелья Тампльскими монахами, во время революціи.

Во всякомъ случаѣ должно признаться, что эксъ-директоръ съ большимъ умѣньемъ управлялъ своей небольшою сценой.

Артисты его труппы боялись его и любили, за то онъ былъ ненавидимъ крикунами залы. Сержанты и жандармы были для Бертрана совершенно лишнею роскошью. Онъ избѣгалъ подобнаго рода издержекъ и самъ замѣнялъ полицію. Одаренный отъ природы колоссальною силою, онъ хваталъ за шиворотъ крикуна, проносилъ его надъ головами зрителей, никого не обезпоявая и, съ улыбкою, нѣжно выталкивалъ его за дверь.

Послѣ каждой подобной продѣлки, онъ обыкновенно говаривалъ своимъ товарищамъ: Покойный отецъ говорилъ мнѣ, что никто не можетъ намъ лучше услужить, какъ мы сами.

Многіе актеры, даже самыя знаменитые, были воспитанниками Бертрана. Знаменитый Фредерикъ-Леметръ игралъ на его театрѣ. Великій актеръ не скрываетъ этого и даже гдѣ то написалъ слѣдующее: Тамъ я началъ драматическое поприще, тамъ же когда-нибудь и окончу его.

Бертранъ съ гордостію говаривалъ: «Да я поставилъ на ноги Фредерика, жаль, что я рано долженъ былъ съ нимъ разстаться, а для него это худо, я бы его *усовершенствовалъ*. Фредерикъ началъ прихварывать, и его нездоровье затрудняло репертуаръ театра.

Воспоминаніе о Леметрѣ такъ живо сохранилось въ этомъ театрѣ, что вотъ какое происшествіе по поводу этого воспоминанія случилось тамъ нѣсколько недѣль тому назадъ.

Усталый отъ роли Пальяса, чтобы развлечь себя плн желая подкрѣпить свои силы въ этомъ храмѣ прыжковъ и опасныхъ скачковъ, въ одинъ вечеръ Фредерикъ отправился въ галерею

Бертрапова театра. Едва онъ успѣлъ войти въ залу, актеры перервали свою игру и низко поклонились своему великому собрату, всѣ зрители поднялись съ своихъ мѣстъ, единодушныя привѣтствія раздались изъ партера, ложъ, галлерей, райка:» «Ле-метръ хотѣлъ говорить, но волненіе до того овладѣло имъ, что ему едва не сдѣлалось дурно. Онъ знакомъ далъ знать о своемъ состояніи; пьеса началась и нечего говорить, какъ отъ души аплодировалъ Тальма бульваровъ своимъ стариннымъ товарищамъ.

Публика этого театра вовсе не походитъ на публику другихъ театровъ; актеръ, принятый на этотъ театръ, имѣетъ право дѣлать все, что ему угодно. Старый репертуаръ его, то есть, старинныя пьесы, играемыя съ успѣхомъ, смотрятся съ удовольствіемъ — а между тѣмъ, должно замѣтить, зала всегда занята одними и тѣми зрителями. Съ нетерпѣніемъ ждутъ они подвигія занавѣса, каждое слово, каждый жестъ, однимъ словомъ, все встрѣчается громомъ аплодисмановъ. *Qu'il mourut!* Корнеля, менѣе производитъ эффекта, я въ этомъ готовъ поклясться, нежели прощаніе Арлекина съ Пьеро, въ пьесѣ *Моя мать гусыня* (Ma mère l'oie). Хотите я вамъ открою тайну этой пьесы, хотите я вамъ назову ее автора? Да, это именно можно назвать тайною.

Въ одно утро Бертранъ, находясь въ самомъ веселомъ расположеніи духа, приказалъ заложить лошадей въ карету, позвалъ свою супругу и сказалъ ей: «Мой другъ, мнѣ сегодня въ голову пришла фантазія — здѣсь есть человѣкъ, о которомъ много говорятъ; я слышалъ объ его успѣхахъ, я хочу поддержать талантъ — я долженъ это сдѣлать для искусства. Я приказалъ моему казначею положить въ мой бумажникъ нѣсколько банковыхъ билетовъ; однимъ словомъ, я ѣду къ Евгенію Скрибу, заказать ему волшебную пьесу для моего театра.

Это, можетъ быть, глупость, я это самъ знаю — но я хочу это сдѣлать.

«*Моя мать гусыня*» будущаго академика, выдержала, какъ мнѣ кажется, до тысячи представленій. Намъ нечего прибавлять, что г. Скрибъ заставилъ богатаго директора взять назадъ привезенныя деньги; — талантливому автору захотѣлось такъ, даромъ, написать эту оригинальную, безсмертную шутку.

Конечно, нельзя сказать, чтобы всѣ авторы, поставляющіе свои пьесы этому театру, ничего за это не получали, т. е. работали бы даромъ, подобно Евгенію Скрибу. За пьесу въ одинъ актъ платится 30 франковъ, въ два акта 50 франковъ, въ три

75 франковъ. — За пантомиму, называемую постоянною пьесою, дается около 400 франковъ.

Бертравъ, покупая разъ пьесу для своего театра, замѣтилъ автору, по поводу того что рукопись была написана на чрезвычайно тонкой бумагѣ: «Господинъ авторъ, пьеса очень легка въ сравненіи съ деньгами, которыя я вамъ за нее даю». Впрочемъ, это было исключеніе изъ общаго правила; директоръ не слишкомъ любилъ длинную прозу; что ему нравилось — это живость, движеніе. «Видишь ли, мой милый, — говорилъ онъ одному либретисту послѣ репетиціи, — у тебя очень много разговоровъ въ пьесѣ, это нужно поаккуратнѣе сократить».

Авторъ, поставляющій пьесы на этотъ театръ, и передавшій мнѣ всѣ эти подробности, рассказывалъ, что ему хотѣли заплатить 150 франковъ за волшебную пьесу, за которой не мало было работы; послѣ долгаго торгованія, онъ объявилъ, что если ему не дадутъ 200 франковъ — онъ уничтожитъ стихи; директоръ былъ непоколебимъ. Авторъ вымаралъ стихи; во время одного изъ послѣднихъ представленій, директоръ предложилъ ему за возобновеніе стиховъ 25 франковъ. «Изъ любви къ искусству, — прибавилъ авторъ, я долженъ былъ согласиться на подобную уступку».

Домашняя жизнь и привычки актеровъ Театра Канатныхъ Плясунговъ вполнѣ извѣстна посѣтителямъ этого театра. Они оберегаютъ честь молодыхъ и неумолимы къ малѣйшему ихъ уклоненію отъ прямого пути. Назадъ тому лѣтъ двѣнадцать, молодая дѣвица, которую титусы (крикуны театра) обожали, всегда являлась въ театръ въ сопровожденіи своей матери. Старушка вдругъ занемогла; во все продолженіе ея болѣзни, актрису каждый вечеръ провожали человекъ двѣнадцать обычныхъ посѣтителей, отъ подъѣзда театра до ея скромнаго жилища. И все это дѣлалось для того, чтобы съ ней ничего не приключилось дурнаго овремя путешествія. Проводивъ ее до дверей, ей кричали: «Прощайте до завтра, не бойтесь ничего, мы печемся объ васъ». Когда мать ея умерла, посѣтители театра проводили тѣло ея на кладбище.

Въ день новаго года, они сложились между собою и любимая ихъ актриса получила въ подарокъ небольшую курпльницу изъ золота. Щеточникъ подарилъ ей щетку, на которой имя ея, столь любимое публикою, было выплетено изъ конскихъ волосъ. Товарищи по сценѣ прислали ей прекрасную корзинку съ плодами и, когда она стала дебютировать на сценѣ болѣе извѣстнаго театра, ей прислали слѣдующее письмо: «Будьте покойны, мы

охраняемъ васъ». И въ этотъ день театральная зала, едва могла вмѣстить въ себѣ зрителей, желавшихъ ее видѣть. Это была маленькая Плесси, нынѣ столь знаменитая.

Жалованье артистовъ этого театра очень невелико; поэтому каждый изъ актеровъ занимается извѣстнымъ ремесломъ. Портные, сапожники, золотыхъ дѣлъ мастера, переплетчики — вотъ лица, составляющіе драматическое общество этого театра.

Въ моихъ старыхъ бумагахъ хранятся визитныя карточки слѣдующаго содержанія—смѣю увѣрить, что я буквально ихъ копирую: *Феликсъ—полировщикъ мѣди и благородный отецъ Театра Канатныхъ Плясуновъ. Симонъ занимаетъ первыя роли на Театрѣ Канатныхъ Плясуновъ и четырнадцатый во время обѣда.*

Въ послѣдствіи я узналъ, что занимающій первыя роли вездѣ встрѣчался на разныхъ обѣдахъ, какъ то, на свадебныхъ и т. д. Онъ всегда справлялся о числѣ званныхъ гостей и очень нерѣдко съ удовольствіемъ былъ приглашаемъ въ число обѣдающихъ. — Вы знаете, какъ страшно бываетъ для присутствующихъ число 13. Конечно, это довольно странное ремесло.

А Дебюро, знаменитый Дебюро, прославленный перомъ Жюль-Жанена, былъ картонщикъ и занимался приготовленіемъ той прекрасной дичи, которую наши актеры, *будто-бы* ѣдятъ каждый вечеръ на сценѣ разныхъ театрахъ.

У меня передъ глазами находится контрактъ этого театра; статьи его довольно оригинальны и заслуживаютъ быть извѣстными.

«Дѣвица*** обязана: 1-е играть всякаго рода роли, которыя будутъ ей даны въ пантомимѣ, перемежанной съ словами и во всякаго рода другихъ пьесахъ, танцовать въ балетахъ, дивертисментахъ, быть въ маршахъ, пантомимахъ, участвовать въ сраженіяхъ и т. д. 2-е Дѣвица*** обязана каждое воскресенье и каждый праздникъ являться на сцену въ три часа, а въ другіе дни недѣли въ четыре, для усовершенствованія своихъ талантовъ въ представленіяхъ, играемыхъ по приказанію директора.

Статья 8. *Явившійся въ пълномъ видѣ* штрафуется по извѣстному тарифу. Въ случаѣ повторенія проступка, директоръ имѣетъ право уничтожить контрактъ, не платя ничего артисту.

Статья 9. Дѣвица*** не имѣетъ права играть на другихъ публичныхъ и домашнихъ театрахъ, не имѣя отъ директора письменнаго дозволенія; въ случаѣ непослушанія приговаривается къ 300 франковъ штрафа.

Тарифъ (условная цѣна) штрафовъ, находящійся на каждомъ контрактѣ, состоитъ изъ тринадцати статей. Вотъ главныя :

За невыходъ въ одномъ явленіи — 1 франкъ 50 сант.

За цѣлый актъ, — 3 франка.

За два акта, — 6 франковъ.

За цѣлую пьесу, — 12 франковъ.

За приходъ въ театръ въ пьяномъ видѣ, отъ 1 до 6 франковъ.

За драку или брань въ зданіи театра, отъ 1 до 12 франковъ.

За званіе своей роли другому, безъ дозволенія, 6 франковъ.

Въ этой труппѣ драматическихъ цыганъ, встрѣчаются всякаго рода эксцентричности ; есть, напримѣръ, актеры, которые, играя въ водевиляхъ болѣе двадцати лѣтъ, наивно спрашиваютъ себя, почему они не имѣютъ мѣста, равнаго съ Арналемъ или Буффе? Благородный отецъ этой комической сцены, мало-по-малу выстроилъ себѣ домъ; почтенный актеръ, былъ самъ архитекторомъ, плотникомъ, столяромъ, живописцомъ и слесаремъ своего домика, — состроеннаго какъ нельзя комфортабельнѣе.

Теперь мы познакомимъ читателей съ самымъ выполненіемъ комедій. Стоитъ только посмотрѣть сцену, выполняемую пьеро Полемъ Леграномъ, когда онъ у ногъ своего брата, проситъ его, чтобы послѣ наказать его. Эта сцена превосходно мимически выполнена. Г. Поль Легранъ достойный ученикъ Дебюро и великій артистъ.

Такъ какъ я началъ говорить о Полѣ Легранѣ, не мѣшаетъ рассказать вамъ одно происшествіе изъ его жизни, которое, какъ нельзя лучше, познакомитъ васъ съ правами природныхъ жителей Тампльскаго бульвара.

Легранъ, любимый донельзя титусами, оставилъ сцену своего театра и поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ ему дали очень большое жалованье. Послѣ того, черезъ годъ тоска по родицѣ овладѣла имъ, онъ оставилъ англійскіе туманы — и прибылъ въ Парижъ, чтобы занять снова на сценѣ ТеатраКанатныхъ Плясуновъ свое скромное мѣсто.

Лишь только онъ появился на сценѣ, его освистали. «Господа, сказалъ онъ, — у меня были долги, надо же было ихъ заплатить, я отправился за англійскими гинеями — и онѣ меня выручили изъ бѣды. Я расплатился съ кредиторами и опять возвратился къ вамъ, потому собственно, что не могу жить безъ васъ». — «А

мы, безъ тебя!» отвѣчали ему изъ партера и громъ рукоплесканій, которымъ послѣ того его всегда встрѣчали, покрылъ его рѣчь, Онъ виѣсть съ Дебюро сыномъ, пользовался тою благосклонностію, которою публика окружала своего знаменитаго Дебюро.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

АКТЕРЪ ЛЕФЕВРЪ.

(Некрологъ.)

Нѣсколько мѣсяцевъ тому умеръ Лефевръ, одинъ изъ старыхъ актеровъ Театра Разнообразія (Variétés), въ Парижѣ, товарищъ Бруне, Верне, младшаго Лепантра, Одри, Казд. Одинъ изъ критиковъ, Шарль Бесселивьеръ, посвятилъ Лефевру любопытную статью, которую, вѣроятно, читатели наши пробѣгутъ съ удовольствіемъ.

«Жизнь актера не можетъ быть, столь темною, загадочною, какъ жизнь обыкновеннаго, частнаго человѣка.

Привычка выказывать свой талантъ, свою личность, часто заставляетъ актера обнажать предъ публикою самыя мельчайшія обстоятельства его домашней жизни. Поэтому, біографія каждого актера заключаетъ въ себѣ такія приключенія и подробности, которыхъ мы напрасно стали-бы доискиваться въ жизни другихъ людей.

Обладая небольшою памятью и порывшись въ современныхъ фельетонахъ, біографъ найдетъ матеріаловъ достаточно, для некрологической статьи объ актерѣ, и она всегда будетъ заключать въ себѣ много интереснаго.

Лефевръ всю жизнь свою былъ актеромъ, онъ смѣшилъ первую Республику, Директорію, Консульство, Имперію, Реставрацію и эпоху Людовика Филиппа.

Онъ родился въ 1784 году и отъ природы былъ хромъ. Отецъ его, ретивый ткачъ, хотѣлъ и сына приучить къ тому-же ремеслу; но мальчикъ, посѣщая съ семи лѣтъ Театръ молодыхъ артистовъ, находившійся въ то время въ улицѣ Бонди, пристрастился

къ комедіи, и забросилъ подъ столъ свое наслѣдственное ремесло.

Десяти лѣтъ онъ дебютировалъ въ роляхъ отцевъ. Товарищами его въ то время были—Моврозъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи первымъ комикомъ Французской Комедіи, Тенаръ, долго восхищавшій публику въ Комической Оперѣ, Лепянтръ старшій, Казо и множество другихъ, съ равнымъ успѣхомъ отличавшихся на другихъ театрахъ.

Капельмейстеръ Театра молодыхъ артистовъ былъ Дезожье, въ полномъ смыслѣ французскій пѣсенникъ. Кто не знаетъ его знаменитаго припѣва :

„Lorsque le champagne,
„Fait en s'échappant
Pan! pan!
„Ce doux bruit me gagne
„L'âme et le tympan!“ (*)

Въ то время одинъ изъ любителей театра, замѣтивъ, что Лефевръ чрезвычайно хорошо выполнялъ роль отца, спросилъ его :

— Сколько тебѣ лѣтъ, дружокъ?

— Десять.

— А твоей дочери ?

— Двѣнадцать.

Въ 1810 году, Лефевръ былъ ангажированъ для партіи баритона на театрѣ *Разнообразія*, гдѣ онъ дебютировалъ въ *Чертенкѣ розоваго цвѣта*. Онъ особенно отличался простодушіемъ, естественностію, наблюдательностію, и чтобы не потерять этихъ качествъ, бросилъ пѣть и принялъ на себя народныя роли и роли старыхъ служакъ. Въ вѣрномъ воспроизведеніи этихъ типовъ онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Его еще помнятъ нѣкоторые, въ пьесахъ : *Работники*, *Красивые солдаты*, и *Дѣти Парижа*.

Въ этой послѣдней пьесѣ онъ игралъ роль торговца битымъ стекломъ, онъ до того хотѣлъ быть вѣренъ роли, что набилъ свою корзину настоящими черепками — но выйдя на сцену, замѣтилъ, что ему неловко играть съ такимъ грузомъ на плечахъ.

Въ ту самую минуту, когда актеръ бывшій въ это время на

(*) Когда пробка шампанскаго, дѣлаетъ панъ, панъ, этотъ нѣжный звукъ очаровываетъ мою душу и мой слухъ.

спенѣ, хотѣлъ начать разговоръ—Лефевръ остановилъ его слѣдующею оригинальною фразою :

— Погоди, дружокъ сними-ка у меня сперва со спины эту глупую штуку, а то мнѣ не до тебя.

Снявъ пошу и положивъ ее на полъ, онъ сталъ продолжать роль.

Лефевръ очень былъ привязанъ къ прекрасному полу и льстилъ себя надеждою, что могъ нравиться прелестной половинѣ чело-вѣческаго рода, онъ полагалъ, что у него прелестнѣйшая шея во всей Франціи, и всегда повязывалъ ее легкимъ платочкомъ, какъ пастушокъ.

Кромѣ того, онъ очень былъ шекотливъ, когда дѣло касалось до его физической силы. Долго онъ былъ въ ссорѣ съ Верне, и вотъ по какой причинѣ. Верне въ пьесѣ: *Красивые солдаты*, спрашиваетъ Лефевра:

— Ты умѣешь драться на сабляхъ?

— Нѣтъ.

— Хорошо, а я такъ умѣю, отвѣчалъ Верне; прозвися эти слова, онъ дернулъ Лефевра за руку.

Выйдя за кулисы, Лефевръ проворчалъ: Верне хорошій актеръ, но дурной товарищъ.

Лефевръ женился на молодой вдовѣ, цвѣточницѣ, которая имѣла двухъ сыновей. Бракъ этотъ былъ очень счастливъ, потому что онъ заключенъ былъ по обоюдной склонности сочетавшихся.

Въ свободныя минуты, онъ сочинялъ пѣсенки, и когда случилось, что смыслъ или рифма не очень складно выходили, онъ обращался къ сыновьямъ своей жены, которые были лучше его воспитаны, и не одинъ острый куплетъ, былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ этому сотрудничеству.

Лефевръ оставилъ театръ, вскорѣ послѣ воцаренія Людовика Филиппа, и поселился въ Сенсъ, гдѣ и занялся шапочною торговлею. Превосходная его жена тогда была еще жива, она приняла на себя главное управленіе магазиномъ дѣла; шли, какъ нельзя лучше, конечно потому, что честность была основою всѣхъ ихъ дѣйствій.

Высшее общество Сенсы поддерживало его торговлю; но зависть вездѣ умѣетъ найти себѣ мѣсто, даже между жителями Сенсы. Распространили слухъ, что шапочникъ былъ прежде комедіантомъ; наветы, клеветы пошли по всему городу.

Лефевръ смѣялся надъ невѣжествомъ и пустосвятствомъ. Онъ

нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Сенсѣ, гдѣ всѣ его любили и уважали, и возвратился въ Парижъ, собственно потому, что не могъ обойтись безъ его шумной жизни. Онъ умеръ 66 лѣтъ, отъ воспаленія въ груди, которое въ нѣсколько дней свело его въ могилу.

Онъ оставилъ еще на землѣ нѣсколькихъ старыхъ своихъ товарищей, они почли за долгъ проводить его до послѣдняго жилища. Первое мѣсто въ этомъ числѣ занимали, старшина драматическихъ артистовъ, старый Бруне, которому нынѣ 80 лѣтъ, Лепянтръ младшій, который не имѣетъ лѣтъ, судя по живости его таланта и Казо, его лучшій другъ, которому далеко за 74 года. Казо давно уже оставилъ сцену и доживаетъ свой вѣкъ съ женою, въ небольшомъ домикѣ, за городскою оградою.

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О СПОНТИНИ. — Всѣ иностранныя газеты и журналы теперь полны замѣтками, анекдотами и разсказами о покойномъ Спонтини. Мы представили уже нашимъ читателямъ его биографію и теперь пополняемъ ее нѣкоторыми новыми фактами.

Всѣ біографы знаменитаго композитора спорятъ о мѣстѣ и времени его рожденія. Фетисъ и другіе говорятъ, что онъ родился въ Міолатти, 17-го ноября 1778 года; Берлюозъ, напротивъ, утверждаетъ, что родина его называется Маіолатти и что день его рожденія 14-е ноября 1779 года. — Либретто знаменитѣйшей его оперы «Весталки,» было написано славнымъ впоследствии Жуи и сначала предложено авторомъ Мегюлю, творцу «Юсифа прекраснаго,» но Мегюль нашелъ текстъ негоднымъ. Отъ Мегюля либретто перешло къ Керубини и претерпѣло ту же участь. Тогда Жуи обратился съ своей оперой къ молодому еще и мало извѣстному композитору, Бозльдѣ. Тотъ обрадовался находкѣ и тотчасъ-же принялся за дѣло. Главные нумера оперы были имъ уже написаны, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, онъ получилъ приглашеніе поступить капельмейстеромъ Императорскаго Придворнаго театра въ Петербургѣ. Опера осталась недописанною. Въ горѣ и отчаяніи, бѣдный Жуи рѣшился наконецъ, скрѣпя сердце, отдать свое либретто Спонтини, который тогда жилъ въ Парижѣ и пользовался еще очень сомнительною извѣстностію. Когда было объявлено первое представленіе «Весталки,» члены и ученики Консерваторіи сговорились уронить оперу, во чтобы то ни стало.

По ихъ мнѣнію опера не могла быть хороша, во-первыхъ, потому, что Мегюль и Керубини нашли либретто нигде не годнымъ; во вторыхъ, потому-что самъ Спонтини не могъ сладить съ своей музыкой, безпрестанно измѣнялъ, поправлялъ, пополнялъ ее и даже замѣнялъ цѣлые нумера, такъ, что однѣ непрерывныя переписки нотъ стояли театру до десяти тысячъ франковъ; въ третьихъ, наконецъ, эта опера разучивалась цѣлый годъ и была даже отвергнута музыкальнымъ комитетомъ Большой Оперы, но теперь давалась по приказанію императора Наполеона. Враги Спонтини увѣряли что въ продолженіи оперы можно будетъ уснуть отъ скуки. Но ожидаемой съ такой увѣренностію скуки — вовсе не оказалось и дѣло приняло другой оборотъ. Съ первыхъ нумеровъ оперы публика, восхищенная новостью колорита и свѣжестью мыслей, начала сильно аплодировать. Такъ прошелъ весь первый актъ; а въ финалъ второго самые враги до того были увлечены восторгомъ, что сами громко вызвали композитора. — Вліяніе истиннаго генія такъ велико, что никакая интрига не устоитъ противъ него. — Огромную заслугу оказалъ Спонтини Франціи, познакомивъ ее съ классическою музыкою нѣмцевъ. Онъ первый поставилъ на парижской сценѣ «Дона Жуана» Моцарта, что имѣло не маловажное вліяніе на развитіе музыкальнаго вкуса и самаго творчества французомъ.

—

АЛЕКСАНДРЪ ГУМБОЛЬТЪ ВЪ МОЛОДОСТИ. — Въ недавно вышедшемъ жизнеописаніи знаменитаго естествоиспытателя Александра фонъ Гумбольта, написанномъ профессоромъ Кленке и изданномъ въ Лейпцигѣ, находятся нѣкоторыя очень любопытныя свѣденія о дѣтскихъ лѣтахъ великаго мыслителя и писателя. Александръ Гумбольтъ имѣлъ старшаго брата Вильгельма. Оба провели дѣтство въ замкѣ Тегелѣ, помѣстьѣ своего отца, отставнаго маіора прусской службы Александра-Георга фонъ Гумбольта, въ пяти миляхъ отъ Потсдама. Какъ и все нѣмецкіе старинныя замки, замокъ Тегель имѣлъ свою романтическую сагу, которою воспользовался даже Гёте въ своемъ «Фаустѣ.» Нынѣшній замокъ уже вовсе не похожъ на прежній; старшій изъ братьевъ, Вильгельмъ, который въ немъ родился и умеръ, перестроилъ его совершенно въ современномъ вкусѣ. Замокъ лежитъ въ очаровательномъ мѣстѣ, при озерѣ Тегелѣ, образуемомъ разлитіемъ Гавеля, противъ крѣпости Шпандау, и окруженъ со всехъ сторонъ горами и рощами.

При замкѣ обширный, превосходный паркъ, съ чрезвычайно живописными видами. Воспитателемъ молодыхъ Гумбольтовъ былъ уволенный на покой полковой, Привца Прусскаго полка, пасторъ, Иохимъ Кампе, извѣстный передѣльватель «Робинсона Крузо» для дѣтей. Онъ-то своею книгою и своими разказами пробудилъ въ восьмилѣтнемъ Александрѣ первую мечту о путешествіямъ, которая въ послѣдствіи возросла до страсти. Но мальчикъ былъ тогда до того слабаго и ненадежнаго здоровья, что вѣрно никто не могъ-бы предсказать его будущность.

Черезъ два года Кампе, по разстроенному здоровью, долженъ былъ оставить домъ Гумбольта. Тогда старикъ выбралъ для своихъ сыновей новаго наставника, молодаго человѣка, Христіана Кунта, который вполне оправдалъ оказанное ему довѣріе и до конца своей жизни оставался въ домѣ и былъ другомъ всего семейства. Кунтъ старался развить въ своихъ воспитанникахъ многостороннюю любознательность, страсть къ энциклопедизму, но въ тоже время давалъ имъ направленіе практическое, заставляя изучать каждый предметъ аналитически, основательно. Много также способствовалъ развитію наклонности къ естественнымъ наукамъ въ молодыхъ людяхъ знаменитый врачъ Эрнстъ Геймъ, который часто гостилъ въ замкѣ Тегелѣ и обыкновенно занимался съ дѣтьми ботаникою. Геймъ говорилъ, что старшій братъ, Вильгельмъ, былъ очень понятливъ, любознательнъ и страстно любилъ занятіе, между-тѣмъ, какъ Александръ былъ тупъ и разсѣянъ. Это замѣчаніе Гейма оправдывалось и въ послѣдствіи, во время дальнѣйшаго образованія Александра, такъ, что мать его и наставникъ стали сильно беспокоиться, почитая мальчика совершенно тупоумнымъ и рѣшительно неспособнымъ къ наукамъ. Удивительное явленіе! И этотъ тупоумный ребенокъ сдѣлался остроумнѣйшимъ естествоиспытателемъ нашего времени. А быстрый братъ его, Вильгельмъ остался темнымъ, неизвѣстнымъ человѣкомъ. Вѣрнопослѣ этого предзнаменованія дѣтей!

БЛАГОДАРНОСТЬ РЫБЫ. Вотъ какой случай рассказываютъ намъ Французскія Газеты :

Докторъ Варвикъ, во время вечерней прогулки въ паркѣ Дургэмъ, въ графствѣ Стамфордскомъ, подошелъ ко пруду, въ которомъ было много саженой рыбы. Онъ замѣтилъ большую щуку, которая, испугавшись его приближенія, съ такою быстротою повернулась, что ударила голову о желѣзный крюкъ, прикрѣплен-

ный къ бассейну и проломила себѣ черепъ. Чувствуя страшную боль, она бросилась въ глубь, уткнула голову въ тину и съ такою быстротою повертывалась, что иногда вовсе пропадала изъ вида. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ оборотовъ, она кончила тѣмъ, что выплеснулась на берегъ. Докторъ подошелъ къ ней, и увидѣлъ, что мозгъ высовывался изъ подъ черепнаго разлома; вооружившись серебряною зубочисткою, онъ уложилъ его на прежнее мѣсто и приподнялъ вдавшуюся часть черепа. Нѣсколько минутъ пролежала рыба безъ движенія, потомъ ее опять бросили въ воду. Казалось, ей стало гораздо легче; но скоро она снова начала погружаться въ воду и наконецъ опять выплеснулась на берегъ. Докторъ опять помогъ ей и такъ-какъ она нѣсколько разъ выскакивала, онъ, при помощи садовника, сдѣлалъ ей перевязку и ушелъ домой. На другое утро, когда онъ приблизился къ пруду, рыба приплыла къ берегу и положила голову на его ногу. Удивленный такимъ явленіемъ, докторъ осмотрѣлъ черепъ щуки и увидѣлъ, что рана заживаетъ. Онъ началъ прохаживаться около пруда, щука плавала вслѣдъ за нимъ. А какъ она окривѣла въ слѣдствіе раны, то находилась въ ужасномъ безпокойствѣ, когда докторъ шелъ по противоположной сторонѣ берега, и она не могла его видѣть. На третье утро докторъ привелъ съ собою къ пруду нѣсколько молодыхъ своихъ друзей — щука, по обыкновенію, приплыла къ нему. Онъ приучилъ ее ѣсть изъ рукъ, приплывать по свистку и такъ далѣе. При постороннихъ лицахъ, щука эта была очень смирна.

—

СОВРЕМЕННЫЕ АРМИДИНЫ САДЫ. — Если въ англичанинѣ пробудится къ чему-нибудь страсть, то онъ развиваетъ ее въ колоссальныхъ размѣрахъ. Новымъ доказательствомъ тому служитъ герцогъ Девонширскій, одинъ изъ первыхъ богачей Англіи. Онъ страстный любитель садоводства и на удовлетвореніе своей прихоти не щадитъ никакихъ капиталовъ. Сады и оранжереи его теперь первые въ мірѣ, какъ по богатству и рѣдкости растений, такъ и по необъятнымъ своимъ размѣрамъ. Онъ построилъ теплицы, которыя такъ широки и обширны, что въ нихъ можно кататься въ экипажѣ. Въ нихъ собраны не только самые рѣдкіе цвѣты со всехъ концовъ міра, но и огромное число живыхъ звѣрей, самыхъ рѣдкихъ и красивыхъ породъ. Во семьдесятъ ученыхъ натуралистовъ постоянно путешествуютъ по

всѣмъ частямъ свѣта на счетъ герцога и высылаютъ ему все рѣдкое, что только встрѣчаютъ въ растительномъ и животномъ царствѣ. Овъ-же первый развелъ въ большомъ количествѣ прелестныхъ голубей, извѣстныхъ подъ названіемъ Викторія, и превосходный индійскій болотный цвѣтокъ Викторія Нимфея, двумъ экземплярамъ котораго такъ удивляются теперь парижскіе ботаники. Въ настоящее время герцогъ строитъ громадный, стеклянный зимній садъ, который по роскоши своей растительности, по разнообразію птицъ, по рѣдкости тропическихъ плодовъ, по каскадамъ, водометамъ и другимъ затѣямъ, долженъ напомнить собою волшебные сады Армиды и быть первымъ дивомъ настоящаго времени.

[П]ОСЛѢДНЯЯ ОПЕРА ЛОРЦИНГА «Знатные дилетанты» недавно представлена въ первый разъ на театрѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, при содѣйствіи знаменитаго нѣмецкаго тенора Тяхачка. Она имѣла большой успѣхъ. Въ Мангеймѣ въ тоже время давали въ пользу вдовы и сиротъ композитора его оперу «Царь и плотникъ». Всѣ на перерывъ старались доказать въ этомъ спектаклѣ свою любовь и уваженіе къ покойному маэстро. Типографія даромъ напечатала афиши и билеты, а газовое общество ничего не взяло за освѣщеніе. Не говоря уже объ оркестрѣ, даже бѣдные статисты, фигуранты и вечеровые, которые только и живутъ своей небольшою поспектакльной платою, не хотѣли принять вознагражденія за свое участіе въ этомъ спектаклѣ, говоря, что весь сборъ его, цѣликомъ, какъ дань благодарности Германіи къ истинно германскому таланту, долженъ принадлежать семейству композитора. Спектакль и концертъ, данныя въ Мангеймѣ—принесли сиротамъ 10,000 талеровъ. Филиппъ Дюрингеръ, другъ покойнаго Лорцинга, трудится теперь надъ подробною его біографіею, которая векорѣ выйдеть въ свѣтъ.

ВЕНЕЦІЯ И ЗАВИВЩИКИ. Въ Венеціи въ особенности процвѣтаютъ теперь двѣ отрасли промышленности и притомъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ ихъ нигдѣ не встрѣтишь—именно — парикмахеры и чистильщики сапоговъ. Цѣхъ завивщиковъ въ Венеціи вдвое многочисленнѣе, чѣмъ въ Парижѣ и впятеро значительнѣе, чѣмъ въ

Лондонѣ и въ Петербургѣ: а у насъ-ли ихъ мало! И почему это такъ рѣшительно загадка! Грязнить сапоги въ Венеціи почти негдѣ—все каналы, вмѣсто улицъ; плаваютъ въ гондолахъ вмѣсто того, чтобы ходить пѣшкомъ. Это самый опрятный городъ въ цѣломъ мірѣ. Что касается до париковъ — то развѣ приморскій вѣтеръ и монотонная жизнь способствуютъ потерѣ волосъ! Можетъ-быть, венеціанцы, указывая на плѣшивую голову, подобно Эдипу, могутъ сказать:

Ихъ засушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!

Не смотря на все это, изъ трехъ домовъ, въ одномъ, непременно лавка парикмахера, а чистильщики сапоговъ снуютъ по проулкамъ и площадямъ цѣлыми стаями и отправляютъ свое ремесло съ какимъ-то фанатизмомъ, съ самой эксцентрическою страстью къ своему искусству. Едва кто покажется на площади Св. Марка, какъ волна чистильщиковъ на него налетаетъ и безъ всякихъ предварительныхъ предложеній, хватаетъ его за ноги и, противъ воли, начинаетъ смазывать и чистить его сапоги. Четверо работаютъ щетками, а трое его поддерживаютъ, и прежде, чѣмъ онъ успеетъ опомниться, семь рукъ къ нему протянуты съ плачевнымъ воплемъ: одинъ паоло, сеньоръ! — Сапожники начинаютъ уже придумывать новую обувь, въ родѣ древнихъ сандалій, которая спасала-бы дворянство и купечество отъ этихъ самопроизвольныхъ спадацыновъ по части сапожной чистоты.

АНГЛІЙСКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА. Недавно въ Лондонѣ изданы полныя сочиненія Миссъ Джанны Бэлли (Baillie), некогда весьма любимой и донинѣ не совсѣмъ забытой, англійской, или скорѣе, шотландской писательницы. Миссъ Бэлли посвящала все труды свои театру, но имѣла на драму свое собственное и довольно странное воззрѣніе. Она задала себѣ тему, въ каждой изъ драмъ своихъ, развитъ какую нибудь отдѣльную страсть, въ одной — ревность, въ другой — мщеніе, въ третьей — зависть, и такъ далѣе. Поэтому драмы ея и были извѣстны подъ общимъ названіемъ «Plays on the Passions». Не смотря, однакожь, на свой болѣе психическій, чѣмъ драматическій характеръ, пьесы эти нерѣдко представляютъ искры истиннаго вдохновенія и мѣста, въ высшей степени, поэтическія. Эти достоинства замѣнили въ нихъ недостатокъ сценческаго движенія.

нiя и доставили сочинительницѣ успѣхъ. Впрочемъ, къ числу самыхъ искреннихъ почитателей ея таланта, принадлежалъ и Вальтеръ Скоттъ, а это не маловажная рекомендація. Мы постараемся со временемъ о сочиненiяхъ миссъ Бэли дать подробный отчетъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВѢСТИ ИЗЪ ИТАЛИИ.—Въ Пармѣ дана новая итальянская опера, подѣ названiемъ *Il Fornaretto*, написанная молодымъ композиторомъ Гуальтверо Савелли, на либретто Кодебо. Она имѣла такой громадный успѣхъ, что герцогъ въ награду пожаловалъ композитору орденъ.—Почти такимъ же успѣхомъ пользуется на театрѣ *Фениче* новая опера Верди «*Rigoletta*».—Между новѣйшими пѣвцами въ нынѣшнiй карнавалъ обратилъ на себя особенное вниманiе, на театрѣ *La Scala*, баритонъ Ассони. Онъ прежде пѣлъ съ большимъ успѣхомъ въ Мадридѣ. Миланцы отъ него въ восхищенiи. Въ настоящую минуту, онъ поетъ въ Вѣнѣ, куда ангажированъ на лѣтнiй сезонъ. —Заслуженный профессоръ математики, Паоло Брамбилла, которому наука обязана многими успѣхами, на дняхъ скончался семидесяти-шести лѣтъ отъ роду.

ИНВАЛИДНЫЙ ДОМЪ ДЛЯ ВОЙЦОВЪ ПЕРА. Ничто въ мiрѣ не подвержено такъ случайностямъ жизни, какъ талантъ. Писатель, актеръ, художникъ, музыкантъ, по несчастiю, лишился какого-нибудь органа, впалъ въ неизлѣчимую болѣзнь или одряхлѣлъ—и вотъ онъ бѣднѣйшiй изъ людей, самый безпомощный изъ смертныхъ. Это возбудило теперь въ Лондонѣ благородную, филантропическую мысль—основать для больныхъ и престарѣлыхъ артистовъ и писателей родъ инвалиднаго дома, въ которомъ они могли-бы, со всѣми удобствами жизни, среди довольства и беззаботности провести остальные дни свои.

Основателемъ этого прекраснаго учрежденiя былъ сэръ Эдуардъ Бульверъ-Литтонъ, извѣстный писатель и драматургъ. Онъ купилъ землю, на которой должно быть воздвигнуто зданiе, и теперь придумалъ особенный способъ, какъ собрать сумму, необходимую на постройку. Для этой цѣли написалъ онъ новую, пятиактную комедию, и составилъ труппу актеровъ изъ знаменитѣйшихъ авторовъ и писателей, какъ напр. Диккенса, Уерольда, Форстера. Эта импровизованная труппа объѣдетъ всѣ значительнѣйшiе

города всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствъ и вездѣ дастъ нѣсколько представлений новой комедіи. Предпріятіе это, столь-же остроумное, какъ и оригинальное, обѣщаетъ доставить огромныя суммы для благородной цѣли, предположенной Бульверомъ.

НОВАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА. Профессоръ Саломонъ Гарродсбургъ производилъ недавно чрезвычайно счастливые опыты съ углекислымъ газомъ. Движущая сила этого газа давно была известна химикамъ, но они не умѣли дать ей правильнаго развитія и приложенія и вслѣдствіе того замѣнить ею паровую силу. Профессоръ Саломонъ открылъ теперь способъ практическаго примѣненія этого газа. Онъ рѣшительно совѣтуетъ водяные пары замѣнять на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и въ мануфактурномъ дѣлѣ углекислымъ газомъ, доказывая, что для произведенія одинакаго результата, при употребленіи этого газа выгадывается одна пятидесятая пространства и одна сотая стоимости, и притомъ каждое движеніе совершается съ гораздо большею опредѣлительностію и безопасностію. Это важное открытіе можетъ произвести большія перемѣны, какъ въ общественномъ быту, такъ и въ промышленности европейскихъ народовъ.

ПРОЦЕССЪ Г-ЖИ ДЖУЛИИ ГРИЗИ. Превосходная пѣвица Джулія Гризи, десять лѣтъ тому, вышла замужъ за господина Жерара де-Мельси, Вскорѣ супруги увидѣли совершенное неравенство своихъ характеровъ, которое повело ихъ къ разводу. Сдѣланъ былъ законный раздѣлъ имущества между обоими супругами и такъ-какъ развода требовала сама Гризи, то и присуждено было, чтобы она вознаградила своего мужа въ капитальномъ отношеніи. Она обязалась формальнымъ актомъ выплачивать г. Мельси по три тысячи франковъ до-тѣхъ-поръ, пока она останется на сценѣ. Въ 1848 году, когда Итальянская Опера въ Парижѣ закрылась на время, г-жа Гризи отправилась въ Лондонъ, а оттуда въ Петербургъ, и донынѣ не заплатила за два года съ половиною мужу своему ни полупенни. Вслѣдствіе этого онъ подалъ на нее жалобу въ судъ.

Адвокатъ г-жи Гризи, г. Гландазъ, увѣрялъ, что доходы пѣвицы въ эти годы были такъ ничтожны, что она едва могла сама существовать, не только уплачивать пенсію г. Мельси. Въ Лондонѣ,

говорить онъ, по случаю состязанія двухъ оперныхъ театровъ она не дѣлала сборовъ и почти ничего не получила за свое участіе. Потомъ она пѣла въ Петербургѣ за весьма умѣренную плату, едва достаточную для прикрытія ея жизненныхъ издержекъ и расходовъ проѣзда, и потому она рѣшительно не въ состояніи выплатить мужу требуемыхъ имъ 27,000 франковъ. Все, что она можетъ удѣлать ему, и то съ большимъ стѣсненіемъ для себя, это 10,000 франковъ.

Но адвокатъ господина Мельси, Леонъ Дюваль, положительными цифрами, контрактами, журнальными статьями и письмами доказалъ, что въ Англіи доходы г-жи Гризи были застрахованы, что въ Россіи она получала огромный окладъ, имѣла блистательный бенефисъ. Что наконецъ, за участіе въ музыкальномъ лондонскомъ праздникѣ ей заплачено 30,000 франковъ. Онъ вычисляетъ, что всѣ ея доходы въ эти два года простирались до 280,000 франковъ, что и подтверждаетъ неоспоримыми фактами.

Вслѣдствіе этого, судъ, по разсмотрѣніи всѣхъ данныхъ, приговорилъ взыскать съ госпожи Гризи сполна всѣ 27,000 франковъ, требуемыхъ г. Мельси, а ее за ложныя показанія оштрафовать денежною пенсіею и уплатою за всѣ судебныя расходы.

—

ВСЕОБЩАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ ЛОНДОНѢ И ВЪ БРЮССЕЛѢ. Едва успѣла окончиться Парижская годичная выставка художественныхъ произведеній въ нынѣшнемъ году, какъ Лондонъ и Брюссель, спѣшатъ пригласить артистовъ всѣхъ странъ и народовъ на новое поприще соревнованія. Лондонская выставка художественныхъ произведеній имѣетъ чисто спекулятивную цѣль, а именно, желаніе представить средство для сбыта произведеній живыхъ художниковъ. Цѣль эта расчитана на множество посѣтителей иностранцевъ, собирающихся на всемірную мануфактурную выставку.

Брюссель, распространяя кругъ своей національной выставки приглашаетъ участвовать въ ней художниковъ всѣхъ странъ. Конечно, эта выставка не можетъ имъ принести такой выгоды, въ меркантильномъ отношеніи, какъ это будетъ, или можетъ быть, въ Лондонѣ; но что касается до болѣе художественнаго расположенія и справедливой оцѣнки, въ этомъ отношеніи конечно Брюссель возьметъ верхъ надъ Лондономъ. Выставка откроется 15 августа 1851 года, въ промежутокъ между закрытіемъ въ Лондонѣ

Всемирной мануфактурной выставки и открытіемъ художественной.

Давно уже національныя бельгійскія выставки перестали быть исключительными выставками произведеній бельгійскихъ художниковъ. Отовсюду артисты присылаютъ туда свои произведения, и вниманіе, которымъ ихъ удостоиваютъ, ясно показываетъ, что бельгійское правительство, при вознагражденіи заслугъ, не стѣсняется одними внушеніями національнаго чувства. Выставка 1851 года не только будетъ европейскою, но даже *всемирною*, чему способствуетъ и самое географическое положеніе Бельгіи. Выставка эта сосредоточиваетъ въ своихъ залахъ произведенія художниковъ всѣхъ странъ и всѣхъ школъ, и покажетъ такимъ образомъ наглядно, развитіе изящныхъ художествъ, во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ. Лондонская и Брюссельская выставки будутъ служить дополненіемъ одна другой, съ тою только разницею, что лондонская, какъ болѣе спекулятивная, будетъ принимать и копии съ извѣстныхъ произведеній, а Брюссельская ограничится приѣмомъ только однихъ оригиналовъ.

Въ свое время, мы не замедлимъ сообщить нашимъ читателямъ, какъ объ открытіи, такъ и о самыхъ произведеніяхъ этой замѣчательной выставки.

МЕЛОЧИ.

Если вѣрить газетнымъ восторгамъ, то превосходнѣйшая, по голосу и искусству пѣвня, въ настоящее время пѣвица — молодая итальянка, графиня Алаймо, которая недавно дебютировала во Флоренціи съ безпримѣрнымъ успѣхомъ. Публика пришла въ такой восторгъ, который граничилъ съ сумасшествіемъ. Говорятъ, что ловкій антрепренеръ Лумей успѣлъ уже ангажировать ее для своего театра и она въ нынѣшній сезонъ впервые выступитъ на Королевской сценѣ въ Лондонѣ.

Е. В. Король Прусскій удостоилъ Мейербера особенной милости. При лестномъ собственноручномъ рескриптѣ, онъ прислалъ ему, въ знакъ особеннаго благоволенія мраморный бюстъ свой, работы знаменитаго Рауха, на богатомъ серебряномъ пьедесталѣ.

Десятаго числа нынѣшняго мѣсяца, на желѣзной дорогѣ изъ Комо въ Миланъ, произошелъ несчастный случай, который не въ первый разъ повторяется. Австрійскій маіоръ фонъ Геппертъ, съ женою и дочерью, возвращаясь въ шесть часовъ вечера съ поѣздомъ изъ Комо, высунулся изъ окошка, чтобы сказать что-то пріятелю, сидѣвшему въ сосѣднемъ вагонѣ. Въ это время поѣздъ неся мимо каменнаго зданія, принадлежащаго желѣзной дорогѣ и построенаго у самыхъ рельсовъ. Прежде, чѣмъ маіоръ увидѣлъ опасность—голова его была уже оторвана. Можно себѣ представить ужасъ бѣднаго семейства, когда оно увидѣло, что туловище маіора упало на прежнее мѣсто въ вагонъ,—безъ головы!

Фелисьень Давидъ сочинилъ новую драматическую симфонію, подъ названіемъ «Эдемъ», которая 24-го апрѣля будетъ въ первый разъ исполнена оркестромъ въ 200 музыкантовъ и хоромъ въ сто пѣвцовъ. Мѣстомъ концерта выбранъ Зимній садъ въ Парижѣ; сборъ его назначенъ въ пользу бѣдныхъ сиротъ.

Хотя г. Кажинскій и увѣрилъ насъ въ своей «Исторіи Итальянской Оперы», что теперь Россіи предается *совершенному бездѣйствію* и что гастрономическія наслажденія составляютъ одну изъ главнѣйшихъ его *работъ*, однако на повѣрку выходитъ, что на дняхъ вышли въ свѣтъ три новыя сочиненія Пезарскаго Лебеда, да какія! Три пьесы капитальныя, вполне достойныя славы великаго маэстро. Онѣ называются; «Tantum ergo»; Quoniam и Alla voce della gloria. Изъ этого видно, что Россіи посвятилъ себя не однимъ *гастрономическимъ работамъ*, но самому возвышенному вдохновенію—музыкѣ духовной.

ВЛАДУРЪ.

Провинціалъ, котораго уже нѣсколько разъ обирали на парижскихъ улицахъ, до того былъ напуганъ, что вечеромъ боялся выходить со двора. Знакомые совѣтовали ему брать съ собою пистолетъ. «Чтобъ и его отняли у меня? — горестно вскричалъ простакъ, — нѣтъ, покорно благодарю!»

Соннаго хориста разбудили ночью, чтобъ участвовать въ серенадѣ. Отворивъ окно, онъ закричалъ: «Ни за миллионъ!» — Не глуми, отвѣчали ему съ улицы: — вѣдь даютъ по франку на брата. — «А! это другое дѣло!» — возразилъ онъ и поспѣшилъ присоединиться къ труппѣ.

У Зенона спросили: прилично-ли мудрецамъ любить женщинъ? «Еслибъ мудрые не любили женщинъ, — отвѣчалъ онъ, — то онѣ были-бы самыми несчастными существами въ мірѣ: ихъ любили бы одни безумцы.»

На одномъ провинціальномъ театрѣ давали трагедію «*Аріана на островѣ Накосъ.*» Въ сценѣ, когда Аріана, покинутая Тезеемъ на пустынной скалѣ, воскликнула съ отчаяніемъ: «Гдѣ, гдѣ Тезей?» Оторопѣвшій статистъ, услышавъ ея крикъ, громко отвѣчалъ изъ-за кулисъ: «Да онъ въ буфетѣ, куритъ трубку.... Сейчасъ будетъ!»

Шотландецъ Дугласъ до того пристрастился къ Горацию, что всю библіотеку его составляли одни сочиненія этого автора, въ четырехъ-стахъ изданіяхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Какому-то остряку говорили, что въ одной очень плохой газетѣ много рисунковъ, вырѣзанныхъ на деревѣ. — «Чтожь тутъ удивительнаго, отвѣчалъ онъ, плаваешь на водѣ всегда много щепокъ!»

Мольера спрашивали однажды, кого онъ почитаетъ величайшими обманщиками въ свѣтѣ. «Докторовъ! — сказалъ знаменитый комикъ. — А величайшими глупцами? — Разумѣется — пациентовъ.»

Одинъ надоѣдало сдѣлать журналисту утренній визитъ и прервалъ его занятія. «Я думаю ужъ много докучныхъ беспокоили васъ сегодня?» — спросилъ онъ. — Нѣтъ, сегодня вы первый пожаловали; отвѣчалъ журналистъ.

Какой-то чудакъ, объявляя въ газетахъ о потерѣ собаки, въ заключеніе прибавилъ: «особая примѣта: заблудившись разъ, она не можетъ найти своего дома.»

Остроумная дама сказала объ одномъ франтѣ, который въ обществѣ отпускалъ ей самыя тяжеловѣсныя любезности: «Это гусь, который выдаетъ себя за колибри.»

Самуэль Джонсонъ и Босвелъ путешествовали вмѣстѣ по Шотландскимъ горамъ. Часто терпѣли они голодъ или довольствовались скудною, грубою пищею. Проголодавъ однажды цѣлый день, Босвелъ замѣтилъ въ отдаленіи таверну. Радостно спѣшитъ онъ туда; Джонсонъ кричитъ ему вслѣдъ: «Другъ, не забудь заказать пуддингъ!» При входѣ въ таверну, первый предметъ, поразившій Босвеля, была часть баранины, висѣвшая надъ дверьми. Обрадованный находкою, онъ приказываетъ хозяйкѣ зажарить ее сейчасъ-же и приготовить пуддингъ. Между-тѣмъ пришелъ Джонсонъ; Босвелъ съ восторгомъ разсказалъ ему о своей находкѣ. Джонсонъ отправился въ кухню сушить свое платье, отсырѣвшее отъ горныхъ тумановъ и сталъ къ очагу, гдѣ неопытный, полунагой мальчишка жарилъ баранину, на вертелѣ. Между-тѣмъ съ лохматой, нечесанной головы его на жаркое сыпались волосы.

Видя такую неопрятность, Джонсонъ рѣшился не дотрогиваться до баранины и ограничиться однимъ пудингомъ; но не желая портить аппетитъ пріятеля, онъ ничего не сказалъ ему объ этомъ. Наконецъ столъ накрытъ, обѣдъ приготовленъ и баранина подана. Прельщенный запахомъ жаркаго, Босвель съ жадностію нападаетъ на него, приглашая друга раздѣлить съ нимъ транезу, но Джонсонъ объявляетъ, что рѣшился не ѣсть мяснаго и что для него достаточно пуддинга. — Прекрасно, дружище, въ такомъ случаѣ пользуйся и моею порціей! сказалъ Босвель, не понимая особенной веселости Джонсона. Наконецъ, привесли и пуддингъ конической формы. Джонсонъ, въ свою очередь, принялся утолять голодь, смотря съ улыбкою на товарища и почти въ одно время съ нимъ докончилъ пуддингъ. «Но скажи, пожалуйста, отчего ты не хотѣлъ попробовать баранины и во все время смѣялся надо мною?» спросилъ Босвель.

Джонсонъ описалъ яркими красками вкусное приготовленіе жаркаго.

Босвель содрогнулся... а Джонсонъ помпиралъ со смѣха. Наконецъ Босвель позвалъ поваренка, бранилъ его и даже хотѣлъ поколотить за то, что онъ смѣлъ готовить безъ колпака.

— «У меня, ваша милость, былъ надѣтъ колпакъ.... — отвѣчалъ сквозь слезы мальчикъ, испуганный угрозами; — я всегда въ колпакѣ и даже сплю въ немъ.... Да, вотъ, видите, понадобилось варить пуддингъ.... ни салфетки, ни тряпки не было.... Вотъ Бетти и спяла съ меня колпакъ да и сварила въ немъ пуддингъ!

Легко предетавить себѣ положеніе несчастнаго Джонсона.

Баснописецъ Измайловъ спросилъ разъ у знакомой шестидесяти-лѣтней дамы: Скажите, пожалуйста, на которомъ году женщины перестаютъ влюбляться? — «Вотъ забавно, — отвѣчала она, — я почему знаю? Спросите объ этомъ у тѣхъ, кто старше меня.»

Жанъ-Жакъ Руссо имѣлъ очень сварливую жену. Однажды она была чѣмъ то особенно разсержена, а онъ попросилъ ее достать изъ бібліотеки сочиненія Ронсара. Жена съ неудовольствіемъ подошла къ шкафу, схватила двѣ книги огромнаго формата и бросила ими въ мужа. Философъ, избѣгнувъ удара, хладнокровно сказалъ своей Ксантиппѣ: «Ты могла-бы, мой другъ, оказывать мнѣ ласки свои въ меньшихъ размѣрахъ!»

Шекспиръ былъ всегда любимымъ поэтомъ Гаррика и онъ дивно умѣлъ передавать характеры, начертанные смѣлою кистью знаменитаго драматурга. Когда Гаррикъ игралъ Короля Лира, публика неистово вызывала его въ продолженіе четырехъ дѣйствій; а въ сценѣ, гдѣ онъ рыдалъ надъ трупомъ Корделии, всѣ зрители заливались слезами.

Однажды, во время представленія этой трагедіи, къ удивленію публики, игра Гаррика казалась въ этой сценѣ неестественною, натянутою. Взоръ трагика выражалъ не печаль, а скорѣе стараніе удержаться отъ смѣха. Тоже самое замѣтили и у прочихъ артистовъ. Очаровательная Корделия, головка которой покоилась на бархатной подушкѣ, удивляясь остановкѣ пьесы, открыла глаза и, вскочивъ, скрылась за кулисы; всѣ артисты съ громкимъ смѣхомъ послѣдовали за нею — и сцена опустѣла.

Публика не могла понять такой странной развязки; но громкій хохотъ нѣкоторыхъ зрителей объяснилъ причину смѣха на сценѣ.

Толстый лондонскій откупщикъ занялъ мѣсто въ первомъ ряду креселъ, противъ самой сцены; собака его, огромный бульдогъ, пробралась за нимъ въ театръ и, по привычкѣ, легла у ногъ хозяина. Спустя нѣсколько времени, она поднялась на заднія лапы, и опершись передними на перила оркестра, принялась спокойно смотрѣть на игру актеровъ. Откупщикъ отъ тѣсноты и жара чрезвычайно вспотѣлъ и, желая прохладиться, снялъ своей огромный парикъ и надѣлъ его на голову собаки. Гаррикъ и другіе актеры, увидя собаку въ огромномъ парикѣ, при всемъ своемъ усиліи, не могли не расхохотаться, — и слезная трагедія увѣчалась самымъ веселымъ концомъ.

Какой-то практикъ-филантропъ подавалъ ежедневно милостыню нищему. Нищій, привыкшій получить милостыню, какъ должную дань, сказалъ однажды своему благотворителю: «Что вамъ безпокоиться, сударь, всякій день; выдайте мнѣ милостыню за мѣсяць впередъ, такъ до слѣдующаго, я и просить у васъ не стану.»

Къ одной дамѣ, живущей близъ звѣринца какъ-то вовсе неожиданно заѣхали гости, пріятельница ея съ мужемъ.

— О, какъ я рада, что вы вздумали навѣстить меня, это васъ судьба наконецъ занесла ко мнѣ.

— Да вотъ, отвѣчала пріятельница, мы съ мужемъ поѣхали

смотрѣть разныхъ животныхъ, такъ ужъ кстаги завернули и къ вамъ.

Въ Англіи шарлатанство объявленій доведено до крайней степени утонченія. Промышленники не только отпускаютъ разнаго рода пuffy въ газетахъ, но даже пользуются для своихъ объявленій театральными представленіями. Сперва зававѣси служили имъ средствомъ публикацій, потому-что на нихъ изображались разные предметы съ адресами изготовляющихъ, теперь эти публикаціи перешли уже на сцену. На дняхъ въ Лондонѣ давали пьесу такого рода, подъ названіемъ «The Shipwreck» (*Кораблекрушеніе*). Содержаніе слѣдующее: Молодой джентльменъ, сэръ Джемсъ, отправляется искать счастья въ Индію. Къ несчастію корабль, на которомъ онъ находится, разбивается бурей, и онъ, съ нѣкоторыми пассажирами попадаетъ на островъ, обитаемый дикими людоедами. Дикіе тотчасъ-же пожираютъ всѣхъ несчастливцевъ; но *глянцовые сапоги* сэра-Джемса, которые, не смотря на морскую воду, сохранили удивительный блескъ, до того поражаютъ людоедовъ, что они принимаютъ владѣльца ихъ за необыкновенное существо, и вмѣсто того, чтобъ его употребить на жаркое, падаютъ предъ нимъ ницъ и признаютъ его своимъ старшиною. Сэръ-Джемсъ благословляетъ небо и даетъ подробный адресъ вакочника, который избобрѣлъ и изготовляетъ этотъ чудный сапожный лакъ.

Лордъ Голлендъ, издавшій недавно свои «Воспоминанія о любопытныхъ современникахъ», рассказываетъ въ нихъ очень важное замѣчаніе Таллейрана о «самолюбивѣйшемъ и надутѣйшемъ изъ смертныхъ», о Шатобрианѣ. Въ обществѣ кто-то замѣтилъ при немъ, что Шатобрианъ сталъ сильно страдать глухотою и очень жалуется на этотъ недостатокъ. — Это вздоръ, отвѣчалъ Талейранъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ перестали объ немъ говорить; онъ почитаетъ себя глухимъ.

Въ Ливерпулѣ недавно былъ забавный случай. Молодой человекъ подъ вечеръ вышелъ погулять. Передъ нимъ шла прехорошенькая дама, которая его сильно заинтересовала. Вдругъ видитъ онъ, что она, доставая платокъ изъ кармана, обронила бумажникъ, онъ поспѣшилъ его поднять и только что хотѣлъ догнать даму, какъ она поворотила въ смежную улицу и тамъ вдругъ исчезла. Въ бумажникѣ были разные письма, съ Лондонскимъ штем-

пелемъ, изъ которыхъ онъ узналъ, что даму зовутъ миссъ Сара, что она принадлежитъ къ очень почтенному и богатому семейству и пріѣхала въ Ливерпуль только на нѣсколько дней погостить у своей тетки. Молодой человекъ на этихъ данныхъ тотчасъ построилъ самые романическіе воздушные замки, и зная по письмамъ адресъ тетки, рѣшился лично отнести бумажникъ. Обѣ дамы приняли его чрезвычайно ласково; онъ имъ понравился и получилъ приглашеніе посѣщать ихъ почаще. Разумѣется, что онъ воспользовался имъ, какъ нельзя лучше. Черезъ недѣлю молодые люди были помолвлены. Счастливецъ продалъ пять акцій Остиндской компаніи, которыя составляли все его достояніе, занявъ вдобавокъ у друзей своихъ двѣсти фунтовъ стерлинговъ и началъ ежедневно возить своей невѣстѣ дорогіе подарки, то богатую шаль, то брилліанты, то шелковыя платья, а тетенькѣ муфты и салопы. Наконецъ, невѣста объявила ему съ безпокойствомъ, что ждетъ присылки денегъ изъ Лондона, въ которыхъ очень нуждается — и что не знаетъ, почему маменька ея такъ долго замедлила. Женить тотчасъ же отдастъ всѣ свои остальные деньги въ распоряженіе очаровательной Сары. На другой день, являсь въ квартиру невѣсты, онъ съ удивленіемъ узнаетъ, что вечеромъ, наканунѣ, и она, и тетка отправились неизвѣстно куда. По распросамъ оказалось, что обѣ дамы были промышленницы, которыя на эту удочку изловили не одного простака, полиція приняла всѣ мѣры къ ихъ открытію.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 4.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ БРАТЕЦЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Соч. Н. И. Филимонова.

Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ С. Петербургскомъ театрѣ 8 января, 1851 года, въ пользу г. Максимова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Александръ Сергѣевичъ Грушевскій.
Петръ Сергѣевичъ, братъ его отъ другой матери.
Анна Львовна Хозарова.
Софья Николаевна, дочь ея.
Финья, кухарка Александра Сергѣевича.
Василій, слуга его.
Мастеровой.

АКТЕРЫ:

Г. Самойловъ.
Г. Мартыновъ 1.
Г-жа Громова.
Г-жа Жулева.
Г-жа Волкова 1.
Г. Максимовъ 5.
Г. Фоминъ.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

(Театръ представляетъ внутренность хорошо меблированного кабинета. Одна дверь всрединѣ и двѣ по бокамъ. На первомъ планѣ, съ одной стороны — письменный столъ и на немъ нѣсколько книгъ и альбомъ; съ другой — мальбретъ, съ поставленною на немъ картиною; на второмъ планѣ, съ одной стороны пьянино или рояль, съ другой каминъ и книжный шкафъ.)

I.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ, ОФИМЬЯ.

Александръ Сергѣичъ. Да, добрая старушка, теперь будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Офимья. Такъ у васъ ужъ все полагено, батюшка Александръ Сергѣичъ?

Александръ Сергѣичъ. Все, Офимьюшка, все.... Скоро я буду совершенно счастливъ!

Офимья. Вѣстимо такъ, батюшка, и всё не надвигается, что Анна Львовна рѣшилась отдать за васъ единственную дочь свою. Вѣдь она, говорятъ, ужъ какая разборчивая....

Александръ Сергѣичъ. Кто же тебѣ это сказалъ?

Офимья. Камендирицъ вашего будущаго тестюшки сказывалъ мнѣ, что и пивѣсь сколько жениховъ было у Софьи Николаевны, да вотъ всё не полюбились ея матушкѣ; тотъ не хорошъ, тотъ не въ чинахъ, тотъ не богатъ, у другихъ родня не хороша; одинъ только нашъ соколъ ясный пришелъ ей по сердцу.

Александръ Сергѣичъ. Я, признаюсь, и самъ боялся ея разборчивости.

Офимья. И полно, батюшка, нечего и бояться было!... Да, какого же имъ еще жениха надо.... прости Господи! ежели ужъ вы ей не женихъ....

Александръ Сергѣичъ. За то ужъ теперь, я такъ радъ! такъ веселъ! какъ съ роду не бывалъ!...

Офимья. А вы очень любите невесту свою?

Александръ Сергѣичъ. Я люблю ее больше всего на свѣтѣ! Однакожъ, не сегодня, такъ завтра, семейство невесты моей придетъ ко мнѣ на чай, то мнѣ хотѣлось бы принять ихъ получше въ холостой квартирѣ.

Офимья. Да ужъ будьте покойны, батюшка, не ударимъ въ грязь лицомъ, все будетъ, какъ слѣдуетъ. Ужъ я жду не дождусь, чтобы увидѣть свою будущую барыню....

Александръ Сергѣичъ. Увидишь, Офимьюшка, увидишь, и сама со мною согласишься, что это чудо, а не дѣвушка.... Да вотъ ей портретъ (*подводитъ ее къ мальбрету*) и похожъ на нее, какъ двѣ капли воды....

Офимья. Ахъ, какая красавица!

Александръ Сергѣичъ. Но мнѣ надо съѣздить кой куда и если безъ меня принесутъ сюда новую мебель, то ты прикажи поставить: диванъ — здѣсь, вольтеровское кресло — здѣсь, (*показываетъ*). А мастеровымъ скажи, чтобъ меня подождали. Я скоро ворочусь.

II.

ОФИМЬЯ, одна.

Дай ему Господи таланъ да любовь, съ нарѣченной супружницей. Вѣдь этакого барина со свѣчкой поискать. Ужъ не то, что старшій братецъ его, Петръ Сергѣичъ.... да вѣдь и то сказать.... хоть они и одного отца, да не одной матери. (*За кулисами слышенъ шумъ*). Что это тамъ за шумъ такой?

Голосъ ПЕТРА СЕРГѢИЧА (*за кулисами*). Да здѣсь онъ живетъ, что-ли? Отышу-ли я его наконецъ?

Офимья. Что это за крикунъ!

III.

ОФИМЬЯ и ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. (Петръ Сергѣичъ въ шубѣ, въ теплой шапкѣ, въ валеныхъ сапогахъ, подпоясанный кушакомъ, распахиваетъ дверь и съ шумомъ входитъ.)

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что за диковина, въ передней ни души, да здѣсь что-ли, примѣрно сказать, живетъ Сашка! Грушевскій?

Офимья (*обидясь*). Здѣсь живетъ не Сашка, а Александръ Сергѣичъ Грушевскій.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Мнѣ только то и надо было знать. (*Распоясывается*).

Офимья (*съ досадою*). Барина вѣтъ дома.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (*снимая шубу*). Ничего.... и безъ него я буду дома, примѣрно сказать.

Офимья. Да позвольте....

ПЕТРЪ СЕРГВичъ (вскрикнувъ на нее). Не позволяю! (бросаетъ шапку на столъ, прямо на развернутый альбомъ). Ну, ужъ погодка! и дождь.... и снѣгъ.... свѣту Божьяго не видно.

Офимья. Кто же вы такіе, что такъ распоряжаетесь въ чужомъ домѣ?

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Да кто тебѣ сказалъ, что я въ чужомъ.... (бросаетъ шубу на мебель, куда попало, и остается въ тулупъ, который также начинаетъ снимать).

Офимья (съ сильною досадою). Кто же, сударь, вы?

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Кто я? — Такъ знай же, что я братъ хозяйна этой квартиры.... примѣрно сказать....

Офимья (всторону, съ удивленіемъ). Вотъ тебѣ разъ! легокъ на поминѣ! (подошедъ къ нему). Ахъ, батюшка, Петръ СергВичъ, извините, что я васъ приняла не больно учтиво. (Помогаетъ ему раздѣваться).

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Ну, вотъ давно бы такъ.

Офимья (кланяясь ему). Виновата, батюшка, ну право съ разуюто я васъ было и не признала.

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. То-то же, не признала, примѣрно сказать....

Офимья (всторону). Ахъ! ты бѣда! Да зачѣмъ къ намъ его принесло! (ему). Вотъ вѣдь и вы, батюшка, меня не узнали.

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Да, да, не узналъ.

Офимья. Вѣдь я Офимья.

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. А помню, помню, Офимья, примѣрно сказать, что была нянькой у Саши. Какая-же ты стала старая, да негодная.

Офимья. Что дѣлать, батюшка, вѣдь годы-то не назадъ идутъ, а все впередъ, да впередъ.

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Ну, такъ и ты ступай впередъ... (Указываетъ на дверь). Убирайся! ужъ ты мнѣ надоѣла. (Въ продолженіе этого времени, онъ успѣлъ уже раздѣться и раскидать по разнымъ мѣстамъ все свои вещи.)

Офимья (стараясь привести все въ порядокъ, говоритъ всторону). Вотъ такъ, ужъ и надоѣла.... крутенекъ, нечего сказать. (Убравши въ комнаты, идетъ къ дверямъ.)

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Постой, постой, старуха; подай-ка мнѣ водки, примѣрно сказать.

Офимья. У насъ, сударь, водки нѣтъ.

ПЕТРЪ СЕРГВичъ (съ удивленіемъ). Какъ нѣтъ?

Офимья. Нѣтъ-съ, не прикажете ли винограднаго, али чаю?

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Убирайся ты съ нимъ, не надо мнѣ этой

дряни.... (Въ сильной досадѣ скорыми шагами ходитъ по комнатѣ.) Прошу покорно!... водки пѣтъ!... примѣрно сказать.... экая скупость какая!...

Офимья. Не отъ скупости ее пѣтъ, а оттого, что Александръ Сергѣичъ самъ не изволитъ кушать водки.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (съ удивленіемъ). Не пѣтъ! Сашка водки не пѣтъ, примѣрно сказать.... да что же онъ за человѣкъ, послѣ этого!... Вотъ оно, какъ здѣсь живутъ-то. Ну, подай хоть квасу.

Офимья. И квасу пѣтъ, батюшка; Александръ Сергѣичъ изволитъ кушать воду.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Пусть онъ лакомится ею.... Ну, подай трубку.

Офимья. Александръ Сергѣичъ изволитъ курить сигары, да папироски.... такъ если прикажете....

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что мнѣ въ сигарахъ да папиросахъ, — (съ гильмомъ). Да что же у васъ есть-то?

Офимья. Все есть, сударь, вина и ликеры есть, разные десерты и конфеты....

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ еще какія глупости.... примѣрно сказать.... необходимаго пѣтъ.... а пустяки есть.... (Продолжаетъ ходить). Водки не пѣтъ.... возможное ли это дѣло?... (Офимья). Ну, а если, этакъ ему не по себѣ, то есть, поймаешь, если дурно сдѣлается, чѣмъ же онъ поправляется, если не водкой?

Офимья. У насъ есть шипучій лимонадъ, какъ бившъ его.... какое то мудреное названіе.... лимонадъ газетъ — что ли....

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ тебѣ разъ.... часъ отъ часу не легче!... примѣрно сказать.... этого еще не доставало!... А скоро-ли Сашка вернется домой?

Офимья. Не могу доложить, сударь.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. А ждалъ-ли онъ меня къ себѣ на свадьбу?

Офимья (всторону). Вишь съ чѣмъ подѣхалъ. (Громко). Кажись, что не дожидался, сударь, а притоманно не знаю. (Хочетъ уйти.)

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Постой, постой, затопи-ка печку.

Офимья. Здѣсь комнаты топятся снизу, а въ горницѣхъ однихъ только каминъ.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Снизу?... Вотъ еще какія штуки!... то есть, рѣшительно ни на что не похоже!... Ну, затопи хоть каминъ.

Офимья. Слушаю, батюшка! (Кладетъ въ каминъ каменный уголь и начинаетъ затоплять.)

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что жъ ты это дѣлаешь?

ОФИМЬЯ. Затопляю, сударь.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Какъ, безъ дровъ то, примѣрно сказать?

ОФИМЬЯ. Здѣсь каминны топятъ не дровами, а камешнымъ углемъ.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Тѣфу! Да, что ты меня морочишь что-ли, старуха?... такъ вѣдь я, примѣрно сказать, знаешь....

ОФИМЬЯ. Какъ, батюшка, смѣю ли я.... а у насъ такъ водится.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (*съ гильзомъ*). У нихъ такъ водится!... ужъ печего сказать.... хорошо заведемъце!... (*Увидя, что Офимья затопила каминъ.*) Ну что, затопила? Такъ пошла же вонь отсюда.... ты мнѣ больше не нужна.

ОФИМЬЯ. Иду, сударь, иду (*Всторону.*) Экой привѣтливый, подумаешь (*Уходитъ.*)

IV.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ, (одинъ, ходитъ по комнатѣ, разсматриваетъ разныя вещи, книги, рисунки, статуетки, беретъ ихъ въ руки, становится не на тѣ мѣста, гдѣ взялъ; словомъ, дѣлаетъ ужасный беспорядокъ. Притомъ безпрестанно потираетъ руки, какъ бы желая отогрѣться.)

Какая пропасть книгъ!... видно Сашка-то изъ ученыхъ... примѣрно сказать.... Все книги да картинки какія-то.... и ни одной колоды картъ.... Не ужли онъ не играетъ.... да, нѣтъ!... быть не можетъ.... можно бы было этакъ перекинуть, попробовать.... (*беретъ листъ Journal pour rire и развертываетъ его, во всю величину*). Это что еще такое? что за образцы тутъ написаны.... видно клеатура какая-нибудь (*Подходитъ къ портрету, стоящему на мальбретъ и смотритъ на него*). Что за краля такая?... Ужъ не цвѣста-ли Сашкина? видно самъ написалъ.... хороша!... хороша!... поджара немного.... Ахъ, да, постой-ка я Сашу насмѣшу; еще красивѣе будетъ, какъ я ей выведу усы, примѣрно сказать. (*Беретъ уголь и выводитъ на портретъ усы, потомъ оборачиваетъ портретъ съ мальбретомъ къ зрителямъ*). Вотъ такъ-то будетъ лучше, Сашка не съ перваго раза замѣтитъ.... (*Потираетъ руки.*) Что за стужа!... право я ужасно перезябъ.... эти уголья, примѣрно сказать, не горятъ, а только тлѣютъ. Фу, ты пропасть какая!... сколько въ этой горницѣ разныхъ пустяковъ.... а вѣдь все, чай, не дешево стоитъ.... Ужъ видно эти птерцы привыкли жить на богатую руку.

Всѣ они на взглядъ — богаты,
 Роскошь, блескъ у нихъ во всемъ!
 На пустое — тароваты,
 Все имъ будто ни по чемъ;
 А что смотришь, поважибе,
 Ужъ на то нельзя ихъ взять;
 Вся столичная затѣя —
 Чтобы пыль въ глаза пускать.
 Не хватило-бъ мнѣ отваги
 Съ ними жить здѣсь навсегда, —
 Въмѣсто картъ у нихъ — бумаги;
 Въмѣсто квасу — есть вода;
 Въмѣсто трубокъ — здѣсь сигары;
 Въмѣсто дровъ — угли горятъ,
 Чуть тепло — на мѣсто жару;
 Въмѣсто водки — лимонадъ.
 Вотъ съ чѣмъ питерскіе франты
 Не по людски жизнь ведутъ,
 Тратятъ все на финты-фанты,
 Не по нашески живутъ. —
 Вотъ оно и угощенье!
 Вотъ вамъ здѣшній модный свѣтъ!
 Вотъ какое заведеніе,
 Въ цѣломъ домѣ — водки нѣтъ!

Однакожъ отъ этихъ угольевъ въ горнищѣ нѣсколько не теплѣе. (*Беретъ нѣсколько газетъ, бумагу и ноть, и бросаетъ въ каминъ.*) Вотъ такъ-то скорѣе нагрѣется.

—

V.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ, ОФИМЬЯ и МАСТЕРОВЫЕ вносятъ щегольской диванъ и вольтеровское кресло. Офимья показываетъ, куда ихъ поставить.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (*смотритъ на мастеровыхъ*). Это что за исторія?

1-й МАСТЕРОВОЙ (*подходитъ къ Петру Сергѣичу и кланяется*). На водочку-то, сударь.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. На водочку?... вѣшь, что выдумалъ! да я и самъ ее еще не пилъ сегодня!..

1-й МАСТЕРОВОЙ. Какъ-же, сударь, такъ ужъ водится.

ОФИМЬЯ (*мастеровымъ*). Получите, только не отъ ихъ мпюсти, баринъ приказалъ вамъ подождать; онъ скоро вернется и отдастъ вамъ остальные деньги за мебель.

1-й МАСТЕРОВОЙ. Ладно.... отчего не подождать. (*Мастеровые идутъ къ дверямъ.*)

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Эй, ты, постой.

1-й МАСТЕРОВОЙ. Чего изволите?

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. А ты знаешь, примѣрно сказать, сколько братъ заплатилъ за эти белендрасы?

1-й МАСТЕРОВОЙ. Знаю, сударь, диванъ стоитъ семьдесятъ, а вольтеръ шестьдесятъ рублей.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (*съ гнѣвомъ начинаетъ ходить по комнатѣ*). Прошу покорно! какова цѣна!... примѣрно сказать.... слыхано-ли дѣло, семьдесятъ да шестьдесятъ руб. ассигнаціями.

1-й МАСТЕРОВОЙ. Не ассигнаціями, а серебромъ.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (*съ большимъ удивленіемъ*). Серебромъ!... серебромъ!... Ахъ, вы мошенники! ахъ вы грабители такіе!...

1-й МАСТЕРОВОЙ. Мы ни въ чемъ не виноваты, дѣло хозяйское. (*Уходятъ.*)

VI.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ, ОФИМЬЯ.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Сто тридцать цѣлковыхъ на пустяки.... примѣрно сказать.... Вотъ она.... питерская то жизнь!... вотъ оцѣ—модныя затѣи.

ОФИМЬЯ. Отчего-же, батюшка, Александру Сергѣичу и не потѣшить себя?... Господь его надѣлилъ.... вотъ послѣ матушки досталось ему 250 душъ прекраснаго имѣнія, къ тому-же онъ оди́нъ наследникъ у дядюшки Андрея Петровича, который ему зачастую деньжонокъ присылаетъ.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Это все правда.... да я не къ тому говорю.... примѣрно сказать.... конечно онъ не мало получаетъ. (*Садится на новый диванъ.*) Однакожь, здѣсь сидѣть очень покойно.... (*Ложится на диванъ и потягивается.*) Знатная постеля.... примѣрно сказать.... удивительно покойно!

ОФИМЬЯ (*увидѣвъ, что онъ легъ, со страхомъ подбѣгаетъ къ нему*). Что вы?... что вы!... Петръ Сергѣичъ.... какъ же можно ложиться съ сапогами на матерчатый диванъ.... да его же сейчасъ принесли. Встаньте, батюшка, сдѣлайте милость.... (*Кланяется ему.*)

ПЕТРЪ СЕРГВІЧЪ (*угрожал*). Отстань, старуха, и не мѣшай мнѣ отдыхать.

ОФИМЬЯ (*кланяясь*). Да... батюшка...

ПЕТРЪ СЕРГВІЧЪ (*прерывая*). Молчать! — Вотъ лучше ты меня убаюкай хорошенько, у меня такая привычка, чтобъ меня убаюкивали... Вѣдь ты помнишь няньку Макарьевну?

ОФИМЬЯ. Какъ-же, батюшка, помню.

ПЕТРЪ СЕРГВІЧЪ. Такъ вотъ она всегда мнѣ напѣваетъ: баюшки баю; если-же никого нѣтъ со мной, такъ я самъ себѣ напѣваю, безъ того и заснуть не могу. — Ну, такъ пой-же.

ОФИМЬЯ. Что съ нимъ будешь дѣлать.

Баюшки баю!

Баю, милое дитя!

Баюшки баю

Колотушекъ надаю.

ПЕТРЪ СЕРГВІЧЪ (*въ просонкахъ*). Что, что такое?

ОФИМЬЯ. Я, батюшка, пою: я гостипцевъ надаю.

VII.

ТѢЖЕ И АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВІЧЪ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВІЧЪ (*говоритъ въ дверяхъ*). Такъ новую мебель принесли? (*Увидѣвъ лежащаго брата*.) Это что такое значитъ?... кто осмѣлился развалиться на моемъ новомъ диванѣ?... И при тебѣ еще, Офимья?

ОФИМЬЯ. Да это, батюшка, вашъ братецъ, Петръ Сергвѣичъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВІЧЪ. Братъ! такъ это ты, возможно-ли?

ПЕТРЪ СЕРГВІЧЪ. Это ты, Саша! здорово, здорово! (*вскакиваетъ и душитъ брата въ своихъ объятіяхъ*.)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВІЧЪ. Да какими судьбами ты сюда попалъ?

ПЕТРЪ СЕРГВІЧЪ. Да вотъ такъ-же, примѣрно сказать, паняль долгихъ, нашель трехъ попутчиковъ, ѣхалъ слѣшкомъ три недѣли и пріѣхалъ къ тебѣ на свадьбу. Ждалъ-ли гостя?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВІЧЪ. Признаюсь, никакъ не ожидалъ. (*Всторону*.) Ахъ, зачѣмъ я ему писалъ о свадьбѣ!

ПЕТРЪ СЕРГВІЧЪ. А вѣдь я, примѣрно сказать, тебя никакъ бы не узналъ, еслибъ встрѣтился съ тобой въ другомъ мѣстѣ.

Александръ Сергѣичъ. Я самъ такъ-же, да и не мудрено.... съ того времени, какъ я оставилъ Тарасовку, прошло уже пятнадцать лѣтъ, мнѣ было тогда не болѣе десяти.

Петръ Сергѣичъ. Помню, помню.... примѣрно сказать, ты былъ тогда вотъ какимъ малюткой (*показываетъ ростъ десятилѣтняго ребенка*), какъ тебя повезли въ Москву. Въ это время, я успѣлъ уже отслужить въ земскомъ судѣ, выдти въ отставку, да завестись женой, дѣтми.

Александръ Сергѣичъ (*въ большомъ замѣшательствѣ*). Да... да ... я все это знаю! (*всторону.*) Что мнѣ теперь дѣлать?— (*громко.*) Ну что, всё-ли здоровы? жена твоя, дѣти?

Петръ Сергѣичъ. Всѣ, слава Богу! кланяются тебѣ, а дѣтки у меня, такъ чудо, примѣрно сказать, особенно мой теска Петька, знатный мальчишка, вѣдь великъ-ли кажется, всего то, вотъ какой клопъ, примѣрно сказать, а гдѣ только увидитъ, что водка плохо стоитъ, такъ на лобъ и выхватитъ цѣлую рюмку.... право, такой проказникъ! — Но не въ томъ дѣло, скажи-ка ты мнѣ лучше, скоро ли свадьба-то, свадьба-то когда будетъ?

Александръ Сергѣичъ (*въ замѣшательствѣ, всторону*). Боже мой! что мнѣ ему сказать?... (*Громко.*) А право я и самъ еще хорошенько не знаю.... родители моей невѣсты все откладываютъ свадьбу мою, и, кажется, она будетъ не ранѣе мѣсяца. (*Всторону.*) Принужденъ солгать противъ воли.

Петръ Сергѣичъ. Такъ что же, примѣрно сказать, дѣлать нечего.... и мѣсяць подожду.... ужъ лиха бѣда прѣхать была, а теперь мнѣ ни почемъ.

Александръ Сергѣичъ. Однако-жъ, не хочешь-ли ты чаю?

Петръ Сергѣичъ. Да я признаться сказать, еще порядочно то и не пообедалъ.

Александръ Сергѣичъ. Такъ давно бы ты сказалъ. (*Василій вноситъ зажженую лампу.*)

Александръ Сергѣичъ (*Василью*). Пришли поскорѣе брату, изъ ближайшаго трактира обѣдъ, не забудь также водки и вина. (*Даетъ ему денегъ.*)

Василій. Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

Александръ Сергѣичъ (*всторону*). Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Ну, право, я придумать не могу!

Петръ Сергѣичъ. Вотъ, примѣрно сказать, привелось и въ Питерѣ побывать, людей посмотреть и себя показать.... Вѣдь чай у васъ все не по нашему?

Александръ Сергѣичъ. Напротивъ, и здѣсь, какъ и вездѣ гдѣ живутъ люди...

Бываетъ то, что многіе не знаютъ
И говорить роднымъ языкомъ.
И часто вздоръ хоть въ обществѣ болтаютъ,
Но этотъ вздоръ — на языкѣ чужомъ.
Бываетъ то, что жены расточаютъ
Имущество пхъ любящихъ мужей,
И въ обществѣ веселомъ забываютъ,
Что должно имъ воспитывать дѣтей.
Бываетъ то, что въ клубѣ засѣдаетъ
И день, и ночь почтенный господинъ,
Не говоритъ, журналовъ не читаетъ,
И помнитъ онъ лишь преферансъ одинъ.
Бываетъ то, что многіе трудятся,
Чтобъ какъ-нибудь связями поблистать;
Иной чудакъ со знатію хочетъ знаться,
А знать совсѣмъ его не хочетъ знать.
Бываетъ то, что всѣмъ надоѣдаетъ
Безъ смысла кто задумаетъ писать,
.
Всего никакъ нельзя пересказать.

Петръ Сергѣичъ. А вотъ, мнѣ только отдохнуть маленько.... такъ я тотчасъ и къ твоему будущему тестю махну...

Александръ Сергѣичъ *(со страхомъ)*. Что?.

Петръ Сергѣичъ. Да, да, надобно мнѣ еще, примѣрно сказать, хорошенько разсмотрѣть, да раскусить все его семейство, чтобъ тебя молодца, какъ-нибудь не облапошили.

Александръ Сергѣичъ. О! что касается до этого, такъ ты можешь быть совершенно покоенъ. Этого никогда не случится. *(Всторону.)* Вотъ еще новая бѣда! я и такъ того и жду, что Хозаровы пагрянутъ сюда, увидятъ брата и моей свадьбѣ не бывать. *(Василій вноситъ на поднось кушанье, на немъ же поставлены графинъ съ водкой и бутылка съ виномъ. Онъ ставитъ поднось на столикъ передъ вольтеровскимъ кресломъ и остается съ тарелкою прислуживать.)*

Петръ Сергѣичъ *(мигомъ садится и подвязывается салфеткою)*. Вотъ что дѣло то дѣло, вотъ это по нашему.... ужъ я часа два не могу добиться водки *(залпомъ выпиваетъ три рюмки водки и начинаетъ съ жадностію пить.)*

Александръ Сергѣичъ *(всторону)*. Какъ бы онъ не на-

пился!... Вотъ одолжить, если теперь прїѣдутъ и застанутъ брата съ этой обстановкой... ужъ это будетъ вовсе незабавная штука!...

Петръ Сергѣичъ (*продолжая петь*). Знатная индѣйка, примѣрно сказать.

Александръ Сергѣичъ (*всторону*). Прїѣзжай братъ ко мнѣ въ другое время и не при этихъ обстоятельствахъ, какъ бы я ему обрадовался; съ какимъ удовольствіемъ вспомнилъ бы прежнее житье въ Тарасовкѣ... а теперь, при всей дружбѣ, при всемъ расположеніи моемъ къ нему, я не знаю, что съ нимъ дѣлать!

VIII.

ТЪ ЖЕ И ОФИМЬЯ.

Офимья (*подавая Александру Сергѣичу письмо*). Вотъ къ вамъ письмо.

Александръ Сергѣичъ. Что бы это значило? (*распечатавъ, смотритъ подпись*.) А! отъ моей будущей тещи (*читаетъ*.) «Мы съ Соничкой рѣшили исполнить наше давнишнее желаніе быть «у васъ.» — Боже мой!... я этого и ждалъ! — (*продолжаетъ*) «Быть у васъ. Вамъ извѣстно, что мы сегодня ѣдемъ въ маскарадъ, вмѣстѣ съ Лелевыми, а какъ ихъ домъ напротивъ вашей «квартиры, то мы и заѣдемъ къ вамъ пить чай.» — (*сильно встревоженный*.) На что мнѣ теперь рѣшиться, какъ ихъ остановить? или какъ брата скрыть!... Если только его увидитъ Анна Львовна, то ни за что не согласится отдать за меня дочь свою! — Какое ужасное положеніе! (*задумывается*.)

Офимья. Человѣкъ дожидается отвѣта, что прикажете сказать?

Александръ Сергѣичъ (*очнувшись*). Что?... да.... отвѣта.... скажи, что хорошо (*Офимья уходитъ*.) Я право не знаю самъ, что дѣлаю!... право я не помню самъ себя!...

Петръ Сергѣичъ (*продолжавшій съ жадностію петь и выпивши почти цѣлую бутылку, перестаетъ*). Ну, вотъ съ меня и довольно, примѣрно сказать, славно закусилъ.

Александръ Сергѣичъ. Теперь-бы тебѣ отдохнуть на моей кровати!...

Петръ Сергѣичъ (*звывая и потягиваясь*). Что-жъ ты меня, примѣрно сказать, ужъ за такого деревенщину считаешь... Чтобы

я съ такою поры завалился спать. Вѣдь ужъ если я засну, примѣрно сказать, такъ хоть изъ пушекъ пали, ужъ меня не разбудить; а я еще напьюсь чаю, да и ужина дождусь.

Александръ Сергѣичъ (*всторону*). Еще новая бѣда!... отъ него никакъ не отдѣлаешься!

Петръ Сергѣичъ (*зѣвая и потягиваясь*). Я вѣдь не засну! примѣрно сказать... я только такъ... (*Напѣвая въ полголоса «Баюшки баю» и проч., засыпаетъ.*)

Александръ Сергѣичъ. Да ты бы, право, пошелъ въ спальнюю.

Василій. Да они ужъ изволили заснуть.

Александръ Сергѣичъ. Въ самомъ дѣлѣ, да и какъ еще крѣпко! Я думаю онъ не проснется, если мы его осторожно вынесемъ отсюда.

Василій. Гдѣ, сударь, проснутъся.

Александръ Сергѣичъ (*съ робостію*). Этимъ можно воспользоваться. — (*Смотритъ на часы.*) Гости сейчасъ будутъ, такъ надо намъ поспѣшить его вынести. Позови сюда Офимью, да еще кого-нибудь; мастеровые еще, кажется, не ушли... скорѣе же скорѣе. (*Василій уходитъ.*) Лишь бы только онъ подольше не проснулся, а то ужъ лучше этого, ничего придумать нельзя. (*Василій и Офимья входятъ съ мастеровыми, въ это время слышенъ шумъ подтѣхавшей кареты.*) Онѣ пріѣхали!... скорѣе... скорѣе... какъ бы намъ успѣть... (*Василью.*) Ты бѣги встрѣчать гостей на лѣтницу. (*Василій убѣгаетъ.*) А вы поднимайте его, вмѣстѣ съ кресломъ, несите живѣе. (*Офимья и мастеровые поднимаютъ вольтеровское кресло, со сплячимъ въ немъ Петромъ Сергѣичемъ.*)

Александръ Сергѣичъ (*въ страшныхъ суетахъ*). Да, да, въ спальнюю (*несутъ кресла на правую сторону и подносятъ уже близко къ дверямъ.*) Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, постойте, несите лучше въ Васильеву комнату (*несутъ на лѣвую сторону, между тѣмъ Александръ Сергѣичъ кой-что приводитъ въ порядокъ на скорую руку.*) Вотъ такъ-то будетъ вѣрнѣе, а то Анна Львовна, пожалуй, еще войдетъ въ спальнюю, и тогда мнѣ будетъ бѣда! (*Едва только вынесли кресло, какъ Хозаровы входятъ.*)

IX.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ, АННА ЛЬВОВНА и СОФЬЯ.

Александръ Сергѣичъ (*блѣзится къ нимъ на встрѣчу и цѣлуетъ ихъ руки.*) Матап!... Sophie!... какъ я радъ... какъ счастливъ!... могъ-ли я сегодня ожидать такого счастія (*въ сторону, поглядывая въ дверь направо.*) Только-бы братецъ не проснулся.

Анна Львовна. Вы знаете, что мы ужъ давно хотѣли быть у васъ, но все не было времени, все какъ то не удавалось. (*Осматриваетъ въ лорнетъ комнату.*)

Софья (*очень весело*). Но сегодня я упросила маменьку: ужъ какъ хотите, сказала я, а къ Александру надобно заѣхать!... Въдъ я хорошо сдѣлала? не правда-ли!...

Александръ Сергѣичъ. Правда, правда, Sophie... вы сдѣлали прекрасно. (*Всторону.*) Только совѣмъ некстати. (*Аннѣ Львовнѣ.*) Садитесь, матап! (*звонитъ, входитъ Василій.*) Подай чай.

Софья. Мнѣ все еще не вѣрится, что я здѣсь.

Я съ нетерпѣннѣмъ желала,
Давно, давно ужъ быть у васъ,
И наконецъ судьба послала
Пріятный этотъ милый часъ...
Я весела, я очень рада,
Что можно было удѣлать
Часочикъ вамъ до маскарада;
Какъ рада я здѣсь гостьей быть!
Хотя и всякой день мы съ вами
Бываемъ вмѣстѣ, tête-à-tête:
Но все не то — судите сами,
Чего-то все, какъ-будто нѣтъ!
Здѣсь видны ваши всѣ затѣи,
Здѣсь васъ могу сильнѣй любить!
Когда-бъ могла я поскорѣе
Здѣсь вѣчной гостьей вашей быть!

Анна Львовна. У васъ очень хорошенькая квартира.

Софья. Прекрасная, матап, какъ хорошо меблирована... какое множество книгъ!... мы всѣ прочитаемъ вмѣстѣ! Не правда-ли?... Ахъ, я очень люблю читать... почти столько-же, какъ пѣть и танцовать... а кстати къ пѣнью: у васъ есть и пьянино.

(Василій приноситъ чай, со всѣми принадлежностями и по-
даетъ дамамъ, Анна Львовна начинаетъ пить, а Софья беретъ
чашку, ставитъ ее на столъ и забываетъ о ней.)

Александръ Сергѣичъ (безпрестанно посматриваетъ съ без-
покойствомъ на дверь съ лѣвой стороны). Вы не откажетесь
спѣть, Sophie, вы доставите мнѣ это удовольствіе.

Софья. Извольте, я не такая отличная пѣвица, чтобъ застав-
лять себя долго просить. (Садится за фортепьяно и поетъ ро-
мансъ, аккомпинаруя сама себя.)

Александръ Сергѣичъ. Очень, очень благодаренъ вамъ,
Sophie; позвольте мнѣ разпѣловать ваши прелестныя ручки. (Цы-
луетъ руки и говоритъ всторону.) Однако жъ братъ такъ хра-
пить, что можетъ обратить вниманіе.

Софья. Да кстати, скажите пожалуйста, напечатали-ли вашъ
романсъ, который вы мнѣ посвятили.

Александръ Сергѣичъ. Напечатали; я взялъ только два
экземпляра, чтобы доставить вамъ.

Софья. Гдѣ-же они?

Александръ Сергѣичъ. А вотъ сейчасъ пойду... (ищетъ
вездѣ и не можетъ найти.)

Анна Львовна (всторону.) Я замѣчаю въ Александрѣ Сер-
гѣичѣ какое-то безпокойство... что бы это значило?

Александръ Сергѣичъ (продолжая искать). Я не понимаю,
какъ они могли пропасть. Это, что-то странно. (Всторону). На-
вѣрно это братъ куда-нибудь запряталъ."

Софья (также ищетъ около камина). У васъ такъ разбро-
саны и ноты и бумаги (видитъ въ каминѣ обгорѣлый лоскутокъ
бумаги и поднимаетъ его.) Вотъ какія-то ноты.... (Разсматри-
ваетъ.) Да, это они и есть.... (Съ досадою.) Вотъ это очень мило!...
Вы ноты съ именемъ моимъ бросаете въ каминъ.

Александръ Сергѣичъ (всторону.) Опять братъ !... (Громко.)
Я право не понимаю, какъ это случилось !

Софья (съ досадою). Признаюсь, мнѣ не совсѣмъ пріятно, та-
кое невниманіе. Но оставимъ это... Нарисовали вы въ моемъ
альбомѣ?... да вотъ и онъ (подбѣгаетъ къ столу, беретъ аль-
бомъ и видитъ, что онъ намоченъ.) Что это значитъ?... мой аль-
бомъ совсѣмъ испорченъ, подмоченъ.... я имъ такъ дорожу, въ
немъ такіе прекрасныя рисунки! (Съ большимъ негодованіемъ.)
Помилуйте, Александръ Сергѣичъ, да какъ-же это можно.

Анна Львовна. Это въ-самомъ-дѣлѣ, болѣе, чѣмъ неучтиво.
Александръ Сергѣичъ (всторону). И это вѣрно братъ, онъ

видно тутъ бросилъ свою шапку. (*Громко.*) Божусь, что я не знаю, какъ это сдѣлаться могло.

Софья. Какъ не знаете? Вотъ это прекрасно!... Такъ-то вы цѣните мои вещи, и ноты, и альбомъ! (*Всторону.*) Это что-то подозрительно.

Александръ Сергѣичъ (*всторону*). Несносный братъ. (*Громко.*) Это сдѣлалось вѣрно какъ нибудь по неосторожности чело-вѣка.

Софья. Ну, ну, пусть его будетъ неосторожность.... но покажите мой портретъ, писанный масляными красками (*идетъ къ мальбрету.*)

Александръ Сергѣичъ (*проходитъ впереди мальбрета, чтобы повернуть портретъ, видитъ усы и говоритъ всторону.*) Усы.... работа братца. (*Быстро схватываетъ портретъ, прячетъ его за себя и говоритъ громко.*) Нѣтъ, я ни за что его вамъ не покажу....

Софья. Вѣдь это мой портретъ?

Александръ Сергѣичъ. Вашъ.

Софья. Отчего-же вы не хотите показать?

Александръ Сергѣичъ (*въ сильномъ замѣшательствѣ*). Оттого.... оттого.... что онъ проложенъ одинъ только разъ.... не конченъ.... не отдѣланъ.

Софья. А если я хочу?

Александръ Сергѣичъ. Что-жъ дѣлать?... все не покажу.

Софья (*настойчиво*). Я хочу непременно видѣть!... (*всячески старается увидѣть портретъ, Александръ Сергѣичъ со всевозможнымъ стараніемъ прячетъ его отъ нея, бѣгаетъ по комнатѣ, а она за нимъ.*) Ну, покажите же, вѣдь это скучно.

Александръ Сергѣичъ. Божусь вамъ, не могу!

Софья (*стараясь казаться разсерженной и топнувъ ножкой*). Если вы не покажете — я разсержусь!...

Александръ Сергѣичъ. Какъ мнѣ ни тяжело васъ разсердить.... но право не могу....

Анна Львовна. Что за тапштенность такая?... Это что-то не понятно?... Соничкинъ-ли это портретъ!.. (*Громко.*) Александръ Сергѣичъ, вы можете не показывать портрета ей, если не конченъ; а мнѣ отчего-жъ не показать?

Александръ Сергѣичъ. Ахъ, тамап, клянусь, что это невозможно.... (*Всторону.*) Несносный братъ!

Софья. А вотъ я таки увижу.... (*Бѣжитъ къ нему.*)

Александръ Сергѣичъ. А вотъ не увидите... (*Бѣжитъ къ среднимъ дверямъ.*)

Софья. Вѣдь это досадно?... ни на что не похоже!...

Анна Львовна (*съ негодованіемъ*). Однако же это довольно странно, Александръ Сергѣичъ, я не знаю, что подумать.

Александръ Сергѣичъ (*оборотясь къ Аннѣ Львовнѣ*). Повѣрьте, татап, что вы требуете невозможнаго.

Софья (*во время этихъ словъ, на цыпочкахъ подбѣгаетъ къ Александру Сергѣичу, въ одно меновеніе повертываетъ къ себѣ портретъ и увидѣвъ его, съ удивленіемъ и гнѣвомъ отбѣгаетъ прочь.*) Боже мой! какая обида!... могла-ли я ожидать такой насмѣшки!...

Александръ Сергѣичъ. Ну, теперь я пропалъ!... (*Софья*). Выслушайте меня, сдѣлайте одолженіе!...

Софья. И слушать не хочу!... не смѣйте ко мнѣ подходить!...

Анна Львовна. Но что такое сдѣлалось, я право ничего не понимаю!...

Софья (*матери*). Я не дивлюсь теперь, что онъ не хотѣлъ намъ показать портрета.... представьте, татап, онъ написалъ его съ усами!...

Александръ Сергѣичъ (*въ отчаяніи*). Что мнѣ теперь дѣлать!

Анна Львовна. Возможно-ли?!... Да это непростительная дерзость!...

Александръ Сергѣичъ (*умоляющимъ тономъ*). Но позволите мнѣ вамъ объяснить!...

Анна Львовна. Что тутъ за объясненія!... кажется все ясно.

Александръ Сергѣичъ. Божусь, что я совсѣмъ не виноватъ.

Софья. Вы не виноваты!... И вы еще смѣете смотрѣть мнѣ въ глаза!...

Александръ Сергѣичъ. Если вы меня выслушаете, то вѣрно не будете сердиться и простите меня!

Анна Львовна (*гордо*). Г. Грушевскій, теперь между нами все кончено!... ъдемъ, дочь моя!

Софья (*плачетъ*). ъдемъ, татап. Боже мой, какъ я несчастна! Теперь то я вижу, что вы меня только обманывали!...

Александръ Сергѣичъ (*съ сильнымъ чувствомъ*). Я обманывалъ васъ!... когда я васъ такъ люблю!... что готовъ!...

Софья (*тоже*). Вы любите меня?... Нѣтъ, теперь, я вижу, что вы меня никогда не любили, не умѣли оцѣнить моей!...

Анна Львовна (*перебивая*). Sophie!

Софья (*продолжая*). Вы не оцѣнили моей привязанности!... моего къ вамъ расположенія!... (*съ сильнымъ огорченіемъ*). Это ужасно!... это нестерпимо!...

Александръ Сергѣичъ. Божусь, что это все произошло случайно!...

Софья. Случайно!... прекрасное оправданіе!... а я то вѣрила!... а я то надѣялась!... Боже мой, какъ я несчастна!...

Анна Львовна. Пойдемъ, Sophie, намъ здѣсь больше нечего дѣлать.

Софья. Пойдемте, маман!

Когда вы со мною лишь только шутили,
 Когда лишь играли вы клятвой своей,
 То этимъ поступкомъ меня разрѣшили,
 Теперь я свободна отъ клятвы моей!...
 И сердце другому — отдамъ я съ рукою,
 Хотя онъ и старый почти человѣкъ!
 Но чувства въ немъ живы съ прекрасной душою,
 Какъ вы — не измѣнить ихъ вѣрно навѣкъ.

Анна Львовна. Довольно!... ты должна съ нимъ разстаться на всегда.

Софья. Да, я навсегда, должна разстаться съ вами! (*Объ идутъ къ дверямъ, но Петръ Сергѣичъ, останосившійся въ дверяхъ, удерживаетъ ихъ.*)

—
 X.

ТѢЖЕ и ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ.

Петръ Сергѣичъ. Разстаться?... примѣрно сказать... какъ бы не такъ.

Анна Львовна. Что это за человѣкъ? (*объ отступаютъ отъ дверей.*)

Александръ Сергѣичъ (*всторону*). Ну, этого еще не доставало!

Петръ Сергѣичъ. Что жъ это, примѣрно сказать, моего Сашу обижать!...!

Александръ Сергѣичъ (*совершенно растерянный*). Боже мой, теперь ужъ ничемъ не поправишь!

Анна Львовна (дочери). Что-жъ мы остановились, пойдѣмъ Sophie. (Подошедъ къ дверямъ, говоритъ гордо Петру Сергѣичу.) Пустите.

Петръ Сергѣичъ (въ дворянъ протянувъ обѣ руки). Не пропущу!

Анна Львовна (съ гнѣвомъ). Но кто-же вы? и какъ вы смѣете?

Петръ Сергѣичъ. Я смѣю потому, примѣрно сказать, что я...

Александръ Сергѣичъ (перебивъ, тихо брату). Ради Бога, не сказывай!...

Анна Львовна. Почему, сударь, вы такъ неучтивы.

Петръ Сергѣичъ (смотря насмѣшливо на брата). Потому что... потому что я принимаю въ немъ большое участіе, примѣрно сказать... (Анна Львовна). Впрочемъ я, кажется, никакой неучтивости не едѣлаю... я только не далъ вамъ пройти, пока вы съ нимъ не помиритесь.

Анна Львовна. Помилуйте, да какъ-же это можно?

Петръ Сергѣичъ. Нетолько можно, должно, примѣрно сказать.

Александръ Сергѣичъ. Ну, ужъ я рѣшительно не знаю, что начать! (бросается въ отчаяніи въ кресло и закрываетъ руками лицо).

Петръ Сергѣичъ. Видите, какъ онъ бѣдняжка страдаетъ, примѣрно сказать, а все оттого, что вы отложили на такое долгое время его свадьбу.

Анна Львовна. Да кто откладывалъ ее, это что еще?...

Софья. Съ чего это вы взяли?

Петръ Сергѣичъ (указывая на брата). Да онъ же мнѣ сказалъ.

Александръ Сергѣичъ. Часъ отъ часу не легче.

Софья. Конечно, теперь этой свадьбѣ не бывать; но ее никто не откладывалъ.

Петръ Сергѣичъ. А почему-жъ ей не бывать?

Софья. Потому что онъ кругомъ виноватъ передъ нами.

Петръ Сергѣичъ (съ комической любезностію). Да въ чемъ-же, примѣрно сказать? Вы, кажется, барышня милая и добрая, вы только притворяетесь сердитой.

Софья. Нѣтъ, право я не притворяюсь, я въ самомъ дѣлѣ разсердилась.

Анна Львовна. Нельзя и не разсердиться.

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Да что-жъ онъ такое сдѣлалъ? примѣрно сказать?

СОФЯ. Такъ какъ вы принимаете участіе въ г. Грушевскомъ, то посудите сами, можно-ли мнѣ оставаться равнодушно послѣ того, что онъ сдѣлалъ противъ меня.

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Что-же, что же? примѣрно сказать.... скажите сдѣлайте милость.

СОФЯ. Я отдала ему свой альбомъ, который я очень цѣню, чтобы онъ въ немъ нарисовалъ; — а онъ его подмочилъ, испортилъ совѣмъ. Ноты, посвященныя мнѣ и съ именемъ моимъ онъ бросилъ въ каминъ; но это все еще ничего.... а главная его обида и насмѣшка та, что онъ портретъ мой написалъ съ усами... Неправда-ли, что это ужасно!

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. А! вотъ она, штука то.... примѣрно сказать.... Да вѣдь Сашиной-то вины въ этомъ ни на волосъ нѣтъ.

АННА ЛЬВОВНА. { Какъ нѣтъ!

СОФЯ. {

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Да также, примѣрно сказать, знаете-ли, кто все это сдѣлалъ?

АННА ЛЬВОВНА. { Кто?

СОФЯ. {

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Вѣдь это сдѣлалъ я....

СОФЯ. Вы?

АННА ЛЬВОВНА. Какъ-же вы осмѣлились?

ПЕТРЪ СЕРГВичъ. Безъ умысла, примѣрно сказать.... право такъ: на этотъ, какъ его.... обломъ.... что-ли я по неосторожности бросилъ мою шапку; уголья въ каминѣ не разгорались, я прикинулъ туда разныхъ бумагъ, и ноты попались тутъ-же, а усами на портретъ мнѣ хотѣлось Сашу насмѣшить....

СОФЯ (съ радостью, которой не можетъ скрыть). Такъ стало Александръ ни въ чемъ не виноватъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВичъ (вскочивъ). Теперь вы видите, что я совершенно правъ.

АННА ЛЬВОВНА (Петру Сергвичу). Отчего-же вы могли позволить себѣ такъ распорядиться въ чужой квартирѣ?

ПЕТРЪ СЕРГВичъ (рѣшительно). Оттого, что я его братъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВичъ. Ну, кончилъ наконецъ.

ОБЪ. Какъ братъ?

СОФЯ. Но г. Грушевскій намъ никогда не говорилъ, что у него есть братъ.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Спросите его самого, отчего онъ вамъ не сказывалъ объ этомъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ... извольте видѣть... я... право...

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ извольте видѣть, онъ видно стыдился, примѣрно сказать, назвать братомъ такого деревенщину, какъ я.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Помилуй братъ, какъ тебѣ не стыдно.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да ужъ видно, что такъ.

АННА ЛЬВОВНА (съ удивленьемъ). Отчего-же, между вами такая разница?

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Оттого, что онъ воспитывался въ столицѣ... а я въ деревнѣ... оттого, что ему послѣ матушки досталось 250 душъ, да еще послѣ дяди въ виду 1000, а мнѣ послѣ батюшки досталось 15, да Саша уступилъ своихъ и того 30... Вотъ это отчего, примѣрно сказать... а не смотря на эту разницу, онъ любилъ меня, какъ истинный родной, я сотню случаевъ имѣлъ, чтобъ убѣдиться... Но дѣло не о томъ, помиритесь же съ нимъ, забудьте, что случилось!

АННА ЛЬВОВНА. Но послѣ всего этого...

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Эхъ, питерская молодежь! примѣрно сказать, не знаетъ, какъ и приступить... по нашему вотъ какъ... (подходитъ къ дамамъ съ комическою ловкостію и бросается на колѣна). Милостивыя государыни! простите, примѣрно сказать, безъ вины — виноватъ!

СОФЬЯ. Ахъ, встаньте, сдѣлайте одолженіе!

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ни за что не встану... пока вы съ Сашей не помиритесь... примѣрно сказать... Вѣдь я все накутилъ, я же долженъ и поправить дѣло.

СОФЬЯ. Ахъ, тамап, вѣдь въ самомъ дѣлѣ Александръ виноватъ.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Или вы боятесь, чтобъ я не испортилъ вашей модной сватьбы... такъ я и не поѣду на нее... Я и на другой день отпирую у васъ.

АННА ЛЬВОВНА. Ахъ пѣтъ, съ чего вы взяли?

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Такъ зачѣмъ-же дѣло стало? примѣрно сказать, помиритесь скорѣй... ну, миръ... неправда-ли?...

АННА ЛЬВОВНА. Ну миръ, такъ миръ, что съ вами дѣлать...

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (вскакиваетъ). Bravo! наша взяла! (тащитъ брата къ дамамъ). Ну, цѣлуй-же ручки, примѣрно сказать.

Александръ Сергѣичъ. Ахъ, какъ я благодаренъ, татап, Sophie!...

Софья. Только вы должны быть непременно на нашей свадьбѣ... сдѣлайте-же это для меня!... (Александру Сергѣичу) Мнѣ очень понравился вашъ братецъ, онъ, кажется, такой добрый, открытый!...

Петръ Сергѣичъ. Нѣтъ ужъ, примѣрно сказать, я отпраздную и послѣ. — Мое дѣло было только выпросить прощеніе у васъ, да ужъ кстати и сюда замолвить словцо (обращается къ публикѣ).

Человѣкъ я хоть простой,
Но я все-таки приличный,
Не явлюсь я въ кругъ большой
Передъ публикой столчной,
Впрочемъ если иногда
Я въ театрѣ покажуся,
Не бравитесь, господа,
Только смѣйтесь, а тогда
Я и самъ развеселюся.

=

9818

10433

Ленинградская Центральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

10239

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждого мѣсяца. Въ „Репертуаръ Русской сцены“ печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цѣна за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 *л. л.* „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами :

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ :

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ : въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что даже и тѣмъ лицамъ, которыя подписались-бы на „Пантеонъ“ не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ *вполнѣ*, начиная съ *перваго нумера* и со *всѣми приложеніями*.

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“ за 1848 и 1850 годы, оба года вмѣстѣ, или каждый отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ можетъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“ въ С. Петербургѣ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по сношенію съ Главной Конторой *журнала*, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.